

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

RUDOLF STEINER

Anthroposophie als Kosmosophie

Erster Teil

Wesenszüge des Menschen im irdischen
und kosmischen Bereich

Elf Vorträge, gehalten in Dornach
vom 23. September bis 16. October 1921

1990

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

Anthroposophie als Kosmosophie

Zweiter Teil

Die Gestaltung des Menschen
als Ergebnis kosmischer Wirkungen

Elf Vorträge, gehalten in Dornach
vom 21. October bis 13. November 1921

1992

RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

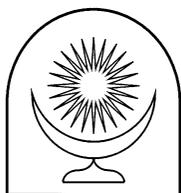
Антропософия как космософия

Характерные черты человека в земной
и космической сферах

Формирование человека
как результат космических воздействий

Двадцать две лекции единого курса
Дорнах
23 сентября – 13 ноября 1921 года

Перевод с немецкого
Л. Б. Памфиловой

ТИТУРЕЛД
МОСКВА

ДЕМЕТРА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

УДК 141. 133
ББК 86. 42
Ш 87

Перевод с немецкого Л. Б. Памфиловой

Rudolf Steiner
ANTHROPOSOPHIE ALS KOSMOSOPHIE

Штайнер Р.

Антропософия как космофизия. – М.: Титурель, СПб.: Деметра, 2010. – 384 с.
ISBN 978-5-902490-06-7 (Титурель). – ISBN 978-5-94459-025-1 (Деметра)

Впервые на русском языке: курс лекций основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера), вошедший в два тома Полного собрания трудов (207-й и 208-й) под общим названием «Антропософия как космофизия». Даётся подробное описание результатов исследований взаимосвязей человека и космоса, в том числе жизнь до рождения и после смерти, различия влияний прошлого и будущего на настоящее, разнообразные взаимодействия царств природы и членов человеческого существа. Эта книга может дать чрезвычайно много фактического материала для исследователей в самых разных областях науки. Изложенное здесь может глубоко вдохновить представителей искусств. Но даже самый рядовой непредвзятый читатель найдёт в этом курсе лекций удивительные сокровища мировой мысли. Дух как-будто струится в строках и между строк.

УДК 141. 133
ББК 86. 42

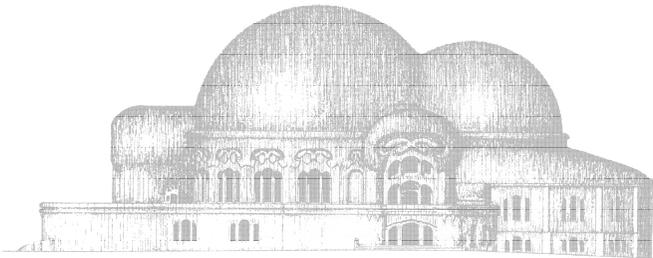
ISBN 978-5-902490-06-7 (Титурель)
ISBN 978-5-94459-025-1 (Деметра)

© Памфилова Л. Б., перевод
© Елин Г. Я., оформление

Перевод с немецкого выполнен с оригинальных изданий:
Bibliographie-Nr.207. Anthroposophie als Kosmosophie. Erster Teil.
ISBN 3-7274-2070-7 Rudolf Steiner verlag. Dornach / Schweiz.
Bibliographie-Nr. 208. Anthroposophie als Kosmosophie. Zweiter Teil.
ISBN 3-7274-2080-7 Rudolf Steiner verlag. Dornach / Schweiz.

Антропософия
как
космософия

Дорнах

Пятница, 23 сентября 1921 года.

В воскресенье в лекции, которую мне предстоит прочитать, я дам вам обзор того, что случилось на последней неделе на Штутгартском конгрессе, а также в антропософском движении в Германии. Сегодня мы обсудим кое-что, непосредственно примыкающее к тому, что мы уже рассматривали здесь, для того чтобы восстановить связь между последующими днями и тем, что до моего путешествия в Германию мы уже обсуждали.

Если бы древний восточный мудрец (а чтобы пронаблюдать то, что я хочу здесь сказать, мы действительно должны вернуться в очень раннюю эпоху восточной культуры), если бы такой восточный мудрец, посвященный в мистерии древнего Востока, обратил бы свой взор на современную западноевропейскую, вообще на западную цивилизацию, то он, оценивая эту цивилизацию, возможно, сказал бы её представителю следующее: „Вы живете, собственно, всецело в страхе. Во всём вашем душевном настроении царит страх. Всё, что вы делаете что ощущаете, в важнейшие моменты жизни и в их последствиях — всё пропитано страхом. И страх этот чрезвычайно родственен ненависти. Таким образом, ненависть играет большую роль во всей вашей цивилизации”.

Поймите меня правильно, мои дорогие друзья. Я думаю, так говорил бы мудрец древней восточной культуры, если бы он с тем же уровнем образования и душевным настроением предстал сегодня перед западными людьми. Если бы он пришёл сегодня беседовать об этих вещах, то он обратил бы наше внимание на то, что в его время и на его территории цивилизация была создана совсем из других подоснов. Он бы, вероятно, сказал: „В моё время в жизни цивилизации страх, собственно, не играл никакой роли. В моё время, когда речь шла о том, чтобы внести в мир мировоззрение и из него творить поступки и строить социальную

жизнь, — главную роль играла радость. Она могла возрасти до полной отдачи себя миру — возрасти до любви”.

Он бы воспринял это так. И благодаря этому он со своей позиции указал бы, если бы был правильно понят, на наиважнейшие детали, на наиважнейшие импульсы в жизни современной нам цивилизации. И если бы мы постарались услышать его правильным образом, нам многое было бы дано из того, что как воздух необходимо нам, чтобы найти точку, из которой должны исходить в понимании жизни современности.

Однако в основе этого лежит факт: на той стороне, в Азии, даже если учесть сильное европейское влияние в религиозной, эстетической, научной и социальной жизни, господствует отголосок древней цивилизации. Да, эта древняя цивилизация — в состоянии упадка, заката, и когда восточный мудрец древности говорит: „Любовь была основной силой древней восточной цивилизации”, — то относительно этого должно сказать: „В настоящее время непосредственно из этого мало что можно заметить. Но способный видеть, несомненно заметит даже в нисходящих тенденциях азиатской культуры этот отголосок изначальной стихии наслаждения, радости, любви, творящей в мире и для мира”.

В древние эпохи на Востоке присутствовало мало из того, что требовалось от людей потом, с тех пор как им прозвучало слово, которое решительным образом проявилось через греческое изречение «Познай самого себя!». Это «Познай самого себя!» по-настоящему вступило в человеческую историческую жизнь во времена древнегреческого культурного развития. Широкое, полное света древнее восточное мировоззрение ещё не было пронизано человеческим познанием такого рода. Оно вообще, собственно, не было ориентировано на то, чтобы повернуть взгляд во внутреннее человека. Человек даже в этом отношении зависит от условий, господствующих в его окружении. Просто древняя восточная культура была основана под другим воздействием солнечного света на Землю, под другим влиянием самих земных условий, чем более поздняя западная культура. На древнем Востоке внутренний взгляд человека, можно сказать, был пленён окружающим его миром, и он имел особое настроение причислять к миру себя со всем своим внутренним. То, что расцвело в этой древней восточной мудрости и в восприятии мира через эту древнюю восточную мудрость, было познанием мира. И даже в том, что жило в самих мистериях на древнем Востоке — вы мо-

жете это заключить из всего того, что много лет говорило к ним в этом направлении, — не содержалось истинного следования требованию «Познай самого себя!». „Направьте взгляд в мир, попытайтесь приблизиться к сути сокровенного в глубинах мировых явлений!” — это как требование древней восточной культуры могло быть установлено гораздо раньше. Однако когда азиатские цивилизации расширились на Запад, учителя и ученики древних мистерий были вынуждены направить свой взор во внутреннее человека. С течением времени были основаны школы мистерий Египта по всей Северной Африке, но именно когда мистерии расцветали в мистериальных школах Запада — особым местом была старая Ирландия — у учителей и учеников мистерий, приходивших из Азии, просто благодаря географическим соотношениям Запада и вместе с тем благодаря совсем другому элементарному облику западного мира, появилась необходимость в самопознании человека, в истинном внутреннем созерцании. И благодаря тому, что ученики мистерий уже овладели в Азии более внешним познанием мира, познанием духовных фактов и существ, лежащих в основе внешнего мира, просто благодаря этому они могли отныне глубоко проникнуть во внутреннее человека.

По ту сторону, в Азии, наблюдать такое было бы просто нельзя. Взгляд, направленный внутрь, был до некоторой степени парализован. Но с тем, что принесено в западные мистериальные школы благодаря этому взгляду, направленному во внешнее и проникшему в духовный мир, уже можно было созерцать человеческое внутреннее. И только самые сильные души вначале действительно могли выдержать то, что можно было увидеть в человеческом внутреннем. Человеческое внутреннее существо пришло по-настоящему к самопознанию прежде всего в этих исходящих из Востока и основанных в западных областях мистериальных школах. Действительно отмечают, что это самопознание человека напечатлевалось этим восточным мистериальным учителям и ученикам, когда повторяли заповедь, всё вновь и вновь направлявшуюся к ученику от учителя, уже имевшего этот взгляд во внутреннее человека. И с помощью этой заповеди ему должны были разъяснять, какого рода строем души должно по-настоящему восприниматься такое человеческое самопознание.

Заповедь, подразумеваемая мной, много раз цитировалась. Но в сво-

ём полном значении, главным образом в отношении внутренних человеческих переживаний, она высказывалась в более старых школах мистерий Египта, Северной Африки, Ирландии — ученикам для подготовки, посвященным для наблюдения. Заповедь, которая здесь произносилась, звучит так: „Кто не посвящён в святые мистерии, не должен знать тайны человеческого внутреннего. Ибо недопустимо перед непосвящёнными высказывать эти тайны; преступны уста, высказавшие эту тайну, и преступно ухо, которое эту тайну слышит!”.

Неоднократно эта заповедь произносилась из внутреннего переживания, из того, что как раз через восточную мудрость мог воспринять подготовленный человек, когда он благодаря земным условиям Запада продвигался к познанию человека. Эта заповедь ещё удерживается традицией. И сегодня её — разумеется, по своей внутренней сути непонятную — повторяют вновь и вновь в тайных орденах и обществах Запада, ещё имеющих в настоящее время большое влияние вовне. Но повторяют это именно из традиции. Это не высказывается с необходимым весом, так как не знают, что, собственно, наряду с этим необходимо сказать. Но даже сегодня в тайных орденах Запада, о которых я говорил здесь неоднократно, также используют эту заповедь как девиз: „Сие — тайна о человеческом внутреннем, которая может быть открыта человеку лишь внутри тайного общества, поэтому преступны уста, которые её высказывают, и преступны уши, которые её слышат”.

Сказать можно даже так. — Хотя времена и прошли, но некоторые люди — не в среднеевропейских, а в западных странах — в своих тайных обществах учат тому разнообразному, что как традиция содержалось в изысканиях древней мудрости. Это воспринимается без понимания, но, тем не менее, часто в поступки проникает как импульс. Закономерным было то, что в более поздних столетиях, примерно с середины XV-го, конституция человека изменилась настолько, что он больше не может лицезреть эти вещи в их изначальном виде. Они могут восприниматься лишь интеллектуально. Об этом можно получить понятия, но нельзя продвинуться к истинным переживаниям. Отдельные люди имели только смутные представления, предчувствия. Через эти предчувствия иные из них проникали в те области переживаний, о которых здесь идёт речь. И такие люди воспринимают внешние формы жизни порою страннова-

то, как например, лорд *Бульвер*, автор «Занони»*. Так, чтобы понять его в более поздние годы жизни, нужно знать, каким образом он в свое время воспринял традиции человеческого самопознания. Каким образом он, будучи несомненно талантливым благодаря своей особенной индивидуальной конституции, даже проник в некоторые мистерии. По этой причине он устранился даже от естественной повседневной жизни. Как раз на его примере можно видеть, как человек ведёт себя в жизни, если он воспринял в своё внутреннее именно этот иной, духовный мир не в одних только понятиях, а всем строем души, — именно во внутреннем переживании. Многого тогда необходимо расценивать иначе, чем это можно видеть в масштабах обычного филистера. Разумеется, это нечто чудовищное, — когда Бульвер обходил всех и с непререваемым воодушевлением высказывал свои внутренние переживания. При этом с ним всегда была юная женственная особа, игравшая на арфоподобном инструменте. Игра эта всегда использовалась между отдельными пассажами его речи. То там, то здесь он появлялся в таком обществе, где происходило это обычно формально, совершенно филистерски. Никогда он не появлялся один. Он являлся в своей несколько странной одежде, садился и затем перед собой усаживал свою девочку-арфистку. И когда он говорил, то говорил несколько предложений, затем она играла, потом он продолжал разговор, и затем она опять играла. Так вставлял он что-либо не без кокетства — так это могло прозвучать — в обычный мир человеческого филистерства, того филистерства, в которое человечество вращалось всё больше, особенно с середины XV столетия.

Человечество, в зависимости от степени филистерства, в которое оно вросло, знает об этом немного, и, поскольку это соответствует его природе, — знает всё меньше. Стоит лишь рассматривать это благоразумно, как сразу же становишься «благонравным». Но все вещи в жизни взаимосвязаны. Современная сухость и вялость, современная манера, с которой люди держат себя друг с другом, являются следствием интеллектуализированного развития последних столетий. Обе вещи взаимосвязаны. Такой человек, как Бульвер, разумеется, не уместается сам в себе. Несомненно, можно представить себе, как возможное, что старые люди расхаживают по миру в сопровождении более юных с приятной музыкой. Нужно только увидеть в истинном свете дистанцию между

* В русском издании: Э. Бульвер-Литтон "Призрак". М. 1994 (прим. переводчика)

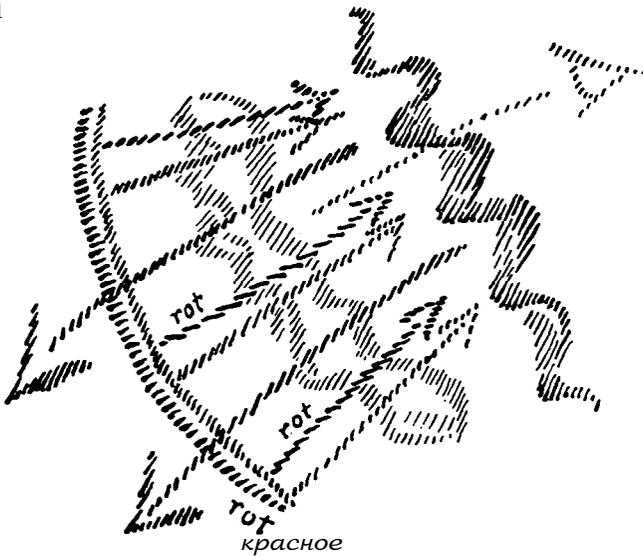
разным строем их душ, тогда кое-что ещё может быть освещено правильно. Но у Бульвера это было так, потому что в нём вспыхивало нечто, что не могло так непосредственно проявить себя в современное интеллектуализированное время, но — только как традиция.

Однако надо вернуться к изучению человекопознания, которое было в упомянутых мной школах мистерий. Обыкновенный наш современник видит вокруг себя мир через внешние физические впечатления органов чувств. Своим рассудком он комбинирует то, что видит. И тогда же он заглядывает в своё внутреннее. В сущности говоря, это мир, который человек обзревает и из которого он также действует наружу. Впечатления органов чувств, воспринимаемые им извне, то, что он вырабатывает в виде представлений из этих впечатлений чувств, то, что он преобразует во внутреннем из этих представлений благодаря импульсам чувств и воли, и то, что затем снова отражается в сознание, как воспоминания жизни, — это есть содержание состояния души, содержание жизни, исходя из которого он и творит и действует. О действительно высочайшем наш современник спрашивает, по сути дела, исходя не более чем из фальшивой мистики: „Что реально находится здесь во внутреннем? Что вытекает из самопознания?“. Между тем, задавая такой вопрос, он хочет получить ответ, исходя из своего обычного сознания. Но из этого обычного сознания не придешь ни к чему другому, кроме того, что, собственно, получено из внешних впечатлений органов чувств и переработано через чувства и волю. Всматриваясь во внутреннее с помощью обычного сознания, находят отражения, зеркальные отражения внешней жизни. И хотя внешние впечатления преобразуются через чувства и волю, человек не знает, как, собственно, действуют чувства и воля. И как часто это преобразованное он видит в своём внутреннем не как зеркальное отражение внешнего мира, а как особенное провозвестие божественного мира, вечного мира и тому подобное. Но это не так. То, что обычному сознанию нашего современника представляется как самопознание, — является лишь восприятием, лишь изменённым внешним миром, который отражается от собственного внутреннего мира человека внутрь его же сознания. Если бы человек действительно захотел заглянуть в своё внутреннее, он должен был бы тогда — я часто привожу этот образ — разбить то, что является внутренним зеркалом.

Наше внутреннее представляется как некое зеркало. Мы созерцаем

внешний мир. Здесь присутствуют внешние впечатления органов чувств. С этим мы связываем представления. Затем эти представления отражаются от внутреннего. В то время, когда мы всматриваемся во внутреннее, мы приходим лишь к этому отражению во внутреннем (см. рисунок, стр. 13, *красное*). Мы видим то, что отражено в зеркале памяти (красные стрелы). Этим обычным сознанием так же невозможно созерцать внутреннее человека, как невозможно видеть позади зеркала, не разбив его.

Доска 1

Но именно этого добивались учителя и ученики в перенесённых на Запад школах-мистериях — возможности созерцать во внутреннем человека строго позади воспоминаний, используя подготовку с помощью способов древней восточной мудрости. И, исходя из увиденного, они произносили слова, которые должны были, собственно, разъяснить, как хорошо нужно быть подготовленным, особенно в те древние времена, для того, чтобы направить взор в это внутреннее человека.

Что же всё-таки видят во внутреннем человека? Видят, как здесь нечто — разумеется, от сил восприятия и мышления, которые разыгрываются перед зеркалом воспоминаний, — проникает внутрь за зеркало

воспоминаний. Мысли проникают за это зеркало воспоминаний, по другую сторону его, и действуют в человеческом эфирном теле, в той части эфирного тела, которая лежит в основе роста и также в основе возникновения сил воли. В то время как мы разглядываем залитое солнцем пространство, в то время как мы рассматриваем всё приходящее к нам через впечатления чувств, нечто лучится в наше внутреннее, что, с одной стороны, конечно, превращается в представления воспоминаний, но, с другой стороны, оно просачивается через зеркало воспоминаний. Нечто пронизывает нас таким образом, как скажем, процессы питания, роста и т.д. Силы мышления пронизывают прежде всего эфирное тело, которое действует затем совсем особенным образом на физическое тело. Здесь, в физическом теле, происходит полное преобразование бытия, существующего в физическом теле человека. Во внешнем мире материя нигде полностью не уничтожается. Отсюда новейшая философия и естественнонаучное знание говорят о сохранении материи во внешнем мире. Но этот закон сохранения материи относится лишь к внешнему миру. Во внутреннем человека материя полностью снова преобразуется в ничто. В вашем существе материя уничтожается полностью. Наша человеческая природа основана как раз на том, что мы в состоянии отбросить материю глубже, за зеркало воспоминаний, в хаос, полностью разрушить материю.

Это было то, на что указывалось ученикам мистерий, приведённым главным образом с Востока в школы мистерий в Ирландию и на Запад: „В своём внутреннем, здесь, за способностью воспоминания, как человек ты несешь в себе нечто, что обладает разрушительной силой. И если бы не имел ты это в себе, то не смог бы ты развивать своё мышление. Ибо ты должен развивать своё мышление благодаря тому, что силы мышления пронизывают эфирное тело. А эфирное тело, пронизанное силами мышления, действует на тело физическое так, что оно сбрасывает материю в хаос, разрушает её”.

Когда человек с таким настроением, продвинувшись вплоть до воспоминаний, проникает в это человеческое внутреннее, тогда он вступает в область, где человеческое существо хочет разрушать, хочет уничтожать то, что имеется здесь. Именно для цели развития мыслящего человеческого «Я» все мы несём за нашим зеркалом воспоминаний жажду разрушения, жажду уничтожения материи. Не существует человеческо-

го самопознания, которое не указывает со всей достоверностью на этот внутренний человеческий факт.

Поэтому тот, кто будет указывать на имеющийся в глубинах человека очаг разрушения, должен быть заинтересован в развитии духа. Он должен суметь со всей силой сказать: „Дух должен выстоять, а материя должна быть погашена во имя желающего крепости духа”. Впервые после того, как в человечестве много лет говорит интерес, связанный с духовно-научными исследованиями, можно снова обратить внимание на то, что, собственно, находится в глубинах человека. И обратить на это внимание следует уже сегодня, ибо без этого человек всегда считал бы себя не таким, каким он является внутри именно западной цивилизации. Человек внутри западной цивилизации является оболочкой очага разрушения, и, собственно, силы упадка можно перевести в восходящие силы только тогда, когда человеку станет известно, что он оболочка очага разрушения.

Что произошло бы, если человек не был бы приведён к осознанию этого духовной наукой? Уже в развитии современности мы видим, что могло бы произойти. То, что до некоторой степени изолировано, обособлено в человеке и должно действовать только внутри человека, должно быть тем единственным местом, где материя отражается в свой хаос, — это прорывается наружу, это проникает во внешние человеческие инстинкты. Это будет происходить с западными и вообще с земными цивилизациями. Это проявляется во всём том, что вступает в виде жаждущих разрушения сил, как например сегодня в Восточной Европе и так далее. Это является жаждой разрушения, отброшенной из внутреннего во внешнее. И в будущем, когда снова подойдут к действительному человекопознанию и снова обратят внимание на этот человеческий очаг разрушения во внутреннем, человек сможет разобраться относительно того, что, собственно, переходит в его инстинкты через нечто, что должно существовать в нём, — тогда должны будут направить этот очаг разрушения уже на развитие человеческого мышления. Тогда силы мышления, которыми должен обладать человек, чтобы иметь своё соответствующее современности мировоззрение, и которые должны находиться перед зеркалом воспоминаний, — способствуют продвижению мышления вплоть до эфирного тела, а эфирное тело, пронизанное мышлением, действует как раз таким разрушающим образом на физическое

тело. В современных людях Запада этот очаг разрушения уже есть. Познание только обращает на это внимание. Когда очаг уже есть, а осознать это человек не может, — это гораздо хуже, чем когда человек совершенно сознательно воспринял сведения о данном очаге разрушения и, исходя из такой точки зрения, приступил к современному цивилизованному развитию.

В упомянутых мною школах мистерий, учеников, слышавших эти тайны, сначала охватывал страх. С этим чувством страха они знакомились основательно, чтобы заглянуть в человеческое внутреннее (не в бесчестном смысле туманной мистики, а заглянуть честно), в то, что должно вызывать страх, что возбуждает страх. И этот страх изгонялся в древних школах мистерий Запада лишь благодаря тому, что ученикам указывалось на всю важность этих фактов. Тогда собственным сознанием они преодолевали то, что должно было возникнуть как страх.

Чем более интеллектуалистичным становилось время, тем страх этот становился неосознаннее и продолжал действовать в виде такого неосознанного страха. Со всей возможной маскировкой действовал он во внешней жизни. Однако стало просто необходимым в настоящее время созерцать в глубинах человека. «Познай самого себя!» — стало настоящим требованием. Ученики мистерий специально вызывали этот страх, затем могли преодолевать его и правильным образом направлять на самопознание. Интеллектуализированная эпоха затуманивала взгляд на то, что существует в человеческом внутреннем, но она не могла преодолевать страх. И это привело к тому, что человек сам до такой степени поддался этому неосознанному страху, что сказал и продолжает говорить: „В человеке нет ничего, что лежит за пределами рождения и смерти“. Он пугается заглянуть глубже этой жизни воспоминаний, этой обычной жизни мыслей, которая имеет свою закономерность между рождением и смертью. Он боится заглянуть в подлинную вечность человеческой души. И на этом страхе он основывает учение: вообще нет ничего, кроме сей жизни между рождением и смертью. Современный материализм возник из страха, не имея об этом ни малейшего представления. Это современное мировоззрение само есть продукт страха и ужаса.

Так живёт этот страх во внешних поступках людей, в социальном устройении, в историческом становлении с середины XV столетия, так

живёт он особенно в XIX столетии в материалистическом мировоззрении. Почему люди стали материалистами? Что означает их желание соглашаться лишь с внешними фактами материального бытия? Это происходит оттого, что они боятся проникнуть в подосновы человека.

Желая выразить это из своего познания, древний восточный мудрец сказал бы: „Ваш современный европеец живет целиком в страхе. Свои социальные устройства вы основываете на страхе, ваше искусство исходит из страха. Ваше материалистическое мировоззрение родилось из страха. Вы и последователи тех, кто когда-то в моё время основали древневосточное мировоззрение (пусть они и пришли к упадку), вы и эти люди Азии — вы никогда не поймёте себя, ибо у азиатов в конце концов всё исходило из любви; у вас же всё возникает из страха, который сродни ненависти”.

Конечно, подобное звучит довольно радикально. Но я пытаюсь как раз оправдать это тем, что вкладываю это высказывание в уста именно древневосточного мудреца. Можно поверить, что он, вероятно, мог бы так говорить, если бы снова возник перед нами, между тем как наш современник, скорее всего, выглядел бы глупо, когда восточный мудрец таким решительным образом представил бы эти вещи. Учиться же можно именно на основании решительного изображения таких вещей, которые сегодня мы должны изучать ради здорового развития цивилизации. Человечество снова должно знать, что именно понятийного мышления — этого высочайшего достижения нового времени — вовсе могло бы и не быть, если бы жизнь представлений во внутреннем не поднималась из центра разрушения. Это должны осознать, чтобы держать его внутри, и чтобы оно не перешло во внешние инстинкты и не стало социальным импульсом.

Когда всматриваешься в эти вещи, уже можешь глубоко заглянуть во взаимосвязи жизни новой эпохи. Таким образом, мир, заявляющий о себе как такой очаг разрушения, лежит во внутреннем, по ту сторону зеркала воспоминаний. Но жизнь современного человека протекает между этим зеркалом воспоминаний и внешним восприятием органов чувств. И как мало человек может заглянуть в своё собственное внутреннее по ту сторону зеркала воспоминаний, так же мало он может пробиться к тому, что здесь, во внешнем, простирается в качестве восприятия органов чувств. Поскольку он не может пробиться сквозь эти чув-

ственные представления, он присочиняет материальный атомистический мир, который как раз является фантастическим миром.

Но человек не чужд миру по ту сторону внешних чувственных представлений. Он проникает в этот мир каждую ночь между засыпанием и пробуждением. Когда вы спите, вы пребываете в том мире. Вы переживаете там то, что находится по ту сторону чувственных представлений, а не атомистический мир, представляющий собой фантазию естествознания. А то, что находится по ту сторону сферы чувств, переживали как раз древневосточные мудрецы в своих мистериях. Пережить же это можно, если имеешь самоотверженность в отношении мира по ту сторону сферы чувств, если имеешь стремление и импульс отдать себя целиком тому миру. Здесь должна господствовать любовь к познанию, если хочешь прийти к сверхчувственным восприятиям.

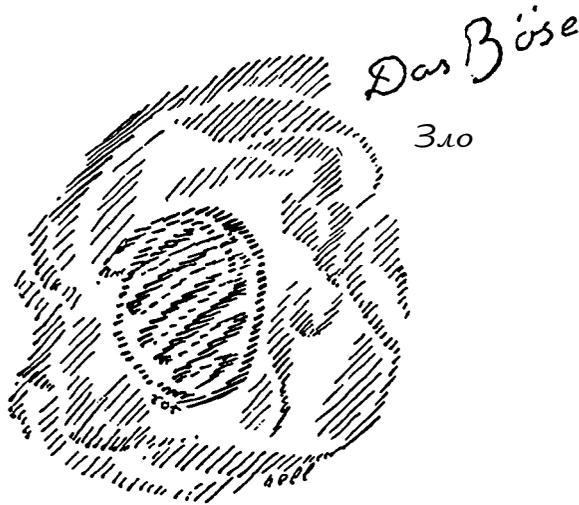
Эту любовь к познанию прежде всего имели древние восточные культуры. Но почему нужно обладать этой самоотверженностью? Этой самоотверженностью нужно обладать потому, что если захочешь прийти в мир по ту сторону чувств с обычным человеческим «Я», то получишь вред. Необходимо отказаться от своего обычного «Я», если хочешь проникнуть в этот мир по ту сторону чувств. Но благодаря чему формируется это «Я»? Это «Я» формируется благодаря тому, что человеческое существо может погружаться в хаос разрушения. Это «Я» должно стать закалённым и твёрдым в том мире, который существует во внутреннем человека как мир очага разрушения. С этим «Я» нельзя жить по ту сторону сферы внешнего чувственного мира.

Представим себе схематически очаг разрушения в глубинах человека (см. рисунок, стр. 19, *красный*). Он распространён по всему человеческому организму. То, что я здесь изображаю, должно восприниматься интенсивно, не экстенсивно, но рисую я это схематически. Это — центр разрушения, здесь — человеческая оболочка. Что стало бы жить в мире через человека, если существующее во внутреннем распространить во всём мире? Зло! Зло есть ничто иное, как тот необходимый во внутреннем человека хаос, брошенный во внешнее. И в этом хаосе, который должен быть в человеке и оставаться внутри него как очаг зла, в нем должно закаляться человеческое «Я», человеческая самость. Эта человеческая самость не может жить во внешнем мире по ту сторону сферы человеческих чувств. Поэтому во сне Я-сознание исчезает. И если оно

вступает в сновидение, то часто проявляет себя чуждым или ослабленным. Это «Я», которое, собственно, закаляется здесь в очаге зла, во внутреннем, не может войти по ту сторону чувственных явлений. Отсюда воззрение древневосточного мудреца: туда можно проникнуть лишь благодаря самоотверженности, любви и самоотречению «Я», и ес-

Доска 2

zot – красный
hell – светлый

ли полностью проникаешь, то живешь не в мире ваны, творения в обыденном, а живёшь в мире, где это обыденное развеяно, в нирване. На такое понимание нирваны — высочайшей жертвы «Я», как это имеет место во сне и как это имело место для учеников древневосточных культур в полностью осознанном познании, только намекнул бы древневосточный мудрец, подобно тому, как я, говоря гипотетически, представил это перед вашей душой. И он бы как раз сказал: „У вас всё основано на страхе, так как вы должны были сформировать самость. У нас, поскольку мы должны были подавлять самость, всё было основано на любви. В вас говорит «Я», которое хочет действовать. В нас говорила нирвана в то время, когда «Я» с любовью изливалось во весь мир”.

Если эти вещи постигают в понятиях, то они тогда определённым образом законсервированы, но в человеческом мире они живут как вос-

приятия, как флуктуирующие чувства, пронизывая человеческое бытие. И в таких чувствах и восприятиях проявляется то, что сегодня живет с одной стороны на Востоке, а с другой стороны — на Западе. Люди Запада имеют кровь, лимфу, пропитанные самостью, которая укрепляется во внутреннем очаге зла. На Востоке люди имеют кровь, лимфу, в которых живут отзвуки тоски по нирване.

В своём сознании люди Востока и Запада в сегодняшних неточных представлениях отходят от этих вещей, так как представления интеллекта имеют в себе нечто грубое. Представления интеллекта требуют того, чтобы каким-то образом выпустить кровь из живого организма, сделать из неё препарат, положить под лупу и затем созерцать, чтобы получить представления. Представления, получаемые таким образом, даже для обычного переживания беспредельно грубы. Об этом вообще иначе не скажешь. Думаете ли вы, что это позволит обнаружить тонко меняющееся различие между людьми, поселившимися вместе или сидящими здесь рядом друг с другом? Микроскоп, разумеется, даёт лишь грубое понятие о крови, о лимфе. Тонко меняющиеся различия имеются даже среди людей, происходящих из одинаковых соотношений условий среды. Но эти нюансы, конечно, более интенсивно проявляются между людьми Востока и Запада, а рассудок может представить это сегодня лишь очень грубо.

Так это живет в телах людей Азии, Европы и Америки, и то, как их конституции соотносятся друг с другом, проявляется во внешней социальной жизни. С тем грубым рассудком, который в последние столетия служил познанию внешней природы, мы не сможем выполнить требования новой социальной жизни, прежде всего мы не сможем найти равновесия между Востоком и Западом. Но его необходимо найти.

Поздней осенью люди отправляются на *Вашингтонскую конференцию* для рассмотрения того, о чём южно-африканский министр Англии генерал *Смутс* говорил, я бы сказал, из инстинктивной гениальности: „Развитие нового человечества характеризуется тем, что точка восхода культурных интересов, до сих пор бывшая в Северном море и в Атлантическом океане, будет потом перенесена в Тихий океан. Из культур областей, расположенных вокруг Северного моря и распространившихся постепенно на Западе, образуется мировая культура. Главная задача этой мировой культуры быть перенесенной из Северного моря в Тихий

океан”.

Человечество стоит перед этой переменной. Но люди сегодня всё ещё высказываются, исходя из старых грубых понятий, и их речи не содержат в себе существенного, которое однако необходимо выявить, если мы действительно хотим идти вперёд. Знаки времени стоят перед нами угрожающе и знаменательно, и говорят нам: „До сих пор обходились лишь ограниченным доверием между людьми, которые, собственно, все друг друга втайне боялись. Этот страх маскировался лишь разного рода другими чувствами. Но мы больше нуждаемся в состоянии души, которое может охватить мировую культуру. Мы нуждаемся в доверии, которое может выровнять противоположности между Востоком и Западом. Здесь открываются значительные перспективы, они нужны нам. Люди сейчас верят в возможность вести переговоры по экономическим вопросам, о положении, которое Япония будет иметь в Тихом океане, о виде и способе, каким может быть представлен Китай, о создании открытых дверей для всего прочего коммерческого, о создании торговли, движущей народами Земли, и так далее”.

Мои дорогие друзья, эти вопросы не разрешат ни на одной конференции Земли, пока люди не осознают, что для хозяйствования требуется доверие людей друг к другу. И этого доверия можно будет достигнуть в будущем лишь духовным образом. Внешние культуры будут нуждаться в духовном углублении. Я хотел сегодня снова с другой стороны указать на то, что в этом направлении здесь неоднократно давало о себе знать. Завтра мы продолжим наши рассуждения.

Дорнах

Суббота, 24 сентября 1921 года.

Вчера я говорил о том, что во внутреннем человека мы находим некий род очага разрушения. Во время пребывания в состоянии обычного сознания мы, — сказал я, — внутри этого сознания действительно ведь доходим лишь до того, чтобы оградить воспоминания от впечатлений мира. В мире мы обретаем свой опыт, имеем в нем собственные переживания через чувства, рассудок, вообще через воздействия на свою собственную душевную жизнь. Позже из своих воспоминаний мы можем снова извлекать отпечатки того, что мы пережили. Мы несем в себе отпечатки чувственных переживаний как свою собственную внутреннюю жизнь. И это так, как если бы в нас было зеркало, которое лишь действовало бы по иному, чем обычное пространственное зеркало. Обычное пространственное зеркало отражает то, что перед ним. Но то живое зеркало, которое мы носим в себе, отражает иначе. Получаемые нами впечатления чувств оно, в ходе времени побуждаемое тем или иным, снова отражает в наше сознание, и мы получаем воспоминания о наших переживаниях. Разбив пространственное зеркало, мы видим позади него пространство. Мы видим тогда область, которую как раз не видели, когда зеркало было цело. Если мы соответствующим образом упражняемся внутри души, то приходим, как я уже упоминал, к некоему разрушению внутреннего зеркала. Воспоминания могут некоторым образом на короткое время прекратиться — это все должно происходить по нашему собственному произволу, — и мы заглядываем глубже в наше внутреннее. И именно заглядывая глубже в наше внутреннее и созерцая позади зеркала воспоминаний, мы увидим то, что я вчера охарактеризовал как род очага разрушения.

Такой очаг разрушения в нас должен быть, так как только в нём одном, собственно, может укрепляться «Я» человека. На самом деле

здесь находится центр укрепления, центр закалки «Я». Я вчера сказал: „Если это закаливание «Я», эту самость переносят во внешнюю социальную жизнь, то именно благодаря этому возникает зло, зло в социальной жизни, в поступках людей”.

Из сказанного вы видите, как действительно сложно устроена жизнь, в которую встроены, внедрены человек. Во внутреннем человека есть своя хорошая задача, без которой мы не можем развить наше «Я», и которую вовсе не нужно выносить во внешнюю жизнь. Плохой, злой человек несет это во внешнее, хороший человек содержит это в своём внутреннем. Если это несут во внешнее, то возникает преступление, возникает зло. Оставляя это во внутреннем, мы получаем то, в чем нуждаемся, чтобы человеческое «Я» действительно окрепло. В мире нет ничего, что, будучи на своем месте, не имело бы своего благодатного значения. Мы стали бы рассеянными, безрассудными людьми, если бы не имели в себе этот очаг. Ибо этот очаг обнаруживается в нас при переживании в нём того, что мы никогда не можем испытать во внешней жизни. Во внешнем мире мы видим вещи телесно. Всё, что мы здесь видим, мы видим материально, и говорим затем в духе сегодняшней науки о сохранении материи, о неразрушимости истинной материальности.

В этом очаге разрушения, о котором я вчера говорил, материя действительно уничтожается. Она отбрасывается в своё ничто. И затем мы можем внутри этого возникающего здесь ничто заставить появиться добро, если мы вместо наших инстинктов, наших склонностей, которые должны действовать лишь для развития самости, вольём в этот очаг разрушения моральные, этические идеалы через моральное состояние души. Тогда возникает нечто новое. Именно тогда прямо в очаге разрушения возникают ростки для будущих миров. Таким образом мы как люди принимаем участие в возникновении миров. И если мы, как это можно видеть из моего «Очерка тайноведения», говорим о том, что наша Земля однажды придет к уничтожению и через всевозможные метаморфозы возникнет снова как бытие Юпитера, то мы должны сказать: „В бытии Юпитера будет лишь то, что уже сегодня формируется в людях внутри этого очага разрушения как вновь возникшее из моральных идеалов. Разумеется, также и из аморальных импульсов, из тех, что именно сегодня действуют как зло из самости”. Таким образом,

бытием Юпитера будет битва между тем, что люди уже осуществляют на Земле благодаря внесению ими своих моральных идеалов в свой внутренний хаос, и тем, что они также вносят в него как аморальное, как противоморальное, возникающее с развитием самости. Итак, заглядывая в своё глубочайшее внутреннее, мы созерцаем область, где материя отбрасывается в своё ничто.

Затем я указывал, как это проявляется с другой стороны человеческого бытия, со стороны, где вокруг простёрты чувственные явления. Мы смотрим туда, на эти чувственные явления: они расстилаются, как ковёр, и мы затем используем наш комбинирующий рассудок, чтобы внутри этих чувственных явлений найти законы, которые мы называем законами природы. Но с обычным сознанием не пройдёшь сквозь этот ковер чувств. Как с обычным сознанием не пройдёшь во внутреннее через зеркало воспоминаний, так же не пройдёшь с обычным сознанием во внешнее сквозь ковёр чувственных впечатлений. Проходят с развитым сознанием, и проходили люди древней восточной мудрости с инстинктивным видящим сознанием. Тогда они созерцали мир, в котором прежде всего самость не может проявиться в сознании. Мы вступаем в этот мир каждый раз при засыпании. Там самость приглушается, потому что именно по ту сторону ковра чувств лежит мир, где нет места прежде всего для власти «Я», развивающегося ради человеческого бытия. Об этом говорило древнее восточное мировоззрение, которое развило страстное желание жить позади восприятия чувств, в нирване, в развевании самости.

Мы вчера также указывали на большое противоречие, имеющееся между Востоком и Западом. Когда-то Восток сформировал всё, что человек страстно желал увидеть позади чувственных явлений. Он даже созерцал духовный мир, — тот мир, который не из атомов и молекул, а из совокупности различных духовных существ, и который для древнего восточного созерцания был просто зримой действительностью. В настоящее время Восток, Азия и другие члены мира живут в нисходящей стадии развития этой устремлённости в мир позади чувственных явлений, между тем как Запад развил самость, развил всё то, что в человеческом внутреннем закаляется и укрепляется в пределах нами охарактеризованного очага разрушения.

Вместе с тем, всё это указывает на то, что должно в силу необходи-

мости проникнуть в сознание людей в настоящее время и в ближайшем будущем. Ибо если оставаться в пределах того, что развилось с середины XV столетия как голый интеллектуализм, то человечество придёт в полный упадок, так как с помощью интеллектуализма никогда не проникнешь ни за зеркало воспоминаний, ни туда, где перед нашими органами чувств расстилается ковёр чувств. Человек должен снова достигнуть этих миров своим сознанием. Он должен проникнуть сознанием в эти миры уже для того, чтобы христианство для него снова могло стать истиной, ибо христианство для него сегодня на самом деле не истина. Мы видим это лучше всего на примере современного формирования представления о Христе, если вообще можно говорить о таком формировании. Так уж сложилось для человека на современной стадии развития, что к представлению о Христе он вовсе не может прийти из тех понятий и идей, которые, начиная с XV столетия, образовались как естественнонаучные, и в XIX столетии и в начале XX столетия люди уже были неспособны прийти к представлению о Христе.

Такие вещи можно рассматривать следующим образом. Когда человек, уже обладающий этим современным сознанием, всматривается в окружающий мир, он с помощью комбинирующего рассудка открывает для себя законы природы. В результате тем способом, который уже вполне возможен для современного сознания, он приходит к суждению: „Этот мир пронизан мыслями, ибо законы природы доступны пониманию в мышлении, и сами они, собственно, являются мировыми мыслями”. Если же законы природы следуют до той ступени, где они должны быть применены к собственному возникновению человека как физического существа, то приходят к тому, чтобы сказать себе: „Внутри этого мира от восприятия органов чувств до зеркала воспоминаний, который мы исследуем нашим обычным сознанием, живет духовное”. — Действительно, как же должен быть болен человек, болен патологически, если подобно обычному атеистическому материалисту не хочет признать это духовное! Мы находимся настолько внутри этого мира, мира, данного обычному сознанию, что сами мы как люди физические происходим из него благодаря физическому зачатию и физическому рождению. Наблюдаемое именно здесь — внутри физического мира — неизбежно созерцают неполно, если в основе не лежит общее духовное бытие. Как физическое существо мы рождаемся физически. Когда мы рождаемся

как маленькое дитя, для внешнего физического созерцания мы довольно похожи на природное существо. И из этого природного существа, по сути, находящегося в некотором роде в спящем состоянии, развиваются внутренние духовные способности. Эти внутренние духовные способности возникают только в ходе дальнейшего развития. К тому же неизбежно приходится всецело согласиться с тем, что возникающие здесь духовные способности так же прослеживаются назад за рождение и зачатие, как прослеживается развитие членов тела. Затем приходят к тому, чтобы теперь представить себе живым и духовным то, что обычно во внешней природе открывают как абстрактные законы природы. А потом, иначе говоря, приходят к установлению того, что можно назвать Богом-Отцом.

Знаменательно, что уже схоластика в средние века воспринимала, что среди тех результатов познания, которые можно получить с помощью обычного человеческого рассудка из простого наблюдения мира, есть познание Бога-Отца. Можно снова повторить уже неоднократно высказанное ранее. Кто действительно идёт на то, чтобы расчлнить этот мир, данный обычному сознанию, и затем не приходит к тому, чтобы в конце концов соединить законы природы в то, что называют Богом-Отцом, тот действительно в некотором роде болен, патологически болен. Быть атеистом, значить быть больным, *как я это уже говорил здесь.*

Но с этим обычным сознанием доходят не дальше, чем до Бога-Отца. С обычным сознанием к Нему можно прийти, но не далее. И отсюда характерно, что некто, слывающий самым значительным теологом новейшего времени, *Адольф фон Гарнак*, говорил о том, что в действительности Евангелие несёт весть не о Христе, Сыне, а весть об Отце. И что в действительности Христос имеет отношение к Евангелию лишь постольку, поскольку Он принёс весть о Боге-Отце. Вы можете совершенно отчетливо видеть, что это современное мышление с определённой последовательностью приводит лишь к признанию Бога-Отца и к такому толкованию Евангелия, даже современной теологией, согласно которому в нём содержится лишь весть о Боге-Отце. И в смысле этой теологии хотели признать Христа как существо лишь в том отношении, что Он однажды вступил в мир и принёс людям правильное учение о Боге-Отце.

В этом содержится двоякое: во-первых, вера, что якобы нельзя найти послание о Боге-Отце через обычное мирозерцание. Схоластика это ещё принимала, но она не принимала второе, что Евангелие существует якобы для того, чтобы рассказать о Боге-Отце — она придерживалась того, что Евангелие существует, чтобы рассказать о Боге-Сыне. Возникновение мнения, что действительно следует рассказывать лишь о Боге-Отце, свидетельствует о том, что теология вступила в тот образ мышления, который образовался именно как западный. Так как вплоть до III — IV столетий христианской эры в христианстве было ещё много от восточной мудрости, то людей глубоко занимали вопросы о различии между Богом-Отцом и Богом-Сыном. Можно сказать, что эти тонкие различия между Богом-Отцом и Богом-Сыном, ещё занимавшие людей под влиянием восточной мудрости в первые христианские столетия, больше вовсе не имеют смысла для современных людей, для тех самых, которые под тем влиянием, о котором я вчера говорил, образовали «Я» как свойство (Egoität).

Так в современное религиозное сознание вошла некоторая неправда. То, что человек переживает внутренне, к чему он приходит через своё расчленение мира и синтез мира, это есть Бог-Отец. Из традиции, из предания он имеет затем Бога-Сына. Евангелия говорят ему об этом, традиция говорит ему об этом: он имеет Христа. Он хочет признать себя сторонником Христа, но во внутреннем переживании в действительности Христа не имеет. Таким образом то, что он должен применить лишь к Богу-Отцу, он переносит на Бога-Христа. Современная теология на самом деле вовсе не имеет Христа. Она имеет лишь Отца, но называет Отца «Христос», потому что так уж когда-то случилось, что из истории сообщено о сущности Христа, и хотят быть христианами. Если быть правдивым, в новое время вовсе не имеешь права называть себя христианином!

Это, разумеется, изменяется, когда мы переходим дальше на Восток. Уже на европейском Востоке это становится иным. Если вы возьмёте всё чаще упоминаемого здесь русского философа *Соловьёва*, то, с другой стороны, вы имеете настроение души, возникшее в философии, которая с полным правом, именно с внутренним правом, говорит о различии между Отцом и Сыном, потому что оба, Отец и Христос, для переживания Соловьёва существуют. Западный человек не различает

между Богом-Отцом и Христом. Если вы внутренне честны, то вы сами почувствуете, как Они тотчас же оба струятся друг через друга, когда вы хотите постичь различие между Богом-Отцом и Христом. Для Соловьёва это невозможно. Соловьёв обоих переживает по-разному. И больше того, он видит смысл борьбы, духовной борьбы, которая была выдержана в первые христианские столетия, чтобы человеческому сознанию представить различие между Богом-Отцом и Богом-Сыном.

К этому снова должен прийти современный человек. Если называешь себя христианином, то внутренне необходимо проникнуться истиной. Однако, это нельзя осуществить, восхваляя Христа и необоснованно прилагая к нему только свойства Бога-Отца! Прийти к обоим этим переживаниям — переживанию Отца и переживанию Сына — можно только через восхождение к истинам, подобным тем, на которые я вчера обращал внимание.

Но неизбежно придёт время, когда вся абстрактная форма сознания, в которую врос современный человек и которая, собственно, ничего не позволяет, кроме признания Бога-Отца, изменится через гораздо более конкретную жизнь сознания. Конечно, так, как я вчера представил вам эти вещи, они в своей полноте в настоящее время не могут быть представлены в мире, который недостаточно подготовлен другими областями духовной науки — антропософии. Но все же аналогично тому, как рассказывали в старые времена о грехопадении и о тому подобном, можно даже современным людям указать именно на то, что в их внутреннем есть центр разрушения, и что он проявляется во внешнем мире, когда «Я» в определённой степени погружается в этот внешний мир, где оно не может быть укреплено. Нужно только найти форму для перенесения этих вещей именно в обычное сознание, подобно тому как раньше давалось учение о грехопадении, учение о духовной основе мира, которое господствовало иначе, чем наше учение Бога-Отца.

Наша наука как раз должна пронизать себя такими воззрениями, какие я вчера представил как действенные. Наша наука хочет познать во внутреннем человека лишь законы природы. Но именно в этом центре разрушения, о котором я уже так часто здесь говорил, соединяются законы природы с моральными законами. Здесь законы природы и моральные законы становятся одно. Именно в нашем внутреннем уничтожается материя и вместе с тем все законы природы. Материальная

жизнь со всеми законами природы отбрасывается в хаос. И из этого хаоса может возникнуть новая природа, пропитанная моральными импульсами, которые мы в неё закладываем в нашем внутреннем. И мы говорили: всё то, что здесь становится действенным как центр разрушения, находится под нашим зеркалом воспоминаний. Если мы, так созерцая, проникаем под это зеркало воспоминаний, мы замечаем то, что в человеке, собственно, есть всегда. Через познание человек не становится другим. Он узнает лишь то, каков он есть, каков он есть всегда. Человек должен прийти в своем сознании к тому, что он есть и каков он.

Но между тем мы проникаем, можно сказать, в это внутреннее зло в человеке и затем уже получаем сознание того, как проникают моральные импульсы в это внутреннее зло, где разрушается материя, где материя отбрасывается в свой хаос, и тогда мы имеем в нас самих начало духовного бытия. Тогда в нас самих мы воспринимаем творящего Духа. Вместе с тем, если моральные законы действуют в материи, которая, едва возникнув, отброшена в хаос, то мы естественным образом имеем в себе духовное действие. Нам становится известно конкретное духовное действие, которое в нас и которое является ростком для будущего мира.

С чем мы можем сравнить то, что даёт о себе знать здесь, в нашем внутреннем? Мы не можем теперь это сравнить с тем, что наши органы чувств в настоящее время передают нам от внешней природы. Мы это приблизительно можем сравнивать только с тем, что сообщает нам другой человек, когда обращается к нам. Поэтому это будет больше, чем сравнение, если мы скажем: „К нам говорит то, что совершается здесь во внутреннем, когда моральные или даже аморальные импульсы соединяются в нас с хаосом“. То, что в нас говорит, это есть нечто действительное. И здесь мы приходим к одному образу, являющемуся не некой аллегорией или символом, а несомненной реальностью. Приходим к тому, что извне с помощью наших ушей мы можем слышать ослабленную для земного мира речь, в то время как речь, превышающая земное, высказывается в нашем внутреннем, так как она говорит исходя из того, что содержит зародыши для будущих миров. Мы здесь действительно проникаем до того, что следует назвать «внутренним словом». Конечно, в ослабленном слове, которое мы говорим или слышим в общении с нашими ближними, слушание и говорение разделены, в то время как в

нашем внутреннем, когда мы погружаемся в этот внутренний хаос, вниз под зеркало воспоминаний, мы имеем действительность, где в нашем внутреннем сами говорим и слышим в одно и то же время. Это внутреннее слово говорит в нас, это внутреннее слово в нас становится слышимым.

Но одновременно мы пришли здесь в область, где больше нет никакого смысла говорить о субъективном и объективном. Когда вы слушаете другого человека, когда он обращает к вам слово, которое вы воспринимаете своим слухом, тогда вы знаете, что это существо другого человека находится вне вас. Но вы должны до некоторой степени отказать от себя, пожертвовать собой в себе, чтобы в слушании воспринять существо другого человека. И наоборот, когда говорите вы, тогда вы знаете, что словом, слышимым словом действительно становится то, что есть не только нечто субъективное, но это есть нечто, что вставляется в мир. Таким образом, различие между субъективностью и объективностью не имеет смысла и в ослабленном, слышимом нами в общении с другими людьми слове и в слове, которое мы говорим к ним. Когда мы воспринимаем, мы стоим с нашей субъективностью внутри объективности, и объективность действует в нас и с нами. То же самое происходит, когда мы проникаем к внутреннему слову. Это не только внутреннее слово, это одновременно нечто объективное. Это говорит не наше внутреннее. Это на арене нашего внутреннего говорит вселенная.

Отсюда и для сознающего, что позади ковра чувств находится духовный мир, что там господствуют и творят духовные существа высоких Иерархий, дело обстоит так, что он первоначально через имажинацию воспринимает этих существ. И они для него, для его созерцания пронизаны внутренней жизнью, когда теперь он казалось бы из себя, но в действительности из вселенной, слышит слово.

Таким образом, человек через самоотверженность, через любовь проникает в мир по ту сторону ковра чувств, и сверх того он продвигается к восприятию существ, которые открываются ему при полной самоотверженности его собственного существа, к восприятию через то, что он должен в глубине души признать как внутреннее слово. Мы сражаемся с внешним миром. Внешний мир становится до некоторой степени всемирно звучащим, когда пробуждено это внутреннее слово.

И то, что я вам здесь обрисовал, есть у каждого нашего современни-

ка. Только познания этого у него нет, а следовательно — нет этого ни в его рассудке, ни в сознании. И он должен сначала встать в такое познание, в такую разумность. Когда мы с обычным сознанием, добывающим нам интеллектуализированные понятия, познаём мир, то мы познаём, собственно, лишь преходящее, лишь прошедшее. И если мы затем правильно созерцаем то, что может добыть нам наш интеллект, — это, собственно говоря, является ретроспективным взглядом на преходящий мир. А с тем, на что я указал, мы можем найти Бога-Отца. Какое же сознание мы развиваем таким образом в отношении Бога-Отца? Сознание, что Бог-Отец лежит в основе мира, преходящее которого возвещается нашим интеллектом.

Да, это так. С середины XV столетия человек развил особую способность в своём интеллекте для созерцания уходящего мира. Мы анализируем и испытываем с помощью нашего интеллектуализированного научного познания всемирный труп. И такие теологи, придерживающиеся подобно Адольфу Гарнаку лишь Бога-Отца, в действительности являются для мира выразителями заката, того, что совершенно погибнет с Землёй, что с Землёй совершенно исчезнет. Это души, направляющие назад.

Но чем же, в конце концов, является это для человека, целиком вжившегося в современный естественнонаучный образ мыслей, внушаемый ему с детства? Его учат тому, что здесь в мире внешние феномены хоть возникают и исчезают, но материя остаётся, она неразрушаема, и если даже однажды Земля придёт к своему концу, материя не будет уничтожена. Несомненно, возникнет большое кладбище, но это большое кладбище будет хранить те самые атомы и молекулы или, по крайней мере, те самые атомы, которые сегодня уже здесь есть. — Обращают взгляд лишь на этот закат и даже в восходе, в сущности говоря, изучают лишь то, что содержится в нём от заката.

Восточный человек переживать это не мог бы никогда. И в приглушённых философских чувствованиях Соловьёва это проявлялось на европейском Востоке. Если и высказал он это неотчётливо — по крайней мере, не так отчётливо, как во всеобщем сознании это должно было бы быть высказано в будущем, — всё-таки надо сказать, что такой дух, как Соловьёв, имеющий ещё так много от восточного человека, повсюду видит, что здесь существует заходящий мир, этот дробящийся, раство-

ряющийся, стремящийся к хаосу мир, но что однако затем снова есть восхождение, есть будущее. И если хотят увидеть реальность, действительность, то это должны рассматривать так, что всё воспринимаемое нашими органами чувств, — ведь даже других людей мы прежде всего воспринимаем нашими органами чувств, — всё это когда-нибудь исчезнет. То, что предстает нашим глазам, что воспринимается нашими ушами и так далее, этого однажды не станет. Небо и Земля исчезнут, — ведь даже то, что мы видим благодаря нашим органам чувств в звёздах, принадлежит к преходящему. Небо и Земля исчезнут. Но то, что образуется как внутреннее слово во внутреннем хаосе человека, в центре разрушения, это, после того как прейдут Небо и Земля, будет продолжать жить так же, как продолжает жить зародыш растения нынешнего года в растении в следующем году. Во внутреннем людей есть зародыши будущих миров. И в эти зародыши люди принимают Христа; кроме того, могут исчезнуть Небо и Земля, но Логос, Христос, не может исчезнуть. Человек в своем внутреннем несёт в определённой степени будущее бытие, хотя всё, что он видит вокруг себя, исчезнет.

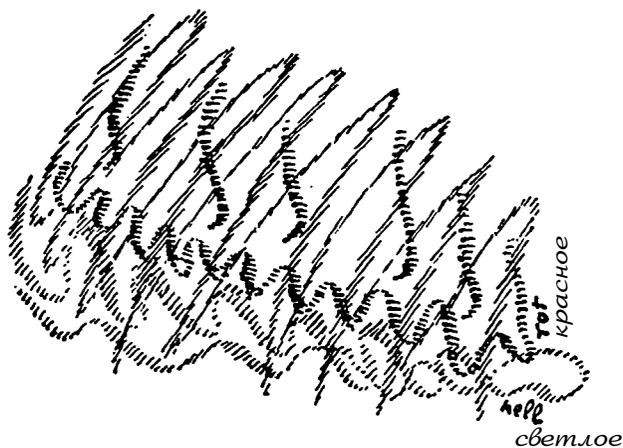
И он должен суметь сказать себе: я смотрю на Бога-Отца. Бог-Отец лежит в основе мира, видимого мной благодаря органам чувств. Он — Его откровение. Но это — уходящий мир, и в этом уходе он захватил бы с собой и людей, если бы человек целиком растворился в нём, если бы могло развиться осознание только Бога-Отца. Человек вернулся бы назад к Богу-Отцу; он не мог бы иметь дальнейшего развития. Но здесь же есть и восходящий мир, который существует именно благодаря человеку. Если человек облагораживает свои моральные идеалы через осознание Христа, через импульс Христа, он формирует их такими, какими они должны быть благодаря пришествию Христа на Землю. Затем человек вживается в свой хаос, прорастая в будущее, и это является уже не уходящим, а восходящим миром.

Такое сильное восприятие должны иметь как для уходящего, так и для восходящего мира. Уже в природе должны воспринимать, как в ней присутствует вечное умирание. И благодаря этому умиранию природа приобретает определённую окраску. Но при этом в природе есть также постоянный восход, постоянное рождение. Это окрашивает природу не тем, что становится явным для наших органов чувств, но всё-таки это ощутимо в ней, когда мы с открытым сердцем отдаёмся природе.

Снаружи в природе видим мы, скажем, краски, — краски в смысле спектра красок, — от самой крайней красной вплоть до самой крайней фиолетовой со всеми промежуточными оттенками. Если бы теперь мы определённым образом перемешали эти краски друг с другом, то они восприняли бы жизнь. Тогда они стали бы именно тем, что проявляется из человека наружу как человеческий телесный цвет, инкарнат. Когда мы всмотримся в природу, мы до определённой степени увидим простирающуюся радугу как знак Бога-Отца. Но посмотрим теперь на человека: инкарнат высказывается из внутреннего человека, когда все краски пронизывают друг друга, воспринимают жизнь и становятся живыми в своём самопронизании. Всматриваясь в труп, мы не видим в нём ничего воспринимающего жизнь. То, что является человеком, тут снова отброшено назад в радугу, в творение Бога-Отца,. Но человек также должен в своём внутреннем увидеть источник цветного, того, что превращает радугу в инкарнат, радугу — в живое единство. Он должен увидеть это в своём внутреннем.

Вчера и сегодня я привёл вас — хотя и сложным путём — к этому

Доска 3

внутреннему в его истинном значении: как благодаря этому внутреннему материя, существующая как внешняя, отбрасывается в ничто, в хаос, чтобы дух мог снова стать созидающим. Если созерцают вплоть до этого нового созидающего, то говорят себе: Бог-Отец действует в своей

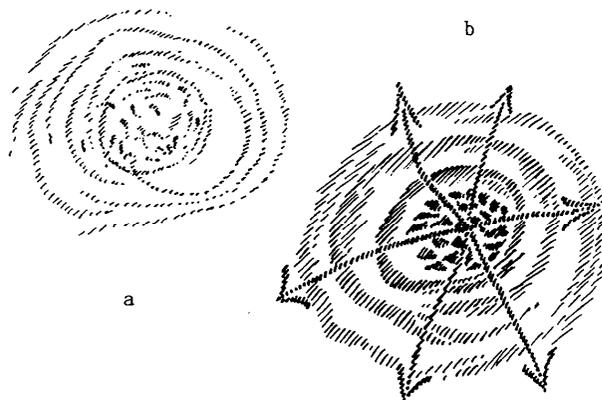
завершенности вплоть до материи (см. рисунок, светлое). Во внешнем мире она выступает нам навстречу самым различным образом, так что она для нас видима. Но в нашем собственном внутреннем эта материя отбрасывается в ничто, проникается чисто духовными существами, нашими моральными идеалами или же аморальными идеалами (красное). Здесь затем произрастёт новая жизнь. Мир должен предстать нам в этом своем двойном образе: Бог-Отец, созидающий это внешне видимое, которое доходит до своего конца в человеческом внутреннем, где это отражается в хаос. Мы должны прочувствовать конец этого мира, являющегося миром Бога-Отца, и тогда мы увидим, как благодаря этому приходим к внутреннему пониманию Мистерии Голгофы, к тому внутреннему пониманию, благодаря которому становится наглядным, как приходит к концу существующее в смысле творения Бога-Отца, как через Бога-Сына оно вновь возрождается, становится новым восходом.

Можно, собственно говоря, повсюду в западном мире увидеть, начиная с XV столетия, склонность проникнуть лишь в уходящее, лишь в трупоподобное, которое доступно одному интеллекту, увидеть, как всё так называемое обучение сформировано под влиянием такой научности, направленной на мёртвое. Она противоположна истинному христианству. Истинное христианство должно иметь восприятие живого, а также уметь отделять восприятие восходящего от нисходящего. Отсюда самое важнейшее представление, которое должно исходить из мистерии Голгофы — это воскресший Христос, победивший смерть. Потом приходят к пониманию того, что важнейшее представление — это Христос, прошедший через смерть и воскресший. Христианство как раз не только религия спасения. Такими были уже восточные религии. Христианство есть религия воскресения, религия возрождения для того, что иначе существует лишь в виде исчезающей материи.

Космически мы имеем исчезновение материи на Луне, той самой, что сияя возникает всё вновь и вновь. Духовно видимая, видимая благодаря духовному созерцанию, когда уже от обычного чувственного созерцания переходишь к имажинации, Луна становится неким непрерывным процессом: это непрерывное исчезновение (середина рисунка а, доска 4). Здесь, где помещается Луна, материя Луны крошится и распыляется в окружающий мир, снова собирается из окружения и крошится (окружение рис. а, доска 4). Созерцая Луну — уже в имажинации — вос-

принимают непрерывное собирание материи, которая там, где находится Луна, крошится и расплывается в мир. Луна в действительности должна

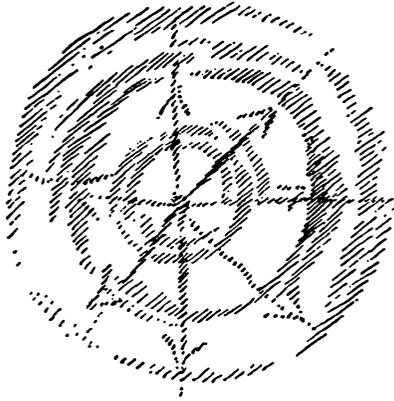
Доска 4

быть видима таким образом: круг, более узкий круг, и таким же образом далее, затем ещё более узкий круг — теперь это уже становится самой Луной. Здесь это распадается, расплывается. Здесь это разлетается наружу во всю вселенную. Материя на Луне не терпит середины, не терпит центра. Материя концентрируется по направлению к центру Луны, но не вынося центра, останавливается и разлетается наружу во все стороны в виде мировой пыли. Только обычное чувственное зрительное восприятие видит Луну как покоящуюся. Она не покоится. Это непрерывное сжатие материи и разлетание её наружу (рис. b, доска 4).

На Солнце это иначе. Уже в имажинации мы видим, что материя хотя фактически и приближается к центру, но не разлетается таким же образом, а начинает получать жизненность через пронизание лучами. Это не расплытие, это получение жизненности. Это жизнь расширяется из центра во все стороны. И с этой жизнью развивается астральность. Там на Луне существует ничто; там разрушается астральность. Здесь на Солнце астральность соединяется с излучающимся. Солнце, в сущности, есть нечто такое, что пронизано внутренней жизнью, где центр не только не отрицается, но где он действует как раз как нечто оплодотворяющее. Центр Солнца является космически оплодотворяющим. В действительности в противоположности Солнца и Луны космически имеют бытие отброшенной в хаос материи, и рождение, прораствание материи.

Доска 4

Когда мы погружаемся в своё внутреннее, мы смотрим в наш внутренний хаос, в наше лунное. Здесь внутренняя Луна. Материя разрушается, как это происходит вовне во вселенной только там, где как раз находится Луна. Но затем в нас через наши чувства проникает солнечное. В нас солнечное входит в лунное. Материя, разрушенная внутри, возмещается через солнечное. Здесь, во внутреннем, материя непрерывно вонзается в лунное, и здесь же человек через свои чувства непрерывно впитывает солнечное (это указано на рисунке). Так мы связаны с космосом и так же должны иметь способность различения лунного, разрушающегося, истекающего в космическую пыль, и оживляющего в солнечном.

Через оба эти переживания в разрушающемся, расплывающемся увидят мир Бога-Отца, который должен быть здесь, пока этот мир не превратится в мир Бога-Сына, который, собственно говоря, физически дан через солнечное мира. Лунное и солнечное соотносятся, как Божество Отца и Божество Сына.

Это инстинктивно созерцали в первые христианские столетия. Это должны будут с полным пониманием узнать, когда человек снова захочет честно сказать о себе: Я христианин.

Это то, что я хотел вам сегодня представить.

Дорнах

Пятница, 30 сентября 1921 года.

Мы продолжим рассмотрение того, что обсуждали здесь в последние пятницу и субботу. И я мог бы сегодня особым образом направить ваш взгляд на рассмотрение душевной жизни, — как протекает эта душевная жизнь, если её рассматривать с точки зрения имагинативного познания, о котором вы уже знаете из моей книги «Как достигнуть познания высших миров?». Вы знаете, что мы различаем четыре ступени познания, исходящие из нашего обычного сознания. Ступень познания, присущая нам в сегодняшней обычной жизни и в сегодняшней обычной науке и составляющая истинное сознание эпохи, в книге «Как достигнуть познания высших миров?» названа предметным познанием. Далее приходят в область сверхчувственного через ступени познания: имагинацию, инспирацию, интуицию. В обычном предметном познании невозможно наблюдать душевное. Душевное переживают и, переживая его, развивают предметное познание. Но истинное познание можно получить только тогда, когда познаваемое могут объективно поставить перед собой. С душевной жизнью в обычном сознании это невозможно. Необходимо определённым образом отойти на одну ступень за пределы душевной жизни с тем, чтобы поставить её вне себя, тогда её можно наблюдать. А это получается как раз благодаря имагинативному познанию. Именно сегодня я хотел бы лишь показать вам, что обнаруживается здесь при таком рассмотрении.

Вы знаете, когда мы рассматриваем человека и останавливаемся, прежде всего, на том, что содержится в современном человеке Запада, — мы различаем физическое тело, эфирное или тело образующих сил, которое, собственно, является суммой деятельности, астральное тело и «Я». Если мы душевное переживание приведём не к осознанию, а к восприятию (*nicht zur Erkenntnis, aber zum Bewusstsein*), то мы различа-

ем его уже в мышлении, чувствовании и желании, постигая это до некоторой степени во флуктуирующей жизни. И происходит это таким образом, что мышление, чувствование и желание в обычной душевной жизни проникают друг в друга. Вы не можете себе представить течение мыслей без того, чтобы в этом течении мыслей воля не играла роли. Как мы добавляем одну мысль к другой, как отделяем одну мысль от другой — это вне сомнения есть волевая деятельность, устремляющаяся в жизнь мыслей. И с другой стороны, даже если в настоящее время, как я уже неоднократно разъяснял, процесс остается затемнённым, мы всё же знаем, что если мы как люди имеем желания, в наших желаниях в виде импульса выступает наше мышление, так что мы непременно даже в обычной душевной жизни имеем не само по себе обособленное желание, а желание, пронизанное мышлением. И тем более — мышление, волевые импульсы и собственные чувства втекают друг в друга в чувствовании. Таким образом, мы без сомнения имеем душевную жизнь, как перетекающую друг в друга, но при этом мы отбросим вещи, которые сегодня давайте оставим без внимания, чтобы различить внутри этой перетекающей душевной жизни мышление, чувствование и желание. Если вы познакомитесь с моей книгой «Философия свободы», то увидите, как важно тщательно отделить мышление от чувствования и желания по той причине, что только через рассмотрение отделённого мышления приходят к представлению человеческой свободы.

Таким образом, мы, попросту говоря, живо схватывая мышление, чувствование, желание, схватываем одновременно текущую и творящую душевную жизнь. И когда схваченное здесь в непосредственной живости мы потом соединяем с тем, чему учит нас антропософская духовная наука о связи отдельных членов человека: физического тела, эфирного, астрального и «Я», — именно тогда для имажинативного познания вытекает нижеследующее.

Мы уже знаем, что мы во время бодрственной жизни от пробуждения до засыпания имеем в определённой внутренней взаимосвязи физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «Я». Мы знаем далее, что в спящем состоянии мы имеем на одной стороне физическое и эфирное тела, на другой стороне — астральное тело и «Я». Если способ выражения правилен даже только приближённо, когда говорят: „«Я» и астральное тело отделяются от физического и эфирного тел“, — всё же, ко-

гда употребляют именно такую форму выражения, ближе всего приходят к совершенно законному представлению: «Я» с астральным телом от засыпания до пробуждения находятся вне физического и эфирного тел.

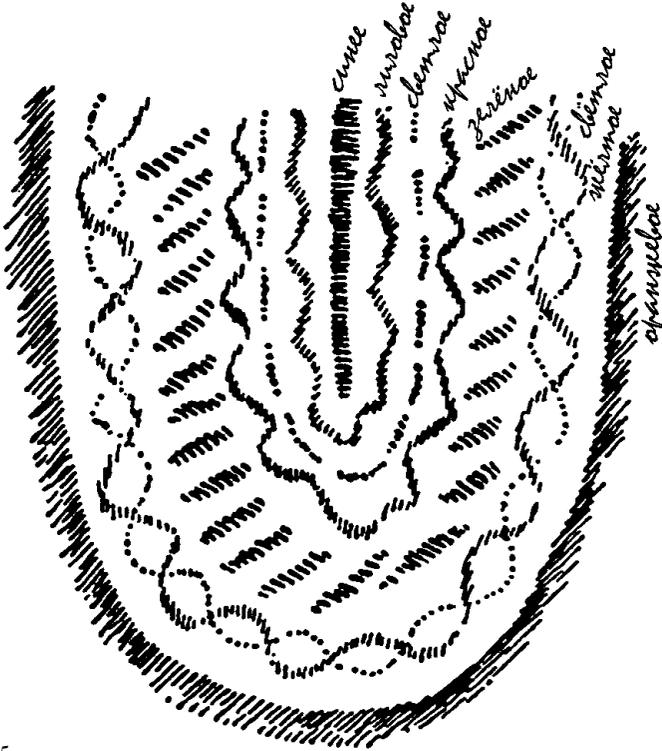
Как только человек приближается теперь к имажинативному познанию, ему всё больше и больше даётся возможность точно постигать в душевном взоре, во внутреннем созерцании то, что переживается в момент возникновения (*im Status nascendi*), можно сказать, как преходящее. Это имеют и должны быстро постичь, и могут это постичь. Имеют перед собой то, что можно особенно остро наблюдать в момент пробуждения и засыпания. Эти моменты засыпания и пробуждения можно наблюдать с помощью имажинативного познания. Вы уже знаете, что среди комплекса приготовлений, которые необходимы, чтобы прийти к более высокому познанию, я упоминал в приведённой выше книге о воспитании определённого присутствия духа. Люди так мало говорят в обычной жизни о наблюдениях, которые они имеют возможность осуществлять в духовном мире, потому что у них отсутствует это присутствие духа. Если бы это присутствие духа в широком понимании воспитывалось у людей, то уже сегодня все люди могли бы говорить о духовных сверхчувственных восприятиях, так как они, собственно, в значительной мере напрашиваются при засыпании и пробуждении, особенно при пробуждении. Только потому, что так мало воспитывают это присутствие духа, люди не замечают этого. В момент пробуждения целая вселенная выступает перед душой. Но возникнув, она исчезает вновь, и прежде чем люди, чтобы схватить её, вспоминают об этом, она уходит прочь. Отсюда так мало вы можете говорить об этой целой вселенной, выступающей перед душой и поистине имеющей совсем особенное значение в осознании внутреннего человека.

Если действительно приходят к тому, чтобы в присутствии духа схватить момент пробуждения, тогда перед душой располагается вся вселенная текущих мыслей. Ничего фантастического при этом не должно быть. Можно наблюдать её с тем самым душевным спокойствием и рассудительностью, с какими наблюдают в химических лабораториях. И тем не менее здесь присутствует этот текущий мир мыслей, очень отличающийся от чистого сновидения. Чистое сновидение разыгрывается так, что оно заполнено жизненными воспоминаниями. Но то, что ра-

зыгрывается здесь в момент пробуждения, это не жизненные воспоминания. Они очень сильно отличаются от жизненных воспоминаний, эти текущие мысли. Они могут быть переведены на язык обычного сознания, но это, собственно говоря, чуждые мысли, мысли, которые мы обычно не в состоянии испытывать, если мы схватываем их не в момент, ставший для нас возможным либо благодаря духовно-научному обучению, либо как раз в этот момент пробуждения.

Что мы в действительности схватываем здесь? Здесь мы с нашим «Я» и с нашим астральным телом проникли в эфирное тело и в тело физическое. То, что переживается в эфирном теле, переживается, разумеется, подобно сновидению. И вместе с тем, как я разъяснял, учатся тонко наблюдать в присутствии духа, учатся различать это прохождение сквозь эфирное тело, в котором возникают, подобно сновидению, жизненные воспоминания. А затем, перед полным пробуждением, до впечатлений, которые органы чувств имеют лишь после полного пробуждения, учатся наблюдать бытие, вставленное в мир, который несомненно является миром творящих мыслей, но переживается не как мыслегрёзы, о которых твёрдо знают, что имеют их в себе субъективно. Мысли, подразумеваемые теперь мной, представляются врывающемуся «Я» и астральному человеку всецело объективными. И совершенно точно отмечаешь, что эфирное тело должно быть пройдено, ибо пока проходят эфирное тело, все остается грёзоподобным. Но должна быть, кроме того, пересечена пропасть, промежуток — выражение хоть и не вполне верное, но зато более понятное, — промежуток между эфирным и физическим телами, а затем проскальзывают в сплошное эфирно-физическое, тем временем пробуждаясь и имея здесь внешние впечатления физических органов чувств. Как только проскользнули в физическое тело, здесь как раз и имеют внешние физические впечатления чувств. То, что мы переживаем объективно здесь в плетении мыслей, это разыгрывается без сомнения между эфирным и физическим телами. Мы должны видеть в нём взаимодействие эфирного и физического тел. Если мы нарисуем это схематически (см. рис. Доска 5), то сможем сказать: если это примерно представляет физическое тело (оранжевое), это — эфирное тело (зелёное), то мы имеем живое тканье физического и эфирного тел в мыслях, которые мы здесь схватываем, и тогда на пути такого наблюдения приходят к пониманию того, что между нашими фи-

зическим и эфирным телами, безразлично, либо при пробуждении, либо при засыпании постоянно разыгрываются процессы, которые, собст-

Доска 5

венно, существуют в действующем бытии мыслей и которые являются действующим бытием мыслей между нашим физическим телом и эфирным телом (жёлтое). Так что теперь, объективируя, мы схватили первый элемент душевной жизни. Мы видим в нём тkanie между эфирным и физическим телами.

Эта ткущая жизнь мыслей на самом деле в нашем сознании в бодрственном состоянии не проявляется такой, как она есть. Это необходимо как раз схватить таким образом, как я изобразил. Именно когда мы пробудились, мы проскальзываем нашим «Я» и нашим астральным телом в наше физическое тело. «Я» и астральное тело в нашем физическом теле, пронизанном эфирным телом, принимают участие в жизни

восприятий органов чувств. Вместе с тем, вы, имея в себе жизнь восприятия органов чувств, пронизаны внешними мировыми мыслями, которые вы можете образовывать себе, воспринимая органами чувств, и, кроме того, вы имеете силы заглушить это объективное плетение мыслей. В том месте, где обычно ткуются объективные мысли, мы в определённой степени из субстанции ткаения этих мыслей образуем наши повседневные мысли, формируемые нами в связи с чувственным миром именно указанным способом. И я могу сказать: „Внутри этого объективного ткаения мыслей переливается то, что ныне является субъективным ткаением мыслей (светлое), заглушающим другое, объективное, и тоже разыгрывающимся между эфирным и физическим телами”. Мы живём по сути дела в том, что я иносказательно обозначил, для лучшего понимания, как промежуток между телами эфирным и физическим, в этом промежутке между эфирным и физическим телами мы живем, когда совместно с душой ткём свои мысли. Нашим субъективным ткаением мыслей мы заглушаем объективные мысли, имеющиеся всегда и в спящем и в бодрствующем состоянии. Конечно же, в этой области нашего человеческого существа в определённой мере имеется в наличии ткаение как объективных, так и субъективных мыслей.

Какой смысл имеет ткаение объективных мыслей? Ткаение объективных мыслей, когда оно воспринимается, когда действительно при наличии присутствия духа происходит фиксация момента пробуждения, воспринимается не как голое абстрактное мышление, а как то самое, что живет в нас как силы роста, как вообще силы жизни. Эти силы жизни связаны с ткаением мыслей. В этом случае они внутрь пронизывают эфирное или жизненное тело, наружу формируют физическое тело. То, что мы воспринимаем как объективное ткаение мыслей при фиксации момента пробуждения в присутствии духа, мы, несомненно, имеем с одной стороны как ткаение мыслей, с другой стороны как деятельность питания. Существующее в нас в таком роде мы воспринимаем как внутреннее ткаение, но представляющее собой нечто абсолютно живое. Мышление до некоторой степени теряет свою образность и абстрактность. Оно теряет также все чёткие контуры. Это становится флуктуирующим мышлением, но оно должно четко распознаваться как мышление. Мировое мышление ткёт в нас, и мы узнаём, как ткёт в нас мировое мышление, и как мы с нашим субъективным мышлением погружа-

емся в это мировое мышление. Таким образом, мы схватили душевное в некоторой определённой области.

Если мы пойдём теперь дальше в захватывании в присутствии духа момента пробуждения, то найдём следующее. Если мы при прохождении эфирного тела в состоянии пережить нечто сновидческое, именно в момент прохождения эфирного тела нашим «Я» и астральным телом, то мы затем сможем образно представить себе это сновидение. Картины сновидения должны прекратиться в то мгновение, когда мы пробуждаемся, иначе мы восприняли бы сновидение в обычную осознанную бодрственную жизнь и грезили бы наяву, в связи с чем утратили бы даже рассудительность. Сновидения, как таковые, должны прекратиться. Но кто переживает сновидения в состоянии ясного сознания, следовательно имеет присутствие духа до самого конца переживания сновидения, если сновидение пережито, когда оно *есть*, а именно в момент прохождения эфирного тела, а не только потом в воспоминании, как это обычно бывает, то сновидение обнаруживается как нечто живое, как нечто переживаемое как сущность, в которой осознают себя. Поскольку обычное переживание сновидения в действительности является переживанием воспоминаний, последующим воспоминанием о сновидении, оно есть просто обычная фиксация сновидения, имеющая целью захватить его только как воспоминание, когда оно утекло. В живом же сущностном сновидении образное перестает быть только образным. Получают переживание того, что присутствуют внутри образа. Но благодаря тому, что получают это переживание присутствия внутри образа, которое связано с движением душевного так же, как обычно в бодрственной жизни движения ноги и руки связаны с телесным, — сновидение становится именно таким: оно становится активным. Оно становится таким, что его переживают, как переживают движение руки, ноги или головы и тому подобное. Когда переживают это схватывание сновидения как нечто сущностное, именно тогда в сновидении в дальнейшем, при пробуждении, к этому переживанию присоединяется следующее: эта переживаемая здесь в сновидении активность, внутри которой теперь находятся, в некотором роде присутствуют, — эта активность погружается в нашу телесность. Как при мышлении мы чувствуем, что проникаем до границы нашего физического тела, где находятся органы чувств, и наряду с мышлением воспринимаем впечатления органов чувств, так же чувству-

ем мы, как погружаем в себя эту внутреннюю активность, переживаемую в сновидении. То, что здесь переживают в момент пробуждения или, собственно, перед моментом пробуждения, когда находятся внутри сновидения, ещё совершенно вне своего физического тела, но уже в эфирном теле, соответственно именно когда входят в свое эфирное тело, — это погружают в свою организацию. И это доходит до того, что это погружение имеют перед собой как переживание. Тогда уже знают, что теперь происходит с погружённым: оно снова лучится назад в наше бодрственное сознание, но лучится назад уже как эмоция, как чувствование. Эмоции в нашей организации суть погружённые сновидения.

Когда то, что переплетается с внешним миром, мы воспринимаем в этом состоянии тkania сна, — это является сновидением. Когда сновидения погружаются в нашу организацию и становятся осознанными изнутри, мы переживаем их как чувства. Итак, мы переживаем эмоции благодаря тому, что находящееся в нашем астральном теле погружается в наше эфирное тело и далее в нашу физическую организацию, но не до самых органов чувств, не до самой периферии организации, а только прямо во внутреннюю организацию. Затем, когда это произошло и особенно отчётливо созерцалось в момент пробуждения прежде всего благодаря имажинативному познанию, тогда получают уже внутренние силы, чтобы созерцать это постоянно. А во время бодрственной жизни мы как раз непрерывно грезим. Нашим мыслящим сознанием, жизнью представлений мы лишь высвечиваем сновидения. Кто может заглянуть под поверхность жизни представлений — а обучаются этому видению благодаря тому, что как раз, не теряя присутствия духа, схватывают сам момент сновидения, — кто так обучился, что в момент пробуждения может схватить то, на что я указал, тот может затем даже переживать под поверхностью полной света жизни представлений длящиеся в течение целого дня сновидения, но все это не переживается как сновидения, а тотчас погружается в нашу организацию и излучается назад как мир чувств. Тогда он знает, что чувства, эмоции, это то, что разыгрывается между астральным телом, показанным мной схематически (Рис. доска 5, светлое), и эфирным телом. И конечно, это запечатлевается в физическом теле. Так что истинный источник чувств лежит между астральным и эфирным телами (красное). Как физическое и эфирное тела должны действовать друг на друга в живом взаимодействии с жизнью

мыслей, так эфирное тело и астральное тело должны быть в живом взаимодействии с жизнью чувств. Когда мы бодрствуем, мы переживаем эту живую изменчивость наших теснящихся друг в друге эфирного и астрального тел как наши чувства. Когда мы спим, мы переживаем то, что живущее теперь вовне астральное тело переживает во внешнем эфирном мире как картины сновидения, существующие теперь во время всего сна, но только не воспринимаемые обычным сознанием, а лишь едва вспоминаемые в тех фрагментах, которые образуют обычную жизнь сна.

Из этого вы видите, что если мы хотим постичь жизнь души, то должны заглянуть ещё между членами человеческой организации. Мы представляем себе жизнь души как текущее (*flutendes*) мышление, чувствование и желание. Сейчас мы переходим к последнему. Но объективно мы это захватываем, заглядывая определённым образом в промежутки между этими четырьмя членами: между физическим и эфирным телами, и эфирным и астральным телами.

Как я уже рассматривал с других точек зрения, то, что выражается в желании, вполне поддаётся даже наблюдению обычной бодрственной жизни, обычного сознания. В этом обычном сознании имеются представления, на которые мы ориентируем наше желание, и чувства, развиваемые нами, исходя из представлений в качестве побудительной причины для нашего желания. Но в обычном сознании нам не дано, что же здесь, собственно, происходит, как проигрывается то, что ясно лежит в нашем сознании в качестве содержания представлений нашего желания, когда мы только побуждаем руки к желанию. В то мгновение, когда духовный исследователь привлекает имажинацию и приходит к тому, чтобы увидеть природу мышления и чувствования так, как я говорил, тогда он может проникнуть туда, чтобы получить человеческие переживания, которые разыгрываются между засыпанием и пробуждением, как нечто проваливающееся в сознание. Ибо в упражнениях в имажинации укрепляют «Я» и астральное тело. Они становятся внутренне сильнее, они учатся переживать. В обычном сознании имеют как раз не это истинное «Я». Какое же «Я» имеют в обычном сознании? Вы видите, я снова должен это сравнивать. Когда просматривают жизнь воспоминаний в обратном порядке, то ошибочно это представляют себе замкнутым течением. Однако это неверно, и мы должны были бы в действительно-

сти, прожив и просмотрев теперь прожитый день вплоть до пробуждения, достичь затем пустого места, на котором заканчивается содержание сознания сегодняшнего дня, и так далее. То, что мы наблюдаем здесь в ретроспективной памяти, несёт в себе, разумеется, также те состояния, которые мы прожили бессознательно, которых нет в присутствующем содержании сознания. Но они есть в другом виде внутри. Человек, который бы совсем не спал — если я могу это привести гипотетически — имел бы совершенно разрушенную ретроспективную память. Ретроспективная память до некоторой степени стала бы его ослеплять. Он переживал бы всё то, что поставил перед своим сознанием в ретроспективной памяти, как нечто совершенно чуждое ему, ослепляющее сиянием. Он был бы охвачен этим и должен был бы полностью себя отключить. Он вовсе не пришел бы к тому, чтобы почувствовать в себе самого себя. Только благодаря тому, что в воспоминание вставляется состояние сна, воспоминание становится приглушённым. Мы должны быть в состоянии его выдерживать. Поэтому становится возможным, что мы сами себя утверждаем в отношении нашего воспоминания. Исключительно состоянию сна мы должны быть благодарны за наше самоутверждение в воспоминании. То, что я сейчас говорю, можно было бы хорошо установить сравнительным способом через опытное наблюдение течения человеческой жизни.

И как мы чувствуем внутреннюю активность в воспоминании, также мы, собственно, чувствуем наше «Я», исходя из всей нашей организации. Мы чувствуем это так, как мы воспринимаем состояние сна, я бы сказал, подобно темному пространству в ходе воспоминаний. Мы воспринимаем это «Я» обычным сознанием не прямо, а так, как мы воспринимаем состояние сна. Но в то время, когда мы овладеваем имажинативным сознанием, это «Я» действительно выступает, и оно имеет волевою природу. И мы замечаем то, что в нас активизирует чувство, которое закрывается в себе, чтобы ощущать вместе с миром симпатии или антипатии, что в нас усиливает это чувство в желании, которое разыгрывается в процессе аналогичном процессу, разыгрывающемуся между бодрствованием и вхождением в сон. Это можно опять-таки наблюдать, сохраняя присутствие духа, если развивать для пробуждения и засыпания те самые качества, о которых я говорил. Здесь при засыпании замечают, что в состоянии сна вносят то, что излучается, как излу-

чается активность из нашей жизни эмоций, и что лучится во внешний мир. И затем, когда действительно развиваются в отношении воли, учатся познавать, как погружаются каждый раз в состояние, подобное погружению в состояние сна. Погружаются в глубокий сон. То, что сразу происходит при засыпании, когда «Я» с астральным телом выходят из физического и эфирного тел, это внутренне выступает каждый раз во время желания.

Разумеется, вам должно быть ясно, что описываемое мной гораздо труднее зафиксировать, нежели то, что я описывал прежде, так как в большинстве случаев момент засыпания труднее схватывать в присутствии духа, чем пробуждение. После пробуждения мы бодрствуем, здесь мы, по крайней мере, имеем опору в воспоминании. При засыпании мы должны бодрствующим состоянием ещё глубже входить в сон, если хотим прийти к наблюдению. Но человек в большинстве случаев как раз засыпает — он не посылает вглубь, в засыпание, активность чувствования. Но если он может послать её туда вглубь, что как раз появляется через обучение имажинативному познанию, тогда он замечает, что фактически в желании имеет место погружение в тот же элемент, в который мы погружаемся при засыпании. Мы фактически в желании становимся свободными от нашей организации. Мы связываем себя с истинной объективностью. Как при пробуждении мы проходим через наше эфирное тело, через наше физическое тело вплоть до области органов чувств и таким образом приходим вплоть до периферии тела — в определённой степени овладеваем всем телом, пропитываем всё тело, — так наши сновидения мы снова посылаем назад в виде чувствования в тело и вместе с тем внутренне погружаемся в себя. Сновидения становятся именно чувствами. Но если мы теперь не остаёмся в теле, — внутренне духовно выходим из тела, но без того, чтобы идти к периферии тела, — то мы приходим к желанию. Так что желание фактически происходит, по сути, независимо от тела. Я знаю, что этим говорится многое, но я всё же должен это представить, потому что это является реальностью. И при фиксации этого мы видим, что если мы имеем здесь «Я» (Рис. доска 5, синее), то желание разыгрывается между астральным телом и «Я» (лиловое).

Итак, мы можем сказать, что мы разделяем человека на физическое тело, эфирное тело или тело образующих сил, астральное тело и «Я».

Между физическим и эфирным телами душевно разыгрывается мышление. Между эфирным телом и астральным телом душевно разыгрывается чувствование. Между астральным телом и «Я» душевно разыгрывается желание. Вместе с тем, приходя к периферии физического тела, мы имеем восприятие органов чувств. Когда мы проявляем себя благодаря нашему «Я», встраиваем всю нашу организацию во внешний мир, тогда желание становится поступком на полюсе, противоположном восприятию органов чувств (см. схему, доска 6).

Таким образом достигают объективного захватывания того, что переживается субъективно в текущем мышлении, чувствовании и желании. Так переживание превращается в познание. Все психологи, которые хотят иначе, другим способом, захватить текущее мышление, чувствование и желание, остаются формалистами, так как они не проникают в реальность. В реальность душевного переживания может проникнуть лишь имажинативное познание.

Посмотрим теперь ещё раз внимательно, что получилось из всего нашего рассуждения, до некоторой степени подобного путеводному лучу. Мы сказали, что можно посредством наблюдения, сохраняя присутствие духа в момент пробуждения, проскользнув через эфирное тело, видеть тkanie мыслей, которое имеет объективный характер. Прежде всего воспринимают это объективное тkanie мыслей. Я говорил, что его можно достаточно хорошо отличать от сновидений и также от повседневной жизни мыслей, от субъективной жизни мыслей, так как это тkanie мыслей связано с развитием, со становлением. Это действительно реальная организация. Но если схватывают ткущее здесь, воспринимаемое при просматривании как тkanie мыслей, если, можно сказать, это чувствуют, внутренне ощущают, то воспринимают это как силу роста, силу питания и так далее, как человека, находящегося в процессе становления. Это нечто такое, что в настоящий момент незнакомо, но является миром мыслей. И если теперь это более тцательно изучить, то это есть внутреннее тkanie мыслей в нас самих. Мы схватываем это на периферии нашего физического тела. Прежде чем мы приступаем к восприятию органами чувств, мы схватываем это. Когда мы учимся это объективное тkanie мыслей точно понимать и свыкаемся с его чуждостью по отношению к нашему субъективному мышлению, тогда мы это познаём, мы познаём это как принесённое через наше рождение из

прежних переживаний, из переживаний, предшествующих рождению, предшествующих зачатию. И это становится для нас некой объективной духовной реальностью, которая связывает всю нашу организацию. Объективность, пронизанная мыслями предшествующего бытия, становится предметом объективного созерцания. Мы можем сказать с внутренним пониманием, что из мира духа мы действовали посредством мыслей. Субъективные мысли, которые мы присоединяем к этому, находятся в области нашей свободы. Те мысли, которые мы созерцаем тут, формируют нас, они строят наше тело из ткания мыслей. Они являются нашей предшествующей кармой (см. схему, доска 6). Итак, прежде чем мы приближаемся к восприятию органов чувств, мы воспринимаем нашу предшествующую карму.

А когда мы засыпаем, то это засыпание для того, кто живёт объективным познанием, имеет нечто подобное желанию. Когда желание приводят к полному осознанию, то совершенно отчётливо замечают, что засыпают в собственном организме. Так же, как обычно сходят сновидения, в нашу организацию входят мотивы желания. Засыпают, погружаясь внутрь организма. Учатся распознавать это погружение сна в организм, которое изживает себя во всей полноте прежде всего в наших обычных поступках, совершаемых между пробуждением и засыпанием и осуществляемых нами именно во внешнем мире. Но не всё, что живёт внутри нашей чувственной жизни, вживается в эти поступки. Мы осуществляем также жизнь между засыпанием и пробуждением. И то, что мы иначе втиснули бы в поступки, мы оттесняем из себя через тот же процесс при засыпании. Всю сумму волевых импульсов мы оттесняем в чисто духовный мир, в котором находимся между засыпанием и пробуждением. Волевые импульсы, переходящие в наше духовное бытие, мы имеем только между засыпанием и пробуждением: если мы учимся наблюдать их с помощью имажинативного познания, то мы в них воспринимаем то, что остаётся существующим в ориентации поступка за порог смерти, что выходит с нами за порог смерти.

Между астральным телом и «Я» развивается желание. Желание становится поступком, когда оно заходит во внешний мир так далеко, что доходит до места, откуда обычно приходят впечатления органов чувств. А в засыпание входит все, что хочет стать поступком, но как раз не становится им, а остается связанным с «Я», когда «Я» через смерть пере-

ходит в духовный мир.

Вы видите, мы переживаем здесь на другой стороне нашу будущую карму (см. схему, доска 6). Между желанием и поступком переживаем мы нашу будущую карму. Прошедшая и будущая карма — они обе объединяются в имажинативном сознании. Прошедшая, она живёт и ткёт в нас и улаживается таким образом, что продолжает действовать под порогом, над которым находятся наши свободные поступки, изживаемые нами между рождением и смертью. Между рождением и смертью мы живём в свободе. Но под этой областью свободной воли, желания, областью, которая, собственно, имеет бытие только между рождением и смертью, ткёт и живёт карма, чьи воздействия, приходящие из прошлого, мы воспринимаем, когда мы с нашим «Я» и нашим астральным телом можем задерживаться в эфирном теле именно при погружении вплоть до физического тела. И наоборот, на другой стороне мы воспринимаем нашу будущую карму, когда мы можем задерживаться в области, лежащей как раз между желанием и поступком, и когда при помощи упражнений мы можем настолько развить самодисциплину, что будем способны внутренне усилить, активизировать себя в чувстве подобно тому, как мы, используя помощь тела, активизируем себя в поступках; когда мы можем в духе укрепить себя в чувстве, удерживая, стало быть, поступок в «Я».

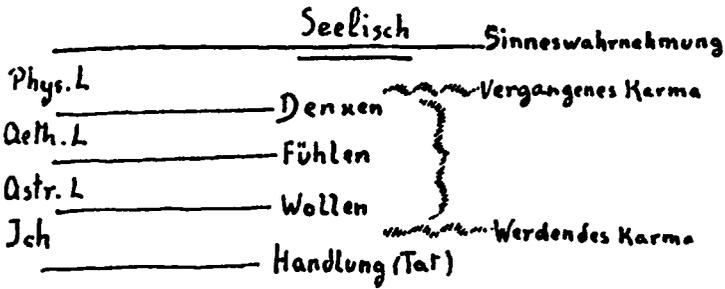
Представьте себе это образно: можно быть в восторге и быть внутренне готовым к тому, чтобы чувства перешли в поступок, но это необходимо удержать, и тогда оно вспыхнет в имажинации как будущая карма.

То, что я вам здесь описал, в человеке имеется, конечно, всегда. Человек с каждым пробуждением, каждое утро проходит область своей прошедшей кармы; каждый вечер при засыпании он проходит область своей будущей кармы. Человек может благодаря определённой внимательности даже без особого обучения при обладании присутствием духа схватить это прошедшее объективное, хотя он этого не осознаёт так отчётливо, как я это сейчас описал. Но он может это воспринять. Это здесь присутствует. И тогда здесь присутствует всё то, что он несёт в себе в своём моральном импульсе хорошего и плохого. Через это человек, собственно, лучше узнаёт себя, чем когда он в момент пробуждения замечает это тkanie мыслей, формирующих его самого.

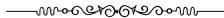
Но ещё более пугливым является восприятие того, что лежит между желанием и поступком, и что можно удерживать. Здесь учатся узнавать себя в отношении того, как сами себя создали в течение этой жизни. Здесь учатся узнавать то, что в виде внутренней сущности проносятся через смерть как будущую карму.

Я хотел сегодня показать вам, как можно говорить об этих вещах в живом понимании, как антропософия абсолютно не исчерпывает себя в схематичном изображении, но может живо описывать факты. И завтра продолжим эти наблюдения дальше. Вместе с тем я перейду к ещё более глубокому пониманию человеческой сущности на основании сегодняшних выводов.

Tafel 6

Доска 6

Дорнах

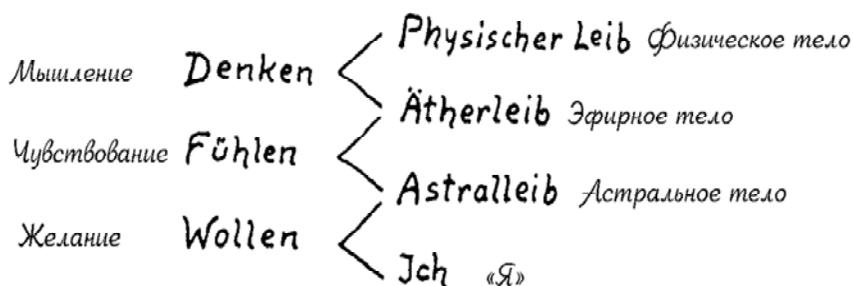
Суббота, 1 октября 1921 года.

Вчера мы указали на то, как человек своим сознанием с двух сторон входит в мир: когда он действует внутрь и когда — наружу. Для обычного сознания то, что живёт здесь в человеке, разумеется, не доступно пониманию, так как оно к пониманию прямо не подталкивает. Но мы, однако, уже видели, как карма в человеке живёт по обе стороны между рождением и смертью. Одна сторона проявляется тогда, когда человек при пробуждении погружается в своё эфирное тело, где он во время погружения даже в обычном состоянии сознания может иметь воспоминания сновидений. Тогда он определённым образом пересекает промежуток между эфирным и физическим телами — в физическом теле он находится, когда имеет полное восприятие органами чувств, — и проходит область существующих в нём живых действующих мыслей. Это те самые мысли, участвующие в создании его организма, которые он проносит в бытие через рождение, и которые, другими словами, составляют его прошедшую карму, его готовую карму. Но затем при засыпании человек попадает в то, что не может стать поступком. То, что из наших душевных и волевых импульсов входит в поступки, — это изживается уже в жизни. Но кое-что всегда остаётся, и это человек забирает в сон. И обычно это действительно происходит так. Всё то, что из душевной жизни не входит в поступки, что до некоторой степени останавливается перед поступком, является будущей кармой, которая формируется и которую мы несём затем дальше через смерть. Короче говоря, вчера я хотел указать на то, как в человеке живут силы кармы.

Сегодня мы рассмотрим кое-что из человеческого окружения, чтобы завтра можно было дать своего рода полное заключение и чтобы показать, как человек стоит, собственно, внутри мира. Мы вчера старались объективно рассмотреть саму человеческую душевную жизнь и таким

образом нашли, что мышление развивается в том же регионе, который как раз является регионом этих объективных мыслей между физическим и эфирным телами; что чувствование развивается между эфирным и астральным телами, и что желание развивается между астральным телом и «Я». Таким образом, до некоторой степени в промежутках (я вчера уже сказал, что выражение это не вполне подходящее, однако — вполне понятное), которые мы должны предполагать между четырьмя членами человеческой природы — физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «Я» — развивается эта собственная душевная деятельность. При объективном её рассмотрении можно увидеть, что представляет собой её обменная деятельность между членами человеческого существа.

Доска 7

Сегодня мы рассмотрим лишь кое-что из человеческого окружения. Представим себе, как человек пребывает в довольно живой жизни сновидений, как человек получает картины, блуждая сквозь жизнь сновидений. Только вчера я говорил, что имажинативное сознание может воспринимать, как спускаются в человеческую организацию эти картины, и как действующее в этих картинах создает наши чувства. Наши чувства, стало быть, являются тем, что, собственно, было бы схвачено созерцанием сновидческих картин, если бы глубже заглянули во внутреннее человека. Чувства есть волны, пробивающиеся в наше сознание из жизни ежедневных сновидений. Бесперывно под поверхностью жизни представлений, сказал я вчера, мы видим сны, и эта жизнь сновидений из-

живает себя в чувствах.

Когда мы теперь созерцаем окружение человека — прежде всего животный мир — тогда мы находим сознание животного мира, которое не поднимается до мышления, вплоть до мыслительной жизни, но которое развивается, собственно, в некий род живой жизни сновидений. Мы можем с помощью изучения нашей собственной жизни сновидений образовать представление о том, как это в действительности выглядит в душевной жизни животного. Душевная жизнь животного как раз всецело представляет собой сновидение. Отсюда — душевная жизнь животного гораздо более деятельна в организме, чем душевная жизнь человека. У человека она гораздо больше освобождена от организма благодаря свету жизни представлений. Животное действительно видит сны. И как картины наших сновидений, то есть картины сновидений, образуемые нами во время бодрственного сознания, поднимаются в виде чувств, так и в основе животного преимущественно лежит подобная эмоциональная душевная жизнь. Душевной жизни, наполненной светом ясных мыслей, животное в действительности не имеет. Таким образом, происходящее у нас между эфирным и астральным телами, есть главное, что происходит в животном — оно образует животную душевную жизнь. И мы можем понять животную жизнь, когда таким образом представим её исходящей из душевной жизни.

Важно приобрести определенное представление об этих соотношениях, ибо тогда становится понятным, что собственно происходит, когда животное, скажем, переваривает. Как-нибудь обратите внимание на стадо, лежащее на пастбище и переваривающее пищу. Всё настроение, которое имеется у животных, уже возвещает то, что выявлено здесь благодаря духовному исследованию: деятельность, разыгрывающаяся по существу между эфирным и астральным телами животного, проникает в живое чувствование, и животное живёт в этом чувствовании. Это есть суть животного переживания: некое усиление и уменьшение этого чувствования и участие в своих сновидениях, когда чувствование как раз несколько приглушается и на его месте больше выступает картина. Итак, мы можем сказать, что животное живёт в сознании, которое подобно нашему сновидческому сознанию.

Если мы у животного ищем сознание, которое имеем сами как люди, обитающие здесь на Земле, то мы не можем искать его внутри живот-

ного, а должны искать его у существ, не приходящих к непосредственному физическому бытию. Мы называем их групповыми душами животных, душами, которые как таковые не имеют физической телесности, но которые изживают себя через животных. Мы можем сказать, что все львы в совокупности имеют одну такую групповую душу, которая имеет духовное бытие. Эта групповая душа, кроме того, имеет сознание не отдельного животного, а такое, которое имеет отдельный человек.

Если теперь мы спустимся ещё ниже, в мир растений, то там мы имеем сознание не такое, как у животных, — но в самом мире растений присутствует сознание, которое мы имеем в период от засыпания вплоть до пробуждения. Растение — это спящее существо. Но и мы развиваем это сознание между астральным телом и «Я» в желании. Что деятельно, в мире растений, это по существу подобно тому, что живёт в нашем желании. В нашем желании мы в действительности спим даже тогда, когда бодрствуем. Та же деятельность, которая господствует в нашем желании, в действительности господствует и над всем миром растений.

Сознание, развиваемое нами в виде спящего сознания, это есть нечто такое, что, собственно, непрерывно вдвигается как бессознательное в наше сознающее, что, как я вчера говорил, образует промежутки в нашем воспоминании. Во время сна наше сознание приглушено и вообще погашено для большинства людей, такое же сознание у растений.

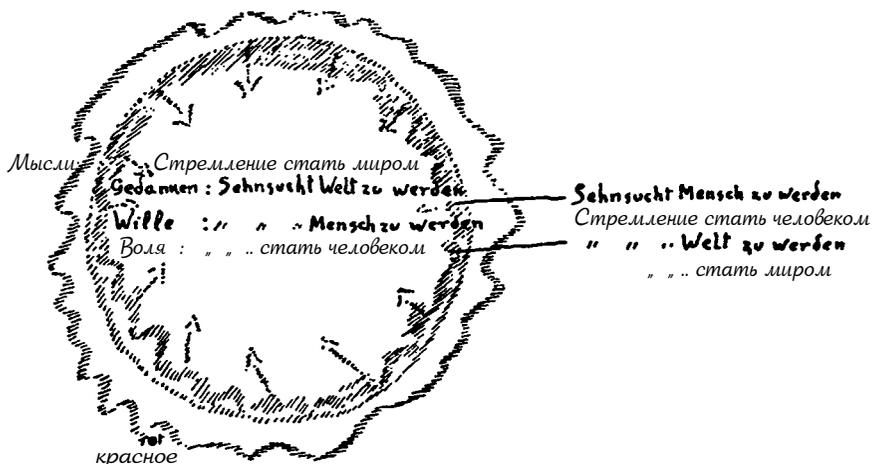
Если дальше мы разыскиваем то, что в жизни растений является подобным животной жизни, то мы не можем искать это в отдельных растениях, а в действительности должны искать в единой душе Земли. Единая душа Земли имеет сновидческое сознание и спит внутри сознания растений. И лишь поскольку Земля принимает участие в космическом становлении, она вспыхивает так, что может развивать такое совершенное сознание, какое мы, люди, имеем между рождением и смертью в бодрственном состоянии. Но это преимущественно бывает, когда наступает зима. Это подобно пробуждению Земли, в то время как в летнее время, во время тёплого периода, имеет место приглушённое сновидческое сознание. *Как я уже излагал в более ранних докладах, совершенно ошибочно верить, что Земля летом как бы бодрствует и спит зимой.* Происходит обратное. С возбуждением вегетативной деятельности, развивающейся в летнее, тёплое время года, имеет место как раз спящее состояние Земли, собственно состояние сна, тогда как бодрст-

венное состояние Земли имеет место в холодное время года.

Но если мы опускаемся теперь в минеральную область, то приходим к тому, что должны сказать: здесь имеет место сознание, погружённое ещё глубже, чем сознание нашего сна, сознание, лежащее уже совершенно далеко за пределами нашего обычного человеческого опыта, которое, таким образом, перешло бы за пределы желания. Но, собственно, только для нашего обычного сознания то, что живёт здесь в минералах как состояние сознания, нам, людям, кажется лежащим далеко. В действительности это лежит от нас вовсе не так далеко. Именно когда мы переходим от желания к реальному действию, когда мы нечто осуществляем, уже тогда наше желание отделяется от нас. И то, в чём мы затем, можно сказать, плаваем внутри, в чём живём и действуем, осуществляя поступок, который мы ведь только представляем (да, мы не погружаемся нашим сознанием внутрь поступка, а лишь представляем его), но то, что погружается в сам поступок, содержание поступка, это в конце концов то самое, что погружается в минеральное по ту сторону поверхности минерала и организует минеральное сознание. Мы, собственно, пришли бы туда, где действует минеральное сознание, если бы мы могли ещё глубже погрузиться в подсознательное. Но мы бы не освоились ни с каким другим состоянием, кроме того, в котором осуществляется сам наш поступок. Отсюда минеральное сознание до некоторой степени располагается по ту сторону того, что мы как люди ещё в состоянии пережить. Но даже наш собственный поступок лежит по ту сторону того, что может быть пережито здесь нами, людьми. Поскольку, стало быть, наш поступок зависит не от нас и лежит не в той области, которая заключена внутри нашей свободы, он представляет собой такое же мировое событие, как и происходящее внутри минерала. Включив свой поступок в это событие, мы тем самым привели отношение человека к его окружению уже до того момента, когда человек со своим поступком затем переходит по ту сторону даже своего спящего сознания. Обнаруживая вокруг себя минеральный мир и созерцая снаружи минералы, человек приближается к тому, что расположено по ту сторону его переживания. Мы можем сказать: пусть эта окружность будет тем, что мы видим внутри человеческого царства, животного царства и растительного царства, и тогда мы подходим здесь к минеральному царству; таким образом, здесь находится минеральное царство,

воздействуя на наши органы чувств и предоставляя нам свою внешнюю сторону, но на другой стороне, там, куда мы больше не входим, минеральное царство развивает свое сознание, до некоторой степени отвращаясь от нас (см. рис. красное).

Доска 8

И это развивающееся здесь сознание есть то самое, из которого воспринимается также внутренне содержание наших поступков, действующих затем дальше в ходе нашей кармы.

А теперь мы идём к существам, стоящим ныне в ряду природного царства не ниже людей, а над ними. Каким образом мы можем получить об этих существах верное представление? Как в самом деле вообще образуется в нашем сознании, основы которого мы должны закладывать посредством духовного исследования, посредством антропософии, как образуется там представление о таких высоких существах? Теперь из моей книги «Как достигнуть познания высших миров?» и из того, что я дал по этой же теме в устных докладах, вам известно, что от дневного сознания, называемого нами предметным сознанием, мы можем подняться к имажинативному сознанию. Если мы здоровым образом поднимаемся к имажинативному сознанию, то мы прежде всего ос-

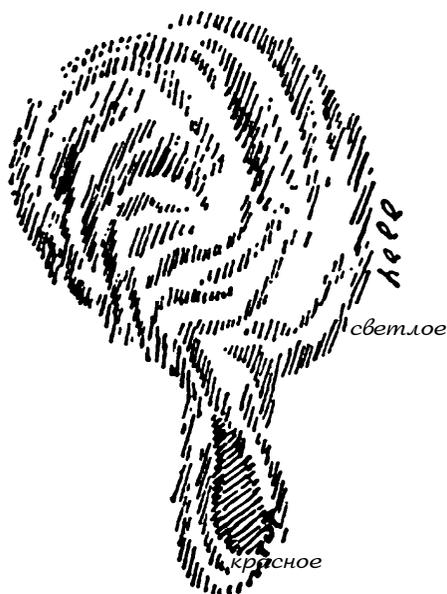
вобождаемся от нашей телесности. Мы ткём в эфирной жизни. Благодаря этому наши представления не будут резко очерченными, они будут перетекающими друг в друга имагинациями, а это как раз то, что похоже на ту самую жизнь мыслей, которую я вчера описывал и которую мы находим при пробуждении между эфирным и физическим телами. В такую жизнь мыслей мы уже вживаемся. Эта жизнь мыслей, в которую мы вживаемся в имагинации, происходит не так, что в свободном произволе мы дополнительно расчлняем одну мысль другой, но мысли сами собой расчлняются друг в друге. Это мыслительный организм, образный мыслительный организм, в который мы вживаемся. Но этот образный мыслительный организм имеет в себе жизненные силы. Он представляется нам мыслесущностным, но он в действительности живёт и имеет в себе собственную жизнь, не ту собственную жизнь, которую имеют физически земные вещи, а собственную жизнь, по сути дела всё проплетающую и переживающую. Мы вживаемся в мир, живущий имагинированием, деятельность которого — имагинирование.

Это мир, который мы прежде всего переживаем над человеком, — это ткущий, имагинирующий в себе мир. То, что влетено в нас самих между нашим эфирным и нашим физическим телами мы находим лишь как часть, как что-то, что вырезано из этого ткущего имагинирующего в себе мира. Мы можем найти это при пробуждении, и мы знаем, что это тождественно тому, что входит из духовного мира в физический через зачатие и рождение, когда мы вступаем как раз в этот физический мир. Тот имагинирующий в себе мир в известной степени наконец освобождает нас и затем после нашего рождения работает дальше в нашем физическом теле. Здесь происходит тkanie мыслей независимо от нашего собственного субъективного тkania мыслей. Это тkanie мыслей имеет место в нашем росте. Оно фактически работает в нашем питании. Это тkanie мыслей образовано из всеобщего тkania мыслей космоса.

Мы не сможем понять наше эфирное тело, если не понимаем, что в нём мы имеем всеобщее тkanie мыслей мира (см. рис. 7, светлое), а наше собственное эфирное тело (красное) в известной мере выплетается благодаря нашему рождению из этого мирового тkania мыслей. Мировое тkanie мыслей действует внутрь нас и формирует силы, лежащие в основе нашего эфирного тела и оказывающиеся в действительности в промежутке между эфирным и физическим телами. Они в определённом

ной мере вносятся с помощью физического тела, обособляются от внешнего мира и затем действуют в нас с помощью эфирного тела, собственного тела образующих сил.

Доска 7

Так можем мы создать себе представление о том, что находится позади нашего мира. Следующая ступень нашего познания является имажинативной, и следующее сущностное нашего окружения — себя имажинирующее, изживающее себя в живых картинах. И в основе нашей собственной организации лежит такое изживание себя в живых картинах. Мы формируем, строим согласно нашему эфирному телу исключительно из космоса. Как спускаясь в область, лежащую под нами, мы должны относить к животному наше сознание, каким мы имеем его в сновидении, так, поднимаясь над собой, мы имеем то, что в этом случае субъективно получаем в имажинации. То, что внутри мы образуем в виде ткани имажинации, — мы имеем снаружи, определённым образом созерцаем извне. Мы имажинируем внутри. Стоящие над человеком существа имажинируют себя наружу, проявляют себя через ведомую наружу има-

гинацию, и мы сами вычленены из этого мира через такую ведомую наружу имажинацию. Так что в основе нашего мира лежит тканье мыслей, образное тканье мыслей. В то время как мы ищем духовный мир, мы находим образное тканье мыслей.

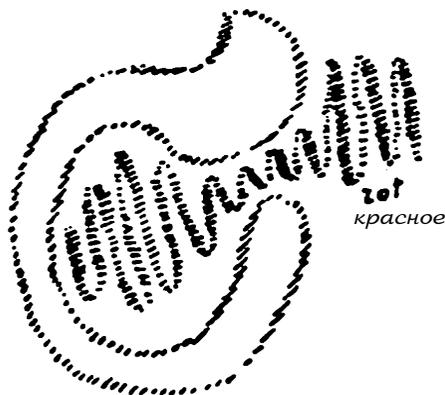
Вы знаете, что следующей ступенью развития способностей нашего познания является инспирация. Мы можем имажинацию переживать как процесс познания изнутри. Но мир, следующий после имажинирующего себя мира, определённым образом живёт и ткёт в том же элементе, в который мы попадаем при инспирации. Только для этого мира это есть экспирация, расширение некоторым образом из себя наружу. Мы инспирируем себя при познавании. Но ближайший мир экспирирует себя, он выгоняет вовне то, что мы в инспиративном познавании загоняем во внутреннее.

Таким образом, созерцая до некоторой степени с противоположной стороны то, что мы переживаем в инспирации изнутри, мы ближе подходим к объективности ближайших вышестоящих существ. И таким же образом это происходит в интуиции, при интуитивном познавании. Но я должен прежде всего сказать, что если бы мы как люди были созданы определённым образом лишь из мирового мыслительного тканья, то мы не принесли бы с собой в эту жизнь наше душевное, пережитое нами в жизни от последней смерти до этого рождения, ибо то, что сотворено из мирового всеобщего тканья мыслей — это как раз сотворено из космоса, это нам досталось от космоса. Душевное должно прийти сюда уже потом. И это душевное приходит сюда через такую экспиративную деятельность, через деятельность обратную инспирации. Таким образом, мы в определённой степени экспирированы вовне из душевно-духовного космоса. В то время как космос обвивает нас своим тканьем мыслей, духовно-душевный мир, экспирируя, пронизывает нас душевностью. Но он должен, однако, эту душевность сперва воспринять. И здесь мы приближаемся к тому, что теперь снова может быть правильно понято только из человека.

Посмотрите, мы как люди, живя в мире между рождением и смертью, беспрестанно воспринимаем благодаря нашим чувственным восприятиям впечатления от внешнего мира. Мы образуем себе об этом представления, пронизывая эти представления своими чувствами. Мы переходим к нашим волевым импульсам. Мы это всё пронизываем. А

это формирует в нас род абстрактной жизни — сначала род образной жизни. И если вы, скажем, посмотрите внутрь, на то, что там внутренне образовалось от восприятий органов чувств как душевное переживание внешнего мира, то это и есть ваше душевное содержание. Душевное содержание человека, предстающее между рождением и смертью в полном бодрствующем сознании, является тем, что даёт ему внешний мир. Это до определённой степени воспринимает его внутреннее. Схематически я нарисую это внутреннее таким образом: здесь мир до некоторой степени посылается внутрь для воспринимания (см. рисунок, красное) и становится миром, наполненным внутри силами эмоции и желания, который здесь в человеческом организме прессуется, сжимается. Мы, собственно, несём в себе образное представление мира, а несём мы это образное представление мира благодаря тому, что в нас втискиваются воздействия, впечатления мира. И обычным сознанием мы не в состоянии полностью просматривать судьбу того, что тут в действительности проходит в нас с впечатлениями мира. То, что в нас проникает и живет в нас, являясь в определённых границах образом кос-

Доска 7
справа

моса, это пропитано не только чувствами и внутренними волевыми импульсами, приходящими в наше сознание, но главным образом это наполнено всем тем, что живёт внутри человека. Благодаря этому приобретает определённую тенденция. Это удерживается телом в течение нашей жизни вплоть до смерти. Проходя через врата смерти, забирают

с собой от тела то, что можно назвать желанием продолжить возникшее в теле: желание воспринять человеческую сущность. Когда мы несём нашу внутреннюю душевную жизнь через смерть, то возникает желание воспринять человеческую сущность.

То, что наша душевная жизнь пронесёт через смерть — это страстное желание человеческого существования. И это страстное желание человеческого бытия особенно остро выражено во всем том, что есть сновидческого и спящего в подосновах нашей душевной жизни, что существует в нашей воле. Наша воля, как только она присоединяется к возникающей из впечатлений внешнего мира душевной жизни, проходя через смерть, несёт в себе глубочайшее страстное стремление стать, теперь в духовном мире, человеком в едином духовном мировом ткани.

Зато мир наших мыслей, тот мир, который, например, можно созерцать в нашем внутреннем и который отражён внутрь нашего сознания из нас самих, несёт в себе обратное стремление. Он ведь стал родственен нашему человеческому существу. Наши мысли вступают в сильное родство с нашим человеческим существом. В этом случае, проходя через смерть, они несут в себе значительное стремление расшириться в мир, стать миром (см. рис. на с. 60).

Итак, мы можем сказать: в то время как мы, люди, проходим через смерть, мысли несут в себе стремление стать миром. Напротив, воля, которую мы развили в жизни, несёт в себе стремление стать человеком.

Доска 8

Мысли: стремление стать миром.

Воля: стремление стать человеком.

Это то, с чем мы проходим через смерть. Всё то, что в глубинах нашего существа господствует как воля, несёт в себе, в глубочайшем внутреннем, стремление стать человеком. Это можно наблюдать имагинативным сознанием, когда наблюдают спящего человека, который имеет волю вне себя, имеет волю вне себя в «Я». Здесь уже в том, что находится вне человеческого тела, отчетливо проявляется стремление при пробуждении снова вернуться, чтобы сформироваться человекоподобно

в развитии самого физического человеческого тела. И это же стремление пребывает за порогом смерти. Волеобразная природа хочет стать человеком, тогда какмыслеобразная природа и то, что должно быть прямо связано с мыслями, которые так близки физической жизни, с теми мыслями, которые, собственно, формируют нашу человеческую ткань и которые между рождением и смертью получают нашу человеческую фигуру, — это воспринимает стремление снова расплыться, снова излиться, стать миром. И это продолжается затем примерно до середины периода времени, которое мы проводим между смертью и новым рождением.

Здесь мыслительное в своём стремлении стать миром в определённой степени дошло до конца. Оно присоединилось ко всему космосу. Стремление стать миром достигнуто, и происходит поворот. В середине между смертью и новым рождением это стремление стать миром медленно превращается в стремление стать человеком, снова соткать себя так, как это происходит именно тогда, когда возникает ткание наших мыслей, которое мы можем воспринять при пробуждении, направляясь к телу. Так что мы можем сказать, что *в полуночный час бытия (я ведь называю то, что лежит в середине между смертью и новым рождением, как вы знаете из моих драм-мистерий, — полуночным часом бытия)* после осуществления мыслительного стремления нашего существа стать миром мы имеем ритмический поворот к стремлению снова стать человеком, мало-помалу спуститься вниз, чтобы снова стать человеком.

В тот самый момент, когда мысли получают стремление снова стать человеком, у воли начинается обратное. Воля ведь сначала развивает стремление стать человеком в духовном элементе, который мы переживаем между смертью и новым рождением. Это то стремление, которое в максимальной степени заполняет волю. Там, между смертью и новым рождением, это определённым образом пережило духовное отображение человека; теперь в нём возникает живейшее стремление снова стать миром. Воля до некоторой степени расширяется. Она становится миром, становится космической. Благодаря тому, что она расширяется, она как раз и достигает близости того природного течения, которое затем через линию наследования образует продолжение поколений. Так что действующее в духовно-физическом космосе как воля, получает как воля в полуночный час бытия стремление стать миром, чтобы, собственно, уже жить в будущих поколениях. Когда мы потом вонзаемся в

другое течение, имеющее стремление стать человеком, воля уже нам предшествует в развитии мира. Она уже живёт в продолжении поколений рода, в который мы затем погружаемся. В том, что мы получаем от предков, уже живёт воля, которая, начиная с полуночного часа бытия, захотела стать миром. И с этой стремящейся стать миром волей мы встречаемся, когда то, чем в своих мыслях хочет стать человек с полуночного часа бытия, присоединяется к ней.

Доска 8

Мышление: стремление стать миром – стремление стать человеком.

Воля: стремление стать человеком – стремление стать миром.

Итак, вы видите, когда мы духовным образом наблюдаем то, что живёт на одной стороне в физическом, а на другой стороне — в духовном,— тогда перед нашей душой предстаёт картина становления человека. Но в то время, как мы склоняемся к нашему физическому бытию через имеющую стремление стать человеком мыслительную ткань, мы родственны со всеми себя имажинирующими существами, живущими в ближайшей сфере над людьми. Мы определённым образом пересекаем сферу себя имажинирующих существ. И именно в тот момент, когда происходит этот поворот, наша душа, пронизанная «Я», находит возможность воплотиться теперь в оба течения, которые, конечно, разделяются, но с которыми душа живёт, живёт космически, пока не воплотится снова после полного осуществления стремления стать человеком и не станет именно отдельным человеком. Душа, собственно говоря, живёт очень сложно, и здесь в полуночный час бытия она проходит над бездной. Она сама определённым образом инспирирована из нашего прошлого, прежде всего того прошлого, которое лежит между нашей последней смертью и полуночным часом бытия. В полуночный час бытия мы проходим через деятельность подобную инспирированию, когда её переживаешь внутри, а снаружи она является экспирированием, исходящим из более раннего бытия. В течение полуночного часа бытия душа встречается с теми существами, которые находятся над человеком на второй ступени и живут, как я говорил, — в экспирировании.

При более высоком познании третьей ступенью мы имеем интуитивное сознание. Если мы направляем его переживание внутрь, то в оп-

ределённой степени мы имеем его с одной стороны. Если же мы переживаем его снаружи, то мы имеем интуитивирование, — отдавание себя, правильное отдавание себя. Это отдавание себя, это изливание себя во внешний мир является сущностью той иерархии, которая как третья ступень стоит над человеком, является интуитивированием. И это интуитивирование является той деятельностью, посредством которой содержание нашей предыдущей земной жизни интуитивировано сюда в нашу теперешнюю земную жизнь, перелито в нашу современную земную жизнь. Эту деятельность мы осуществляем, разумеется, постоянно, как на пути вплоть до полуночи бытия, так и в дальнейшем. Эта деятельность пронизывает всё другое, и благодаря ей мы, проходя таким образом через повторяющиеся земные жизни, участвуем в том мире, в котором обитают существа, живущие истинным интуитивированием, отдающие себя существа. И мы включаемся в каждое следующее земное бытие, исходя из нашей предыдущей земной жизни.

Так мы действительно можем получить представления, как наша жизнь протекает между смертью и новым рождением в окружении этих трёх миров.

Как здесь между рождением и смертью мы живём в окружении животного, растительного и минерального миров, так же между смертью и новым рождением мы живём в том мире, где вовне живёт сформированное в картины то, что обычно мы получаем в имажинации. Итак, то, что мы вносим в нашу телесную организацию из духовного космоса, мы можем получить оттуда также и через имажинацию. А то, что от нашего душевного мы проносим через полуночный час бытия и что потом в нас живёт прежде всего как эмоциональная деятельность, но именно приглушённая в грёзоподобном, — это мы можем схватить с помощью инспирирующего познания, и оно, вступая как жизнь наших чувств, тоже пронизано такими существами.

На самом деле мы именно как люди полностью живём лишь в восприятии наших внешних органов чувств. Когда мы уже продвигаемся к мышлению, тогда объективным этого мышления является нечто даваемое имажинацией и заключающееся в формировании картин. Из формирования картин мы своим сознанием извлекаем лишь абстрактные мысли. Сразу позади нашего сознания лежит картинное ткание мыслей. Благодаря тому, что мы можем из этого картинного ткания мыслей из-

влекать абстрактные мысли, мы как люди приходим к свободе между рождением и смертью. Мир имажинативной необходимости лежит позади этого. Но там мы, впрочем, уже не так самостоятельны, как здесь. Там мы связаны с существами, открывающими себя через имагинацию, так же, как потом в нашем чувствовании мы связаны с существами через экспирацию, с существами, проявляющими инспирирование наружу. И вместе с тем мы идём от одной земной жизни к другой, связанные с теми существами, которые живут в интуитивировании.

Таким образом, наша человеческая жизнь простирается вниз в три царства природы и вверх в три сферы божественно-духовно-душевного бытия. Это показывает нам, что мы, конечно, созерцая здесь человека, имеем лишь его внешнюю сторону. В то мгновение, когда мы созерцаем во внутреннем, человек продолжается вверх в более высокие миры, проявляет себя, открывая свою связь с более высокими мирами, и мы вживаемся через имагинацию, инспирацию и интуицию в эти высокие миры.

Этим мы уже бросили взгляд на человеческое окружение. Но в то же время этим мы открываем тот мир, который как мир духовной необходимости стоит за миром физической необходимости. И мы тем более учимся тогда ценить то, что лежит между ними — мир нашего обычного сознания, которое мы переживаем в бодрствующем состоянии между рождением и смертью. Здесь мы включаем в наше собственное человеческое существо то, что может жить в свободе. Свободу мы проносим через врата смерти благодаря тому, что мы захватываем с собой сущностное содержание сознания, которое мы имеем здесь между рождением и смертью. Именно земному бытию человек обязан овладением свободной жизнью. Кроме того, его, разумеется, уже нельзя лишить её, если он овладел ею благодаря тому, что прожил жизнь между рождением и смертью; его уже нельзя лишить её тогда, когда он эту жизнь несёт дальше в мир духовной необходимости. Эта земная жизнь получает свой глубокий смысл именно благодаря тому, что мы в состоянии вставить её между тем, что расположено под нами и над нами. И таким образом, мы живём, поднимая себя к овладению тем, что может быть достигнуто в человеке как духовное.

Если мы хотим познать душевное, то должны некоторым образом заглянуть в промежутки между физическим телом, эфирным телом, аст-

ральным телом и «Я». Затем мы должны заглянуть в то, что ткёт здесь между членами нашего человеческого существа. Если мы хотим познаться с человеком как духовным существом, тогда мы должны вслед за этим спросить, — что переживает человек с имагилирующими себя существами, с существами, открывающими себя наружу через инспирацию или, собственно, через экспирацию, и с существами, открывающими себя через интуитивирование? Как мы должны, желая испытать жизнь души, определённым образом отыскать, что развивают наши человеческие основные члены для обменной деятельности друг с другом, таким же образом мы должны отыскать связь с существами более высших иерархий, когда мы хотим наблюдать человека как духовное существо.

Когда мы всматриваемся в природу и хотим созерцать человека целиком, тогда этот человек раскрывается нам для духовного созерцания в тот момент, когда из внутреннего познания мы можем сказать: человек, каков он сегодня, несёт в себе физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «Я». В настоящее время научились узнавать, чем является человек внутри природы. Но душевное тканье мы обнаруживаем, сначала субъективным образом, через внутренние переживания. Мы его ведь не созерцаем, мы находимся внутри. В то время как мы достигаем созерцания, мы должны искать душевное тканье между членами, которые мы обнаружили как основные члены человека в природном бытии. То, что эти члены делают друг с другом во внутреннем, раскрывается нам как объективное созерцание душевной жизни.

Но затем мы должны идти дальше и не только искать основные члены человека и их взаимодействие друг с другом, но и брать всего человека и рассматривать его в обменной деятельности с тем, что живет в его широчайшего охвата мировом окружении — под ним и над ним. Здесь мы обнаруживаем, как под ним, являясь спящим, живет противоположное тому, что над ним и что оказывается собственной духовностью человека — духовностью в виде переживания нашей деятельности вместе с существами высших иерархий. То, что здесь наверху переживается как собственная духовность, и то, что переживается внизу в природе, человек переживает как чередование, ритмическое чередование бодрствования и сна. Если мы пойдём от человеческого сознания, являющегося бодрствующим сознанием, вниз к животному сознанию, то

оно является сновидческим сознанием. Если идём дальше вплоть до растительного царства, тут сознание — спящее. Идём ещё глубже вниз — здесь сознание ещё глубже, чем спящее. Идём теперь вверх — мы находим прежде всего исполненное реальности имажинирование. Так дальнейшее пробуждение относительно нашего обычного сознания, ещё продолжающееся пробуждение в сфере более высоких существ, происходит через инспирацию. Полное же пробуждение происходит в интуитивировании — это такое пробуждение, которое является жертвой миру.

А теперь проследите, пожалуйста, за тем, что я здесь изобразил лишь схематически, но это имеет громадное значение для понимания мира и человека. Примите здесь определённым образом обычное человеческое сознание за центральную точку. Опускаясь сначала вниз, находим животное сновидческое сознание; опускаясь дальше вниз, находим растительное спящее сознание; а опускаясь ещё дальше вниз, находим минеральное глубоко спящее сознание.

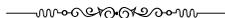

Но как только человек поднимается над самим собой, то находит су-

ществ, открывающихся в имажинации; поднимается дальше вверх и находит существ, открывающихся в инспирации, по сути дела, через экспирирующее бытие, и, наконец, находит существ, открывающихся через интуитивирование, изливающих себя.

Куда они изливаются? Высочайшее сознание изливается в глубоко спящее сознание минерального царства. Расстилающееся вокруг нас минеральное царство показывает нам одну свою сторону. Если бы вы при приближении к этой одной стороне минерального царства приближались бы не через дробление вплоть до атома, а действительно были бы в состоянии достигнуть цели, то на другой стороне нашли бы то излучающееся, что устремляется в интуитивирующем сознании навстречу глубоко спящему сознанию минерального царства. И этот процесс, который мы можем найти здесь в пространстве, мы как люди сами испытываем в ходе развития, проходя в течение времени через различные земные жизни.

А завтра мы будем говорить дальше об этих соотношениях.

Дорнах

Воскресенье, 2 октября 1921 года.

Я хотел бы ещё раз, чтобы увидеть взаимосвязь, коротко повторить то, что в последние дни выступило перед нашей душой в отношении познания душевной и духовной жизни человека. В частности, я хотел бы для определённого предварительного заключения по поводу данного наблюдения предпослать кое-что необходимое из сказанного ранее тому, что ещё следует добавить. Сегодня я хочу больше говорить о результатах: ход наблюдения я уже изложил в последние дни.

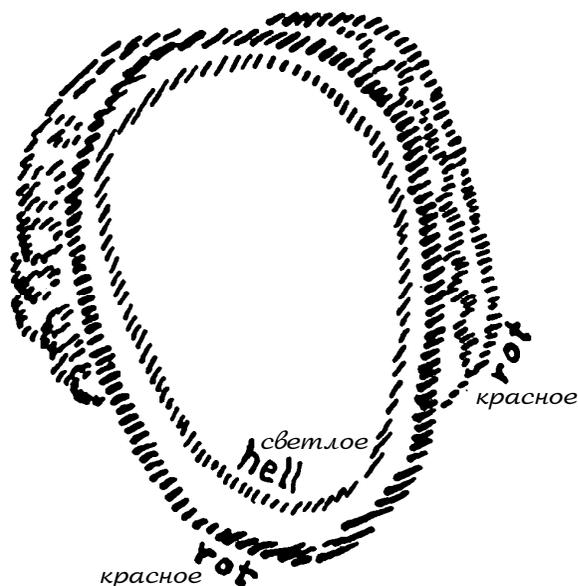
Мы рассмотрели, что в известной степени в промежутке между эфирным и физическим телами имеется ткань живых мыслей. Что, собственно, представляет собой эта ткань живых мыслей? — Это то, что через рождение мы вносим в земной мир из духовно-душевного мира. Необходимо представить себе, что имеет самостоятельную жизнь то, что мы имеем внутри мыслительной деятельности только в образах, то есть то, что лишь отображает что-либо внутри нашей мыслительной деятельности, но именно тогда внутри отсутствует то, что мы почувствовали, имея мысли; мыслительная же ткань наполнена объективным бытием, следовательно является творящей, ткущей, деятельной мыслительной тканью. Таким образом, у человека эта мыслительная ткань принимает участие в его формообразовании, участвует в течение всей жизни между рождением и смертью.

На последнее, что я сказал, прошу обратить особое внимание. Нельзя сказать, что эта мыслительная ткань целиком формирует человека и что человек, таким образом, якобы выткан из того, что можно назвать космическими мыслями. Это неверно, по крайней мере, в отношении этой мыслительной ткани, находящейся между эфирным и физическим телами. Человек непременно формируется и из другого, что приходит к нему из всеобщего космоса, а описанная здесь мною мыслительная

ткань является лишь соучастницей тканя. Но мы некоторым образом находим её на том же месте, где находится также наше субъективное мышление, так как субъективные мысли мы вплетаем в эту мыслительную ткань. Ведь объективные мысли обычно сознанию не показываются вовсе, в то время как субъективные мысли, возгорающиеся от внешнего мира, вживаются в эту ткань и создают для нашего сознания наше мыслесодержание.

Так некоторым образом человек предстает с одной стороны — со стороны своей кожи, поскольку в кожу, собственно говоря, встроена сумма органов чувств. Но как только мы сами сегодня приближаемся к миру чувств, дело обстоит так, что мы до известной степени не доходим до органов чувств, созерцая то, что человек, вступая в бытие через рождение, получил включенным в себя. Это обстоятельство мы должны

Доска 9

схематически изобразить так: если это является мыслительной тканью между эфирным и физическим телами (см. рис., светлое), то снаружи вокруг этой мыслительной ткани обвивается всё, что является включенной в кожу жизнью чувств (красное). Таким образом, это сформирова-

но космосом и присоединено к человеку. Итак, это является тем, что человек получает некоторым образом как дар космоса, когда он, вступая через рождение, вносит то, что прежде всего существует в его мыслительной ткани. И, собственно, когда о человеке говорят как о проходящем сквозь сатурническое, солнечное, лунное и земное развитие, как я это описал в своем «Очерке тайноведения», тогда важнейшим мы находим прежде всего — начавшееся от Сатурна внешнее развитие, выраженное именно в конфигурации органов чувств. Потом это продолжается, разумеется, через внутренние процессы в системе желёз, в нервной системе и так далее, но именно от органов чувств исходит то, что человек получил из космоса как свою организацию. Но то, что я здесь изобразил как мыслительную ткань, является как раз всецело принадлежащим индивидуальному человеку. Это, разумеется, выделилось из эфирного мира при вступлении человека в бытие через рождение, но принадлежит всё же непременно индивидуальному человеку, то есть имеет дело с индивидуальным земным развитием человека. Так что можно сказать, что эта объективная мыслеорганизация работает в нас во время нашей эмбриональной жизни и во время всего нашего более позднего периода жизни между рождением и смертью, но она всё же не представляет собой всё то, в чём проявляет себя целое существо человека.

На другой стороне мы нашли волевую природу. И мы можем сказать, что волевая природа развивается между астральным телом и «Я». В сущности, «Я», как его имеет человек в качестве человека, — это всецело волевая природа. Но, как я говорил, развивается она так, что во время жизни между рождением и смертью импульс желания прежде всего переходит в поступки человека, но не полностью, а кое-что остаётся. И то, что остаётся здесь от волевого, переходит в будущую карму. Так что, когда мы наблюдаем человека в отношении его физического тела, то в мыслительной ткани попадаем в прошлую карму, а когда мы созерцаем человека относительно его «Я» (ведь «Я» является тем, что, собственно, живёт в своих поступках; это должно быть только вполне им осознано, что «Я» действительно полностью живёт только в поступках и, собственно, пробуждается только в поступке человека), тогда предстаёт то, что «Я» некоторым образом удерживает тут в себе, пронося затем через врата смерти, и это переходит в будущую карму, в

возникающую карму.

Таким образом, созерцая в известной степени объективно, мы находим здесь то, что в нас обычно существует субъективно в качестве душевной жизни. Мы находим это объективно. Мы находим это таким образом, что можем созерцать объективно. Но заглядывая в родственное субъективному, мы обнаруживаем, что по одну сторону мы имеем мыслительное образование, по другую сторону — волевое образование. Внутри, в середине — на стороне субъективного переживания стоит чувствование.

К собственной сущности этого чувствования мы приходим только тогда, когда уясняем себе о нём, что в действительности каждое чувство, которое человек может питать как отдельное, выткано всей жизнью чувств человека. И эту жизнь чувств человека на самом деле можно снова наблюдать только тогда, когда мы её захватим так, что сможем сказать: „Мы проникли в некое мгновение жизни и пронизаны совокупностью своих чувств”. Мы могли бы также сказать, что мы находимся в одном определённом настроении чувств, и что в каждый момент нашей жизни мы находимся в некоем определённом настроении чувств. Это настроение чувств мы пытаемся однажды осознать. В действительности каждый может сделать это, но прежде всего — лишь индивидуально. Попробуем осознать, как человек в какой-либо момент своей земной жизни пребывает в определённом настроении чувств. Вы ведь знаете, что это настроение чувств бесконечно разнообразно. Оно таково, что у кого-то оно может превращаться, скажем, в сверхрадостность, так что он радостен сверх меры, другой страдает от депрессии, а третий уже больше пребывает в равновесии. Когда мы хотим направить наш взгляд только лишь на это настроение чувств в какой-либо момент жизни, при этом вовсе не останавливаясь детально на причинах этого настроения чувств, нам необходимо обратить внимание лишь на особый оттенок, особенные нюансы этого настроения чувств: как оно может у одного дойти до глубочайшей депрессии, у другого может быть в равновесии, а у третьего уже приходит к радостному чувству вплоть до предельной радостности, — так могут располагаться тысячи промежуточных ступеней. У каждого человека это настроение чувств разное. И когда проникают с помощью своего рода самопознания в это настроение чувств, тогда в этом настроении чувств, прежде всего, просто не нахо-

дят в действительности ничего другого, кроме субъективного переживания, субъективного переживания со всевозможными оттенками именно благодаря внешнему опыту, внешним переживаниям, но находят как раз субъективные переживания.

Когда остаются в этом субъективном переживании, стало быть, в собственном внутреннем ткании души, не останавливаясь детально на созерцании, следовательно, не останавливаясь на том, чтобы эти факты стали объективными, тогда нельзя объяснить себе в какой-либо момент суть, скажем, этого эмоционального настроения души. И всё же уже в обычной жизни можно прийти к тому, чем в действительности является это настроение, настроение, всецело живущее в чувствах. К тому же, разумеется, нужно иметь способность психологического рассмотрения. Нужно иметь возможность, пожалуй, когда-нибудь пронаблюдать эмоциональное содержание особо одарённой личности. И здесь вы можете сделать следующий опыт. Разумеется, это внешнее наблюдение может дать лишь приближение к настоящей истине, но именно это приближение уже чрезвычайно ценно.

Мы можем, например, поставить себе задачу изучить *Гёте*, которого хорошо исследовать уже по его дневникам, письмам, по тому, что происходило именно в его значительнейших произведениях, где мы всегда можем проследить его биографически иногда изо дня в день, иногда с утра до вечера — и как раз на нём можно хорошо увидеть, что такое настроение души. Можно, например, поставить себе задачу изучить чисто психологическим способом настроение души *Гёте* в какой-либо период, скажем в 1790 году. Попытаемся прежде всего по возможности точно описать его. Это осуществимо, — можно описать достаточно точно это настроение души. Между тем, проделав это — чрезвычайно важно поставить это однажды перед своей душой, — следует указать на два направления: на жизнь *Гёте* до 1790 года и на его переживания после 1790 года. И если затем с психологической точки зрения как бы сравнить всё то, что пронизывало душу *Гёте* до 1790 года, с тем, что потом влияло на его душу вплоть до его смерти, если таким образом представить в своем воображении предшествующую и последующую жизнь *Гёте*, то здесь выявляется удивительное: этот момент душевного настроения в человеке представляет собой взаимодействие между тем, что предшествовало, что известно человеку и что осознанно существует в

его жизни, и тем, что приходит впервые, то есть тем, что ещё не было дано в его опыте, осознанном в настоящий момент. Это пока ещё неведомое собственному сознанию, уже живёт однако во всеобщем настроении души. Эту тайну настроения души для какого-либо мгновения можно извлечь, я бы сказал, даже так — биографически. С этим уже непременно соприкасаются в тех областях человеческого наблюдения, которые люди, проживающие жизнь бездумно, охотно оставляют без внимания. Что несёт человеку будущее, он этого ещё не знает — так он думает. Он это знает в жизни своих чувств.

И если затем идут дальше и дальше, исследуют, испытывают, например настроение души какого-либо человека, которого детально знают и о котором разузнали, что он, скажем, два-три года спустя после того, как было воспринято это настроение души, умер, то можно совершенно точно видеть, как приближающаяся смерть со всем тем, что с ней связано, уже непременно отразила свой свет на настроение души. Так что действительно, если подробно вдаваться в эти вещи, то можно прежде всего осознать прошлое человека из жизни между рождением и смертью, а будущее вплоть до смерти разыгрывается в том, что эмоционально совместно живёт в душе. Отсюда для самого человека душевная жизнь имеет нечто необъяснимое. И она входит в жизнь как нечто стихийное, потому что она, без сомнения, как чувство уже окрашена тем, что мы только ещё будем испытывать.

Эти факты непременно должны были приниматься во внимание уже в то время, когда я писал свою «Философию свободы». Почему я должен был тогда настаивать на том, что свободный поступок может проистекать лишь из чистого мышления? Да потому, что когда поступок совершён, исходя из чувства, будущее ведь уже вошло. Следовательно, действительно свободный поступок никогда не мог бы произойти из чувства! Он может происходить только из импульса, действительно осмысленного в чистом мышлении. И если вы вспомните о том, что я представил вам за два истекшие дня, то сможете ещё более приблизить эти вещи к своим душам. Я говорил: „Когда чувство является нам, это прежде всего происходит так: действительно совершаемое в нас, происходящее в нашем человеческом существе отражается в чувстве и излучается вверх в наше сознание”. Если я нарисую это схематически, то смогу сказать, что в чувстве вверх, в сознание, устремляется то, что яв-

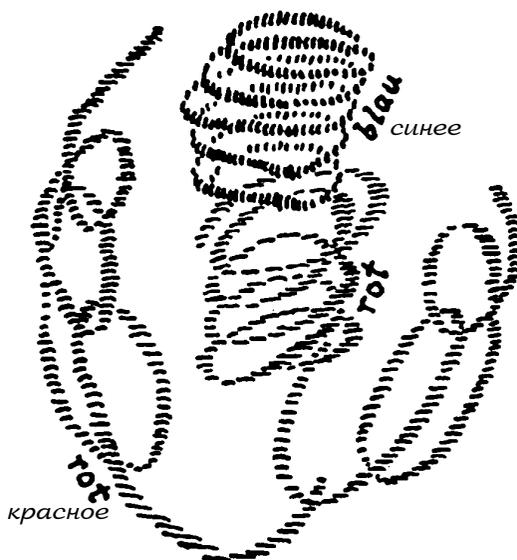
ляется как раз переживанием чувства, а вниз устремляется то, что тотчас может пережить имажинативное сознание в сновидческих картинах (см. рис. на с. 80, доска 9), и что, стало быть, разыгрывается исключительно в имагинации. Так что жизнь чувств в действительности для всего человека протекает таким образом, что вверх устремляется то, что нам известно как чувство (синее), а вниз и внутрь человеческой организации устремляется собственно образ, действительно увиденный именно в виде картины (красное, внутри) тогда, когда он увиден с помощью имажинативного сознания. Для обычного сознания это устремляется вниз во всё человеческое существо как неосознанное. Правда, в человеке итог его будущих переживаний живёт не в отдельных событиях, поскольку они, собственно, должны сначала прийти — я прошу это хорошо понять, — а живёт во всеобщем настроении абсолютно так же, как, я бы сказал, в основном тоне. Не то чтобы здесь жили картины того, что происходит, но впечатления о том, что живёт в картинах.

Итак, эти картины, устремляющиеся здесь вниз, вы не должны себе представлять, как нечто подобное кинематографическому протеканию будущего, а вы должны представить их себе как последствие впечатлений. Лишь у некоторых людей, имеющих атактистическое ясновидение, могут появляться картины, которые переводятся затем в картины определённых фактов, и тогда может иметь место некоторое созерцание ближайшего будущего. Но сегодня нас должно предпочтительно интересовать, что вниз в человека картинным образом отправляется прежде всего то, что переживается как его мир чувств.

Когда мы переходим от чувства к воле, то, что теперь входит здесь в человека — как я это представил — проникает наружу и превращается в его возникающую карму, будущую карму (красное, снаружи). Поэтому то, что возникает в человеке благодаря его чувствам, определённым образом связано с его кармой вплоть до его смерти, но то, что возникает из воли, имеет отношение к его карме после смерти.

Таким образом, все эти вещи вполне возможно в подробностях пронаблюдать и изучить. Продвигаясь всё дальше в отношении развития антропософской духовной науки, говорят отнюдь не схематично о голых понятиях, а говорят о том конкретном, что живёт в человеке и что, будучи внесённым человеком в своё сознание, уже даёт ему разъяснение того, чем человек является в действительности. Но вы должны полу-

Доска 9

чить сильное чувство того, как воля, примыкающая к чувственной жизни, действует в будущем, за пределами смерти, как воля является производительницей возникающей кармы.

Если мы ещё раз обратимся к другой стороне, к той мыслительной ткани, которую мы нашли и которая действительно живёт в человеке между эфирным и физическим телами, то мы, конечно, должны будем уяснить себе, что узнавая что-либо о мире через впечатления органов чувств и таким образом формируя себе чувственное мировоззрение, мы затем эти впечатления чувств мыслительно перерабатываем. А перерабатывая их мыслительно, мы в действительности ткём внутри этой мыслительной ткани с нашей субъективностью. То, что мы вследствие впечатлений чувств переживаем в нашей душе, мы связываем с одной стороны с тем, что через рождение присоединяется к нам в виде мыслительной ткани. Но эта объективная мыслительная ткань остаётся неосознанной и только то, что мы вплетаем, что мы до некоторой степени втискиваем, исходя из нашей внутренней мыслительной деятельности, это входит в наше сознание. Фактически это так, словно в имеющуюся

здесь мыслительную ткань ударяют субъективные мысли, и при этом пробиваются к этой мыслительной ткани, а эта мыслительная ткань затем отражает наши субъективные мысли, давая им, разумеется, разные направления, и благодаря этому наши субъективные мысли входят в наше сознание (см. рис. на с. 83, доска 10). Я говорю: давая им вместе с тем различные направления.

Посмотрите, когда мы, скажем, воспринимаем какую-либо внешнюю вещь — я хочу более детально описать вам процесс, — например какой-нибудь кубик, кристаллический кубик, который мы прежде всего видим. Мы не останавливаемся на рассмотрении. Мы думаем о нём. И эти мысли проникают вплоть до мыслительной ткани, а введенная нам через рождение мыслительная ткань, с которой, следовательно, мы соединились, находясь в космосе, и даже получили её благодаря космосу, эта мыслительная ткань обладает таким свойством, что мы теперь начинаем, исходя из определённых предпосылок, формировать для себя кристаллографическую идею, образуя её для себя из внутреннего. образуя, например, мысли о кубической системе, о тетрагональной системе, о ромбической, моноклинной, триклинной и гексагональной системах, таким образом додумывая математически-геометрическим способом кристаллическую систему, мы находим, что можем довести кристаллическую систему до конца. В тессеральную (кубическую) систему, которую мы сформировали в своём внутреннем, входит этот кубик. Так присоединяя, например, нечто подобное мыслям о кубике к тому, что определённым образом является априорными мыслями, извлекаемыми нами из своего внутреннего, мы находимся там, где нам встречаются субъективные мысли, указывая на область объективных мыслей. Ибо то, что мы образуем как геометрическое, как чисто геометрическую физику и тому подобное, которое мы извлекаем из этой мыслительной ткани, присоединённой нам с рождением, и то частное индивидуальное, присоединяемое нами к этим мыслям, которые мы развиваем по поводу внешних чувственных созерцаний и впечатлений и которые, отражаясь в нас, но пропитавшись до известной степени постоянно живущей в нас, формирующей мыслительную тканью, являются теми, от которых мы, по меньшей мере, беспрестанно получаем разъяснение относительно процесса, хотя и не в частных формах, ибо от инкарнации к инкарнации они изменяются.

Итак, мы живём тем, что мыслим, и тем, что это мыслимое вносим в нашу внутреннюю мыслительную жизнь таким образом, что понимаем это. Мы живём так, что даже для нашего субъективного мышления извлекаем то, что находится внутри этой мыслительной ткани.

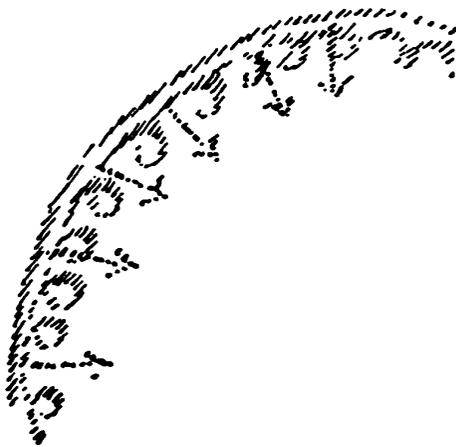
То, что я сейчас рассказал, есть нечто такое, что постоянно происходит в человеке, что постоянно разыгрывается в нём. Но в то же самое время, когда в нас возникает чувство, эмоция, при внимательном рассмотрении вы увидите на одной стороне то, что из чувства входит в организм, переходит к воле. То, что от воли определённым образом бездействует в «Я», становится будущей кармой. Это всё направляется в человеческое будущее. Если мы посмотрим на противоположную сторону, в мыслительную ткань, куда устремляются и наши субъективные мысли, то это непременно приведёт нас в поток человеческого прошлого. Поэтому поиск нашей прошлой, нашей завершённой кармы должен быть на этом пути. В чувстве действительно в самом высоком смысле соприкасаются в человеке прошлое и будущее. Итак, человек определённым образом рождён, исходя из мыслей. Он изживает себя через чувства и ткёт в своей воле то, что проходит с ним через врата смерти.

Высказывая эти слова, мы действительно указываем на то, что субъективно имеем в жизни души в период между рождением и смертью. Но мы можем пойти ещё дальше. Мы можем принять во внимание следующее. Мы можем спросить себя: „Что же, собственно, происходит, когда эти субъективные мысли, которые мы связываем с внешними впечатлениями, соединяются так, как я это только что описал, с тем, что совершенно определённо есть лишь прошлое?“ Посмотрите, субъективная мысль становится для нас осознанной прежде всего как мысль. Как мысль она содержит определённое содержание представления. Мы промышляем содержание, когда думаем о кубике. Но вам станет абсолютно ясно по поводу того, что я вчера уже обозначил: в жизни души мы не можем просто разделить мышление, чувствование и желание.

В желании живут все мотивы наших моральных мыслей. Но даже в мышлении, в субъективном мышлении, мы осознаём, что имеем не только лишь содержание мыслей. Мы присоединяем одну мысль к другой и осознаем работу, которая присоединяет одну мысль к другой. Что же тут живет в мышлении? В мышлении, именно в субъективном мышлении, уже живет в чистом виде воля. Итак, мы должны отчётливо

представлять себе, что в то время как мы мыслим, на одной стороне живёт содержание мыслей, на другой стороне — волевая деятельность в мышлении. Когда мысли ударяются теперь здесь (см. рис., доска 10), они, разумеется, отражаются назад, но в мыслях, в этих субъективных мыслях, которые мы определённым образом проецируем внутрь, взаём в мыслительную ткань, непременно живет также воля. Этой волей мы, собственно, не можем пользоваться в обычном сознании. Почувствуйте только, если бы эта показанная здесь мной деятельность совершенно ясно проявилась бы в воспоминании — воля в воспоминании уже должна быть исчезнувшей! Она по-прежнему должна быть деятельной; но когда воспоминание готово, когда здесь есть вспомненные мысли, то воспоминание, если бы оно было охвачено волей, уже не стало бы чистым, оно не воспроизводило бы ясно то, что должно воспроизводить как прошлое переживание!

Доска 10

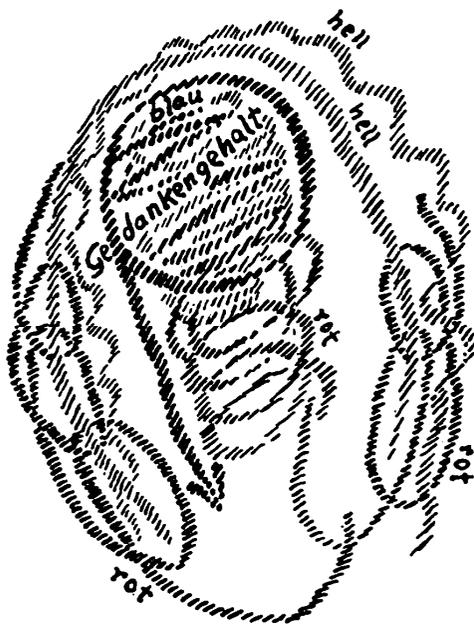
Если вы вспоминаете о том, что вчера съели, то суп ведь уже переменить нельзя. Воля здесь уже снаружи, не правда ли? Должно выявиться чисто мыслительное содержание. Таким образом, в отражении воля должна быть снята. Куда всё-таки она попадает?

Теперь, если я сделаю этот рисунок, если я здесь имею мыслительную ткань, и она здесь отражает, то содержание мыслей просто уходит

в сознание. Волевое содержание мыслей спускается и соединяется с другим содержанием воли и души — и входит в будущую карму, становится, таким образом, составным элементом будущей кармы (см. рис. на с. 84, доска 9, светло заштрихованное, заштрихованная тёмным стрела вниз).

На другой стороне — наши волевые импульсы. Они, конечно, являются спящей частью даже во время нашей бодрственной жизни. Внизу, в тех областях, где собственно обитает воля, мы ничего не осознаём. Вначале мы получаем мысль волевого импульса. Затем волевой импульс некоторым образом бессознательно переходит в желание. И только когда желание обращается наружу, тогда мы снова наблюдаем то, что происходит через нас, что мы переживаем обычным сознанием в желании. При поступке мы, собственно, всё переживаем в жизни представления, видим сны об этом в жизни чувств, но спим по этому поводу в отношении собственной волевой жизни.

Доска 9

Gedankengehalt — содержание мыслей
rot — красное; *blau* — синее; *hell* — светлое

Но есть как раз мысли, которые мы направляем внутрь этой волевой жизни. Вот только когда? Лишь тогда, когда мы предаёмся не нашим инстинктам, не нашим влечениям, стало быть, когда мы предаёмся не только так называемой низшей человеческой природе, ибо она тут внизу уже есть и в таком случае побуждает нас к желанию и поступку. И тогда мы заставляем свою волю войти в то, что гасит наше субъективное переживание, когда мы управляем ею с помощью своих чистых мыслей, которые казнят себя за желание, то есть когда мы овладеваем волей с помощью наших интуитивно схваченных моральных идеалов. Вместе с тем эти интуитивно схваченные моральные идеалы мы можем на пути вниз в область воли предоставлять воле, действующей в мышлении. Благодаря этому наша воля пронизана нашей моральностью, и поэтому во внутреннем человека происходит постоянная борьба между тем, что человек посылает из своей моральной интуиции в область воли, и тем, что здесь внизу мечется и бурлит в своей инстинктивно-сновидческой жизни. Это всё то, что происходит в человеке. Но происходящее здесь внизу в человеке, это одновременно и то, в чём подготавливается его человеческое будущее, следующее за порог смерти. Оно поднимается в область чувств. Это будущее действительно живёт в воле. Оно поднимается в область чувств и вплетается в чувствование ещё больше, чем только то, что описано мной перед этим как настроение чувств, имеющее значение для жизни между рождением и смертью. В обычном настроении чувств, охарактеризованном мной простирающимся от крайней депрессии до полной весёлости, сверхрадостности, может разыгрываться всё то, в чём совместно проигрывается человеческое будущее и прошедшее в жизни между рождением и смертью. Но и выходящее за порог смерти проникает в то, что поднимается тут снизу. Что же здесь живёт? Ныне здесь живет кое-что, что мы воспринимаем как нечто объективное, так как оно поднимается из области, где сознание больше не соучаствует. Оно в самом деле является чем-то объективным, потому что имеет дело с закономерностями, благодаря которым мы переносим себя через смерть как моральное человеческое существо. Что здесь отражается, так это кроме прочего — совесть. И психологически понятое — это истинный источник совести. Если бы психологическая наука действительно хотела взяться за эти вещи, то она должна была бы исследовать теперь в этом направлении подробности душевной жизни; и она

нашла бы повсюду в мельчайших подробностях душевной жизни подтверждение тому, что даёт антропософская духовная наука в этом направлении.

Итак, вы видите, что наши чувства (Gefühle) текут навстречу нашим мыслям. Сначала они текут навстречу и оживляют наши субъективные мысли. А последние определённым образом ударяют также в объективную мыслительную сеть, и в этом мы переживаем сами себя как данное, как существо, через рождение вжившееся в земное бытие. По другую сторону мы можем переживать себя как существо, проходящее через смерть. Необходимо только действительно изучать человеческий внутренний мир, и тогда несомненно приходишь к тому, что уже заявляет о себе в глубине человеческой души как таковое и что выводит за пределы человека, то есть за пределы рождения и смерти, выводит в тот мир, который не заключён внутри чувственного. Поэтому этот мир, не заключённый внутри чувственного, для нас реально существует прежде всего в нашем внутреннем. Особенно было бы важно, чтобы в реальной психологии — ибо то, что сейчас считается психологией, является лишь суммой формальных знаний, — действительно исследовали настроение души человека именно в момент, когда прошлое и будущее сливаются друг с другом. Благодаря этому нашли бы много загадочного в человеческой жизни и убедились бы, что чрезвычайно естественная на первый взгляд отговорка не имеет цены. А эта чрезвычайно естественная отговорка такова: что же тогда, собственно, стало бы с человеком, если бы он так разглядывал себя, если бы он так в определённой мере непрерывно заглядывал в своё внутреннее, чтобы испытывать своё субъективное настроение души на предмет того, что некоторым образом лежит в его будущем? Эта отговорка напрашивается, но она всего лишь отговорка, созданная самонимием. Вид являющегося нам будущего представляют себе таким, как его потом переживают в созерцании и в опыте. Будущее однако не представишь так, как его переживаешь потом! Переживают его во взаимосвязи с внешним миром, в столкновении с внешним миром. Происходящее здесь внутри проявляется в человеческом внутреннем как излучающееся, и это нечто такое, что вовсе не может сбить с толку человека на его жизненном пути, если он, кроме того, основательно знаком с этим. Как правило, отговорки возникают из страха перед человеческим познанием, который всецело коренится в

иллюзиях, возникающих потому, что судят о жизни исключительно обычным сознанием, потому что не хотят достичь созерцания, чтобы, едва подняв сознание в более высокие сферы, пережить как раз совершенно новое.

Уже вчера я ведь показал вам, как человек, проходя через врата смерти, развивается с двумя стремлениями, исходящими с одной стороны от жизни мыслей, а с другой стороны — от жизни воли: как, проходя через смерть, жизнь мыслей стремится к мировому бытию, а жизнь воли стремится к человеческому бытию. И это продолжается вплоть до того, что я назвал полуночным часом бытия. А затем происходит ритмический поворот: мыслительное начинает стремиться к человеческому, а волевое начинает стремиться к излианию в космос, так что волевое в таком случае живёт в наследуемых свойствах. Однако мыслительное живёт в индивидуальном, вступающем в новую земную жизнь. Волевое определённым образом окружает нас в том, что мы имеем от предков. И при внешнем рассмотрении мы имеем это в унаследованных свойствах и в унаследованной субстанции. Мыслительное — это то, что вступает в нас, и во время жизни мы снова связываем с этой жизнью мыслей всё то, что поднимаем из глубин душевной и волевой жизни. Прежде всего в нас вступает мыслительная жизнь как нечто такое, что сначала вовсе не является тёплым и живым, подобно нашей внутренней жизни. Если бы мы остались с мыслительной жизнью так, как родились, мы стали бы в некотором роде мыслительными автоматами, внутренне совершенно холодными. Но в момент рождения начинает действовать индивидуальное внутреннее из воли и из души, начинает пропитывать теплом и жизнью то, что сначала родилось холодным на пути от смерти вплоть до рождения. И благодаря этому мы именно как люди имеем возможность пропитать индивидуальным теплом то, что должно было из далекой вселенной сформировать нас в холоде.

Так вступает человек в пространственное и в ход развития мира. Так стоит он внутри. Сегодняшним естественнонаучным мышлением эти вещи совершенно укрываются. Сегодняшнее естественнонаучное мышление не стремится вперёд к истинному человеческому познанию. Отсюда сегодня человек переживает себя так, что, узнавая многое об окружающем мире, он в то же время не может познать сам себя в своём собственном существе. И он всё больше и больше будет переживать се-

бя таким образом. В настоящее время человек через современное научное и прочее образование именно так переживает себя, что, собственно говоря, ничего не может схватить от своей собственной сущности. И это будет возрастать всё больше и больше. И если бы могло быть полностью исполнено то, что в человеке определённым образом непосредственно возникает через одностороннее естественнонаучное знание, то он стал бы совершенно чуждым сам себе. Его внутреннее индивидуальное хотело бы возродить жизнь, растопить своим теплом ледяную массу, которую мы внесли в земное бытие через рождение. Человек душевно погибнет в этом процессе, внутренне захватывающем его и уже даже происходящем, хоть он его и не осознаёт. Однако, осознавая его, он, собственно говоря, в течение длительного времени может переносить его. Все знаки времени говорят о том, что человек должен действительно прийти к такому охарактеризованному здесь самопознанию. И это просто задача современной духовной жизни в отношении ближайшего будущего — действительно включать в свою нисходящую жизнь эти факты культурного развития.

Но в прежнем образовании преобладают страх и антипатия в отношении требований, которые необходимо предъявить человечеству, если только оно не хочет погрязнуть в упадке, а хочет прийти к новому рождению.

Дорнах

Пятница, 7 октября 1921 года.

Мы видели, как рассмотрение душевных соотношений в человеке привело нас некоторым образом в промежутки между физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «Я», а рассмотрение духовных соотношений в человеке, исходя в определённой степени из его внешнего облика, который он получает здесь, в своей жизни между рождением и смертью, выводит нас в далёкий духовный космос. Поскольку человек, можно сказать, дух, он непременно имеет отношение ко всему духовному космосу. И поэтому то, что в человеке происходит как духовное событие, можно также рассматривать лишь соответственно этой связи со всеобщим космосом. Значит, душевное в человеке является, так сказать, интимной внутренней жизнью. Оно разыгрывается в тройной форме, так что мыслительное помещено между физическим и эфирным телом, эмоциональное — между эфирным и астральным телом, а волевое — между астральным телом и «Я». Итак, при рассмотрении душевного мы непременно остаемся внутри человека. Но как только мы обращаемся к истинным духовным событиям, мы должны выйти из человека, каким он предстает перед нами в мире в виде замкнутого существа между рождением и смертью.

И мы уже знаем — с определенной точки зрения мы как раз говорили об этом восемь дней тому назад, — что, поднимаясь в духовное, мы прежде всего приходим к существам, которые располагаются над человеком подобно тому, как под человеком располагаются животное, растительное и минеральное царства. Таким образом, мы затем восходим — названия не меняют сути дела — к существам Ангелов, к ангельским существам; к Архангелам, к архангельским существам; и к Архаям, Началам, Духам времени. Мы уже характеризовали с различнейших точек зрения этих существ, составляющих определённым образом об-

ласти, которые мы встречаем при рассмотрении положения человека с позиции духовного. Существа, обозначенные как Ангелы, имеют самое сильное отношение к индивидуальному, отдельному человеку. Отдельный человек на деле имеет такое отношение к самой первой из стоящих над ним иерархий, что он до некоторой степени — это не совсем точное выражение, но можно сказать так, как это часто выражают популярно, — развивает определённую связь с таким ангельским существом.

Существа, которые над ним далее составляют вторую иерархию, — это Архангелы. Мы можем о них сказать, что среди их функций мы прежде всего выделяем миссию Духа народа, и таким образом они охватывают человеческие группы, принадлежащие к народности, хотя здесь имеются всевозможные градации.

Когда мы, наконец, восходим к более высоким духам — Архам, в них мы имеем существ, ведущих через определённые временные эпохи независимо от разделения народностей. Это, конечно, не единственная, скажем мы, функция этих существ, но мы в настоящий момент получаем определённые представления, когда придерживаемся этой, также имеющейся у них функции.

Доска 11

Архаи, Начала, Духи времени Архангелы, Архангельские существа Ангелы, ангельские существа

Как задаваясь вопросом „Что связывает человека с животной, растительной и минеральной организациями?“ мы можем теперь постигать физическую жизнь человека на Земле, так же, чтобы познать его именно как духовное существо, мы должны спросить себя: „Что связывает человека с существами этих ступеней, вклинивающихся в духовное?“

К этому нам необходимо продвигаться следующим образом. Во-первых, представим себе с определённой точки зрения, как человек проходит через врата смерти. Мы знаем, что, поскольку в данное время мы как люди живём в этом периоде земного развития, охватывающем уже очень много лет, то в настоящее время в обычном сознании возникают

такие закономерности, которые лежат в основе минерального царства. Человек от своего рождения до самой смерти наполняется, так сказать, всем тем, что ему в определённом смысле растолковывает минеральное царство. И он имеет чувство, что с имеющимися в его распоряжении представлениями и идеями он может постичь минеральное царство.

В отношении растительного царства это не так. Вы знаете уже, что наука останавливается перед растительным царством, в крайнем случае строит иллюзию, что сложное образование растительных клеток, и вообще живых клеток, однажды станет ясным через их строение. Это, как я вам разъяснял, является совершенно абсурдной затеей, потому что ведь строение растений, или вообще живых клеток, отличается не каким-либо особо сложным строением, а процессом вхождения химической структуры в хаотическое. Человек, однако, не выходит за пределы именно этих представлений минерального. Ещё менее он входит со своими, если можно так сказать, минеральными представлениями в тайну животного и вовсе не может подойти к самопознанию. Но всё это должно быть дано через духовно-научное исследование. Таким образом, человек овладевает минеральным сознанием, как мы его называем, то есть сознанием, пригодным для минерального.

Это сознание, которое ведь ткётся между рождением и смертью, он пронесит в свое будущее через смерть. Таким образом, с тем, что может возникнуть из этого сознания, когда он переходит за порог смерти и живёт в самой духовной сфере, — с этим он должен затем продолжить своё дальнейшее бытие.

Но в это сознание поднимается ещё нечто существенно другое. То, что простирается в это минеральное сознание, вместе с тем ему абсолютно не принадлежа, то, что его окрашивает, — это моральное сознание; это то, что приходит сюда из всех процессов сознания, связанных с нашими волевыми импульсами, нашим образом действия. То, что мы испытываем как удовлетворение по поводу того или другого, что мы испытываем как наши угрызения совести, укоры и тому подобное — это всё определённым образом окрашивает наше минеральное сознание, и это — нечто такое, что человек как раз берёт с собой, проходя через врата смерти. Итак, можно сказать, что с минеральным сознанием, окрашенным моральными переживаниями, человек проходит через врата смерти, а с тем, что может исходить из этого как следствие, он продол-

жает жить затем в духовной сфере.

И это происходит так, что человек через минеральное сознание не только понимает здесь минеральный мир, но он через это минеральное сознание развивает как раз своё отношение с существами из иерархии Ангелов, то есть с теми самыми существами, к которым он хочет обращаться как к стоящим ближе всего в своём индивидуальном развитии. И когда человек прошёл теперь через врата смерти, тогда дело заключается в том, в какой мере он может сохранять связь с этим ангельским существом посредством результата своего минерального сознания. Это возможно только в соответствии с тем, что окрасило минеральное сознание с моральной стороны. Затем после смерти минеральное сознание до определённой степени стремится к расширению в мир. Оно стремится стать космическим, раствориться во вселенной. Оно стремится за пределы индивидуального.

Мы можем также сказать, что в жизни между рождением и смертью ближе всего к ангельскому существу человек стоит, находясь в состоянии, из которого являются сновидения, непременно имеющие определённое отношение также к его индивидуальному существу, и, по сути дела, с одной стороны, отрицающие, а с другой стороны, — вновь удерживающие минерально-мыслительное существо. Человек не смог бы найти даже этой подсознательной связи с иерархией Ангелов, если бы его минеральное сознание не было окрашено состояниями, которые он в некотором смысле просыпает, но они, однако, есть те самые, которые выступают из состояния сна и изживают себя затем в мире сновидений. Само сновидение всё же соткано из той же субстанции, из которой соткан мир мыслей между рождением и смертью, за исключением, конечно, того, что оно в своих очертаниях не придерживается внешней чувственной действительности, и что оно многократно даже отрицает контакт с внешней чувственной реальностью. Таким образом, человек, проходя врата смерти, берёт с собой то, что он развил в себе, внутри своего минерального сознания, чтобы сохранять связь со своим ангельским существом.

Ныне, поскольку мы живём сегодня в нашу современную человеческую эпоху, человек — особенно когда он причисляет себя к весьма просвещённым людям, — мало пронизывает своим моральным переживанием своё минеральное сознание. Наоборот, он изо всех сил старается

это минеральное сознание изолировать от морального. Он хотел бы по меньшей мере воздвигнуть в себе эти два мира: с одной стороны, он хотел бы рассматривать всё то, что, в конце концов, доступно познанию именно в царстве минеральной природы, а минеральная природа в общем и целом захватывает растительное, животное и человеческое царства, а потом он хотел бы рассматривать моральное как нечто такое, что едва просачивается только из его душевных глубин. Нынешний дух времени противится размышлять о том, что живёт в природе, одновременно пронизав это моральными импульсами. Между моральным и минеральным зияет пропасть. Человек нелегко находит мост, чтобы присоединить моральное к минеральному. Я ведь часто обращал внимание на то, как человек представляет себе развитие Земли чисто минерально — от содержания *теории Канта-Лапласа* вплоть до противоположного, которое как раз в новое время мыслится минеральным, — и как человек тут исключает всё, относящееся к моральным восприятиям. И таким образом получается, что с существом Ангела человек может развить чрезвычайно слабую связь, что он в ходе нашей настоящей эпохи в определенной мере может связать себя со своим ангельским существом — говоря популярно — недостаточно интимно.

Если бы минеральное сознание целиком и полностью было бы лишено моральной окраски, то человеку даже угрожала бы опасность того, что во время так называемого полуночного часа бытия он совсем потерял бы необходимую связь с ангельским существом. Я говорю: угрожала бы опасность. Эта опасность сегодня угрожает ещё незначительному числу людей, но если на Земле не произойдёт духовного углубления всего человеческого развития, спиритуального усиления человеческого мышления, чувствования и желания в отношении Земли, тогда то, что живет тут как опасность, может, конечно, осуществиться; и многие люди, даже уже приблизившиеся к полуночному часу бытия, в период между смертью и новым рождением должны будут утратить связь со своим ангельским существом. И хотя ангельское существо всё ещё поддерживало бы связь, но она оставалась бы односторонней: от Ангела к человеку. В период между смертью и новым рождением человек не смог бы отвечать на неё удовлетворительным образом. Мы непременно должны уяснить себе, что для духовного в человеке новая устремляющаяся к материализму культура означает, что человек нарушает связь

со своим ангельским существом и что эта связь становится всё слабее и слабее. А человек как раз тогда, когда он приходит к полуночному часу бытия, должен через Ангела установить связь с Архангелом. Если эта связь — какой она вполне может быть, когда человек живёт там, в духовном мире, — должна быть такой, что идёт не только односторонне от ангельского существа по направлению к человечеству, но и человек тоже может на неё отвечать, тогда человек как раз должен воспринимать духовное содержание, то есть оно должно религиозно окрашивать его моральные импульсы.

Итак, при таком дальнейшем развитии современный человек стоит перед опасностью сохранить слабую связь со своим Ангелом и из-за этого — не суметь также поддерживать внутреннюю связь с Архангелом. А Архангел уже принимает участие в том, чтобы снова вернуть человека в физическую жизнь. В образовании сил, возвращающих человека в определённую народную общность, участвует главным образом Архангел.

Когда люди, а это уже существует столетиями, внутренне живут бездуховно, тогда как раз и развивается односторонняя связь Архангела с человеком, и в этом случае человек вырастает в народность не своим внутренним душевным существом, а определённым образом внешне, скажем, через мировой порядок он вставляется в ту народность, которой поручено руководить Архангелу. К пониманию нашего нынешнего времени, характерного именно тем, что народности в нём образуются так односторонне, не придут, пока не узнают, что это проистекает оттого, что души, нисходящие в последнее время в земное бытие, имеют слабую связь со своим Ангелом и вследствие этого не имеют никакой внутренней связи с Архангелом, в результате чего они определённым образом лишь внешне вырастают в свою народность; что, кроме того, народность пребывает в них в виде абсолютно бездушевного импульса, и люди находятся внутри народности лишь через внешние импульсы, через общность языка, через всякие импульсы, склоняющие их к шовинизму. Кто внутри своего народа стоит душевно — а это в настоящее время бывает уже у меньшинства людей, — в том никогда не разовьётся ни шовинизм, ни односторонний национализм, а внутри народности он разовьёт плодотворные силы и сделает её своеобразной. И он не будет каким-либо односторонним образом кичиться своей народностью. Он

даст этому определённым образом повсеместно втекать как окраску своей сущности в свои человеческие откровения, но не станет это выпячивать внешним образом, именно враждебным внешним образом в отношении других.

То, что так происходит в настоящее время, что сегодня представляет собой прямо-таки основной тон мировой политики и что все взаимоотношения, основывающиеся на национальном, создают сегодня для человеческого развития такие трудности — это непременно основывается на том, о чём я как раз говорил. Когда связь, происходящая в полуночный час бытия — до и после, в течении длительного времени, — когда эта связь не может быть проодушевлена тем, что при прохождении врат смерти соответствующее воспринимается с религиозной проникновенностью, но не словесной религиозностью, а спиритуальной, именно тогда Архангел может действовать только на то, что есть растительного в космосе, и что посылается в человека как растительное. Тогда человек становится таким, что может быть руководим только своим Архангелом, он становится таким благодаря глубоко подсознательным силам, которые вместе с его растительным, встраивающим его в дыхательные соотношения, просто преобразуются через языковые соотношения, то есть через всё то, что протискивается в языке в человеческий организм растительным образом. Это как раз тот случай, когда человек, родившись и подрастая ребёнком, внешним образом более или менее вырастает в язык. Если бы он смог через Ангела найти отношение со своим Архангелом, отношение внутреннее, душевное, то он уже душевно врос бы в языковое и до определённой степени воспринял бы гения языка, а не только то, что в языке является внешним, механическим.

Но уже сегодня мы видим, как часто это происходит, как часто сегодня люди во многих отношениях являются отпечатком механического в своём языке, так что они, собственно, во всём своём существе несут языковое не только в виде основного тона, но прямо-таки выглядят, как отпечаток языкового, и можно детально увидеть, как само выражение лица становится выражением языкового. То, что выступает нам навстречу как народности, своеобразные народные физиономии, как они сегодня выступают нам навстречу, они приходят к людям со стороны Архангелов непременно именно внешним образом.

То, что внешне разыгрывается в человечестве, поскольку оно дейст-

вует в духовном человека, по сути дела, можно прояснить только посредством наблюдения, предоставляемого в настоящее время антропософской духовной наукой. А вся сегодняшняя антропология, или её подобное, в действительности есть ни что иное, как, я бы сказал, игра с терминологией. Собственно, во многих отношениях в том, что сегодня пишут антропологи или подобные им люди о расселении человечества на Земле, о его дифференциации, нигде не содержится ориентирующей, руководящей точки зрения, так как принимаемое в качестве понятий группируют по внешним признакам. Впрочем, могут перегруппировать даже целое. Истинное содержание, однако, устремляется в вещи только тогда, когда их наблюдают духовно. В таком случае можно не страшиться восхождения к наблюдению действительных конкретных духовных существ.

Уже отсюда видно, что устранить ущерб сегодняшнего времени может только духовное углубление. Этот ущерб сегодняшнего времени, поскольку он выступает нам навстречу в социальной жизни, многократно основывается на том, что связь человека со своим Ангелом, а в результате этого и связь с иерархией Архангелов стала слабой, и настолько, что может воздействовать лишь с внешней стороны.

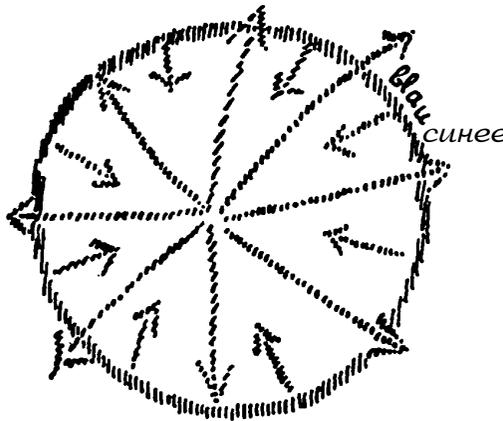
Когда между смертью и новым рождением человек проделывает теперь дальнейшее развитие, которое из полуночного часа бытия ведёт его снова в физическую земную жизнь, тогда он, конечно, приходит главным образом в сферу Архаев, Начал. Эти Архаи, Начала, в современном космическом развитии имеют дело с тем, что определённым образом возвращают человека снова в земные пределы его бытия.

Таковы факты: когда человек переступает порог смерти, дальше он живёт так, что прежде всего переживает последствия своего минерального сознания, имеющего моральную окраску, благодаря чему он определённым образом расширяется по всему миру. Затем от полуночного часа бытия человек вновь стягивается в себя. Прежде всего он переводится в растительное, которое ему присоединяют. И чем ближе он приближается к земной жизни, тем больше он определённым образом стягивается, так что вновь может быть рождён существом, заключённым в свою кожу.

То, что должно происходить в человеке, когда он вступает в сферу Архаев, — это деление, уплотнение растительного до животного. Чело-

век, перешагивая полуночный час бытия, имеет в себе сперва силы — естественно, не органы, а сперва силы, — которые, стало быть, делают возможным его дыхание, даже раздельное дыхание. Но затем концентрация этих сил в силы органов происходит вначале после полуночного часа бытия, происходит сперва в сфере Архаев. Человек, так сказать, становится всё больше и больше человеком. Однако, это космическое действие, оказывающее влияние на человека в смысле сил, исходящих от Архаев, собственно, так организует человека, что органы стремятся к животной организации. Если мы понимаем человека в его связи с космосом, то это происходит так, что человек, устремляющийся от полуночного часа бытия к новой земной жизни, находится там, конечно, под влиянием космических законов так же, как здесь, на Земле, он находится под влиянием законов земных. И мы можем сказать следующее: человек определяется из самых необъятных далей космоса, вместе с тем он всё больше и больше стягивается. Это есть определённым образом расширение человека через минеральное сознание в космические дали наружу, вплоть до полуночного часа бытия в бесконечные дали космоса (см. рис., стрелы, доска 12). Затем, когда наступает полуночный час бытия (синее), к человеку присоединяются силы, действующие в нём затем как растительные силы.

Доска 12

От этого полуночного часа бытия человек снова возвращается, чтобы потом определённым образом ограничить себя для земной жизни (стрелы внутрь). Этот полуночный час бытия вообще является необычайно значительным переломом в человеческом развитии.

В то время как человек от момента смерти вживается в космическое, он всё больше и больше становится единым с миром. Там он мало отличается от мира. Я хотел бы выразить это образно. Там, снаружи, конечно нельзя говорить о физических органах, но вы поймёте меня, если я покажу это в образах, взятых из физического бытия. Человек определённым образом учится, как глаз срачивается со светом, и затем уже не различает свет и глаз, не различает тон и ухо. Человек, расширяясь в дали, срастается со вселенной.

Тем временем он затем проходит полуночный час бытия, где он начинает снова стягиваться, чтобы вновь однажды стать ограниченным существом, когда в нём начнет брезжить некий род объективного представления: теперь — это не мир, это человек. И теперь в человеке всё сильнее и сильнее возникает сознание, которое является, собственно, наиболее сильным тогда, когда человек снова возвращается в земную жизнь. Но как здесь на Земле содержанием нашего сознания являются минералы, растения, животные, горы, реки, облака, звёзды, Солнце и Луна, так потом, при возвращении к Земле, главными представлениями становятся представления о сущности человека.

Это действительно так. Когда мы по одну сторону воспринимаем кажущийся довольно сложным мир, расположенный тут вне нашей кожи, со всем тем, что существует внутри него, когда мы воспринимаем мир с его душевным и духовным, он действительно очень сложен, но то, что расположено внутри нашей кожи, тоже является сложным. Это различается лишь по величине, но дело не в величине. Наш мир — это тот самый мир, который расположен вне нашей кожи, когда мы живём между рождением и смертью. О том, что внутри нас, мы заключаем из трупа, из того, чем человек, по сути дела, не является в действительности во время жизни. Но там в период от полуночного часа бытия вплоть до следующей жизни на Земле человеческим миром является внутреннее человека в соответствии с телом, душой и духом (см. рис. на с. 99, синее, доска 11). Там человек в определённой степени является миром. До полуночного часа бытия мы мало-помалу утрачиваем мир результатов

минерального сознания, разумеется вживаясь в него, как если бы он был мы сами, был нашим всеохватывающим «Я», так что мы больше не различаем между нашим «Я» и миром. И в то время как мы снова возвращаемся, нашим миром становится человек. Мы созерцаем не звёзды, мы созерцаем организацию членов человеческого тела. Мы созерцаем не то, что обычно находится во вселенной, скажем, между звёздами и Землей, мы созерцаем внутри человеческой организации, поскольку она формируется из духа и души. Мы созерцаем человека.

Доска 11

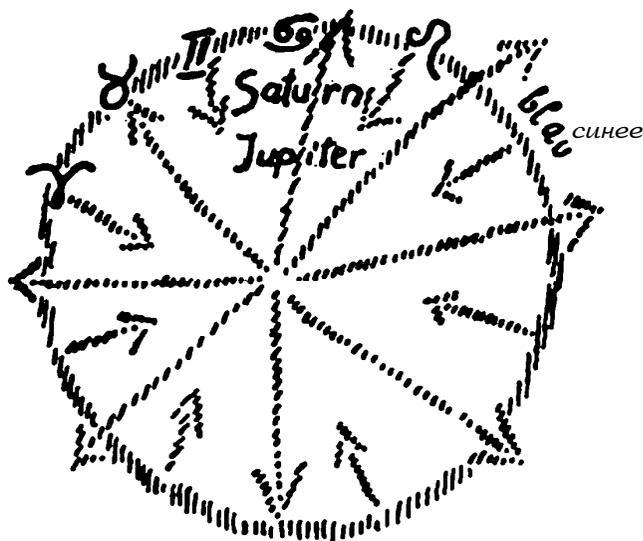

Рассматриваемое здесь — это то самое, что ведёт нас к обновлённому земному бытию. Мы созерцаем этого формирующегося человека. Примерно во время полуночного часа бытия мы живём в человеке, который формируется в растительном. А приходя в сферу Архаев, мы живём в том, в чём формируются органы человека в смысле животных сил. Я говорил: как между рождением и смертью мы зависим от того, что действует на нас от Земли, точно так же, находясь здесь во вселенной — те-

перь это не только пространственное, но представить это можно, конечно, только пространственно, — мы зависим от внеземного. И в момент прохождения сферы Архаев законы, действующие на нас в космическом смысле, мы можем выразить через наши соотношения с Овном, Тельцом, Близнецами, Раком, Львом, Девой, Весами и так далее — подобно тому, как земные законы здесь, во время нашей совместной жизни на Земле, мы проверяем по законам сегодняшней физики.

То, что господствует в законах в сфере воли Архаев, мы имеем здесь в конstellациях Солнца к этому небосводу неподвижных звёзд, относя позицию Солнца к этим звёздам, относя вообще к небосводу неподвижных звёзд. Воля, господствующая здесь и осуществляющая эти законы — это воля Архаев.

Доска 12

Итак, если бы там снаружи мы искали законы природы, соответствующие нашим законам природы так, как нам во время нашего земного бытия соответствуют законы природы на Земле, то мы должны были

бы смотреть на эти конstellяции звёзд. И мы долгое время находимся в сфере, где таким образом зависим от конstellяции созвездий, но не больше, чем мы зависим от законов природы здесь на Земле, где действует кроме того наша воля, нечто более высокое, чем законы природы. Мы не могли бы здесь даже говорить о космосе в смысле космической закономерности, действующей с механической необходимостью. Но то, что мы находим в конstellяции созвездий, это в известной степени выражение, картина этих законов, действующих на нас там. И как ранее, когда мы сами находились в сфере Архангелов, на нас действовали законы растительного, так теперь действуют на нас законы животного.

Если эти вещи снова находят через духовную науку, то приходят к чрезвычайно значительным фактам, говорящим о том, что древние из определённого сновидческого созерцания космоса тоже имели познание, утраченное потом; что эти древние действительно, можно сказать с атаквистической гениальностью, называли этот образный круг, представляющийся им фиксированным звёздным небом, кругом зодиака. Я ничего другого не нахожу, кроме того, что новая духовная наука, показывающая снова нам эти вещи, из совсем других подоснов ведёт нас к пониманию того, что когда-то было получено из пророческого познания. Я хотел бы сказать, что это чрезвычайно волнительно, когда кем-либо от старых времён сохранено учение о зодиакальном круге и о его влиянии на людей, и когда затем, совершенно не принимая во внимание того, что там сохранено, средствами сегодняшней духовной науки снова приходят к тому, чтобы связать познание с конstellяцией Солнца по отношению к образам зодиакального круга, к так называемому небосводу неподвижных звёзд. Это говорит о том, как тесно связана новая духовная наука с древней мудростью. И между нами, жаждущими духовной науки, и тем периодом, когда господствовала древняя мудрость, мы имеем нечто такое, что хоть и необходимо было для достижения человеческой свободы, но что, по сути дела, представляет собой всё же эпоху тьмы.

Итак, мы приходим в сферу Архаев, и здесь в нас включают то, что является нашей животной сущностью. Что же собой представляет наша животная сущность?

Наша животная сущность это то, что представляют собой, прежде всего, наши органы, которые даже вплоть до количества часто подобны

органам высших животных. Но прежде чем прийти к рождению, мы, если можно мне теперь так выразиться, оставляем сферу чисто зодиакального круга и вступаем в область планет: Сатурна, Юпитера и так далее. В то время как мы вступаем в область планет, то есть в то время как мы в определённой мере приближаемся к Земле, ближе к моменту, когда мы снова воспринимаем человеческую границу, подготавливается то, что по космическим законам в нас было включено как животное, если можно так сказать. Пока мы не погружены в планетную систему и, следовательно, в силы планетной системы, мы, к примеру, не ориентированы позвоночником от Земли — головой вверх. Мы в большей степени имеем то, что управляет животным в отношении его направляющих сил. Влиянию планетарного мы обязаны, кроме того, всем тем, что, например, создает нам руки как органы нашего душевного, что делает их органами, действующими свободно из импульса душевного, и не превращает их в хватательные и двигательные органы. И всем тем, что помогает нам как людям быть единым человеком вплоть до самой низкой ступени животной организации, мы в таком случае обязаны соотношениям Луны с остальными планетами.

Итак, именно через планетарную систему мы очеловечиваемся в то время, когда возвращаемся назад. Я говорил вам, что сам человек, формирующийся человек, является тем миром, который живёт в нашем сознании при этом возвращении от полуночного часа бытия. Мы видим также, как в это время существует всё то, что в конце концов пульсирует в направлении животных сил. Мы это, собственно, переживаем как гибель, как леденящий процесс. Но все это, я бы сказал, ослабевает, как только мы вступаем в планетарную область. И вначале космический мир, осознаваемый нами как человеческий, преобразует это в тот мир, который представляет земной человек, вырывающийся из животного, вырастающий из животного. Теперь это наполняет нас. Это становится содержанием нашего сознания. Мы несём то, что космос дал нам как систему сил в нас.

Так душевно-духовно спускаемся мы из духовных миров. Мы переживаем миры, в которых находились в непосредственном соприкосновении, в связи с Ангелами, Архангелами, Архаями. Так мы нисходим как люди. Но, разумеется, если мы не были интимно связаны с нашей ангельской сущностью именно в охарактеризованном ранее смысле, то

здесь при прохождении планетной сферы мы имеем трудности, потому что не могли божественно-духовно связать себя уже с самим миром Архаев. Нас включают в народность внешним образом. В свою очередь Архаи в таком случае вынуждены действовать в нас определённым образом лишь извне. Нас отправляют на Землю благодаря тому, что все силы Архаев склоняются к одному определённому месту Земли. Архангел или Архангелы вдвигают нас в народность. Наше особое место внутри народности определяют затем Архаи. Мы вращаемся в это окружение бездушевно и бездуховно, внешним механическим способом.

Это, конечно, характеризует современную эпоху, когда человек уже едва ли имеет внутреннюю связь, ту интимную внутреннюю связь со своим непосредственным окружением, которую он имел в древние эпохи, когда вращался в это непосредственное окружение также и душевно. Самое большее, что ещё сохранилось — это карикатурное вращение (ведь можно сказать, карикатурное), когда сегодня дети приблизительно вращаются в какой-либо конкретный замок, после того как их предварительно приспособили к своим предкам, но уже и это утрачивается. Здесь ещё есть такая связь, которая в прежние времена была душевной. Сегодня человека вталкивают в его окружение так, что он, собственно говоря, мало имеет внутренней связи и оказывается совершенно внешне вставленным в ту местность, в которую карма ведёт его, и вообще всё это осуществление встраивания в физическое бытие он ощущает как нечто внешнее.

Когда сущность человека благодаря воспитанию и жизни сформирована так, что он проодушевлён и одухотворён, и приходит к духовному восприятию мира, тогда он через жизнь между смертью и новым рождением пронесёт это так, что не уничтожает внутренней связи со своим Ангелом, что через Архангела его вносят в его народность душевно, и что в непосредственное бытие он встраивается через мир Архаев и не только так внешне, но наоборот, уже в своей животной организации он может воспринимать нечто, ощущаемое им потом так, что он говорит себе: „Это имеет глубокое значение, что я именно из этой местности, где в настоящее время мало-помалу пробуждается моё сознание, где руководят моим воспитанием, что из этой местности я разворачиваю свою деятельность в мире”. Разумеется, необходимо через преобразование воспитания добиться того, чтобы человек снова ощутил, что от места

его воспитания он воспринимает нечто такое, что потом даст ему его миссию в мире. Но тогда, если это так, человек до некоторой степени преодолевает чисто внешнюю сферу Архаев. Он будет переживать человеческие направляющие силы одушевленно и одухотворенно, и будет вырастать в новую жизнь иначе, чем это зачастую происходит в настоящее время.

Итак, как же в действительности это происходит, когда человек подходит там к новой земной жизни? Его сознание заполнено тем, как он формирует своего человека изнутри. Он заполнен миром, который он созерцает и который является не то чтобы одним только миром идей, но деятельным миром. Этот мир мало-помалу, начиная с полуночного часа бытия, как я показал, воспринял тенденцию воли, направленную к человечеству. И человек погружается в то, что проявляется в нём через наследование поколений, через субстанцию, получаемую им от своих предков. Он погружается внутрь. Он окутывается физической оболочкой. Он вступает в физический мир. Мы можем при духовном наблюдении человека реально находить содержание душевного при его погружении в физическое бытие к новой жизни.

Конечно, во всех сферах, проживаемых человеком между смертью и новым рождением, происходит так, что там он приходит в ближайшие отношения с Ангелами, Архангелами, Архаями, которые в свою очередь вверху продолжают отношения с более высокими иерархиями. И так между смертью и новым рождением человек проделывает путь через область, для его связи с которой абсолютно решающим является то, что он несёт через врата смерти. В зависимости от того, как ему удалось пронизать минеральное сознание тем, что в качестве духовного стремится вверх из глубин его существа, он сможет интимно связать себя со своим Ангелом. А благодаря тому, что он может так интимно связать себя со своим Ангелом, он вырастает в мир Архангелов так, что до некоторой степени распознавая, ощущая их силу, он может осознанно отвечать им из себя, чтобы затем идти дальше и становиться индивидуализированным существом, которым он должен постепенно стать, если только человечество должно идти навстречу восхождению, а не упадку.

Это вполне возможно — абсолютно точно описывать с различнейших точек зрения что-либо из этой жизни между смертью и новым рождением. Одну точку зрения вы, конечно, найдёте в моём цикле лекций,

который я прочёл в Вене в январе 1914 года; другую точку зрения я развил вам сегодня. Все эти точки зрения пригодны, чтобы всё больше и больше узнавать человека также и в направлении духовного. Но кто хочет выходить в настоящий духовный мир другим способом, тот никогда не сможет постичь духовное в самом человеке. Как для созерцания душевного в его объективности мы должны проникнуть в промежутки между физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «Я», так, исходя из человека, мы должны идти в духовный мир, чтобы изучить его связи с этим духовным миром. Тогда мы находим то, что, собственно, в человеке ткёт и живёт как духовное. Чтобы не обременять себя, в наше время о духе говорят только общие фразы. Мы должны приходиться к возможности говорить о духе во всех подробностях подобно тому, как детально говорим мы о природе. Тогда возродится истинное человеческое познание, тогда в необходимом человеку смысле будет исполнено древнейшее слово истины, светившее ещё из Греции, но к осуществлению которого человек всё ещё должен стремиться — это слово истины: „Познай самого себя!”

Самопознание есть миропознание, и миропознание есть самопознание. Когда мы живём между рождением и смертью, тогда звёзды и Солнце, и Луна, и горы, и русла рек, и реки, и растения, и животные, и минералы — это наш мир, а то, что живёт внутри нашей человеческой границы, — это мы. Когда мы живём между смертью и новым рождением, тогда то, что как духовное таится за Солнцем, Луной, звёздами, за горами и реками — это мы, а нашим миром тогда является внутреннее человека. Мир и человек ритмически меняются, между тем как человек живёт физически и духовно. Для человека здесь, на Земле, миром является мир, расположенный снаружи. Для человека между смертью и новым рождением миром является то, что здесь — внутреннее. Отсюда речь идет о чередовании периодов так, что человек может говорить: „Человекопознание есть миропознание, а миропознание есть человекопознание в самом истинном смысле”.

Дорнах

Суббота, 8 октября 1921 года.

Начиная с некоторого времени, мы пришли к внимательному рассмотрению связи человека с духовным миром, и эта связь побудила нас вновь бросить взгляд на то развитие, которое человек проделывает между смертью и новым рождением. С этого момента мы сегодня и начнём. Мы вчера сказали, что человек через врата смерти вносит то, что я назвал минеральным сознанием. Его можно так назвать, так как оно по сути дела своим содержанием имеет минеральный мир с его законами. Это сознание окрашено, следовательно пропитано всем тем, что приходит из моральных чувств и ощущений человека. С тем, что теперь слагается от этих двух сторон, человек вступает на свой путь через мир в период между смертью и новым рождением. Когда мы наблюдаем, чем же после смерти является человек, мы представляем себе следующее: астральное тело и «Я», силой вырвавшиеся из того, что было до некоторой степени подобием скорлупы — физического и эфирного тел.

Теперь, если мы представляем себе космическое развитие человечества с принадлежащими ему космически-планетарными телами, то из изложенного в моём «Очерке тайноведения» мы уже знаем, как это космическое развитие в прошлом проходило через сатурническое, солнечное, лунное развитие, и как затем человек пришёл к земному развитию, в котором он как раз и пребывает. Кроме того, мы знаем, что по существу сатурническое развитие образовало физическое тело в его первом зачатке в виде универсального органа чувств, прошедшего затем дальнейшее преобразование через солнечное, лунное и земное развитие. Мы знаем, что эфирное тело присоединилось во время солнечного развития, астральное в первом зачатке — во время лунного развития, и что земное развитие для человека является развитием собственного «Я».

Охватывая человеческое существо в целом, мы видим, что оно имеет

своё «Я» благодаря соединению человека с Землей, поскольку через имеющиеся в Земле силы формируется, образуется «Я». Итак, если мы говорим, что человек, проходя через врата смерти, вместе с тем пронесит через них и своё «Я», то это означает, что через врата смерти он пронесит то, что имеет от своего земного развития, что усвоил внутри земного развития. Через смерть напрямик мы несём то, что принадлежит земному развитию. Во время земного развития — это вы снова можете извлечь из моего «Очерка тайноведения» — к другим царствам должен как раз присоединиться минеральный мир. Таким образом, внешний минеральный мир определённым образом связан с развитием «Я». То, что «Я» проходит через врата смерти с минеральным сознанием, по существу связано с тем, что человек, собственно говоря, имеет от Земли. Но если мы воспринимаем Землю прежде всего только как выступающее нам навстречу мировое тело, то Земля воспринята конечно не полностью. В известной степени Земля как мировое тело является существом, которое можно сравнить с большой каплей в бесконечном море пространства. Но именно такое устройство этой капли является следствием того, что она в себе материально дифференцирована, что она содержит вещества различной тяжести и плотности.

Стоит нам только внимательно посмотреть на металлы, имеющиеся в Земле. Мы находим металлы различной плотности. Значит, то, что человек получает от Земли включённым в себя с минеральным сознанием, происходит от всей Земли, это проистекает прямо-таки по той причине, что в космосе Земля является именно этой общей планетой (Gesamtplanet). Это расчленение на различные минеральные субстанции действует, кроме того, таким образом, что через врата смерти человек уносит с собой не только то, чем стало его «Я», но также на некоторое время уносит с собой то, чем было его астральное тело. Это тоже описано в «Очерке тайноведения» и в книге «Теософия» как прохождение человека через душевный мир. (Во время последующих рассуждений рисуется на доске, доска 13, рис. на с. 118.) Так что мы можем сказать: когда человек покидает Землю, тогда он выделяет минеральное сознание. Но это минеральное сознание пронизано прежде всего тем, что человек воспринял от дифференцированной Земли, от Земли, поскольку она состоит из различных субстанций. Это формирует потом период его перехода через душевный мир. И мы можем сказать, что здесь человек

захватил с собой нечто такое, что вначале является не только его «Я», которое потом уйдёт дальше, но и то, что определённым образом является астральным плодом Земли.

Если мы затем последуем за человеком дальше, когда он покинул этот астральный земной плод в смысле, описанном мной в моей книге «Теософия», где показано, как некоторое время спустя после смерти он завершил свой переход через душевный мир и дальше уже странствует его «Я». Однако сначала оно пронизано минеральным сознанием. Если мы направим духовный взор туда, на человека, то обнаружим минеральное сознание умершего человека, так называемый мыслительный мир, который относится к минеральному. И это действительно так: над тем, чем является теперь минеральное царство на Земле и даже в космосе, работает также этот мыслительный мир, пронесённый человеком через смерть.

Эта связь чрезвычайно примечательна и значительна. Когда мы здесь на Земле обзираем наше минеральное, когда мы обзираем минеральную сферу, которая ведь имеется даже в облаках, так как это тоже, конечно, минеральные действия, и спрашиваем себя: „Что же за духовные существа действуют там внутри?“, — мы должны ответить себе: „Когда мы как люди с физическими органами чувств находимся на Земле, тогда в этих минеральных образованиях, показывающих нам, в известной мере, свою внешнюю сторону, во всех минеральных действиях живут те мысли, в которые после смерти превращаются мысли людей“. Если мы с пониманием всматриваемся в минеральную сферу, то мы можем нашим взором непосредственно бродить по этой минеральной сфере и можем сказать себе: „В минеральной деятельности внутри работает сознание мёртвых в начале их надземного пути“. Таким образом, минеральное царство мы должны называть мёртвым безжизненным царством не только из внешних оснований, но мы должны называть его мёртвым царством также и в том смысле, что внутри этого минерального царства действуют прежде всего человеческие мысли, сущностные человеческие мысли, которые человек должен иметь после смерти.

Человек, продолжая своё странствие дальше, всё больше приближается к полуночному часу бытия. Непосредственно до и после него он развивает сознание, имеющее больше растительную природу в том

смысле, в каком я вчера это изложил. Таким образом, это сознание является не прежним минеральным сознанием, но сознанием, возникшим благодаря тому, что человеческую сущность пронизывают созидающие растительные силы. Человек вообще воспринимает извнеземной области нечто иное, чем может дать ему Земля как таковая. В дополнение к тому, что может дать ему Земля, человек воспринимает род более высокого сознания, и оно может стать для нас наглядным, если мы скажем: „Человек в таком случае развивает растительное сознание”. И в течение этого времени он работает как на Земле, так и в космосе с растительным царством (см. рис. на с. 118, доска 13).

Это принадлежит к тайнам бытия, что когда мы наблюдаем растительный покров Земли и всё пребывающее в растительном бытии, нам, разумеется, предстаёт тоже лишь внешняя сторона, но всё это однако имеет и внутреннюю сторону. Но мы должны, конечно, внутреннюю сторону искать не под корнями, а над цветами. Если мы представим себе цветущее тут растение, то внутренняя сторона существует в том, что так астрально склоняется к растению, в том, что в известной мере живёт астрально и своё внешнее выражение имеет в растительном покрове в процессе оплодотворения. Стало быть, это то, что невидимо. Можно сказать, что, когда созерцают только само растение от корня до цветка, видят внешнюю сторону, а внутренним является тогда то, что находится над цветком. Если мы внешними чувствами таким образом наблюдаем растительный покров как внешнюю сторону, то внутренней стороной этого является область тех сил, которые отчасти имеют свой исходный пункт в сознании людей, живущих в середине между смертью и новым рождением, живущих до и после полуночного часа бытия. Таким образом, даже в растительном покрове Земли мы должны видеть нечто такое, в отношении чего мы можем сказать: „В его космическом бытии есть нечто такое, что связано со всем человеческим развитием”.

Если мы в отношении минерального царства можем сказать, что в этом мёртвом царстве живут созидающие мысли людей, находящихся в первой половине, в начале их пути между смертью и новым рождением, то далее мы должны сказать, что в растительности Земли внешним образом нам раскрывается то, что внутренне живёт во вселенной, так что это и составляет сознательный мир людей в середине между смертью и новым рождением.

Те внутренние связи между человеком и миром, о которых мы вчера говорили и которые позволяют вчерашнее наблюдение завершить словами: миропознание есть человекопознание, а человекопознание есть миропознание, — эти связи раскрываются здесь ещё одним совершенно особенным образом. Нам показывается, что мы фактически уже здесь на Земле созерцаем кое-что из того, чем является человек между смертью и новым рождением. Если мы созерцаем минералы, то они раскрывают нам — примерно так, как некий род внешней картины раскрывает какой-либо процесс, — то, что внутренне сознательно люди совершают в период, следующий сразу после смерти. А в то время, когда мы рассматриваем растительный мир, раскрывается то, что человек внутренне делает в середине хода своего развития между смертью и новым рождением.

Такие вещи для непредвзятого взгляда могут обнаруживаться даже некоторым внешним образом. Я уверен, что каждый раз неизменно поражаются, наблюдая своеобразную натуру Гёте. Она является как раз ярким примером. В чём же состоит это своеобразие природы Гёте? Оно состоит, например, в том, что Гёте всё вновь и вновь предпринимал попытку стать рисовальщиком или художником. Он так и не пришёл к тому, чтобы действительно стать рисовальщиком или художником. Но то, что он оставил после себя от своего плохого рисования и от своей живописи, это поражает в некотором отношении меткостью. И если потом внимательно посмотреть поэзию Гёте, особенно некоторые чрезвычайно типичные в этом отношении произведения, то можно сказать: „Гёте хоть и не смог стать художником, но его поэзия показывает, что она в известной мере проявилась во всей полноте как скрытая живопись”. Гёте много рисовал в своей поэзии. Если бы, например, какой-либо современный критик захотел выразить это по поводу таланта, то он мог бы сказать (но я не хочу утверждать, что так говорить очень хорошо): „Гёте имел склонность стать плохим художником, и он вносил живописные задатки в поэзию и поэтому получился в некотором роде чисто живописный поэт”.

Далее в свою очередь можно сказать, что кое-что правильное высказал тот человек, который назвал отдельные поэтические произведения Гёте, в определенном смысле уже «Ифигению» и «Тассо», но ещё более «Внебрачную дочь» («Die natürliche Tochter»), гладкими и холод-

ными, как мрамор. Гёте дал такую драматическую поэзию, в которой, собственно, живёт ваятель. И она как драматическая поэзия в определённом отношении не наполнена дыханием его внутренней жизни, которой пронизана шекспировская поэзия. Она в определённом отношении является поэзией, остановившейся и проявившей себя во всей полноте в определённых пластических формах. Короче, Гёте как раз, возможно, потому может казаться своеобразным гением, что он, в сущности, никогда не доходил до мира всецело. Он к миру пришёл как художник, но это не состоялось. Тогда он вновь вернулся к поэзии и выразил эти вещи в поэзии, наполовину живописной. Он не выдал в полной мере драматическую поэзию. Он не имел к этому поэтической склонности и так и не стал, собственно, действительно драматическим поэтом, но остановился раньше, снова повернулся назад, и выразил это в пластической манере. Можно сказать — и это истинная характеристика Гёте, которая ему подходит, если его правильно наблюдаешь, — что Гёте является человеком, который никогда не был истинно рождён. Он создал учение о цвете, и всё же не был физиком в истинном смысле. Он занимался естествознанием, но не сделал это полностью своей профессией. Короче, он, по сути дела, нигде в мире не выступил целиком. Он не пришёл к миру по-настоящему.

Можно было бы даже пойти ещё дальше. Можно было бы внимательно посмотреть, например, на его отношения с женщинами. Они обычно также развивались лишь до определённой стадии и никогда не доходили до того момента, до которого они развиваются у значительно-го числа людей мира, которые правильно рождены в физическую жизнь. Повсюду можно было бы найти этому подтверждение, если только чувствуешь и воспринимаешь эти вещи, если только для чувствования и восприятия таких вещей нет препятствия со стороны обычного педантично-филистерского представления, которое, естественно, может ведь отрицать всё то, что мне не стоит вам называть. Само собой разумеется, можно, конечно, возражать против тезиса, что якобы Гёте не был рождён вполне. Да, он рождён такого-то числа во Франкфурте. Не правда ли, это можно найти обозначенным во всех биографиях. Но я на это замечу вам, что даже здесь опять имеет место некая заковыка. Он пришёл в мир именно полумёртвым и с совершенно чёрным телом. Таким образом, даже здесь имеет место не такое здоровое вхождение в

мир, а подобие полумёртвого вхождения.

И снова проследите его жизнь, как он нигде не принят, брошен вплоть до заболевания. Всё это так, я бы сказал, вплоть до вида и манеры, с какой он расхаживал по Веймару — в некотором отношении неприступный, так что можно сказать: „Он не полностью вышел в мир”. А это, однако, проистекает оттого, что он слишком много усвоил из того, что развивается в растительном сознании там, в полночь бытия. Отсюда также его стремление к метаморфозе растений, где он совершил своё высочайшее — это удивительное созерцание растительного мира.

Я действительно могу себе представить, что есть нечто странное, когда, например, всерьёз говоришь о том, что якобы Гёте не вышел в мир полностью. Но как раз существуют многие люди, которым милее говорить о том, что внешний мир якобы во всеобщем, в абстрактном есть своего рода майя. Но если, кроме того, в частности остановиться на том, как различаются отдельные ступени майи, то тогда это непременно майя, когда Гёте воспринимают таким совершенно внешним образом, примерно как его восприняли м-р Левес или профессор *Бильшовский* и так далее! Но он определённо не такой, а как раз совсем другой. Он такой, что в нём действительно воспринимаешь предшествующее пребывание в той сфере, которая расположена именно в середине этого жизненного пути человека между смертью и новым рождением.

Далее мы приходим к третьему этапу в этом развитии, когда приближаются уже к новому воплощению, к новой земной жизни. Здесь человек развивает, как вы можете теперь довольно легко вообразить себе, некий род *животного сознания* (см. рисунок на с. 118, красное). Внешне он имеет такое сознание, как я это вам вчера описал, но он работает с тем, что живёт теперь в его сознании, прежде всего со всем тем, что здесь на Земле развивается как животный мир. Только теперь уже не скажешь, что когда мы внешне созерцаем животный мир, тогда он показывает нам внешнюю сторону; внутреннее ведёт нас вверх к человеческим мыслям, которые имеет человек, или же вверх к содержанию человеческого сознания, которое имеет человек, когда он находится уже в третьей части своего жизненного пути между смертью и новым рождением. В действительности мы не можем так говорить, но сказать мы можем примерно так: когда мы созерцаем животный мир, тогда этот животный мир в известной степени даёт нам некий род внутреннего.

Итак, минеральное и растительное царства показывают нам в известной степени внешнюю сторону, хотя у растительного это уже не совсем так, но, однако, так рассматривать это можно; внутреннюю сторону наряду с другим нам предоставляет состояние сознания тех, которые прошли через врата смерти и находятся на пути к новой земной жизни. Но вместе с тем, созерцая животное царство, мы, собственно, должны сказать: „Оно нам обнаруживает внутреннюю сторону, а внешней стороной являются групповые души животных, восходящие вплоть до творения сверхземных иерархий”. И тут, в животном царстве, мы теперь не можем в самих животных найти то, что работает из человека, из человеческого сознания, но можем сказать, что в том, что является тут животной групповой душой, что развивается здесь в совокупности мира животных групповых душ, — в этом тоже живут и действуют человеческие мысли. В это время человек действительно переживает все тонкие сложные конфигурации мира животных групповых душ. Это становится теперь миром человека — этот животный мир групповых душ. И из того, что человек созерцает здесь, в животном мире групповых душ, из того, что отсюда исходит и входит в его сознание, он строит свои собственные органы. В деятельное созерцание своего собственного существа он до некоторой степени постепенно целиком стягивает то, что созерцает здесь в мировых далях. Исходя из совокупности животных групповых душ, человек формирует себе свой собственный внутренний, разделённый на органы, организм.

Доска 14

Можно сказать, что человек здесь образует основные очертания своего головного мозга — естественно, прежде всего в виде сил, а не так, чтобы здесь образовывались такие сгустки материи, — образует прежде всего как силы: лёгкие, сердце с кровеносными сосудами и так далее. Человек образует отдельные органы из полной совокупности животного группового бытия. Таким образом, в то время как в первой части своего сверхчувственного жизненного пути человек строит во внешнем мире, теперь он всё больше и больше возвращается в себя и строит, наконец, отдельные органы своего внутреннего организма из совокупности мира животных групповых душ.

И затем уже человек вступает в последнюю стадию своего становления так, что, как говорил я вчера, он приходит в сферу планетарных сил. Это теперь в определённой степени самая последняя ступень, которую проделывает человек. После того, как человек пережил воздействие от системы животных групповых душ и на неё, он становится во внешнем мире зависим от того, что находится в окружении, в конstellации планет. И вследствие этого подготавливается эфирное тело человека. Человек склоняется к новому воплощению. Подготавливается его эфирное тело. Теперь в этом эфирном теле появляется мыслительная ткань, о которой я вам говорил и которая должна обнаружиться потом в человеке между эфирным и физическим телами. Так что теперь человек некоторым образом влетает здесь в систему органов то, что он выработал больше исходя из эмоций, но из эмоций, уже непременно пронизанных мыслями. Здесь в таком случае он образует вокруг мыслительную ткань. Таким образом, эта мыслительная ткань является результатом того, что человек испытывает от воздействия планетарного мира на свое существо, приближающееся к новому рождению. А вследствие этого человек подготавливается к вступлению в оболочку, которая теперь ему даётся из того, что происходит в потоке поколений.

Чем же является здесь спускающийся человек? Спускающийся здесь человек является таким, который уже излил непосредственно после смерти в минеральный внешний мир мыслительное, минеральное мыслительное, унесённое с собой. Вследствие того, что он излил мысли, мало-помалу вверх теснится волевой импульс, содержание чувств. Всё это пропитывает его затем содержанием растительного сознания. Человек сперва приходит к тому, чтобы сотрудничать с растительным царством

внешнего мира, потом возвращается в себя самого, работает с животным сознанием из групповой душевности животных и образует

Доска 14

здесь себе свои органы, которые в определённой мере он окружает той оболочкой, которая выткана из мыслительной субстанции. Это и есть то, что теперь стремится вниз в физическое бытие.

Как осуществляется теперь это включение в физическое бытие? Уже раньше и вчера я снова обратил ваше внимание на то, что в современной науке давно уже ждут, что когда-нибудь выявится, что клетки имеют очень сложную химическую структуру, так что мы некоторым образом найдём сложнейшую химическую формулу того, что представляет собой клетка. Но это совершенно неверная мысль.

В клетке, уже в обычной органической клетке, это существует так (см. рис., светлое), что химическое сцепление внутри — не сильнее, чем в обычном сложном химическом соединении, а наоборот: хаотичными становятся именно химически родственные по духу клетки, а самые хао-

тичные они — в оплодотворенной зародышевой клетке. В оплодотворенной зародышевой клетке относительно материальности прямо-таки

Доска 14

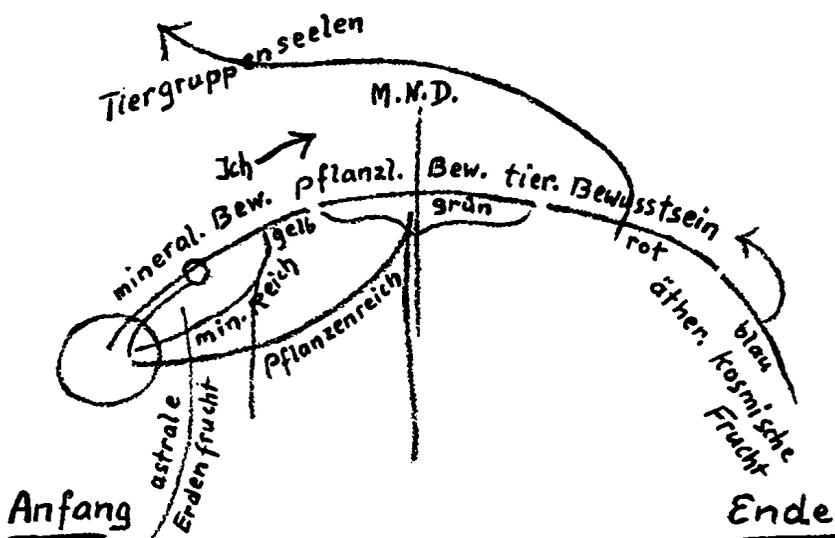

хаос, хаос, который распадается, хаос, который действительно разваливается. В этот разрушающийся хаос изливается то, что я изобразил вам как человека, образовавшегося именно описанным мной способом (лиловое). И не через сам зародыш, а через процесс, совершающийся в материнском теле между эмбрионом и окружением, развивается затем собственно физическое. Таким образом, фактически то, что нисходит тут из духовного мира, вкладывается в пустоту и лишь пропитывается минеральной субстанцией. Как вы видите, здесь описан абсолютно очевидный процесс.

Животное сознание мы не можем видеть отражающимся, но мы должны сказать, что оно действует вверх на групповую душевность, в групповые души животных (см. рис. на с. 118, красная стрела). И затем, когда человек вошёл в планетарную сферу, он формирует самого человека и, таким образом, вступает туда, где ему освобождено место, как я только что об этом говорил.

Если вы теперь внимательно посмотрите на начало и конец жизненного пути между смертью и новым рождением, то должны будете ска-

зять себе: „Здесь возникает нечто такое, что вполне может быть взаимосвязано друг с другом”. В том, что мы можем назвать прохождением человеческой души после смерти через душевный мир, возникает нечто, ещё имеющее отношение к земному, то, что человека отсылает к земному. Мы знаем уже, что человек здесь проживает свою земную жизнь в обратном порядке приблизительно за треть своего жизненного пути, проживает как раз таким образом, как я вам обрисовал. То, что человек переживает потом при прохождении через планетарную систему перед рождением, является до некоторой степени полярной противоположностью. Ему там как человеку передаётся нечто, с чем он рождается на Земле ещё из небесного. Как для душевного мира он выносит ещё кое-что, существующее в его астральном теле, благодаря чему в обратном странствии он переживает свою земную жизнь, — так же из космоса человек приносит с собой нечто, что потом пропитывает его эфирное те-

Tiergruppenseelen – групповые души животных,
 Ich – Я, M.N.D. – полуночный час бытия,
 gelb – желтое, grün – зеленое, rot – красное, blau – голубое
 mineral. Bew. – минеральн. созн., pflanzl. Bew. – растит. созн., tier. Bewusstsein – животн. сознание,
 min. Reich – мин. царство, Pflanzenreich – растительное царство,
 astrale Erden frucht – астральный Земной плод, äther. Kosmische Frucht – эфирный Космический плод,
 Anfang – Начало, Ende – Конец

ло и что с его эфирным телом теперь имеет кое-какое дело так же, как названный мной астральный земной плод — с его астральным телом. Принесённое им для себя из космоса имеет дело с его эфирным телом, подобно тому как вынесенное им в виде астрального земного плода имеет дело с его астральным телом.

Итак, я могу сказать следующее. Человек вносит сюда из космоса эфирный космический плод. Этот эфирный космический плод, вносимый сюда человеком, дальше фактически живёт в его эфирном теле. Человек с первого часа, с первого мгновения своего рождения имеет в своём эфирном теле нечто вроде движущей вперёд космической ударной силы (*Stoßkraft*), которая работает в течение всей жизни. С этой космической ударной силой соединяется то, что осталось в виде кармических закономерностей. В этой космической ударной силе действуют кармические закономерности.

Таким образом, в определённом смысле можно сказать, что мы сами в состоянии вполне наглядно указать на то, как карма относится к реальному человеку. Говоря себе, что человек имеет прошлую жизнь, что из духовных высот он входит в физическое земное бытие и соединяется своими физическим и эфирным телами со своим «Я» и со своим астральным телом, мы можем сказать, что его карма, принесённая им из более ранней земной жизни, вступает в ту эфирную ударную силу, которую он тоже внёс из воздействий планетарной системы, предшествующих его включению в земное.

И только теперь вам может быть ясно, как можно вычислять из планетарных отношений, если это делать надлежащим образом, то, что в человеке напирает и толкает. Таким образом можно интимно всматриваться во всё, что в человеке действует так, что оно выходит из физически-чувственного действия в духовно-душевный мир, и из духовно-душевного мира вносится им и до определённой степени снова погружается в его физически-телесное земное бытие и в нём же действует. Эти вещи вполне можно сообщать в подробностях.

Человек, наполняя себя представлениями, приходящими через такое познание, скажет себе: „Я вхожу в это земное бытие как физическая человеческая форма, мнимо закрытая от остального мира. Это осознание замкнутого возникновения даётся мне здесь, где моё сверхчувственное вкладывается в ложе, подготовленное ему из земно-физического

бытия. Но вместе с тем, вступая в эту оболочку, я снова всё больше и больше вырастаю в космос через мои восприятия, через мой опыт. И я вырастаю гораздо больше, когда образую себе такие представления об отношении человека с миром”.

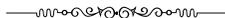
Так человек учится именно благодаря антропософской духовной науке чувствовать своё единство со вселенной. Он чувствует мир в себе и себя в мире. Он чувствует жизнь макрокосма пульсирующей в своём собственном внутреннем. И он ощущает, как то, что он переживает во внутреннем, снова пульсирует наружу в целый космос. Дыхание становится для него только символом для всеобъемлющего бытия: вдыхаемый воздух принимает форму человеческого тела и становится внутренней жизнью; воздух, покидающий организм, снова рассеивается в мире. То же самое и с духовно-душевым: весь космос определённым образом вдыхается духовно-душевно и становится человеком; то, что здесь возникает в человеке, снова духовно-душевно выдыхается и рассеивается в космосе, доходя в известной мере вплоть до периферии космоса, чтобы снова вернуться и образовать человека. Можно уже в человеке увидеть отображение мира, а в мире — тонко растворённое человеческое существо. Так что познание, охватывающее мир и человека, можно заключить в два предложения:

Человек, ты есть стянутый образ мира.

Мир, ты есть существо человека, излитое в дали.

Человек, чтобы будущее для него являлось восходящим развитием, а не нисхождением, должен овладеть таким сознанием, которое действительно соединяет его существо с космосом.

Завтра мы будем говорить об этом дальше.

Дорнах

Воскресенье, 9 октября 1921 года.

Мы говорили о душевном и духовном развитии человека. Вместе с тем, внимательно рассмотрев духовное развитие, мы должны указать на способ возникновения этого духовного развития человека и, следовательно, того, что действует в нём духовно, из его сотрудничества с существами более высоких иерархий сфер, стоящих над ним. И если мы снова спросим себя об особом характере этих более высоких существ, то мы должны будем вернуться в прошлое космоса. Мы уже знаем из моего «Очерка тайноведения», как, например, существа, включённые нами в сферу Ангелов, во время древнего лунного развития проходили человеческую ступень, как Архангелы свою человеческую ступень проходили во время древнего солнечного развития, а Архаи — во время древнего сатурнического развития. Короче, если мы тем способом, каким мы, имея перед собой человека, можем сегодня понять нечто о космосе, если мы хотим этим способом понять эти высокие сферы, то мы должны обратить взор на давно прошедшее время. Мы можем даже сказать так: если мы хотим понять существо человека как дух, то смотрим вверх на сегодняшнюю ступень развития существ, которые в далеко позади лежащую эпоху прошли своим особенным образом то, что человек проходит сегодня во время земного бытия. Таким образом, для внимательного рассмотрения духовного развития человека мы должны созерцать прошлое высоких существ.

Перед своим духовным взором мы поставили также душевное развитие и нашли, что это душевное развитие в мышлении, чувствовании и желании разыгрывается в определённой мере в промежутках между «Я», астральным телом, эфирным телом и физическим.

Теперь уже вовсе нет сомнения: то, что составляет душевную жизнь человека, есть современность. В том, что мы извлекаем из глубин наше-

го существа и что развёртывается здесь между четырьмя членами человека ради мышления, чувствования и желания, мы развиваем нашу душу. Мы воспринимаем внешние впечатления, перерабатываем их, неоднократно сами непосредственно присутствуя, принимаем участие в этой переработке. Короче, мы можем сказать: „Если мы внимательно рассматриваем душевную жизнь человека, то нам необходимо понять это духовно-душевно-физическое ткаие в современности”.

Но как обстоит дело, когда мы теперь сами внимательно рассматриваем человека: физическое тело, эфирное тело — тело формирующих сил, астральное тело и «Я»? Это физическое тело человек несёт в себе от рождения, или от эмбриональной жизни, до самой смерти. С того момента, как он сбрасывает его во время смерти, это физическое тело не может сохранять свою форму. Оно имеет возможность сохранять свою форму, своё очертание, всю свою суть лишь тогда, когда его пронизывают душа и дух человека. Силы, действующие снаружи в земно-физической природе, разрушают его — одни быстрее, другие медленнее, но они его разрушают. Это физическое тело распадается, потому что оно не может существовать внутри сил, которые объединяют Землю в минеральное, животное и растительное царства. Это физическое тело, собственно, присутствует здесь так лишь в силу особой организации, данной ему из более высоких сфер, из духовных сфер человеческого духа. Оно присутствует здесь только в силу процессов, которые производит с ним человеческая душа в мышлении, чувствовании и желании. Это физическое тело не имеет никакой возможности существования, когда оно находится в физическом земном бытии самостоятельно. До того как человек пришёл в эмбриональную жизнь после прохождения через смерть, всё то, что силы вработывают в это физическое тело, не имеет гражданства внутри Земли. Форма этого физического тела образуется только во время человеческой физической земной жизни. В этом физическом теле разыгрываются соответствующие процессы, это физическое тело растёт, увядает и так далее. Оно принадлежит человеку, а не Земле. Это показывает самое простое рассуждение.

В настоящий момент, когда мы подходим с духовной наукой к этому физическому миру, мы хоть и находим истинным то, что физическое тело на Земле не имеет никакой прочности, но то, что его соединяет, это ведь также не имеет истинной прочности в сознательной жизни челове-

ка. Однако это остаётся полностью подсознательным. Но всё же это является внутренне образным (innerlich Bildhafte), и мы можем это схватить, когда развиваем имажинативное сознание. Тогда мы определённым образом проявляем внутренне образное этого физического тела. И то, что мы здесь созерцаем как внутренне образное, сопротивляется тем силам, с которыми веществу физического тела своими силами не справиться.

Это внутренне образное не во власти земных процессов. Это внутренне образное по меньшей мере может сохраняться и тогда, когда Земли однажды здесь уже не будет, оно может быть вынесено к будущей ступени развития Земли. Тогда из этого человеческого физического тела образуется нечто такое, что мы можем назвать природным царством будущего, природным царством, которого сейчас как раз вовсе не существует. Из того, что сегодня является только образом, возникнет природное царство будущего, царство, которое по своей сути в некотором отношении будет стоять посередине между нашим сегодняшним минеральным царством, лежащим на Земле как мёртвое, и растительным царством, которое погружается в это мёртвое минеральное царство, оживляет его, развивая жизнь.

Представьте-ка себе минеральный мир, в который погружён растительный мир, участвующим в жизни не только в качестве лежащей мёртвой земли и доставляющим растению вещества через корни и через воздух, но представьте себе живым само то, во что тут погружены растения: целиком живая Земля, которая имеет не это мёртвое минеральное царство, и растительный мир, который теперь может не только погружать в это минеральное царство жизнь, но и живёт внутри самого живого минерального царства; живое минеральное царство, будущая ступень метаморфозы нашей Земли — в моем «Тайноведении» я назвал эту ступень Юпитером — будущее живое минеральное царство. Но это минеральное царство настолько живое, что формируется в растение, и то, что в настоящее время погружается в растительное царство только вещественно в виде химического процесса, определённым образом само будет живым химическим процессом, так что растительная жизнь и минеральное образование будут едины. Это, я бы сказал, в качестве будущего растительного царства имеет свой зародыш в современном физическом теле человека. Сегодняшнее физическое тело человека являет-

ся зародышем будущего царства, будущего природного царства.

Рассмотрим и сегодняшнее эфирное тело человека. Оно остаётся неосознанным в течение жизни между рождением и смертью, но оно деятельно. Это ведь, собственно говоря, то, что насаждает нам подлинную жизнь. Оно является для нас оживляющим. Оно является тем, что содержит силы роста, а также питания. Оно остаётся в подсознании. Его истинный облик мы совсем не можем воспринимать. Но этот истинный облик мы воспринимаем короткое время после прохождения через врата смерти. Здесь мы смотрим назад на мир образов, который является миром ткущих мыслей. Этот мир образов и есть истинный облик эфирного тела. Между тем как в физическом теле мы имажинативным сознанием воспринимаем картины, гарантирующие нам, что в физическом теле располагается зародыш для более позднего растительно-минерального царства, после самой смерти эти картины преподносятся нам в чисто естественном ходе развития эфирного тела человека. Однако, в современном земном бытии эти картины — с другой стороны — не имеют прочности. Являющееся в нас силами роста, силами питания — то, что вызывает наше эфирное, наше жизненное бытие, — это внутри земного не имеет никакой прочности. В течение нескольких дней после прохождения через врата смерти эти картины растворяются. И мы вступаем на путь дальнейшего жизненного развития, внутри которого мы не имеем эти картины как таковые, как картину эфирного тела, как тело образующих сил. Они растворяются в эфирном космосе подобно тому, как физическое тело растворяется силами земного бытия. Но опять это образное бытие эфирного тела через свою собственную сущность показывает, что мы в нём имеем кое-что, являющееся зачаточным, путь и исчезающим сейчас подобно зародышу растения, который мы погружаем в землю, но который потом взойдёт в качестве растения, сформированного растения. Так космос воспринимает наше эфирное тело, как бы растворяя его до бесконечности. Но всё то, что в космосе так создается из человеческих эфирных тел, превращается в нём в силы будущего царства природы Юпитера — царства растение-животных, царства животно-растений. И наблюдения дают нам гарантию того, что человеческое эфирное тело является зародышем этого будущего царства, царства, стоящего посередине между растительным и животным мирами.

Мы представляем себе сегодняшний растительный мир развивающим

лишь жизнь, но не развивающим никаких ощущений. Мы ожидаем, однако, что в некоей субстанции, подобной сегодняшнему миру растений, но пронизанной чувствительностью, развивается царство животно-растений, царство растение-животных, которое некоторым образом будет окружать будущую Землю или планету Юпитер. Восприятия не будут такими, как восприятия сегодняшних животных, которые ограничиваются лишь восприятием земного. Восприятие будет космическим — восприятием процессов, окружающих Юпитер.

Таким образом, мы имеем здесь в эфирном теле зародыш будущего царства, царства животно-растений. Определённым образом будет расплавлено — и это, конечно, повлечёт гибель земного — то, что сегодня расстилается снаружи как минеральное царство. Напротив, из того, что, кажется, совсем растворяется земными силами, из человеческих физических тел в качестве зародыша возникнет будущая мировая планета со своим низшим царством, с царством минерало-растений. Из того, что, например, рассеивается после смерти, объединяется второе царство этой будущей мировой планеты, царство животно-растений, которое окружит её как род живой эфирности.

А что касается человеческого астрального тела, то мы знаем, что человек после прохождения через врата смерти уже более длительное время переживает то, что я описал в своей книге «Теософия» как прохождение через душевный мир. Я описал там, как после смерти происходит преобразование человеческих переживаний в этом душевном мире, как человек проходит через определённые состояния, которые я назвал пламень вожеланий, текучая возбудимость и так далее. Но всё то, что человек испытывает там, если даже это продолжается более длительное время, — это всё же нечто такое, что можно ощущать как растворяющееся, что можно даже воспринимать как исчезающее. Прочтите только последние страницы того описания, в котором говорится о переходе человека через душевный мир после смерти, и вы из способа того описания получите это чувство, как, я бы сказал, исчезает в мире принесённое туда в себе человеком в качестве астрального тела, которое некоторым образом исчезает так, как если бы тёмные облака во всеобщем море света уничтожались этим морем света. Я в моей «Теософии» совершенно намеренно построил описание стилистически таким образом, что можно нечто почувствовать и воспринять от этого растворения

себя, как если бы тьма растворялась в свете, как если бы смерть преодолевалась жизнью. Почувствуйте описание конца этого перехода через человеческий душевный мир после смерти, как это происходит, тогда вы скажете: „Если так описывается этот переход через душевный мир, то мы ведь уже имеем нечто, подобным образом описанное, в виде стоящих перед духовным взором картин имажинаций физического тела, в виде эфирного тела, стоящего перед душевным взором человека сразу после смерти”.

В этом описании, данном в моей книге «Теософия», если мы его как следует оживим, мы имеем как раз нечто такое, что по своей сути снова выявляется как зародыш для будущего. И это отделяется от человека, как отделяются от него другие члены человеческой природы. Отделившееся физическое тело становится зародышем для растительно-минерального царства. Отделившееся эфирное тело становится зародышем для животного-растительного царства. Человеческое астральное тело некоторым образом поглощается всеобщим мировым окружением и становится зародышем для человеко-животного царства, для царства, которое поднялось на одну ступень выше животного, существующего сегодня здесь, как если бы животные передвигались не только ощущениями, как они передвигаются сегодня, но двигались бы под действием мыслей и даже, несмотря на более автоматический характер, чем это бывает у сегодняшнего человека, всё же определённым образом исполняя разумные поступки. Человеко-животное царство мы должны представлять себе совершающим разумные поступки, действительно исполненные изнутри, но с другой стороны всё же осуществляемые не так, как сегодня это делает человек, у которого разумные поступки исходят из центра его Я-существа. Этого у них не будет. Их поступки, наоборот будут носить как раз, я бы сказал, больше автоматический характер, но не станут подобны поступкам сегодняшнего животного царства, исходящим только из инстинктов. Они будут в известной степени поступками великого юпитерианского разума, осуществляемыми животным, и это отдельное животное будет вставлено в этот юпитерианский разум.

Теперь нам ещё остается человеческое царство как таковое. Проследите снова в моей «Теософии», как это человеческое царство, поднимающееся в духовный мир после сбрасывания астрального тела, как оно в духовном мире имеет внутренние переживания, но которые там могут

быть вполне описаны в виде изображения картин духовного внешнего мира. Я, чтобы достичь этого, описал, как там, в стране духов, кое-что переживается полностью как континентальная область страны духов, кое-что как морская область, а кое-что как воздушная область. Во всём, что мной описано здесь, в этой стране духов, вы имеете нечто, являющееся картинами мира, который здесь для земного сегодня не существует. Сегодняшнее земное окружение другое. Но если в действительности хотят изобразить эти вещи так, как они должны быть изображены в соответствии с истиной, то это нужно делать, опираясь на большие объединения земной планеты: то, что здесь объединяется как континентальные области, этим своим объединением относят также к тому, что находят там в стране духов, точно так же объединяют морскую область. То, что там охарактеризовано как континентальная область, как морская область, как воздушная область и как область тепла, изображено так, что оно одновременно пронизано тем, что человек несёт через врата смерти как моральное. Это изображено таким образом, что там морально-духовный мир непосредственно в себе имеет также внешне вещественное, что моральное там является контуром, однако это ещё не приводит к творению небесного тела, планеты. Но то, что здесь переживает «Я» человека является зародышем этих категорий распределения, этих связей в целом для будущей планеты Юпитер. Таким образом, мы уже сегодня в человеческом «Я» имеем зародыш того, что потом станет великим распределением, совместной жизнью в областях, которые тогда будут выглядеть совсем по-другому, но могут быть трактованы подобно сегодняшним континентальным, морским и тому подобным областям. Здесь мы кое-что имеем, но для того, чтобы это охарактеризовать, получить об этом идею, понятие, необходимо это снова рассмотреть другим способом.

Мы должны сказать примерно так. В этом ткании в стране духов, описанной мной в книге «Теософия», сразу видно следующее: это касается не отдельного человека. Люди в итоге, как вы видите, разделяются тотчас на человеческие группы уже во второй области, в морской области, например по человеческим связям — возникает нечто сверхчеловеческое. «Я» поднимается выше. «Я» соединяется с другими «Я» в человеческих группах. Перечитайте, однако, это в описании страны духов: это нечто такое, что можно описать только как царство, стоящее над

человеческим царством. И в такое царство вступит потом человек во время юпитерианского бытия. Его нельзя описать, называя «ангело-человеческим царством». Это не точное попадание, потому что, характеризуя Ангелов, я пользуюсь современными понятиями, исходящими из того, что Ангелы это те, кто были людьми во времена Луны. Таким образом, если я хочу охарактеризовать то, что разовьётся тут во время будущего земного бытия или бытия Юпитера, то я уже должен буду говорить так: „Человек поднялся в более высокую сферу; своим внешним проявлением, своим телесным проявлением человек стал таким, что он проявляет наружу то, что сейчас живёт глубоко внутри, что сегодня живёт только душевно”. Как сегодня, я бы сказал, таинственным образом он обнаруживает своё внутреннее в инкарнате, в телесном цвете, так в будущем своё внутреннее, добрый ли он или злой, он будет обнаруживать в своей внешней конфигурации. Сегодня по человеческой фигуре о ком-либо могут заключить лишь намёками: педант он или злобный человек, или жестокий, или ненасытный. Определённые моральные качества, они сегодня слабо выражены в физиономии или в походке, или в другой внешней форме, и всегда выражены так, что можно и отрицать их, и, так сказать, сослаться на них; ничто не говорит в пользу того, что кто-то получил губы, прямо указывающие именно на прожорливость, или нижнюю часть лица, намекающую на ненасытность. Но как сегодня можно до некоторой степени отговариваться относительно этого внешнего проявления душевного, так в будущем это будет совсем невозможно. Люди, придерживающиеся материальности, потом это отчетливо выразят в своём облике: они воспримут ариманические формы. В будущем будут явно различать между ариманическими и люциферическими формами. Множество членов различных теософских обществ, которые всегда увлекаются высокими регионами, имеет, конечно, хорошие задатки для таких люциферических форм. Будут там также формы, образованные сбалансированно. Мечтательные мистики воспримут люциферические очертания. А то, что должно будет возвыситься через внутреннюю жизнь Христа, является сбалансированным. Короче говоря, развивая то, что сегодня является зародышем «Я», мы получим душевно-человеческое царство.

Зародыш:	Развитие:
Человеческое физическое тело	Растительно-минеральное царство
Человеческое эфирное тело	Животно-растительное царство
Человеческое астральное тело	Человеко-животное царство
Человеческое «Я»	Душевно-человеческое царство

То, что мы здесь в нашем «Я» несём в себе, испытал со всей трагичностью в упадке цивилизации XIX столетия один человек — это был *Ницше*, почувствовавший, что это «Я», чтобы спасти своё будущее, должно на самом деле силой вырваться из того, что сегодня уже находится в состоянии упадка. Он выбрал это абстрактное слово «сверхчеловек», потому что вся идея оставалась абстрактной. Но этот неопределённый смутный порыв проявляет то, что в «Я» не только не готово, но что находится в «Я» в зародышевом состоянии и как зародыш должно намекать на будущие космические формообразования.

И повторно *Ницше* прекрасно выразил это, сказав: „Человек, по сути говоря, есть нечто, родившееся из червя. Но как человек родился из червя, так сверхчеловек рождается из человека“. Вследствие этого с неким смутным чувством он встраивает себя в нечто такое, что должно, собственно, прояснить задачу нашего времени, если оно не хочет пробираться ощупью в темноте разрушающейся культуры и гибнущей цивилизации.

Это вполне понятно, что *Ницше*, испытавший лишь трагическое в нашей чисто интеллектуализированной культуре, по сути дела выделил это интеллектуалистическое понятие сверхчеловека, собственно, не имеющее никакого содержания, из того, что как раз могло быть в интеллектуалистической культуре. *Ницше* ведь даже не пришёл к истинному пониманию Христа. И в нём проявилось то своеобразие, что он, исходя из этого стремления зародыша «Я», но, с другой стороны, при неизбежности оставаться внутри интеллектуалистической культуры, стал теперь не поклонником Христа, а поклонником антихриста, прямо-таки его почитателем и прославителем. Это антихристианство гениально проявилось в *Ницше*. Но это антихристианство, если оно должно было остаться таким, как есть, не могло бы осуществлять ничего другого, кроме как побуждать людей к тому, чтобы грезить об абстрактном сверхчеловеке, но в то же время укоренять в себе уверенность, что этот

абстрактный сверхчеловек умрёт с земным бытием. Ницше судорожно стремился ещё придерживаться идеи развития. Но даже это судорожное удерживание ему ничем не помогло. Он пришёл из абстракции интелектуализма лишь к «Вечному возврату», так что позже появилась бы не более высокая ступень, а всего лишь повторение подобного, но и тут оно, как сказано, существует лишь судорожно, чтобы удерживать идею развития.

Таким образом, мы рассмотрели духовное, душевное и телесное человека. Когда мы рассматриваем духовное человека, оно именно сегодня является нам как дух, определяющий человека. И поскольку мы наблюдаем этот дух в виде человеческого духа, он кажется нам не очень дифференцированным. Он несёт в себе определённые, я бы сказал, оттенки, но он является нам как единообразное. Когда мы рассматриваем этот человеческий дух в его мировой сути, тогда мы сверх того нуждаемся в духовной науке. Если мы не приходим к духовной науке, то этот безучастный, единообразный, неопределённый человеческий дух просто излучается в мир, и возникает расплывчатый пантеизм. Но если хотят познакомить этот человеческий дух с духовной наукой, тогда вникают в мир высоких духовных сфер, состоящих во взаимных отношениях и в отношениях с человеком. Имеющееся в нашем духе уже конкретно погружается в мир, когда мы находим это конкретно погруженным в мир высших иерархий. С тем, что мы имеем флуктуирующим в виде нашей душевной жизни, разделённой на мышление, чувство и желание, мы можем познакомиться лишь только тогда, когда мы ищем это определённым образом в промежутках между членами человеческого тела: как мышление ткёт тут между физическим и эфирным телами, в определённой степени посредничая во взаимодействии этих двух тел; как чувство ткёт тут между эфирным и астральным телами, посредничая во взаимопроникающем дыхании эфирного тела и астрального тела. А если мы хотим познакомиться с жизнью желания, мы должны наблюдать силы взаимопроникновения «Я» и астрального тела и в определённой степени изучить жизнь воли в изменчивости, которая развивается между ними обоими. Тогда мы имеем человека современности, его душевную жизнь.

И если мы теперь спустимся к человеческой телесности, то эта телесность явится нам прежде всего так, как будто она в действительности

была предназначена превратиться в ничто. Физическое тело, которое для человека имеет такое большое значение во время его земной жизни, оказывается ничто в отношении отдельных закономерностей, так как оно под их влиянием распадается. Они его разрушают. Эфирное тело, я мог бы сказать, ещё сохраняется короткое время после смерти, но оно распространяется в космосе. Оно покидает человека. Оно уходит прочь. В настоящем времени Земли оно в свою очередь оказывается ничем для Космоса. Астральное тело в конце своего душевного странствия после смерти у человека поглощается душевно-духовным бытием — снова как ничто. «Я» дано Землей и кажется принадлежащим Земле. Мы сначала не получаем из «Я» идею того, чем оно должно быть для будущего. Но если мы рассматриваем эти телесные члены человека в свете духовного исследования, то находим, как на самом деле зародыши для космических миров располагаются в физическом теле, в эфирном теле, в астральном теле и в теле «Я». Речь идёт только о том, что мы находим пути, позволяющие правильным образом заботиться о том, что мы несём здесь в себе как зародыши будущих космических миров, чтобы эти зародыши могли развиваться. А эти зародыши подобно другим зародышам также подвержены гибели, так как зародыши, как вам известно, могут даже погибать.

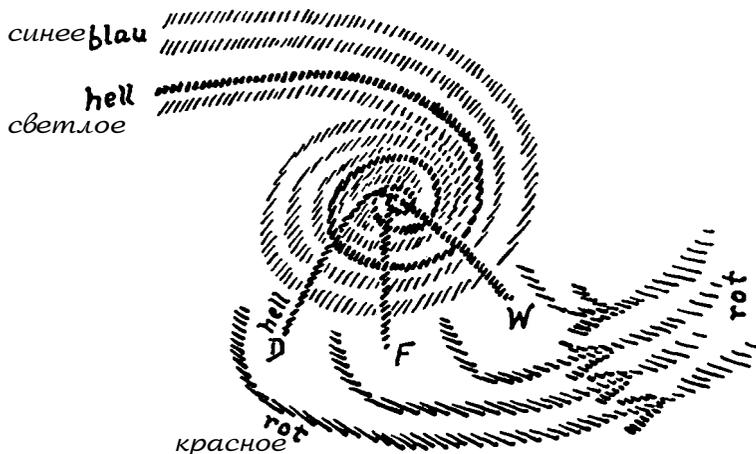
Наше соединение с Мистерией Голгофы даёт нам силы, делающие Христа в нас садовником, который не позволяет погибнуть зародышу, а переводит его в будущий мир. Когда расплавится минеральное царство Земли, когда истлеет растительное царство Земли, когда медленно угаснут категории животных, и хотя будет уже невозможна современная человеческая форма, потому что она является итогом Земли, то есть принадлежит Земле, следовательно, когда всё это превратиться в ничто, тогда Садовник перенесёт имеющиеся здесь зародыши в будущее образование земного мира, который я в своем «Тайноведении» назвал миром Юпитера.

Посмотрим на духовные сферы над человеком: мы увидим их в прошлом и поймём их соответственно их сущности. Мы знаем, однако, что они своей нынешней деятельностью осуществляют то, что живёт и творит в нашем духе. Если мы посмотрим на душевный мир человека, то мы обнаружим современность, найдем этот душевный мир глубоко связанным с современностью. Если же мы посмотрим на телесный мир чело-

века, то в этом телесном мире мы несём в себе зародыши для будущего.

Тела раскрываются нам по своему духовному характеру. Если мы рассматриваем их внешне, они являются телами. Если мы входим в их внутреннюю суть, они являются силой и духом, но силой и духом, который вырастает в будущее. На символической схеме прошлое, настоящее и будущее можно сопоставить относительно человека примерно так, что скажешь: прошлое приходит сюда (см. рис., синее), окружается нашей современной духовностью. Из нашей духовности излучается наше душевное (светлое) в виде мышления (*Denken — D*), чувствования (*Fühlen — F*) и желания (*Wollen — W*). И мышление в определённой мере разделяет по одну сторону физическое тело, по другую сторону эфирное тело; чувствование — по одну сторону эфирное и по другую сторону астральное тела; желание — по одну сторону астральное тело и по другую сторону «Я». И мы можем сказать: всё это развивается в зародышевом состоянии вплоть до будущего, чтобы образовать новые царства (красное).

Да и различные иерархии, принимающие в нас участие, мы ведь тоже можем представить как соединяющееся здесь некоторым образом спирально, и тут мы имеем в образе, схематически, человеческий вихрь, который там, где он смыкается в середине, образует современное переживание человека в душевном.

Это абсолютно точно, что человекопознание есть миропознание. И это раскрывается нам с той точки зрения, которой мы сегодня в свою очередь овладели. Мы имеем мир в прошлом. Мы имеем его действия сегодня в человеческом духе. Миропознание должно стать человекопознанием, если мы хотим понять человеческий дух из мира. Человекопознание становится миропознанием в то время, когда мы изучаем человеческие тела, когда обращаем внимание на бытие этих тел в их зародышевой природе и смотрим на то, как человеческая кожа по своей сути уже сегодня замыкает в себе два мира. Прошедший мир становится распознаваемым в современном человеке. Миропознание прошлого означает познание современного человека, судя по его духу. Познание современного человека, судя по телу, означает миропознание будущего.

Да, поистине с самых различнейших точек зрения миропознание есть человекопознание. Если ты хочешь познать мир, смотри в самого себя. Если ты хочешь познать человека, созерцай мир. Если ты хочешь познать человека как дух, созерцай великолепие прошедшего мира. Если ты хочешь познать великолепие будущих миров, созерцай зародышевую природу человеческих тел настоящего времени. Человекопознание есть миропознание и миропознание есть человекопознание.

Об этом мы будем говорить дальше в следующем раз.

Дорнах

Пятница, 14 октября 1921 года.

В последнем рассмотрении я показал, как человек может находить связь с миром благодаря тому, что он эту связь ищет в духовном, душевном и телесном. И я показал вам, что, желая серьезно осознать духовное существо человека, мы не можем это сделать иначе, как только направив взор вверх, в духовные миры. Ибо фактически в нашем человеческом духе разыгрываются деяния и взаимоотношения тех иерархий, которые всегда обозначались нами как иерархии Ангелов, Архангелов, Архаев и так далее. А осознать деяния и отношения этих существ означает осознать одновременно и собственную духовность человека.

Из душевного я мог бы напомнить вам, как мышление разыгрывается между эфирным телом человека и физическим, как чувствование разыгрывается между эфирным телом человека и его астральным телом, как желание разыгрывается между астральным телом и «Я» человека. И ещё я показал вам, как то, что человек может называть сейчас своими телами, отныне должно быть воспринято как зародыш для будущих миров, если хотят осознать это в его истинном облике. Так что фактически то, что формируется в мировом бытии будущего, имеет зародыши в человеческих телах, которые мы несём в себе: в нашем физическом теле, которое мы оставляем здесь на Земле, — но, распадаясь в земной сфере, оно становится зародышем для того, что возродит Землю после того, как она исчезнет как Земля. После того как мы прошли через врата смерти, мы кратковременно знакомимся с нашим эфирным телом — оно как кажется растворяется в далекой вселенной; но оно становится зародышем для того, чем должна стать Земля в будущем. И таким же образом это происходит с нашим астральным телом и с тем, что является оболочкой нашего «Я». Но эту оболочку «Я», как мы имеем её здесь на Земле как люди, мы получили включенной в наше существо только

во время этого земного бытия.

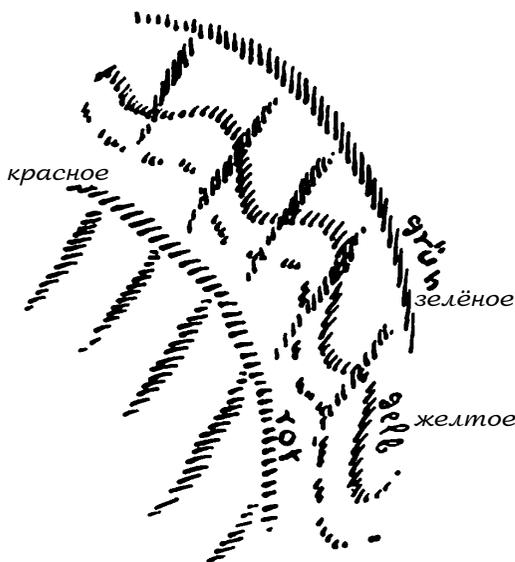
Итак, мы живём в настоящее время, то есть мы уже длительное время живём в интеллектуалистическую эпоху. Благодаря интеллекту, благодаря рассудочному познанию люди постигают то, что существует в мире в их окружении так, как это постигается именно сегодня. Всё, что сегодня подходит к человеку как образование, как цивилизация, ориентировано на это внешнее познание. И даже эмоция, когда мы чувствуем, остаётся приглушённой и иллюзорной. И даже то, что человеку становится понятным в чувствовании, является именно тем, что сегодня из анналов своей авторитетной науки мир поставляет как внешнее знание. Так что человек с момента прихода в школу внутри нашей обыденной цивилизации получает сегодня в качестве внутренней душевной жизни лишь интеллектуальное владение окружающим миром. Но как далеко действует то, что является интеллектуальным владением окружающим миром? Я мог бы даже поставить вопрос так: Как глубоко входит в нашу душевную жизнь то, что является интеллектуальным владением окружающим миром?

Возьмите человека, который сегодня с шести лет будет вручён школе, той школе, в которой людям преподносят отношение к внешнему миру лишь внешними методами. Допустим, что этот человек проводится через наши высшие школы. Он даже потом может учиться чему-нибудь дальше, может пройти высшие ступени образования и воспринять в себя всё то, благодаря чему сегодня становятся духовными лидерами человечества в какой-либо области. Что же всё-таки понимает такой человек, сформировавший свою душевную жизнь в смысле образования нашего сегодняшнего времени, что же, собственно, он всё-таки воспринимает в эту свою душу? Он воспринимает только то, что доходит до его «Я». Он воспринимает не больше, чем доходит до его «Я». Кроме того, он получает это отражённым от тех членов человеческого существа, в которые хотя и погружено «Я», но которые не призваны к собственной самосознающей деятельности. Он воспринимает от этих членов — в качестве отражений — свои мысли, образы своих воспоминаний, свои чувства, и то, что ему известно о своих волевых импульсах. Всё прочее, что он переживает, ослаблено, подавлено. Его душевная жизнь протекает исключительно в «Я». И всё то, что ему сообщают, сообщают лишь настолько, чтобы оно вошло в его «Я».

Как происходит теперь, когда к человеку подходит то, что мы называем антропософской духовной наукой? Когда к человеку подходит антропософская духовная наука, тогда он должен, собственно, учиться чувствовать нечто такое, что в качестве примера можно выразить так: „...осознать «Я» как образ, стремящийся с силой, по сравнению с которой веяние снежинки является силой тяжести, к некоему состоянию, в котором ничто из того, что современная культура назвала интеллектом, рассудком, уже не играет никакой роли...”. То есть человек, подходя к антропософской духовной науке, должен действительно прийти к тому, чтобы сказать себе: С этой антропософской духовной наукой на тебя возложено совсем особенное требование. Ты в состоянии понимать вещи, которые ты воспринимаешь в своей душе как идеи, о которых другие, живущие лишь сегодняшним образованием, говорят, что они являются фантазией или сумасшествием; и, следовательно, эти вещи не по силам тем, кто живёт сегодняшним образованием, с их культурой «Я». Они не приблизятся к ним с их культурой «Я». Земное «Я» не в состоянии постичь то, что тут, исходя из антропософии как понятие, выстраивается одно за другим, что тут рассказывается о развитии Сатурна, Солнца, Луны, о духовной, душевной и телесной сущности человека. Следует только представить, что от современного истинного философа, который не сошел с ума до такой степени или не стал настолько «умным», чтобы „видеть Дарвина повивальной бабкой, а обезьяну — искусственным плодом” („den Darwin für eine Hebamme und den Affen für Kunstgewerbe anschaut”), что от этого современного истинного философа требуют понимания того, что дух человека, о котором он так много говорит, — но он говорит одни слова, этот современный философ, — можно постичь лишь в связи с высшими иерархиями; что душу человека можно понять только в мышлении, чувствовании и желании, когда созерцают между членами физического тела, эфирного тела, астрального тела и «Я»! Ну а можно было бы и вовсе потребовать от такого философа, чтобы он увидел зародыши для будущего мира в телесных оболочках человека — ведь уже их он рассматривает как фантастику! К этому, разумеется, нельзя прийти с тем, что обозревает современное «Я». И если теперь ещё имеется возможность кое-что из душевной жизни соединить, связать с этими странными идеями (к тому же вовсе не нужно быть самому ясновидящим, а нужно лишь принять сообщения

ясновидящего как идеи), то совершают это теперь в астральном теле, а не в «Я». Тени мыслей, которые сегодня получают в «Я» как отражение из астрального тела, не напрягают астральное тело. Их можно связывать с культурой «Я». Ибо если это — астральное тело (см. рис., красное), а здесь — «Я» (зелёное), тогда всё то, что переживает совре-

Доска 17

менный человек, находится здесь в «Я», и его мысли не являются ничем иным, как только тем, что в качестве теневых образов астральное тело бросает внутрь «Я» (жёлтое). При этом не нужно напрягаться. Позволяют господствовать «Я», полученному благодаря именно земной организации. Действительно не нужно напрягаться. Конструируют микроскоп, подкладывают препарат, наблюдают его, подкладывают второй препарат, смотрят и сопоставляют теневые изображения мыслей, выполняют несколько счётных операций, которые сами по себе протекают ведь тоже так, как они даются в качестве теневых операций. При этом в отношении своего внутреннего переживания мира можно держать себя совершенно пассивно. Затем эту пассивность развивают дальше, перемещаясь от внутренней работы к созерцанию, но сейчас не в гётевском смысле. Они уже неохотно ходят на лекционные рассмотрения, в которых нужно думать совместно, но охотнее на лекционные рассмотрения,

в которых делается много экспериментов, а между экспериментами в неприятном шуме, проистекающем от разъяснений этих экспериментаторов, они уже засыпают. Или даже охотно идут в кино. Здесь уже и вовсе не нужно быть как-то активным.

Это как раз и есть культура «Я». Она будет следовать всё дальше и дальше. Но тут выступает антропософская духовная наука: тут это можно делать не так. Правда, *один теолог современности* сказал, что он не читал бы «Акаша-Хронику» даже в том случае, если бы я преподнёс ему её роскошный иллюстрированный экземпляр. Но ему не следует бояться получить «Акаша-Хронику», преподнесённой в виде роскошного иллюстрированного экземпляра, так как для её усвоения необходим один способ — внутренне творчески сотрудничать. Если бы когда-нибудь действительно изобразили, символизируя художественно, и то, что находят в «Акаша-Хронике», то даже тогда этот теолог был бы не в состоянии приступить к чему-нибудь в таком „иллюстрированном роскошном экземпляре” «Акаша-Хроники», потому что для него как раз главная ценность заключена в слове «иллюстрированный». Вот так просто.

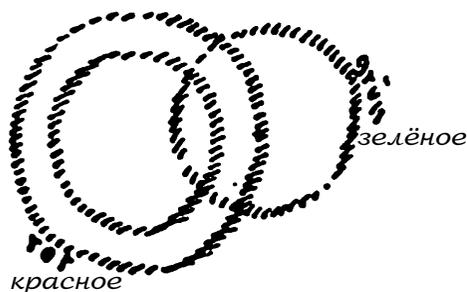
В антропософской духовной науке нужно внутренне сотрудничать, иначе, разумеется, слышишь только слова, которые уже в любом случае можно считать фантазией. Но это внутреннее сотрудничество нужно научиться любить. На это нужно решиться. Это неудобно, но если решаются на это, то замечают, что это укрепляет человека, делает его душевно и телесно здоровее.

Я знаю, что некоторые люди иногда даже возражают против этого оздоровления. Но они как раз очень хотели бы, пользуясь только пассивным мышлением, получить то, что они должны приобретать благодаря активному участию астрального тела в труднодостижимом понимании. Так, например, тот теолог вероятно получил бы необычайное удовольствие, если бы ему разыграли в кино весь «Очерк тайноведения». Ибо примерно такова его идея, которую он даже использовал в статье, где говорит об „иллюстрированном роскошном издании” «Акаша-Хроники».

Короче, благодаря антропософской духовной науке нечто приходит к активности. Но теперь это не голое «Я», а то, что является астральным телом. Разумеется, есть и такие люди, которые это ощущают даже то-

гда, когда читают антропософскую книгу. Тут они нечто ощущают, нечто в них тут взбудораживается. Вот только ориентированы они продвигаться вперёд внутренне лишь пассивно, как мыслительные тени. Но начинает взбудораживаться нечто такое, что подобно активному интеллекту. С ними здесь происходит то, как если бы они имели внутренних вшей и нервничали бы от этого внутреннего взбудораживания, и тогда они говорят: это вредно. И затем они жалуются на эти трудные вещи, предлагаемые людям антропософской духовной наукой. И особенно те, кто имеет потом возможность наблюдать таких внутренне странно раздражённых людей, например брата, сестру, тётю, дядю, — они усваивают эту жалобу, что антропософия это нечто такое, что делает людей нервными.

Но как же тут обстоит дело, если мы теперь спросим: какая связь между культурой «Я», воспринимаемой человеком прежде всего во время земного периода, и той культурой, которая может быть усвоена через антропософскую духовную науку? Это можно прояснить простым схематическим рисунком.

Итак, допустим, что мы имели бы здесь Землю (см. рис., красное). Ей бы предшествовали Луна, Солнце, Сатурн. Здесь бы мы имели в виде следующей планеты, преобразованной из Земли после того, как Земля прошла свой закат, Юпитер (зелёное). В Юпитере теперь принимают активное участие те самые члены человеческого существа, которыми являются, пока как зародыши, физическое тело, эфирное тело и астральное тело, но «Я» — только при определённом условии. Именно когда «Я» не воспринимает ничего, кроме того, что можно воспринять через земную культуру, тогда с Землёй прекращается также и это соз-

вание «Я»; в этом случае человек стал земным «Я», и он прекращает быть земным «Я» вместе с Землёй. Он будет вынужден развиваться дальше в других формах.

Но если человек развился вплоть до своего астрального тела, если он привёл своё астральное тело в активное состояние, то эта активность уже отражается в его «Я». Человек имеет тогда существо из «Я» и астрального тела, которые внутренне деятельны. Он не чувствует себя так, как будто бы у него имеются внутренние вши, как я говорил об этом прежде, но чувствует себя как бы внутренне наполненным крепкими, здоровыми жизненными силами, такими жизненными силами, которые его связывают теперь с тем, что как раз из его телесных оболочек исходит уже в качестве зародыша в будущую земную метаморфозу, чтобы развиваться дальше в будущей земной метаморфозе.

Антропософскую духовную науку нужно рассматривать непременно как нечто живое. Она даёт человеку не только теорию или теоретическое мировоззрение. Она даёт человеку жизненную силу, которая может его вывести за пределы чисто земного бытия.

В особенности теперь, если мы совершенно серьезно относимся к такому познанию, которому дали развернуться здесь перед нашими душами в трёх последних докладах, когда мы встраиваем человека в соответствии с его духом, душой и телом во всё мировое становление и нечто при этом чувствуем в его человеческом содержании, и становимся богаче благодаря этому, тогда мы добавляем этому человеку нечто такое, что выносит его в надземное бытие. Ибо вполне может быть — хотя надо надеяться, что этого не произойдёт, — что люди отклонят антропософскую духовную науку, так как они в соответствии с охарактеризованным ранее устают от неё. Тогда человеческая оболочка, разумеется, тоже продолжит развиваться дальше, но она станет другим существом, чем требовалось от человека, и люди погрузятся в более низкое бытие, нежели то, к которому они были predeterminedены.

В конце концов, происходит то, что заставляет некоторых наших современников испытывать страх по поводу космического будущего человека, что заставляет некоторых людей предчувствовать, что человек по своей вине может пропасть во вселенной. И к этому нужно лишь добавить ещё кое-что иное: люди уже не только признают, что „Дарвин был повивальной бабкой, а обезьяна — искусственным плодом“; они не

только признают, что под „руководством традиционной медицины” наконец говорят „о неврастении, утомляемости, психастении” и так далее, но они придут к тому, чтобы сказать себе: „Я больше ничего не пишу, что нужно было бы написать об аскаридах. Я ничего больше не читаю. Но кого же читать? Старых честных потомков титанов на обёрточной бумаге?”

Что ж, вместо дьявольского хохота, раздающегося с иных сторон, нужно как раз сказать: „Тем, кто не имеет больше никакой веры в «потомков титанов на обёрточной бумаге с крыльями Икара», тем, кто признаёт, что мы должны были бы, собственно, лишь «писать, начиная с аскарид», обо всём том, что имеет зародышевую предрасположенность в нашей нисходящей культуре, тем, кто затем спрашивает: Что же нужно ещё читать, чем же нужно ещё заниматься? — тем, кто, кроме того, может спросить: есть ли вообще ещё жизнь? — всем им нужно, как говорится, вместо дьявольского хохота, который раздается с иных сторон в наше время, дать в руки антропософскую литературу”. И они должны каким-либо образом, насколько это возможно, получить душевное лекарство, чтобы освободиться от препятствий, вызванных современной культурой. Эти препятствия мешают воспринять то, в чём безусловно сегодня нуждается душа.

Сегодня вокруг во всём мире много людей, ничего не желающих знать, их тела становятся слишком тяжелыми, внутренне весьма увечными. Именно им необходимо многократно с полной серьёзностью указывать на то, какие укрепляющие, оздоравливающие импульсы таятся в реальном вырабатывании в себе мыслей и идей антропософской духовной науки.

Эти вещи — я могу говорить об этом снова и снова — непременно должны восприниматься с высокой серьёзностью. Уже сегодня нужно непременно хоть немного распознавать, как в наше время это связано, по сути дела, с тем, что может происходить в качестве последствия тех направлений, основанных материалистической культурой.

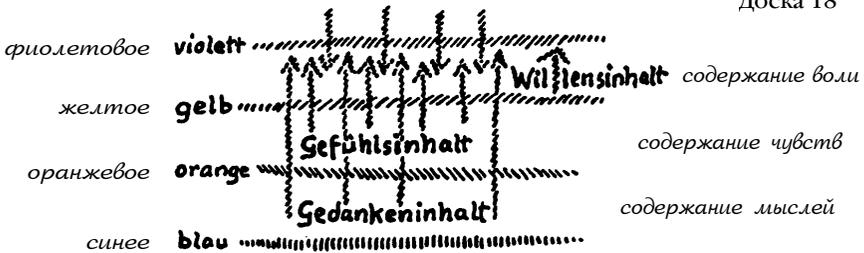
Пусть уже теперь ощутят, насколько это необходимо, чтобы сегодня состоялось возрождение нашей культуры из изначальных источников! Однако, об этом продолжим завтра.

Дорнах

Суббота, 15 октября 1921 года.

Я хочу ещё раз вернуться к последним рассматриваниям. Мы пытались представить себе, как нужно понимать человеческую духовную, душевную и телесную жизнь. Если мы поставим перед собой человеческую душевную жизнь, то есть то, что человек ощущает как происходящее внутри себя в виде мышления, чувствования и желания, то мы, конечно, найдём, что мыслительное, то есть непосредственно переживаемое как содержание мыслей, разыгрывается между физическим и эфирным телами, затем чувствование — между эфирным и астральным телами, желание — между астральным телом и «Я». Отсюда мы видим, что мысли, поскольку через них мы полностью осознаем себя, подобны лишь чему-то, появляющемуся из глубин собственного существа, и в действительности они способны придавать волнам душевной жизни только форму. Так нечто, подобное теньям, поднимается из глубин человеческого существа, наполняет наше сознание и тогда является содержанием мыслей.

Доска 18

Если бы мы захотели представить себе это схематически, то могли бы сказать: изобразим физическое тело (см. рис., синее), эфирное тело

(оранжевое), астральное тело (желтое) и «Я» (фиолетовое). Тогда между физическим и эфирным телами мы бы имели содержание мыслей. — Но из моего описания в последних докладах вы увидели, что это содержание мыслей по своей истинности есть нечто более реальное, нежели то, что мы переживаем в сознании. То, что мы переживаем в сознании, это ведь только кое-что из того, что, как я говорил, как раз поднимает волны из глубины нашего существа вплоть до «Я». Здесь это поднимается. Содержание чувств располагается между эфирным и астральным телами и в свою очередь поднимается вплоть до «Я», а далее расположено содержание воли между астральным телом и «Я». Таким образом, оно располагается ближе всего к «Я». Мы можем сказать: в воле «Я» переживает себя самым непосредственным образом, в то время как содержание чувств и содержание мыслей покоятся в глубинах нашего существа и лишь поднимают волны в наше «Я».

Но ведь теперь мы уже знаем, что желание, что содержание воли, как оно нами переживается, переживается приглушенно. О воле, как она, скажем, живёт в движении руки, в движении ноги, мы знаем не больше, чем мы знаем о том, что разыгрывается между засыпанием и пробуждением. Воля живёт в нас приглушенно. И всё же она является тем, что живёт в нашем собственном «Я» как его ближайшее. Осознанно или, скажем, бодрствуя, мы воспринимаем волю опять лишь через отображения мыслей, которые всплывают из глубин существа. Представления, переживаемые нами осознанно, являются теньвыми образами глубокого душевного тканя; да, они являются лишь теньвыми образами, в то время как волю мы, разумеется, переживаем непосредственно, но приглушённо. Бодрствующее осознание воли мы можем однако иметь лишь через теньвые мыслеобразы.

Так нам являются факты, когда мы рассматриваем наше человеческое существо и при этом смотрим в глубь души. Мы видим, как мало, я бы сказал, от нас самих мы сохраним в нашем сознании, как мало из глубины нашего существа поднимается в наше сознание. Мы в известной степени лишь незначительно понимаем то, чем мы являемся во внутреннем в соответствии с «Я», и воспринимаем, собственно, лишь окраску, которую мыслительное содержание набрасывает на это приглушённое волевое «Я».

По сути дела, обычным сознанием можно увидеть от этого приглу-

шённого, наполненного мыслями «Я» едва ли больше, чем непосредственно реальное, когда присутствует то, что мы ощущаем как наше приглушённое «Я» приблизительно незадолго до пробуждения или вскоре после засыпания. Но уже как раз с пробуждением в это приглушённое «Я» врывается мир восприятий органов чувств. Осознайте лишь однажды, что ваша жизнь между засыпанием и пробуждением приглушена так, что вы ощущаете приглушённость, почти как пустоту. И только с пробуждением, когда вы открываете органы чувств внешнему миру, приходят впечатления чувств, и вы в состоянии при помощи чувственных впечатлений ощутить себя действительно как «Я». Сюда в «Я» обрушивается сияние восприятий органов чувств. Тогда то приглушенное существо, о котором я только что говорил, наполняется сиянием чувственных восприятий. Так что «Я» полностью осознанно живёт в земном человеке, собственно, лишь в том состоянии, в котором оно приходит в связь с внешним миром через чувственные образы, через всё то, что проникает в его органы чувств, и тогда, кроме того, изнутри навстречу выступает затенённое мыслительное содержание ещё как самое ясное, ещё как то, что больше всего освещает.

Таким образом, можно сказать: восприятия органов чувств проникают внутрь снаружи. Волевое содержание воспринимается лишь приглушённо. Эмоциональное содержание поднимается, соединяется с впечатлениями чувств. Мы видим красное, и это наполняет нас определённым чувством; мы видим голубое, слышим до диез или до, и при этом мы нечто ощущаем. И затем уже мы составляем себе представления о том, чем являются впечатления чувств. Мыслительное содержание, которое приходит изнутри, переплетается с впечатлениями чувств. Внутреннее соединяется с внешним. Но тем, что мы живём в полностью бодрствующем «Я», мы, собственно, обязаны сиянию чувственных восприятий, и для этого наше «Я» жертвует из того, что здесь раздаётся навстречу внешнему (Äußerem), гораздо больше, чем можно было бы сейчас описать.

Обратим, пожалуй, внимание на это сияние чувств. Заглянем в него и проясним себе: оно всецело привязано к нашему физическому бытию. Оно может наполнять нас лишь в то время, когда мы наше физическое тело противопоставляем внешнему миру в бодрственном состоянии. Это сияние чувств прекращается в то мгновение, когда мы, пройдя через

смерть, слагаем наше физическое тело в том смысле, как мы рассмотрели это в предыдущем исследовании.

Между рождением и смертью наше «Я» в определённой степени пробуждается через сияние чувств. Наше собственное существование может быть бодрствующим земным человеком лишь настолько, насколько оно как раз оживляется этим чувственным сиянием. Теперь живо представьте себе, как человеческое существо «Я» улавливает сияние чувств, являющееся именно только сиянием, и переплетает его с собственным человеческим существом. Теперь представьте, как внешнее становится здесь внутренним, как — и вы это можете видеть уже в сновидении — внутри, я бы сказал, выпрядается очень тонкая ткань, в которую вплетаются впечатления чувств. «Я» овладевает тем, что приходит сюда через впечатления чувств. Внешнее становится внутренним. Но только то, что становится внутренним, человек может нести через врата смерти.

Таким образом, существует прежде всего тонкая ткань, которую человек несёт через врата смерти. Своё физическое тело он слагает. Оно сообщало ему впечатления чувств. Поэтому впечатления чувств, конечно, являются лишь светом, так как физическое тело слагается. Через врата смерти пронесётся лишь столько, сколько в себя восприняло от света «Я». Эфирное тело тоже покидается вскоре после смерти. А вместе с тем собственное существо покидает и то, что находится между физическим и эфирным телами. И то, что находится между физическим и эфирным телами, как мы видели, прежде всего растворяется во всеобщем космосе и только образует зародыш для будущих миров, но дальше после смерти в действительности не живёт вместе с нашим человеческим существом, а живёт дальше лишь то, что поднялось волнами и соединилось с сиянием чувств. Если это принять во внимание, то можно получить приблизительное представление о том, что человек несёт через врата смерти.

На этом основании, а это так и есть, если спросят: „Как может кто-либо построить мост, связующий с умершим человеком?“ — нужно, конечно, сказать следующее: „Этот связующий мост не смогут построить, если будут посылать умершему человеку абстрактные мысли, необразные представления“. Что же происходит, когда думают об умершем человеке с помощью абстрактных представлений? Абстрактные представления больше почти ничего не имеют от сияния чувств, они поблекли, и

в них конечно же не живёт ничего внутренне действительного, а лишь то, что из внутренне действительного поднимается. Только окраска, вносимая человеческим существом, живёт в абстрактных представлениях. То, что мы схватываем нашим интеллектом, ведь намного менее истинно, чем то, что наполняет наше «Я» чувственным сиянием. То, что наполняет наше «Я» чувственным сиянием, делает наше «Я» бодрствующим. Однако же это бодрствующее содержание пронизывается волнами, поднимающимися из собственных душевных глубин. Значит, когда мы направляем к умершему абстрактные, поблекшие мысли, он не может иметь с нами общности; однако это станет возможным, если мы внутренне правильно, конкретно представим себе, как мы с ним были вместе здесь или там, как мы с ним разговаривали, как он требовал от нас то или это своим характерным высказыванием. Содержание мыслей, бесцветное содержание мыслей, не принесёт много пользы, однако желаемое станет возможным, если мы разовьём тонкое восприятие звучания его разговора, особенности эмоций или темперамента, которые он проявлял в общении с нами, если мы ощущаем это живое тёплое сопереживание его желаний, короче, если мы представим себе это конкретно, но так, чтобы наши представления являлись картинами, то есть если мы увидим сами себя, как мы с ним вместе стояли или сидели, как мы переживали с ним мир. Легко можно было бы поверить, что по ту сторону смерти как раз разыгрываются бесцветные мысли. Но этого не происходит. По ту сторону смерти разыгрываются наглядные картины. А в картинах чувственной видимости, в картинах, которые мы имеем лишь благодаря тому, что имеем глаза, уши, осязание и так далее, в таких картинах движется то, что может воспринять умерший. Ибо со смертью он отбросил всё, что является только абстрактным, блеклым, интеллектуалистическим мышлением. Через смерть мы берём с собой наши образные представления, поскольку мы их усвоили. Нашу науку, наше интеллектуалистическое мышление — ничего этого мы не берём с собой через смерть. Человек может быть великим математиком, иметь много геометрических представлений — всё это он отбросит точно так же, как своё физическое тело. Человек может много знать о звёздных мирах и о земной поверхности, но поскольку это знание воспринято в бесцветных мыслях, он его со смертью отбросит. Если человек, например учёный ботаник, идёт по лугу, и теоретические мысли о луговых

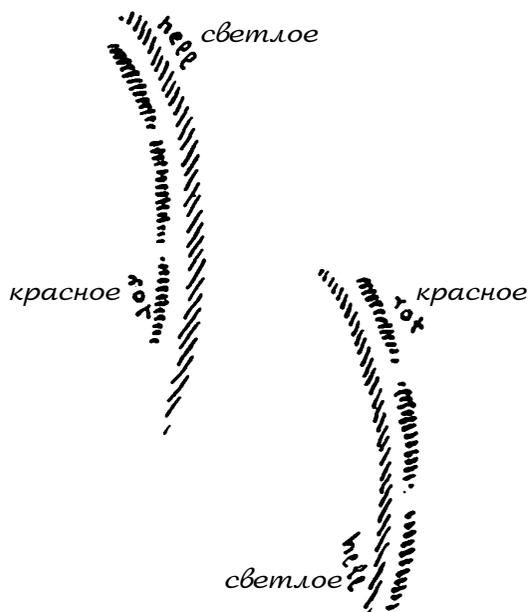
цветах проходят через его голову, то это является мыслительным содержанием, которое наполняет его лишь здесь на Земле. Через врата смерти проносится всё то, что обрушивается в его глаза и что окрашивается его любовью к цветам, и что таким образом по-человечески согревается благодаря тому, что бесцветная мысль соединяется с переживанием «Я».

Важно знать, что в качестве истинного человеческого достояния на самом деле приобретают здесь на Земле так, чтобы это можно было пронести через врата смерти. Важно знать, что весь интеллектуализм, составляющий сущность человеческой цивилизации, начиная с середины XV столетия, является чем-то, что имеет значение только в земной жизни, и его не пронесёшь через врата смерти. Так что можно сказать, что в прошедшие времена, о которых мы говорили, начиная, правда, только с атлантической катастрофы, человеческий род прожил длительные эпохи: древнюю индийскую, древнюю персидскую, египетско-халдейскую, затем нашу эпоху вплоть до нас — и всё это время, то есть до первой трети или до середины XV столетия, люди ещё жили не такой явно выраженной интеллектуалистической жизнью, как наша цивилизованная жизнь, которую мы сегодня так ценим. — Но из всего, что проносят через врата смерти, люди до XV столетия просто переживали гораздо больше. Тогда как то, чем они гордились, начиная с XV столетия, что, собственно, составляет всю ценность земной жизни для сегодняшнего образованного, так называемого образованного мира, и есть нечто такое, что утасует со смертью. Можно прямо сказать, что является характерным для новой цивилизации. Характерно всё то, что превозносится так, как например принесённое через *коперниканство*, через *галилейанство*. Это нечто такое, что со смертью должно отпасть, что человек по сути дела может приобрести лишь через земную жизнь, но для него это может быть также лишь земным достоянием. И развившись до современной цивилизации, человек на самом деле достигает именно этой цели — пережить здесь между рождением и смертью то, что имеет значение только для Земли. Очень важно для современного человека твёрдо знать, что содержание того, что сегодня уже даже непосредственно в школе рассматривают как высочайшее, имеет настоящее значение только для земной жизни. В наших обычных школах мы знакомим наших детей с современной цивилизацией, прежде всего,

только для их земного бытия, но не для бессмертной части их души.

Интеллектуализм можно даже правильно осмыслить душой следующим образом. Когда человек пробуждается утром, то на него насаждают чувственные образы. Он лишь замечает, что мысли подобно тонкой паутине проплывают эти чувственные образы, и он, собственно, просто живёт в образах. Эти образы тотчас же исчезают, когда он вечером засыпает. Его мыслительная жизнь тогда тоже исчезает. Но свет этих чувственных образов всё же важен, так как то, что «Я» захватывает себе от него, проходит с ним через врата смерти. То, что приходит изнутри, мыслительное содержание, оно ещё сохраняется в форме непродолжительного воспоминания, как вы знаете, несколько дней после смерти, пока человек несёт своё эфирное тело. Затем эфирное тело растворяется в далях космоса. В кратковременном переживании непосредственно после смерти человек ощущает свои образы, содержащие чувственный свет, поскольку «Я» овладело им, я бы сказал, сплетенными сильной линией того, что он в настоящее время усвоил через свое знание. Но это он слагает вместе со своим эфирным телом в течение нескольких дней после своей смерти. Затем он вживается со своими образами в космос, и тогда эти образы вплетаются в космос так, как они вплетаются в собственное существо до смерти. До смерти образы формируются чувственными восприятиями внутрь. Я бы сказал, они захватываются человеческим существом, поскольку оно ограничено своей кожей. После смерти, по прошествии нескольких дней, в течение которых ещё переживается жизнь мыслей, поскольку имеют эфирное тело, пока оно не растворится, — после этих дней образы определённым способом увеличиваются. Они расширяются и теперь определённым образом воспринимаются наружу так же, как воспринимались внутрь во время земной жизни. Схематически весь процесс можно показать так: когда существует граница человеческого тела (см. рис., светлое), и человек получает свои впечатления в состоянии бодрствования, тогда его внутренние переживания образуются от впечатлений органов чувств внутри его существа.

Доска 18

После смерти человек переживает свою границу как одно охватывающее чувство (*ein umfassendes Gefühl*), а впечатления некоторым образом перемещаются из него наружу. Он ощущает их в своём окружении (красное). Так что человек во время земной жизни говорит себе: „Мои душевные переживания находятся во мне”, — после смерти он говорит: „Мои душевные переживания находятся передо мной, или лучше сказать, вокруг меня”. Они сплавлены воедино с окружающим миром. Они благодаря этому даже внутренне становятся другими. Скажем, человек имеет в себе, например красную розу, потому что он любитель цветов и особенно сильно запечатлел розу в постоянно повторяющихся чувственных впечатлениях. Затем, когда он после смерти испытывает это перемещение наружу, он видит розу больше, наглядно крупнее, но она является ему зелёной. Таким образом, даже внутренне картина изменяется. Всё то, что человек воспринял в виде зелёной при-

роды, поскольку он переживал эту зелёную природу действительно с человеческим участием, а не только абстрактными мыслями, теперь, после смерти, превращается для него в нежное красное окружение всего его существа. Да, внутреннее перемещается наружу: то, что человек называет своим внутренним миром, после смерти он имеет в своем окружении, вовне. Эти познания, которые, стало быть, принадлежат человеческому существу, поскольку оно само в свою очередь принадлежит миру, мы можем усвоить через духовную науку. Только благодаря тому, что мы овладеваем этими познаниями, мы получаем представление о том, чем, собственно, являемся мы сами. Мы не можем получить представление о том, чем мы в действительности являемся сами, если мы знаем себя лишь в том отношении, каков человек между рождением и смертью и каков он изнутри в своем мыслительном действии. Ибо это те вещи, которые как таковые после смерти отпадают. От чувственного света остаётся лишь то, что я вам как раз описал, и остаётся это так, как я вам это охарактеризовал.

Середина XIX столетия является высшей точкой, когда материалистический способ восприятия и мировоззрение цивилизованного человечества, как я часто подчёркивал, достигли кульминации. Много тут было высказываний о том, что человек, когда он основывает себе религию, когда он говорит во внешнем мире о чём-нибудь божественно-духовном, в действительности лишь проецирует своё внутреннее наружу. Стоит вам только почитать таких писателей, основоположников материализма, как *Фейербах*, который имел большое влияние даже на *Рихарда Вагнера*, как вы увидите, что это материалистическое мышление, по сути дела, видит природу лишь снаружи, то есть только её внешний вид, в той форме, в какой он представляется между рождением и смертью, и затем этот материалистический образ мыслей полагает, что всё мышление о божественно-духовном якобы является только внутренним человека, извлечённым наружу, спроецированным наружу, так что человек считает возможным принимать божественно-духовное только благодаря тому, что он проецирует наружу своё собственное внутреннее. Это мнимое познание называют антропоморфизмом. Говорят: человек — антропоморфичен, он представляет себе мир в соответствии с тем, что лежит в его собственном внутреннем. И вот у типичных, по сути дела, материалистов в середине XIX столетия был создан тезис, ко-

торый должен был изображать, как много именно в новое время достиг мир людей таким образом. Говорили: „Античные народы верили, что Бог создал мир, но мы, реформаторы, знаем, что бога создал человек, то есть он извлёк его наружу из своего собственного существа”. Случилось это по той причине, что знали как раз только о том внутреннем, которое имеет значение между рождением и смертью. И то воззрение, которое тогда образовалось, было в действительности не только ложным воззрением — возникло мировоззрение, которое фактически было антропоморфичным: о божественно-духовном не имели никаких других представлений, кроме тех, которые человек, в конце концов, извлёк из себя и спроецировал наружу.

Но сравните всё это с тем, что, например, изображено мной в «Очерке тайноведения». Вы увидите, что здесь изображение мира не соответствует внутренним человеческим представлениям. То, что я изобразил там как развитие Сатурна, Солнца, Луны и Земли, человек не несёт в себе. Нужно только сделать оговорку по поводу того, что человек испытывает после смерти, что он, таким образом, может поставить перед собой. Тут нет ничего антропоморфического. Это «Тайноведение» представлено космоморфически, то есть это такие впечатления, которые фактически переживаются как стоящие вне человека. Отсюда, эти вещи не понимают те люди, которые могут переживать так, как начали переживать уже в интеллектуалистическую эпоху с середины XV столетия, — только в соответствии с представлениями, лежащими внутри человека. Ведь эта эпоха воспринимает лишь то, что живёт именно во внутреннем человека, и проецирует это наружу. Внешний мир никогда не смогли бы изобразить, пусть даже в самом простейшем, элементарнейшем явлении, так, как я изобразил его в той главе моего «Тайноведения», где речь идёт о развитии Сатурна, если бы проецировали наружу только то, что живёт в человеческом внутреннем.

Посмотрите, — человек, например, живёт в теплоте. Как через своё чувство зрения он воспринимает мир в цвете, так же он воспринимает мир теплоты с помощью своего чувства теплоты. Он переживает теплоту, я бы сказал, внутри своего человеческого существа, поскольку оно ограничено кожей. Но при этом он абстрагируется уже в восприятии. Теплоту, воспринятую в мировой жизни, нельзя, собственно, изображать иначе, кроме как понимая её в её совокупности. Но в таком слу-

чае в тепле всегда есть нечто такое, что в человеческом опыте может быть проявленным только тогда, когда указывают на чувство обоняния. Теплота, объективно воспринятая снаружи, всегда имеет в себе нечто от запаха. А теперь вы читаете в моем «Тайноведении» главу о том процессе нашей Земли, который протекает преимущественно в тепле: здесь при изображении этих вещей речь одновременно идёт о восприятиях запаха. Из этого вы видите, что тепло изображено не так, как человек переживает его в интеллектуализме. Это выделено из человека. И то, что человек переживает здесь между рождением и смертью как тепло, там тотчас после смерти существует именно как ощущение запаха.

Свет человек переживает здесь, на Земле, собственно, очень абстрактно. Он переживает этот свет, постоянно предаваясь иллюзии. Я мог бы здесь даже показать это. Я, весьма незрелый, молодой, — теперь, позвольте сказать, прошло уже тридцать восемь лет — *написал сочинение*, в котором пытался изобразить, как люди говорят о свете. Но где же свет? Человек воспринимает цвета — они являются его чувственными впечатлениями. Куда он ни посмотрит, он воспринимает цвета, какую-либо окраску, хотя и знает, что это только окраска. А свет — человек живёт в свете, но он, однако, свет не воспринимает. Благодаря свету он воспринимает цвета, но сам свет он всё же не воспринимает. Заблуждения, в которых человек пребывает в этом отношении в интеллектуалистическую эпоху, проистекают из того, что в нашей физике даётся «Учение о свете»; и когда рассматривают это как учение о свете, говорят так, как если бы оно было чем-нибудь реальным. Это не реально. Реально лишь учение о цвете, но не учение о свете.

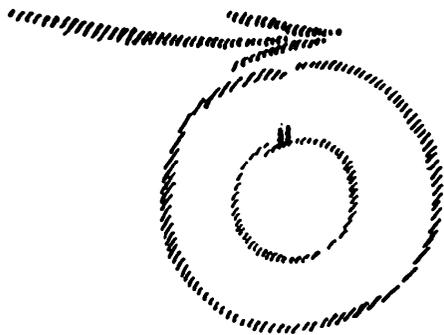
По-видимому, нужно было совершенно здоровое природное чувство Гёте, чтобы состоялась не оптика, а учение о цвете. Мы раскрываем сегодня наши книги по физике — здесь свет прямо-таки конструируется: лучи здесь движутся, отражаются и делают всевозможное. Но ведь всё это не реально! Видят цвета. Можно говорить об учении о цвете, но не об учении о свете. В свете живут. Благодаря свету и в свете воспринимают цвета, но ничего от света. Свет никогда нельзя увидеть. Вообразите себе, вы находились бы в полностью освещённом помещении, но внутри не было бы ни одного предмета. С таким же успехом вы могли бы быть в темноте. В полностью тёмном помещении вы бы восприняли для себя не больше, чем в чистом свете; вы могли бы его даже не отли-

чить от совершенно тёмного помещения. Вы могли бы его отличить только благодаря внутреннему переживанию. Но едва человек прошел через врата смерти, точно так же, как в тепле он воспринимает запах, в свете он воспринимает нечто такое, для чего в нашем интеллектуализированном языке мы сегодня не имеем даже подходящего слова — мы должны были бы сказать «дым». Вытекание — он действительно это воспринимает. Древнееврейский язык ещё имел нечто такое — дым. Воспринимается вытекающее. Здесь воспринимается то единственное, что мы, собственно, вправе назвать воздухом.

И когда мы теперь смотрим на то, что повсюду в наших земных отношениях действует как химические воздействия, мы воспринимаем эти химические воздействия, химические эфирные воздействия, по их симптомам. Видимые духовно, вне физического тела, следовательно и после смерти, они поставляют то, что является содержанием воды.

А сама жизнь является содержанием Земли — твёрдое. Вся наша Земля с точки зрения умершего человека воспринимается как большое живое существо. Когда мы бродим здесь по Земле, мы воспринимаем отдельные части её бытия действительно как мёртвые, поскольку они являются земным бытием. Но что всё же лежит в основе того, что мы воспринимаем мёртвым? Вся Земля живёт, и она действительно тотчас раскрывается нам в своей жизни, когда мы созерцаем её по ту сторону смерти. Когда мы находимся на Земле, мы ведь всегда видим только её

Доска 19

совсем маленькую часть и приспособляемся к видению этой маленькой части. Только когда мы парим вокруг неё в духе и, кроме того, име-

ем возможность внешнего восприятия, тогда впечатления расширяются, и мы её воспринимаем как целое существо. И тогда она является живым существом. — Этим я указал на нечто чрезвычайно важное, что необходимо когда-нибудь внимательно рассмотреть. (Пишется на доске.)

Доска 19

Тепло	Запах
Свет	Дым, воздух
Химические воздействия	Вода
Жизнь	Земля

Послушайте, однажды я имел разговор с одним господином, который сказал, что наконец-то теперь благодаря теории относительности знают, что человека можно представить себе даже вдвое большим, чем он есть, — это всё относительно. Это всё зависит ведь только от человеческого созерцания.

Это воззрение совершенно не соответствует действительности. Посмотрите же — образ может и не совсем подходящий, но допустимый, — когда божья коровка ползает по человеку, она по отношению к человеку имеет определённую величину. Она воспринимает не всё человеческое существо, а в соответствии со своей величиной всего лишь его незначительную часть. И поэтому для божьей коровки человек, по которому она ползает, не является живым — для божьей коровки он мёртв, как для человека мертва Земля. Но вы можете представить эту мысль и как обратную. Пожалуй, вы можете сказать себе: „Чтобы человек мог переживать Землю как мёртвую, он должен на Земле иметь определённый размер”. Размер человека в соотношении с Землёй не является случайным, а полностью приведён в соответствие со всей жизнью человека на Земле. Отсюда нельзя воображать себе людей — нечто в смысле теории относительности — большими или маленькими. Только когда думают и представляют совершенно абстрактно, совершенно интеллектуалистически, могут воображать их себе большими и маленькими; только тогда могут говорить: „Если бы было устроено нечто другое, то возможно появился бы человек вдвое больший и тому подобное”.

Это прекращается, когда воспринимают представление, отказываясь от субъективного, и могут внимательно рассмотреть размер человека в

соотношении с Землёй. Это, впрочем, происходит как раз таким образом, что всё человеческое существо после смерти расширяется наружу во вселенную и человек в течение некоторого времени после смерти становится гораздо больше, чем сама Земля. Тогда он ощущает её как живое существо. Тогда-то он во всём том, что является водой, ощущает химические действия. Он ощущает в воздухоподобном свет, не обособленно — воздух и свет, а в воздухоподобном — свет и так далее. Человек переживает картины, изменённые относительно картин его бодрственной жизни между рождением и смертью.

Я говорил: мы ничего не можем взять с собой за порог смерти из того, чем овладела наша душа интеллектуальным образом — ничего из этого. Но до XV столетия человек ещё имел некий род наследия от древних времен. Вы знаете уже, это наследие было так велико в древности, что человек имел атактистическое ясновидение, которое потом притупилось, поблекло и было парализовано, а с середины XV столетия оно полностью перешло в абстракцию. Но то, что человек от этого божественного наследия брал с собой через порог смерти, давало ему, собственно, его сущность. Примерно как человек принимает материю здесь, когда он через рождение или соответственно через зачатие вступает в земное бытие, так и эта божественная сущность, которую он приносил с собой и уносил через смерть, была для него вообще, если я могу так выразиться (выражение это гротескно, но оно поможет вам понять), духовной тяжестью — это, конечно, полярная противоположность физической тяжести, — она давала ему духовную тяжесть.

Так, как воплощаются люди теперь, они в действительности, если являются настоящими цивилизованными людьми, не имеют больше в себе этого наследия. В исключительном случае его ещё можно кое-где встретить: люди, не являющиеся истинно цивилизованными, встречающиеся всё реже, ещё имеют его в себе. И то, что благодаря приобретённому через интеллектуалистическую цивилизацию человек, по сути, теряет свою сущность, несомненно является серьёзным вопросом развития человечества. И после смерти, несмотря на то, что он прорастает наружу и имеет эти впечатления, он рискует потерять свою собственную сущность, «Я», как я это уже изобразил вчера с другой точки зрения. И спасение для этой сущности, для современного и будущего человека есть только одно, и оно должно быть осознано через следующее:

если мы хотим здесь, в чувственном мире, понять реальность, укрепляющую мышление так, чтобы оно было не только смутным отражением, но и приобрело внутреннюю живость, то такую исходящую из внутреннего реальность необходимо познать в человеке только в том чистом мышлении, которое в моей «Философии свободы» я описал как лежащее в основе поступков. Иначе мы имеем во всем человеческом сознании только чувственный свет. Но если мы свободно действуем из чистого мышления, то есть так, как я описал это в моей «Философии свободы», если мы действительно таким образом имеем импульсы наших поступков в чистом мышлении, то благодаря тому, что оно лежит в основе наших поступков, мы даем реальность этому обычно мнимому мышлению, этому интеллектуалистическому мышлению. И это единственная реальность, которую мы можем чисто изнутри вплести в свет чувств и взять с собой через смерть.

Что же мы, собственно, тут берём с собой через смерть? То, что мы пережили здесь между рождением и смертью в действительной свободе. Те самые поступки, которые соответствуют описанию свободы в моей «Философии свободы», обеспечивают то, что человек может пронести через смерть наряду со светом чувств, преобразованным описанным мной способом. Благодаря этому он вновь получает сущность. Благодаря тому, что человек освобождается от обусловленности чувственным миром, он после смерти вновь получает свою сущность и благодаря этому является истинным существом. Свобода — это то, что в случае приобретения этой сущности сохраняет нас как человеческие души от душевно-духовной смерти именно для будущего.

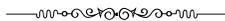
Люди, отдающиеся только господству своей природы, то есть инстинктам и склонностям — я описал это с чисто философской позиции в моей «Философии свободы», — живут в том, что разрушается со смертью. Они затем вживаются в духовный мир. Само собой разумеется, их образы здесь есть. Но их будут мало-помалу захватывать другие духовные существа, если человек не разовьётся в полном смысле свободы для того, чтобы снова получить сущность, как он получал её, когда у него ещё было его духовно-душевное наследие.

Так интеллектуалистическая эпоха внутренне связана со свободой. Поэтому я всегда мог сказать: „Человек должен был стать интеллектуальным, чтобы можно было стать свободным”. Человек теряет в интел-

лектуализме свою духовную сущность, так как от интеллектуализма он ничего не может пронести через врата смерти. Но через интеллектуализм он добывает здесь свободу, и то, что он так добыл в свободе, он может затем нести через врата смерти.

Таким образом, человек может думать чисто интеллектуальным способом столь много, сколько хочет — ничего из этого через врата смерти не пройдёт. Единственно, если человек использует мышление, чтобы проявить его во всей полноте в свободных поступках, то из его свободных переживаний с ним через врата смерти проходит в известной степени очень много духовно-душевной субстанции, которая делает его сущностью, а не голым знанием. В мышлении через интеллектуализм нас лишают нашей человеческой сущности, чтобы дать нам возможность достичь свободы. То, что мы переживаем в свободе, это нам затем снова даётся как человеческая сущность. Интеллектуализм нас умерщвляет, но он же нас и оживляет. Он даёт нам возможность снова возникнуть совершенно преобразованным существом, делая нас свободными людьми.

Я сегодня изобразил это, прежде всего, так, как это проистекает из самой сущности человека. Завтра я хочу то, что сегодня я представил только из сущности человека, связать с Мистерией Голгофы, с переживанием Христа, чтобы показать, как может теперь переживание Христа в качестве внутреннего переживания человека вливаться в смерть и воскресение. Но об этом продолжим завтра.

Дорнах

Воскресенье, 16 октября 1921 года.

В ходе последнего рассмотрения выяснилось, как в корне различно всё воззрение человека, в зависимости от того, живёт ли он здесь — между рождением и смертью или же в духовном мире — между смертью и новым рождением. И вчера мы говорили, что человек в нашу современную эпоху, начиная с середины XV столетия, здесь между рождением и смертью может приобрести себе свободу, и что всё осуществляемое им из импульса свободы затем в жизни между смертью и новым рождением даёт в определённой степени его существу тяжесть, истинность, бытие. Именно когда мы освобождаемся здесь от необходимостей земного бытия, когда поднимаемся к мотивам наших желаний, которые являются свободными, когда, таким образом, для наших желаний мы ничего не берём, исходя из земного, тогда этим мы создаём себе возможность и между смертью и новым рождением быть самостоятельным существом. Только к этому до некоторой степени сохранению после смерти самобытия в нашу эпоху принадлежит то, что можно назвать связью с Мистерией Голгофы; и эту Мистерию Голгофы можно, конечно, рассматривать с различнейших точек зрения. В ходе лет мы уже рассмотрели большое число точек зрения. Сегодня же мы рассмотрим это с точки зрения, которая вытекает из исследования ценности свободы для человека.

Когда человек живёт здесь, на Земле, между рождением и смертью, то он ведь, собственно, в обычном сознании не имеет никакого самозерцания. Человек не может созерцать внутри себя. Это, конечно, лишь заблуждение, когда внешняя наука через наблюдение того, что в человеке мертво, а иногда даже лишь через рассмотрение действительно мёртвого тела верит, что получает познание внутренней человеческой организации. Это ведь абсолютный обман, иллюзия. Человек здесь,

между рождением и смертью, имеет созерцание только внешнего мира. Но какое созерцание внешнего мира имеет он здесь? Это созерцание того, что мы часто называли созерцанием внешнего вида, и даже вчера я снова настойчиво это подчеркивал.

Если мы в период между рождением и смертью направим наши органы чувств на наше мировое окружение, то нам предстанет мир как явление, как внешний вид. Мы можем этот внешний вид вобрать в существо своего «Я». Например, мы можем удержать его в памяти, сделав, стало быть, затем в определённом смысле своим достоянием. А поскольку при созерцании в мире перед нами находится внешний вид, он является как раз тем внешним видом, который как таковой даёт себя познавать ещё совершенно особенным образом благодаря тому, что он, как я вчера вам показал, уже со смертью исчезает и выступает снова в другой форме, при этом он больше не переживается в нас, а переживается перед нами или вокруг нас.

Но если бы человек между рождением и смертью в настоящую эпоху воспринимал мир не как внешний вид, если бы он не мог переживать внешне, то он, конечно, не смог бы стать свободным. Развитие свободы возможно только в мире видимости. Я обозначил это в моей книге «О загадках человека», указывая на то, что мир, переживаемый нами, можно, собственно, сравнить с образами, которые смотрят на нас из зеркала. Эти образы, которые смотрят на нас из зеркала, не могут ничего нам навязать: они всего лишь образы, они видимость. И то, что человек имеет как мир восприятий, тоже является видимостью.

Человек, конечно, погружён в видимость мира отнюдь не целиком. В мир видимости он погружён только своим восприятием, заполняющим его бодрствующее сознание. Но если на свои порывы, инстинкты, страсти, на свой темперамент, на всё то, что, волнуясь, поднимается из человеческого существа, человек смотрит, не имея возможности привести это к ясным представлениям, по крайней мере, к бодрствующим представлениям, то всё это уже не видимость. Это уже действительность, но действительность, которая не предстаёт перед современным сознанием человека. Человек живёт между рождением и смертью в подлинном мире, который он не знает, но который никогда не приведёт к тому, чтобы действительно дать ему свободу. Инстинкты, делающие человека несвободным, могут ему внушать, могут порождать внутреннюю необ-

ходимость, но никогда они не могут дать ему возможность переживать свободу. Свободу можно переживать только внутри мира образов, видимости. И мы, пробуждаясь, как раз вынуждены вступать в жизнь внешних восприятий с тем, чтобы здесь могла развиваться свобода.

Эта иллюзорная жизнь, которую мы имеем как нашу бодрственную жизнь восприятий, не всегда была такой в течение исторического развития человечества. Если мы вернёмся в старые времена, на которые мы всё чаще обращаем взор, где существовало определённое инстинктивное видение или то последнее от этого инстинктивного видения, что в известной степени ещё продолжалось уже как отставшее вплоть до середины XV столетия, если мы заглядываем туда назад, то мы не можем говорить в подобном смысле, что человек в своём бодрствующем состоянии имел вокруг себя только мир видимости. Более того, сквозь видимость человеку говорило всё то, что он видел в своем роде как духовный задний план мира. Он видел, разумеется, также и эту видимость, но по-другому. Для него эта видимость была выражением, откровением духовного мира. Этот духовный мир скрылся позади видимости. Видимость осталась. Это главное в поступательном развитии человечества, что древние эпохи ощущали видимость как откровение божественно-духовного мира, что из этой видимости, однако, исчез божественно-духовный мир, а видимость лежит сегодня перед глазами человека, чтобы внутри этого мира видимости он мог найти свою свободу, и что, следовательно, свою свободу человек должен найти в мире видимости. А в истинном мире, полностью отступившем в смутные переживания внутреннего, он находит не свободу, а только необходимость. Итак, можно сказать, что если человек живёт между рождением и смертью — всё, что я говорю, относится только к нашей эпохе, — то миром его восприятий является мир видимости. Он воспринимает мир, но воспринимает его как видимость.

А как же теперь между смертью и новым рождением? Мы в последних рассмотрениях уже указывали на то, что человек воспринимает не этот внешний мир, который он обнаруживает здесь между рождением и смертью, но что в период между смертью и новым рождением человек видит по существу сам себя, внутреннее человека. Миром для человека тогда является сам человек. То, что для человека здесь, на Земле, как раз скрыто, в духовном мире является открытым. Вся связь между ду-

шевым и органическим человека, между деятельностью отдельных органов, короче, всё в определённой степени находящееся, условно говоря, внутри человеческой кожи, всё это человек просматривает между смертью и новым рождением.

Но теперь для нашей эпохи дело снова обстоит так, что там человек как раз не приходит к тому, чтобы жить в видимости. Между рождением и смертью ему действительно предоставлена жизнь в видимости. К тому, чтобы жить в видимости между смертью и новым рождением, человек сегодня не подходит. Он определённым образом берётся в плен необходимости, когда проходит через смерть. Насколько человек чувствует себя свободно в своих восприятиях здесь на Земле, где он может обратить свой взор, куда хочет, может обобщать воспринятое в представлениях таким образом, что в этих представлениях ощущает свой свободный поступок, настолько же он чувствует себя несвободным в отношении мира восприятий между смертью и новым рождением. Он в определённой степени пленён этим миром. Это аналогично тому, как если бы человек в это время воспринимал так, словно он в определённой степени загипнотизирован каждым отдельным чувственным восприятием, словно он пленён каждым отдельным чувственным восприятием так, что не может добровольно от него освободиться.

Таково развитие, в которое человек вступил с середины XV столетия. За внешним видом Земли для него исчезли божественно-духовные миры. Но в период между смертью и новым рождением его настолько берут в плен эти божественно-духовные миры, что он не может по отношению к ним сохранять свою самостоятельность. Однако я сказал, что если здесь человек действительно развивает свободу, то есть, если он всего своего человека связывает с внешней жизнью, то это даёт ему возможность пронести также свою собственную сущность через врата смерти. Но перед нами может предстать то, что необходимо ещё сверх того, если мы дополнительно посмотрим на другое отличие нашего сегодняшнего воззрения от древних человеческих воззрений.

Всё мировоззрение было ориентировано иначе, чем оно ориентировано сегодня, рассматриваем ли мы вообще всё человечество или посвящённых и мистерии древних времён. Останавливаясь на том, что именно человек может познавать с середины XV столетия с помощью прошедшего с тех пор способа познания, найдёшь, что в это время человек

создаёт себе представления о развитии Земли, создаёт представления о развитии своего собственного человеческого рода. Но у него исчезают такие представления, которые каким-нибудь удовлетворительным образом могут указать на начало и конец Земли. Можно сказать, человек прослеживает одну определённую линию развития. Он смотрит назад исторически, смотрит назад геологически. Но если он продолжает смотреть назад дальше, то он создаёт себе гипотезы. В начало он ставит древний туман (рис. на с. 166, горизонтальная полоса, светлое), который кажется ему физическим образованием. Из этого затем развиваются более высокие существа природного царства, растения, животные и так далее — точнее, это не развивается, а человек полагает, что это развивается. Затем в соответствии с сегодняшними физическими представлениями человек снова воображает себе: в конце концов, земное бытие придёт к тепловой смерти (Рис., красная штриховка справа) — снова гипотеза. Таким образом, в определённой мере между началом и концом человек видит одну часть. Начало и конец как неудовлетворительные построения исчезают перед сегодняшним взглядом человека.

Для древних эпох это было не так. В древние эпохи в силу того открывающегося в видимости божественно-духовного люди имели очень точные представления именно о начале и конце Земли. Мы можем посмотреть Ветхий Завет, мы можем заглянуть в другие религиозные учения древних: в Ветхом Завете мы находим представления именно о начале мира, выраженные таким способом, каким это могло быть дано именно в то время, так что человек из этих представлений мог понять свое собственное бытие на Земле. Из туманности *Канта-Лапласа* никогда не поймёшь нынешнее человеческое бытие на Земле.

Если вы возьмёте удивительные космогонии различных языческих народов, то в них вы снова имеете нечто такое, из чего человек может понять своё земное бытие. Таким образом, человек направлял взор на начало Земли и мог приходиться к представлениям, включающим его в это начало. А то, что там существовало в виде представлений о конце Земли, в сознании людей держится даже дольше. Мы видим ещё, скажем, в «Страшном суде» *Микеланджело*, в других «Страшных судах» вплоть до новейшего времени, представления о конце Земли, которые непременно включают человека, которые не уничтожают его, как бы ни были сложны представления о вине и возмездии.

Возьмём сегодняшнее гипотетическое представление о конце Земли: ведь здесь всё претворилось в равномерное тепло. Всё человеческое существо истаяло. Человеку тут нет места. Таким образом, кроме того, что божественно-духовное бытие исчезло из видимости восприятия, человек с течением времени утратил такие представления о начале и конце Земли, внутри которых он мог бы иметь ценность, в которых он вместе с началом и концом Земли может видеть себя самого в космосе.

Чем же была история для этих людей? В какой форме они всё-таки могли её познавать? Историей было то, что происходило между началом и концом Земли, что осмысливалось через представления о начале и конце Земли. Возьмите какую-нибудь языческую космологию, и вы сможете себе представить историческое становление человечества. Вы возвращаетесь во времена, в которых земное растворяется в божественно-духовном тканни. История получает смысл. Также по направлению вперёд, к концу Земли, история имеет смысл. Если для образных представлений, для религиозных ощущений вплоть до последних времён больше продолжало сохраняться представление о конце Земли, то для исторического рассмотрения начало Земли вплоть до самых последних времён ещё определённым образом остаётся как нечто абсолютно отсталое. Даже в таких свободных от предрассудков исторических сочинениях, как мировая история Роттека, вы найдёте ещё последствие этого представления о начале Земли, которое даёт смысл истории. Если в мировой истории Роттека, которая ведь была написана в начале XIX столетия, это и является только тенью начала Земли, то эта тень ещё даёт единый смысл историческому процессу становления. Это значительно и своеобразно, что в то же самое время, когда человек вступает в мир восприятия видимости, когда внешняя природа перед его восприятием выступает для него как видимость, — в это же время для непосредственного человеческого знания история теряет свой смысл вследствие заблуждения по поводу начала и конца Земли.

Только представьте совершенно серьёзно такой факт. Представьте исходной точкой земного развития некую пратуманность, из которой сгустились сперва неопределённые образования, затем все существа, прошедшие впоследствии развитие вплоть до человека. И представьте в конце Земли тепловую смерть, в которой всё умирает, а среди этого и то, что мы рассказали, например, о Моисее, о великих людях (Größen)

древнего Китая, о великих людях древних Индии, Персии, Египта вплоть до Греции, Рима, до нашего времени, к которому мы мысленно присоединяем то, что ещё могло бы прийти — это разыгрывается на Земле как эпизод без начала и без конца. Бессмысленной предстаёт история.

Это нужно лишь один раз прояснить себе. Природу можно обозревать, хотя и не в её внутреннем. Она как видимость выступает перед человеком, в то время как он её переживает между рождением и смертью. История становится бессмысленной. А человек ныне недостаточно храбр, чтобы признаться себе, что история бессмысленна, бессмысленна в связи с тем, что у неё утрачены начало и конец Земли. Собственно, сегодня человек должен бы ощутить величайшую загадку в отношении исторического становления человечества. Ему следовало бы сказать себе, что это историческое становление бессмысленно.

Отдельные личности это предугадывали. Посмотрите у Шопенгауэра, что он говорит, исходя из западноевропейской веры, о бессмысленности истории, тогда вы как раз увидите, что Шопенгауэр вполне ощутил эту бессмысленность. Должно возникнуть желание снова найти смысл истории другим способом. Из мира, который мы можем считать достаточным для познания природы, из мира видимости, именно из него мы можем образовать удовлетворительное в гётевском смысле познание природы, если откажемся от гипотез и остановимся на феноменологии, то есть на изучении видимости, на изучении явлений. Учение о природе может быть удовлетворительным, если только мы воздержимся от мешающих гипотез о начале и конце Земли. Но в таком случае мы до известной степени заключены в нашу земную пещеру — мы не выглядываем. Теория Канта-Лапласа и тепловая смерть закрывают нам вид на временные дали мира.

Собственно говоря, таково положение, в котором, судя по всеобщему сознанию, всё ещё пребывает современное человечество. Поэтому человечеству угрожает определённая опасность. Оно может неправильным образом вживаться в мир одних только феноменов, в мир видимости. Прежде всего, оно может не вжиться в этот мир видимости внутренней жизнью. Оно хочет предаваться необходимости, внутренней необходимости: инстинктам, порывам, страстям. Мы видим уже сейчас, как мало осуществляется из того, что проистекает из свободной импуль-

сивности чистого мышления. Но сколько здесь в жизни между рождением и смертью человеку недостает свободы, столько же между смертью и новым рождением настагает его с гипнотизирующим принуждением несвободы, неизбежности восприятия. Так что человеку угрожает опасность, пройдя через врата смерти, не воспринять свою собственную сущность и вжиться взамен воспринимаемого мира не в нечто свободное, а во что-то, что заставляет его погрузиться в условия необходимости и делает его во внешнем мире как бы затвердевшим.

Что тут должно дойти до человечества в отношении будущего, так это то, что божественно-духовное является человеку иначе, чем оно являлось ему в древние эпохи. В древние эпохи человек мог, думая о начале и конце Земли, представлять внутри физического духовное, с которым он считал себя единым и которое его самого не исключало. Однако это одухотворенное человек должен воспринимать всё больше и больше от середины вместо того, чтобы воспринимать его от начала и конца (см. рис., перпендикулярная черта в середине). И как в Ветхом Завете в начале Земли видели возникновение человека, в котором было гарантировано его существование, как в языческих космогониях человечество получило своё развитие из божественно-духовного бытия, и как имеют представление о конце Земли, ещё сохранившееся, как говорится, в воззрениях о светопреставлении мира, которые также не лишают человека его существования в будущем, так в новое время необходимо в правильном созерцании Мистерии Голгофы для середины земного развития найти то, в чём божественное и земное снова видны друг в друге.

Доска 20

blau – синее, grün – зелёное, hell – светлое, orange – оранжевое, rot – красное

Человек должен правильно понять, как Бог прошёл через человека Мистерией Голгофы. Ибо это было дано человеку взамен того, что у него выпало из памяти о начале и конце Земли. Однако есть существенная разница в том, принимаешь ли во внимание Мистерию Голгофы

или принимаешь во внимание прежние представления о начале и конце Земли.

Перенеситесь только как следует в период возникновения языческой космогонии. В настоящее время, разумеется, часто представляют, что эти языческие космогонии являются фантазиями народов. Существует такое представление: как сегодня человек свободно присоединяет друг к другу свои мысли и снова разъединяет их, так же некогда люди выдумали свои космогонии. Но это всего лишь ошибочное университетское воззрение, и оно совершенно не приемлемо для разума. Речь идёт о том, что человек всецело пребывал внутри созерцания мира, что он не мог смотреть на начало мира иначе, чем тем способом, который представлялся ему в космогонии и в мифах. В этом не было свободы. Это всецело было нечто такое, что человеку давалось с неизбежностью. Он должен был всматриваться в начало Земли. Он не мог ничего другого, он не мог не выполнять этого. Сегодня это представляют себе уже совсем неправильно, как тогда с помощью содержания инстинктивного познания человек ставил перед своей душой начало Земли и в некотором отношении также и конец Земли.

Сегодня человек не может так поставить перед своей душой Мистерию Голгофы. В этом большое отличие христианства от древних божественных учений. Если человек хочет найти Христа, он должен находить его в свободе. Он должен свободно признать себя приверженцем Мистерии Голгофы. Содержание космогоний навязывалось человеку. Мистерия Голгофы человеку не навязывается. Он должен в некотором возрождении своего существа в свободе прийти к Мистерии Голгофы.

К такой свободе человека ведёт охарактеризованная мной в эти дни активность познания антропософской духовной науки. Если некий пастор думает, что в „иллюстрированном роскошном издании” он мог бы воспринимать «Акаша-Хронику», то есть он мог бы воспринимать её так, что ему не нужно было делать усилий для внутренней активности по поводу того, что хотя и должно выступить перед его душой в понятиях, но что необходимо преобразовать в картины, то этим он показывает, что он, этот пастор, расположен лишь для языческого понимания мира, но не для христианского понимания, так как к Христу человек должен прийти во внутренней свободе. Именно то, как человек должен относиться к Мистерии Голгофы, принадлежит к его интимнейшим

средствам воспитания свободы.

Человек уже через Мистерию Голгофы, если он её правильно переживает, в определённой мере отрывается от мира. Что же тогда происходит? Во-первых, человек теперь может жить в мире внешнего восприятия, ибо в этом мире внешнего восприятия уравновешено нечто, ведущее его к духовному бытию, к тому духовному бытию, которое гарантировано Мистерией Голгофы. И второе. История утратила смысл, потому что отпали начало и конец; она снова получает смысл, потому что этот смысл даётся ей от середины. Учатся осознавать, что всё, расположенное до Мистерии Голгофы, имеет тенденцию, устремляется к Мистерии Голгофы, что всё, лежащее после Мистерии Голгофы, исходит из этой Мистерии Голгофы. История снова получает единый смысл, в то время как иначе она существует как мнимый эпизод без начала и без конца. В то время как внешний мир восприятий подходит к человеку ради его свободы как видимость, история, которая этого не может, становится для него неким мнимым эпизодом; она предстаёт без сути. Она растворяется во мгле и тумане, что теоретически она, собственно говоря, и совершила уже у Шопенгауэра. Благодаря приятию Мистерии Голгофы то, что в противном случае существует в виде исторической иллюзии, получает внутреннюю жизнь, историческую душу, и именно такую, которая связана со всем тем, чем человек пользуется в современную эпоху, в чём он нуждается, потому что ему предоставлена возможность развивать свою жизнь в свободе. Когда он проходит через врата смерти, он уже развился великим обучением свободы, овладел свободным развитием. Вера в Мистерию Голгофы бросает внутрь жизни свет, который должен излиться во всё, что свободно в человеке. И человек, имея здесь в мире видимости предрасположенность к свободе, получает возможность избавиться от опасности не развить эту свободу из-за следования инстинктам и склонностям и поэтому после смерти быть обречённым на необходимость. Человек перерождается к переживанию свободы, создавая себе теперь религиозное вероучение, отличающееся от старых религиозных вероучений тем, что оно позволяет наполнять всю свою душу религиозной верой, живущей только в свободе.

По сути говоря, лишь небольшому числу людей сегодняшней цивилизации открылось именно то, что только лишь познание в свободе, активное познание Христа может привести к Мистерии Голгофы. Через

Священное Писание людям была дана историческая информация, чтобы они для того времени, когда ещё не могли иметь склонность к духовной науке, сохранили весть о Мистерии Голгофы.

Несомненно, Евангелие никогда не потеряет своей ценности. Оно будет приобретать всё большую ценность, но к Евангелию должно присоединиться непосредственное познание сущности Мистерии Голгофы. Должна быть возможность познать, почувствовать, воспринять Христа уже исключительно через человеческую силу, а не только через силу, действующую из Евангелий. Это как раз то, что устремляется в христианство через духовную науку. Духовная наука пробует объяснить Евангелия. Но основывается она не на Евангелиях. Она делает выводы не из Евангелий. Она приходит как раз к их высокой оценке благодаря тому, что в определённой мере открывает следом всё находящееся в Евангелиях и, по сути говоря, уже утраченное для внешнего развития человечества.

Так со всем новым развитием человечества связаны, с одной стороны, свобода, воспринимаемая видимость, а с другой стороны, Мистерия Голгофы и смысл исторического становления. Эта последовательность разных эпизодов, как с ними знакомятся сегодня в обычном историческом изложении, получает полновесность именно тогда, когда в историческое развитие могут вставить Мистерию Голгофы.

Многими людьми это было воспринято всё же правильно, и они использовали для этого верный образ. Они говорили себе: „Когда-то всматривались в небесные дали и видели Солнце, но Солнце видели не так, как видят его сегодня, так что есть физики, которые полагают, что там снаружи плавает во вселенной большой газовый шар”. Я часто говорил, что физики очень удивились бы, если бы они смогли построить некий космический аэростат, — там, где они предполагают большой газовый шар, они бы обнаружили отрицательное пространство, которое мигом отравило бы их вообще не только в ничто, но по ту сторону ничто, далеко за пределы области ничто. То, что развивает сегодня материалистическая космология, это уже чистая фантастика. В древние времена так не представляли себе: Солнце — это газовый шар, плавающий снаружи, но Солнце было духовным существом. Для истинного созерцателя мира Солнце ещё и сегодня является духовным существом, которое только внешне предстаёт так, как именно глаза могут восприни-

мать Солнце. И эта центральная духовная сущность воспринималась древним человечеством как одно с Христом. Древнее человечество указывало на Солнце, когда оно говорило о Христе.

Новое человечество должно теперь указывать не от Земли, а на Землю, когда оно говорит о Христе, должно со времён Голгофы искать Солнце в человеке. Именно с признанием Солнца духовным существом связалось возможное для человека представление о начале и конце Земли. С представлением об Иисусе, в котором жил Христос, становится возможным достойное человека и соответствующее его силам представление о середине земного развития, и об излучении из этой середины по направлению к началу и концу того, что снова позволяет всему космосу предстать так, что человек получает в нём своё место. Таким образом, нужно идти навстречу времени, в котором не строят гипотезы о начале и конце Земли из материалистических естественно-научных представлений, а исходят из познания Мистерии Голгофы, и уже исходя из этого пересматривают космическое становление. Древний человек ощущал внеземного Христа внешним сияющим Солнцем. При правильном познании Мистерии Голгофы человек внутри исторического земного становления увидит Солнце этого земного становления благодаря Христу. Как сияет во внешнем мире, так же сияет в истории — снаружи физически, в истории духовно: Солнце там, Солнце здесь.

Это дает путь к Мистерии Голгофы с точки зрения свободы. Его должно найти новое человечество, если оно хочет через силы упадка подойти к силам восхождения.

Именно это должно быть познано очень глубоко и основательно. И только это познание будет не абстрактным, не теоретическим — это познание будет заполняющим всего человека, будет таким познанием, которое можно ощутить и пережить в чувстве. Христианство, о котором должна рассказывать антропософия, будет не одним только созерцанием Христа, но наполненностью Христом.

Всегда необходимо знать различие между старой теософией и антропософией. Не очевидны ли эти различия? Старая теософия снова вытаскивает на свет божий языческую космологию. Повсюду в теософской литературе вы находите вытасценную на свет языческую космологию, которая не подходит для современного человека. Она, конечно, ему рассказывает о начале и конце Земли. Но для него это больше не

имеет такого значения. И чего же недостаёт этим сочинениям? В этих сочинениях старой теософии как раз отсутствует середина, повсеместно отсутствует Мистерия Голгофы. И им недостаёт её гораздо больше, чем даже внешнему естествознанию.

Антропософия имеет продолжающуюся космологию, которая не вычёркивает Мистерию Голгофы, а воспринимает её, так что она существует внутри. И в свете, излучающемся от познания Мистерии Голгофы, осознаётся всё развитие назад вплоть до времени Сатурна и вперёд вплоть до времени Вулкана. Нужно только иметь добрую волю, чтобы признать такое принципиальное противоречие, и потом уже можно совсем не иметь сомнений по поводу различий между старой теософией и антропософией.

И даже если всё снова и снова ставят вместе антропософию и теософию, особенно так называемые христианские теологи, то это происходит исключительно оттого, что эти христианские теологи именно в христианстве мало понимают. И уже глубоко знаменательно, что друг *Ницше*, действительно значительный базельский теолог *Овербек*, написал свою книгу о христианстве современной теологии, стараясь доказать, что современная теология, даже христианская теология, как раз уже не является христианской. Так что можно сказать: здесь уже даже внешняя наука обратила внимание на то, что современная христианская теология ничего не понимает в христианстве, ничего не знает о нём.

Следует только однажды глубоко осознать, что все это принадлежит к антихристианству. Современная теология, во всяком случае, принадлежит не к христианству, а к антихристианству. Но люди из склонности к лени хотели бы даже выбросить эти вещи из своего познания. Но их нельзя выбросить, так как насколько человек отбрасывает, настолько же он теряет возможность действительно внутренне пережить христианство. Это должно быть пережито, должно быть пережито, потому что является другим полюсом того переживания свободы, которое необходимо обрести. Но одно только переживание свободы — она должна быть пережита — подвело бы человека к бездне. Проводником через эту бездну для него может быть только именно Мистерия Голгофы.

Но дальше об этом в следующий раз.

Дорнах

Пятница, 21 октября 1921 года.

Сегодня мы рассмотрим кое-что о связи человека с миром относительно телесного, душевного и духовного. Мы уже видели, как переживаемое человеком между смертью и новым рождением во всём универсуме, в целом космосе, определённым образом входит затем в земной жизни в его внутреннее. Мы видели: то, что человек имеет перед рождением или перед зачатием, скажем, в виде внешних переживаний, изживается затем в воздействии на его органы, его внутреннее, на его органическое внутреннее. Сегодня же мы рассмотрим человека в его отношении к миру с другой стороны, а именно: как переживаемое человеком между рождением и смертью проходит с ним через врата смерти и превращается между смертью и новым рождением в переживания возрождённой жизни.

Ведь в человеке мы должны различать то, что он имеет во время земной жизни прежде всего как свою внутреннюю жизнь, и то, что обособляется от него в виде внешней жизни. Говоря о внутренней жизни, мы укажем сначала на чувства, на содержание внутренних ощущений, испытываемых человеком между рождением и смертью. Это его собственная внутренняя жизнь. То, что человек ощущает, чувствует относительно впечатлений, производимых на него внешним миром, относительно своих собственных внутренних переживаний, что чувствует также в признании или в укорах в связи с его волевыми проявлениями, в связи с его поступками — это всё есть нечто такое, что во время земной жизни человек более или менее согласовывает сам с собой, и хотя в чём-то он может довериться другому, но всё-таки существенным во всём этом является то, как человек договаривается сам с собой.

Переживаемое человеком в восприятии, как мы уже знаем благодаря недавним рассмотрениям, не является собственным истинным пережи-

ванием. Это есть окружающий нас мир иллюзий. Этот мир, собственно говоря, не является ни внутренним, ни внешним, в нём мы принимаем участие и делаем его своим внутренним миром только благодаря тому, что создаём о нём свои мысли, развиваем по отношению к нему чувства, и что он побуждает нас совершать то или иное. Наше отношение к нему ведь в основном является результатом нашей деятельности, принесённой нами в бытие через рождение. Таким образом, наше отношение к внешнему миру и к месту, в котором мы находимся, к народу, в котором родились, и так далее — всё это обусловлено предшествующей земной и духовной жизнью. Следовательно, это скорее отсылает нас к прошлому, чем указывает на будущее.

Но мы должны рассмотреть нечто другое, связывающее нас с внешним миром: то, что коренится в нашем желании и переходит в наши поступки, становясь частью внешнего мира. Всё, происходящее благодаря нашим поступкам, изменяет внешний мир. Совершаемое нами, даже самое незначительное, вносит какие-либо изменения во внешний мир.

Теперь мы можем сказать: Этот внешний мир, который мы сами создаём здесь благодаря нашим поступкам, коренится в нашем желании. Таким образом, он находится с нами в таком же отношении, в каком находятся события во время сна. Мы так же мало заглядываем своим сознанием, своим обычным сознанием, в глубины своей воли, как и в состояния во время сна. То есть происходящее в мире воли остаётся вне сознания. Я это часто высказывал: когда мы просто двигаем рукой или кистью, весь волевой процесс, развёртывание сил, действующих в движущейся руке или кисти, в сознании не проявляются. Но мы видим нашу движущуюся руку. Мы видим производимые нами изменения. Благодаря нашим восприятиям, например при перекладывании предмета с места на место, мы воспринимаем в себя это изменение. Следовательно, мы можем сказать, что о проявлении своей собственной воли мы знаем через мир наших восприятий. Наше желание и его последствия определённым образом втекают в мир наших восприятий.

Вспомним то, с чем мы познакомились в последнее время. Мы сказали: здесь прежде всего находится физическое тело человека (см. рис., светлое); затем — эфирное тело человека (красное). Между ними располагается ткущий мыслительный мир, поскольку он включён в наш организм. Между эфирным телом и астральным телом (зелёное) находит-

ся мир чувств, а между астральным телом и оболочкой «Я» (синее) находится мир воли.

Доска 21 (1)*

Этот мир воли в обычном сознании, собственно, невозможно отличить от «Я». Он всецело соединяется с «Я». Но в обычное сознание не входит всё происходящее в «Я», когда «Я» намеревается действовать и действует. Это именно то, что находится позади обычного сознания, подобно событиям в состоянии сна.

В физическом теле мы имеем органы чувств, а органы чувств получают восприятия. Через эти восприятия мы воспринимаем также проявления нашей воли. Таким образом, в физическом теле находятся глаза и уши, а то, что развивается тут из «Я» и мира воли, воспринимается, собственно, органами чувств. Итак, восприятие, являющееся самым внешним в человеке, соединяется с тем, что человек переживает здесь через свою волю и «Я» (стрела).

Делая несколько шагов благодаря нашему «Я», обратим внимание на то, что живёт здесь в воле, когда что-либо происходит в подосновах человеческого организма, и что посылает наши ноги вперёд, — всё это в сознание не попадает. Но, немного продвинувшись, мы видим другое окружение или, по крайней мере, это же окружение в другой момент. В этот другой момент через восприятие органов чувств мы передали то, что сообщает нам в обычном сознании представление и даёт картину того, что в действительности иначе существует внизу в глубинах бодрств-

* В скобках указан номер доски по оригинальному изданию отдельного тома GA 208

венного сна. Когда мы побуждаем наше «Я» к действию, волевые импульсы перебегают в поступки, и таким образом мы переживаем эти поступки — безразлично, осуществлялись ли они посредством ходьбы или хватания, или процесса движения (Schreiten), или посредством какой-либо работы — все эти факты мы переживаем благодаря восприятию. В действительности своей волей мы принадлежим миру наших восприятий. Зафиксируем же это: своей волей мы принадлежим миру наших восприятий. Мы не приходим в своё внутреннее, прослеживая то, что обнаруживаем здесь в проявлениях воли, в откровениях своей воли. В силу этого для своего сознания мы совершаем, собственно, внешний процесс или, лучше сказать, сумму внешних процессов в теле, несмотря на то, что воля устремляется из нашего глубочайшего внутреннего.

Теперь, напротив, возьмём внутреннее. Здесь мы имеем прежде всего ткущий мыслительный мир. Этот ткущий мыслительный мир, по сути дела, не может интересовать нас в отношении своего действия наружу. Действуя наружу, этот мыслительный мир живёт так, что вносит в восприятие определённую логическую закономерную связь. Мы классифицируем природу. Мы видим растения подобные друг другу и относим их к одному классу; мы видим животных подобных друг другу и также относим их к одному классу. Мы ищем прочие законы природы. На самом деле всё, что мы развиваем таким образом, не принадлежит нашей собственной внутренней жизни. Это то, что существует как коллективная наука всех людей. Нашей внутренней жизни это не принадлежит.

Но мы не можем сказать безоговорочно, что всё мыслительное не принадлежит нашей внутренней жизни. Тут вам необходимо представить себе, как, восприняв когда-то в себя благодаря внешним восприятиям, скажем, некую прекрасную местность, у вас возникли мысли об этой прекрасной местности, и как вы снова можете их вызвать из воспоминания, даже если оно поблекло. Так то, что в качестве мыслей опирается на внешний мир, образует часть вашего внутреннего мира. Так же происходит и с тем остальным, что мы переживаем, исходя из внешнего мира, что превращается в мысли и затем образует часть внутреннего мира.

Эти мысли прежде всего проникают, конечно, в эфирное тело. А в

дальнейшем они также до самого астрального тела соединяются с эмоцией. Всё это происходит внутри. Внутренняя сторона жизни мыслей, а также мир чувств — всё это является собственным внутренним миром человека. Во внешнем мире, по сути дела, мы не можем искать ничего из того, что переживаем на внутренней стороне своего мыслительного мира, что переживаем в своих чувствах. Если мы хотим это познать, то должны всегда созерцать в своём внутреннем. Прежде я уже говорил: «Мы можем разговаривать с человеком, можем позволить другому человеку охарактеризовать нам его, но не узнаем, однако, существенного, а именно — его внутренней жизни». И мы можем теперь точно различать, что является в определённом смысле внешней жизнью, когда человек то и дело вносит своё внутреннее во внешний мир, а что — внутренним миром.

Отправляясь ночью поездом из западной Швейцарии в восточную, мы обнаруживаем себя утром в совершенно другом поле деятельности (*Willensumgebung*) и воспринимаем в себя это поле деятельности с помощью своего восприятия. Своё внутреннее мы принесли с собой. Это то самое внутреннее, которое мы имели в одном месте и которое имеем в следующем месте; в крайнем случае оно преображается именно благодаря пробуждению внутри нас — опять-таки из мыслей — того, что только что стало внутренним.

Таким образом, при желании мы можем совершенно точно различать между собственным внутренним человека, вытканым душевно из мыслей и чувств и телесно из взаимных ритмов эфирного тела и астрального тела, — и тем, что в определённом смысле является внешним миром, вытканым душевно из волевого содержания восприятий и телесно из «Я» и физического тела. Ибо мы пользуемся своим физическим телом и наблюдаем, как оно приходит в другое соотношение с окружением. Внутреннее и внешнее мы можем различать так, как я сказал об этом только что.

И это различие очень важно, если хотят рассмотреть жизнь, которую человек пронесёт через врата смерти. Как ведёт себя после смерти то, что мы сейчас охарактеризовали как внутреннее и внешнее, мы можем высказать в очень краткой форме:

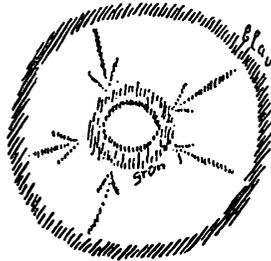
Внешнее становится внутренним.
Внутреннее становится внешним.

На самом деле это огромные изменения, происходящие в течение всего времени после смерти. Внешнее становится внутренним. Как мы ощущаем в настоящее время внутреннее своей души (мы можем представить себе, как это душевно-внутреннее беспорядочно выткано из мыслей и чувств), как мы обращаемся к этому внутреннему «Я», именно так после смерти нашим внутренним становится всё, что мы пережили в восприятиях по поводу своих поступков. Как бы сконцентрировано в точке или, лучше сказать, соединено в сферу то, что ныне мы переживаем как внутреннее созерцание совершённого нами здесь на Земле. То, что мы совершили — мы несём через смерть в качестве наших внутренних воспоминаний картины всего нашего земного бытия, — является в таком случае нашим внутренним. Итак, это и есть полное переверачивание: то, что было внешним, что мы могли воспринимать посредством созерцания своих поступков — это является потом нашим внутренним. Как сейчас мы живём в ощущениях и в чувствах от внешних впечатлений, так потом мы живём в своих поступках. Более того, — наши поступки стали нашим внутренним. Таким образом, кто сделал кому-либо что-то хорошее или плохое, тот сам потом является тем хорошим или плохим, что он сделал. После смерти действительно он сам является этим. Эти факты нельзя представлять себе абстрактно в таком роде, что какое-то неопределённое «Я» проскальзывает через врата смерти и потом является чем-то другим или немного другим, но мы суть то, что сделали сами вплоть до подробностей. После смерти каждый наш поступок — это мы сами. Мы являемся каждым нашим событием и, тем не менее, говорим при этом «Я».

Зато внутреннее становится внешним. Все мысли, мир мыслей и чувств становится внешним. Как сейчас вокруг нас существует либо сияющее солнце с облаками, либо ночью звёздное небо с его движением, так после смерти наши мысли и наши ощущения становятся окружающим нас внешним миром. Итак, то, что мы интимно несём в себе, после смерти присоединяется к внешнему миру. Оно показывается нам в мощных картинах во внешнем мире. После смерти мы видим небо, на котором сияет нам наше нынешнее внутреннее человеческое существо подобно тому, как на сегодняшнем небе сияет солнце.

Если описать это в деталях, то выглядит это так, как я говорил перед этим: свои поступки мы ощущаем как сферу, как своё внутреннее. Мы

всё снова и снова проходим через то, что наработали в мире; как только прошли — начинаем идти снова. После смерти мы до известной степени являемся тем, что, всё расширяясь в некой сфере, переживает собственные поступки (см. рис., синее).

Доска 22 (2)

blau — синее
grün — зелёное

И мы всегда оглядываемся на Землю (зелёное). Как сейчас мы встраиваемся в мировое пространство — в звёзды, в Солнце, так же потом мы смотрим назад, на Землю. А Земля окружена картинками нашего предшествующего внутреннего мира (стрелы). Не то, чтобы мы переживали одну лишь видимость нашего внутреннего мира, но мы переживаем исходящим из местности, оставленной нами и сияющей нам, то, что прежде было нашим внутренним миром, а именно — исходящие из этой местности образы облаков, образы созвездий и так далее. Прежний периферийный мир — мы чувствуем себя внутри него, и прежний мир Земли, на которой мы пребывали, мы воспринимаем как наш главный внешний мир. На него мы взираем. Кроме того, мы сами движемся вокруг, и наш взор обращён в таком случае к Земле, расположенной в середине. И это раскрывается в развёртывании всей нашей внутренней жизни в мощные картины.

Внешнее становится внутренним.

Внутреннее становится внешним.

Это происходит во всех подробностях.

В таком случае, взирая назад на Землю из всё больше расширяющейся сферы, видят устремляющимися от Земли все чувства, а также ощущения, которые были проявлены к другим людям. Всё пережитое в душе, кроме переживаний в отношении людей, появляется больше как облачные образования, а ощущения, которые имели со стороны людей, выступают в виде звёзд. Но сами люди, которых в жизни между рождением и смертью видят в качестве личностей, эти люди переживаются

как события, вызванные поступками, — это становится миром. И так, все люди, с которыми вы были связаны отношениями, становятся вашим внутренним миром.

Это, разумеется, обоюдно. Как сейчас каждый человек несёт в себе свои чувства или даже своё сердце и свой желудок, так и между смертью и новым рождением он несёт в себе вместе с образом других людей всё, что ещё и внешне разыгрывалось в пространстве между ним и другими людьми. Из двух людей, которые были взаимно близки друг другу, один из них А несёт в себе — как свой собственный внутренний образ образ другого — Б, а Б несёт в себе образ А. Внешнее становится внутренним; внутреннее — пережитые нами чувства — становится внешним, оно становится космическим содержанием. Всё, что мы испытали из-за людей, что получили от людей — это излучается нам вслед от Земли.

Таким образом человек фактически становится в некотором роде творцом того, что окружает его после смерти. В течение жизни это выглядит так: мы всегда, не правда ли, находимся в какой-то точке мира — сейчас я имею в виду не только обычное тривиальное пребывание в Базеле или Дорнахе, а вообще какое-либо место, какую-либо позицию в мире, которую мы имеем как в физическом, так и в моральном отношении. Кроме того, из неё мы видим мир. Так что мы можем сказать, что мы находимся в определённой точке и перспективу мира видим из этой точки. Это нечто субъективное. Ведь каждый другой имеет иную, свою точку зрения.

После смерти это меняется. Здесь люди имеют уже всеобщее. То есть они имеют как всеобщее сферу. Но каждый имел свою внутреннюю жизнь. Поэтому Земля излучается для него по-другому, с другими облаками, с другими звёздными образованиями. Это так, как если бы все люди находились на одном единственном месте Земли, но для одного здесь существовала бы одна картина, а для другого — другая. Примерно так я могу наглядно показать положение вещей после смерти.

Доска 22 (2)

Ведь человек со смертью слагает своё физическое тело. Это физическое тело разлагается самой земной сферой — я это уже разъяснял здесь в последние недели в связи с прежним изложением. Но остаётся ткань, возникающая из наших поступков, когда мы прослеживаем наши поступки, проявление нашей воли посредством своих восприятий. Представьте себе весь проделанный вами путь на Земле: ребёнком вы кое-как ползали, затем ходили, потом совершили далёкое путешествие — всё возможно, не правда ли, — это всё становится тогда внутренней жизнью. Но это лишь самый внешний каркас.

Доска 22 (2)

Так вот всё совершённое вами по-отдельности сплетается в единую ткань; это расширяется, превращается в сферу, становится внутренней жизнью. Это становится внутренней жизнью, и то, что оно становится внутренней жизнью, гарантирует человеку обретение своего «Я» во время земного бытия. Ибо своё «Я» он имеет от Земли или получает своё «Я» благодаря Земле. То, что всё совершённое им на Земле он сохраняет после смерти сотканным воедино в такую картину воспоминания восприятий, способствует тому, что он пронесит через смерть именно своё «Я». Зато собственные внутренние переживания после смерти сохраняются ещё короткое время, так как эфирное тело распускается несколько позже. Эфирное тело распускается наружу, в мировое пространство, а это является основой того, что всё таким образом выткан-

ное из мыслей и чувств с эфирным телом, но и с астральной оболочкой, становится тем облачным образованием или, как я указывал, звёздным образованием, которое окружает Землю. То, что отпадает тут от нас в двух направлениях: к Земле и определённым образом наружу в воздушное пространство — это формирует наше внутреннее и наше внешнее, когда мы проходим сквозь жизнь между смертью и новым рождением.

По-возможности живо представьте себе мир, окружающий вас между смертью и новым рождением. Своё поведение, поскольку оно вытекает из воли, вы имеете как свою внутреннюю жизнь. Жизнь своих чувств и мыслей вы имеете как космос, как внешний мир, вот только смотрите вы не наружу в мировое пространство, а от мирового пространства — внутрь, на Землю, излучающую вам назад этот ваш внутренний мыслительный аспект. Во время нашей жизни здесь, между рождением и смертью, мы имеем солнечную жизнь вне себя. Солнце находится снаружи. Мы находимся на Земле. Мы созерцаем Солнце. После смерти Солнце тотчас исчезает. Именно мы сами являемся им, а то, чем являемся мы сами, мы не видим. Мы просто переходим в солнечную жизнь, а описанное мной до этого есть как раз переход в солнечную жизнь. То, что мы сами становимся нашими поступками, связано с нашим переходом в солнечную жизнь. И удаляясь от Земли, мы становимся именно тем, что мы пережили благодаря Земле. Это становится теперь объектом нашего созерцания. Здесь же мы стоим на Земле и созерцаем Солнце. Под собой мы видим Землю. Это происходит из-за особенной материальной структуры Земли. То, что высказывают по этому поводу физики — я ведь об этом говорил довольно часто, — есть лишь самонадеянная фантастика. Когда мы сами в определённой мере являемся Солнцем и смотрим назад, то позади себя мы имеем весь духовный мир, мир иерархий. Так же, как здесь на Земле, созерцая внизу под собой, мы видим твёрдую материю, так потом между смертью и новым рождением мы имеем позади себя мир иерархий. Итак, мы являемся Солнцем и видим истинное Солнце, являющееся однако духовным. Землю мы могли бы назвать небом. Только теперь это именно то небо, которое люди подготовили из того, чем они жили внутренне. Так же осуществится и будущее — это станет бытием Юпитера. Я уже излагал это образно. Всё, что созидают люди здесь по всей Земле по-

средством своих чувств и мыслей, — всё это останется. Исчезнет существующая ныне материальная Земля, ибо она погибнет. Сегодня между смертью и новым рождением человек может видеть, что же созидает он здесь внутренне. Впоследствии, когда Земля подойдёт к своему концу, тогда выступит эта реальность — она сама станет новой Землёй. Тогда старая Земля исчезнет, а всё внутренне пережитое человеком станет будущим Земли.

Так совершается истинная метаморфоза. Когда мы говорим, что Земля переходит в Юпитер, — это лишь внешне кажется бессмысленным. Мы видим истинный процесс только тогда, когда знаем: внешняя земная материя исчезнет в мировом пространстве, разрушится; то, что ткётся здесь из наших чувств, превращается в будущую Землю — это всё больше и больше уплотняется и, в сущности, становится планетой Юпитер.

Как сегодня, не правда ли, благодаря геологии мы проникаем в нижние слои Земли, а иногда раскапываем даже те или иные слои, образовавшиеся в очень, очень давние времена, так и в будущем, в бытии Юпитера, смогут когда-нибудь исследовать отдельные образовавшиеся там слои. Следовательно, тогда тоже будут находить всяческие слои из наслаивающихся человеческих чувств и мыслей. И например, геологи Юпитера однажды вскроют там один за другим слои и, как геолог Земли говорит: „Здесь находится мёртвый красный лежень, а это слои третичного периода“, — так и юпитерианский геолог когда-нибудь скажет: „Ах, этот слой отсылает нас назад в эпоху, названную в земное время XX-ым столетием, началом XX-ого столетия. Это тот слой, который сформировался благодаря всем препятствиям, развившим их чувства и мысли в XX-ом столетии по всей Земле“. Как сейчас мы говорим о силурском периоде, так в будущем смогут говорить о «слое препонов». Конечно, будут говорить также и о других слоях. Но, несомненно, это является реальностью.

Человеку не позволено утратить пережитое им в своём внутреннем. Это становится миром — это возникающий мир. Это становится миром. И именно то, чем станет мир в будущем, человек видит уже теперь благодаря своему сознанию между смертью и новым рождением.

Находясь здесь на Земле среди разнообразных вещей, окружающих нас, мы наблюдаем также Луну. В наше окружение она встраивается

совершенно особым образом. Она отражает нам солнечный свет. Её поверхность мы можем видеть определённым образом лишь постольку, поскольку солнечный свет ткёт ей одеяние. Так что, по сути дела, даже когда светит Луна, нам светит Солнце, только в этом случае солнечные лучи являются нам окольным путём. Луна, однако, как спутник Земли определённым образом находится в некотором особом отношении к нам.

Живя между смертью и новым рождением, мы, следовательно, прежде всего имеем свой внутренний мир, являющийся результатом всех наших поступков, поскольку они коренятся в воле, в виде сферы внутреннего мира, и центральное ядро, окружённое нашими чувствами и мыслями, излучающимися в мировое пространство. Но и здесь есть нечто вроде Луны. Я мог бы сказать, что тогда мы видим Луну с другой стороны. Эта жизнь в сфере должна, конечно, совершаться по другим законам перспективы, нежели наша жизнь здесь на Земле, и об иных из этих законов перспективы говорить, разумеется, трудно, потому что земные законы как раз совсем другие. Именно между смертью и новым рождением мы в некотором смысле находимся не снаружи, а внутри Луны. Мы всегда находимся в определённой связи с внутренним Луны. Как здесь на Земле мы постоянно видим этот отражённый солнечный свет, так между смертью и новым рождением мы непрерывно видим внутреннее Луны.

Теперь, как говорится, перспектива здесь другая. Возможно вам станет более понятно, если я поясню этот вопрос следующим образом:

Доска 22 (2)

hell – светлое
rot — красное

представьте, что это Земля (см. рис., светлое); здесь вокруг вращается Луна (красное). Для соотношений, которые мы должны рассмотреть, заглядывая за порог смерти, теперь принимается во внимание не этот шар, а вся лунная сфера. Принимается во внимание вся эта сфера, по которой Луна перемещается вокруг, а мы, собственно, воспринимаем сферу изнутри. Сначала в сфере мы удаляемся от Земли. Разумеется,

здесь мы длительное время пребываем на окружности так, что находимся внутри лунной сферы. Не правда ли, мы находимся сначала внутри лунной сферы: здесь и там и так далее — всегда в лунной сфере, внутри. Но, однако, потом мы попадаем за лунную сферу. Тут мы уже не можем видеть её изнутри. Но и снаружи мы её также не видим, и она уже перестаёт отчётливо существовать для нас, восприниматься нами. Но она остаётся как воспоминание.

Доска 21 (1)

А то, что мы видим здесь вначале, что является в определённой степени зрительным восприятием у внутренней границы Луны, лунной сферы, что видим мы, выходя, — является тем, что мы сохраняем в воспоминании, что мы сохраняем как воздействие прежней земной жизни на последующую земную жизнь. Фактически это та Луна, которая на той стороне сохраняет события одной земной жизни в качестве воздействия на следующие земные жизни. Именно с Луной и со всей её тайной в космосе связано изживание содержания одной земной жизни в следующей земной жизни.

Находясь на Земле и созерцая мировое пространство, мы имеем одну точку зрения — это точка зрения между рождением и смертью. Другую точку зрения мы имеем между смертью и новым рождением, находясь в сфере и обращая свой взор назад — к центральному ядру. Именно здесь мы имеем мир, который в определённом смысле противоположен нашему. Но через оба эти мира проносится то, что сохранено нами, сконцентрировано и так далее некоторым образом благодаря Луне. В определённом смысле Луна является для нас чрезвычайно важным светилом. Она посредница между отдельными земными жизнями; конечно, имеется в виду не тот шлак, который мы созерцаем здесь на Земле в световом сиянии, а то всецело исполненное таинственности мировое существо.

Вы видите, что таким образом жизнь отдельного человека связывается с жизнью всего космоса. Вместе с тем, живя здесь (на Земле) между рождением и смертью, мы до некоторой степени видим то, что оставили нам прежние миры, что осталось от бытия Сатурна, Солнца, Луны и от прежнего земного бытия. Находясь здесь, мы видим всё это озарёнными явлениями, которые окружают нас как феномены. Более или менее это указывает нам на прошлое. А всё то, что мы несём во внутреннем и что сами осуществляем на этой Земле, указывает нам на будущее. И в наших переживаниях между смертью и новым рождением, когда внутреннее становится внешним, а внешнее внутренним, мы видим уже это будущее, до некоторой степени отражённым в современность.

Если вы с полным пониманием восприняли тот материал, который я дал здесь в течение прошедших недель, по поводу того, как человек в эту земную жизнь вносит свою жизнь между смертью и новым рождением, то и это является чем-то подобным. Я говорил: то, что человек переживает снаружи с внешним космосом, включая и конstellации планет, это проявляется в свою очередь в его организации, это снова выступает в его внутреннем, а то, что он имел как внутреннее, становится его внешним. Теперь после смерти это происходит подобным образом: то, что он основывает, исходя из себя, в качестве внешнего мира, становится его внутренним; то, что он переживает внутренне, переживает благодаря своему окружению, или переживает, как я сказал, как чувство удовлетворения или недовольства своими поступками, — этот внутренний мир становится его внешним миром, который теперь как его небосвод — но находящийся в центре — смотрит ему навстречу в мировое пространство.

Можно также сказать, не понимая это превратно, — внешняя жизнь человека становится его внутренней жизнью, его солнечной жизнью, так как он становится жителем Солнца; внутреннее человека, поскольку это было пережито на Земле, становится его небом. Только небом теперь является то, что он обнаруживает внизу. Земля становится небом, Солнце становится Землёй в течение жизни между смертью и новым рождением.

Однако это уже происходит так, что полный образ мира выступает перед человеком только тогда, когда эта другая сторона мира посредст-

вом истинного созерцания дополняет то созерцание мира, которое современней интеллектуализированный земной человек принимает за единственно возможное. Именно тогда человек почувствует себя в мире совершенно по-другому. Этот другой образ мира, по сути дела, и описывается антропософией, я постоянно изображаю его — в противоположность пассивному образу мира, сформированному человеком из внешнего наблюдения — как активный образ мира, как тот образ мира, в котором необходимо принимать деятельное участие. При чтении антропософских книг вы должны непременно приводить в движение свои мысли. Кто живёт только настоящим и не хочет участвовать в этом, тот хочет предаваться покою, так чтобы даже его мысли были бы лишь спокойным, пассивным отображением окружающего мира, и он мог бы определённым образом спать в этом окружающем мире.

Человек в бытии между рождением и смертью имеет физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «Я». «Я» здесь в земном бытии мы можем обозначить как высший член. Когда после смерти человек переходит в солнечное бытие, «Я» становится самым низшим членом, и в виде следующего члена снизу он имеет Самодух, затем Жизнедух и Духочеловека, которые станут физическими только в следующих периодах развития, но которые в духовном отношении человек развивает между смертью и новым рождением.

Самодух — это фактически то, что излучается в мировое пространство как образ Земли. «Я» живёт на Солнце, в солнечном бытии, а Самодух отражается от Земли, как я это описал. Другие члены, которые к человеку подходят из космоса потом, являются более высокими членами, а вначале с его собственным внутренним они не имеют ничего общего. То, что там излучается ему навстречу, предстаёт в новой жизни, и благодаря этому возникает Жизнедух. А то, что имеет он как свои поступки, наполняет и охватывает вибрированием высокая духовная субстанциональность — Духочеловек. Это нечто такое, что добавляется ему тогда из космоса и что он некоторым образом воспринимает там снаружи. Как свои физическое и эфирное тела он получает при нисхождении через рождение, так, пройдя через врата смерти, он получает свой Жизнедух и своего Духочеловека как своё дальнейшее окружение. Зато ему действительно принадлежит то, чем является тогда «Я» — здесь я этого уже касался. А то, что излучается ему от Земли — этот

Самодух, — между смертью и новым рождением на самом деле является тонко вытканым планетарным бытием, тем, что потом воспринимают как преобразованную Землю, на которую взирают назад и которую продолжают творить от жизни к жизни. Так что, когда Земля придёт к концу своего развития, человек вместе с ней перейдёт на Юпитер, и именно благодаря созданному им здесь он сможет физически развить свой Самодух уже на Юпитере, так как он благодаря своему внутреннему заложил основу этого во время бытия Земли.

Таковы реальные процессы. Так в действительности происходит развитие. Вы видите, что не нужно слова «бытие Земли», «бытие Юпитера» составлять вместе внешним образом и абстрактно из внешнего описывать факты, но, беря человека в его целостности, вполне можно описать переход одного в другое. Нужно так сформировать свои понятия, чтобы они сами могли овладеть представлениями о том, как наши чувства и мысли, распространяясь в нас, сами планетарно, звёздно излучаются от Земли в мировое пространство, с которым мы сами потом живём; как отныне мы несём в себе других людей, с которыми имели взаимоотношения.

Человеческая жизнь сложна. Но именно те, кто, привязав несколько понятий, желают построить некое мировоззрение, довольно мало интересуются тем, что нужно. Они позволяют себе исходить только из наглядного созерцания общей жизни. Но жизнь даже самого маленького жучка есть нечто сложное, и, конечно, нельзя представлять себе, что во всём мироздании, с которым человек связан как микрокосм, жизнь построена так, что её можно понять с несколькими небрежно освоенными понятиями.

Мы будем говорить об этом дальше завтра утром.

Строение человека:

В земной жизни	В жизни между смертью и новым рождением
«Я»	
Астральное тело	Духочеловек
Эфирное тело	Жизнедух
Физическое тело	Самодух
	«Я»

Дорнах

Суббота, 22 октября 1921 года.

Если вы ещё раз просмотрите *курс лекций* о жизни между смертью и новым рождением, *который я дал в 1914 году*, то найдёте там некоторые сообщения, дополняющие подготовленное мной в эти дни и недели. Сегодня я хотел бы обратить особое внимание на то чередование жизненных состояний, которое имеет место как в период между смертью и новым рождением, так и в жизни между рождением и смертью — на чередование бодрствования и сна. Наше обычное сознание, по сути дела, делающее нас людьми в жизни между рождением и смертью, мы имеем ведь именно во время бодрствования, а во время сна наше сознание до определённой степени приглушено. Наше сознание пребывает тогда под порогом нашего бодрственного бытия, и мы переживаем события, внутри которых находимся между засыпанием и пробуждением, но только смутно или совсем глухо во время глубокого сна, или так, что из сна образно представляются в форме сновидений некоторые жизненные воспоминания или внутренние процессы организма. Подобное чередование имеет место и в жизни между смертью и новым рождением. Только здесь в определённой степени всё перевернуто относительно тех состояний, в которых мы находимся в настоящее время. Вчера я рассказал вам уже, как человек в корне иначе переживает между смертью и новым рождением по сравнению с переживанием здесь на Земле. То же самое происходит и с этими чередованиями состояний сознания. Как я описал вчера, между смертью и новым рождением мы имеем переживания, которые показывают нам наше «Я» в его поступках и волевых импульсах. Это сознание, в котором мы обладаем своим «Я», является в известной степени обычным для такого духовного состояния жизни так же, как здесь является обычным бодрствующее состояние. Однако, мы уже видели, что здесь определённым образом мы созданы из физи-

ческого тела, эфирного тела, астрального тела и «Я», там — из «Я», Самодуха, Жизнедуха и Духочеловека, пока в зачатке. Таким образом, во время жизни между смертью и новым рождением «Я» является самым низшим членом. Но как здесь в бодрствующем сознании мы осознаём себя своим «Я» внутренне, так и там в сознании, сопоставимом со здешним, мы осознаём себя своим «Я» в качестве внешнего переживания в поступках и волевых импульсах, на которые мызираем назад и которые переживаем так, как они отражаются нам от Земли.

Это состояние чередуется теперь с другим, и именно так, что здесь в земной жизни мы можем говорить о бодрствующем и спящем сознании и бодрствующему сознанию в известной степени можем даже присоединить подсознание. Тогда как между смертью и новым рождением мы должны говорить именно о том охарактеризованном выше сознании и о некоем роде сверхсознания, когда в нас осознанно существуют более высокие существа, и соответственно более высокие существа заполняют наше сознание.

В нашем земном состоянии сна мы даже опускаемся до некоего рода растительного бытия. Между смертью и новым рождением мы поднимаемся в сверхсознательное состояние, к некоему роду архангельского сознания — к сознанию, расположенному над нашим. Я сказал, что когда мы находимся в своём обычном состоянии, иерархии более высоких духовных существ определённым образом находятся позади нас. В этом сверхсознательном состоянии мы полностью возвращаемся к ним. Тогда мы в них живём. Мы узнаём о них больше, чем могли бы узнать ещё в качестве людей. Если бы между смертью и новым рождением мы узнали бы только то, что определённым образом мы переживаем своим «Я», которое так излучается нам вслед, но принадлежит всё-таки нам, то мы не пережили бы так, как я изобразил, все события, которые необходимо пережить, чтобы снова построить свой организм в новом земном бытии. Последнее возможно только благодаря тому, что мы имеем чередование этих обычных состояний сознания с проникновением в наше человеческое существо состояний знания (*von Wissenszuständen*) Архангелов и даже Архаев, и уже потом они входят в наше обычное сознание до некоторой степени как воспоминание, подобно тому как здесь в наше сознание входят из подсознания сновидения. Таким образом, между смертью и новым рождением мы живём так, что имеем оха-

рактированное вчера сознание, а в промежутках — всегда сверхсознательные состояния, в которых мы, кроме того, достигаем сверхчеловеческого знания, которое уже потом даёт нам возможность действительно построить наше собственное бытие в следующей земной жизни так, как это необходимо.

Таким образом вы видите, что существуют аналогии даже между жизнью здесь, между рождением и смертью, и другой жизнью — между смертью и новым рождением. Но надо непременно принять во внимание большие коренные различия, существующие между этими двумя состояниями жизни.

Теперь, если познакомиться с тем, что в качестве бытия более высокого рода вдаётся определённым образом в оба состояния нашей земной жизни и нашей жизни между смертью и новым рождением, то можно будет ещё детальнее всмотреться в эти вещи. Проживая нашу земную жизнь на Земле, мы имеем ведь прежде всего внешние чувственные впечатления. Мы видели, как волевые импульсы и импульсы поступков взаимно переплетаются с этими нашими внешними чувственными впечатлениями. И мы должны теперь направить наше внимание прежде всего на внешние чувственные впечатления.

Попробуйте на мгновение поставить перед душой, как, например, в течение всего времени, прожитого вами в бодрственном состоянии, вы получаете сумму внешних чувственных впечатлений от всех без исключения человеческих органов чувств, как сплетается из этого именно этот ковёр чувств. Эти чувственные впечатления обычно ведь рассматривают только в их связи с вещами; в красках, производящих впечатления на глаза, нам являются отдельные вещи или существа. Другие существа издают звуки и таким образом в свою очередь производят впечатление на орган слуха. Но мы хотим весь этот мир чувственных впечатлений поставить однажды перед своей душой и спросить себя, что же происходит в действительности.

Я довольно часто обращал на это внимание: не может быть и речи о том, чтобы позади этих чувственных впечатлений мог действовать тот фантастический мир атомов, который придумывают физики, но в действительности позади этого чувственного мира существует духовное. Итак, даже внутри чувственного мира существует духовное, только в настоящее время оно не воспринимается обычным сознанием. Обычное

сознание имеет перед собой именно тот самый ковёр чувств. Но что же содержится в этом ковре чувств? В действительности в ковре чувств содержится та сумма существ, которых вы находите в моём «Очерке тайноведения» объединёнными в Духов Формы. Всё, что является нам пространственно, имеет некую форму. Даже цветная поверхность какого-либо предмета даёт ему форму. В том, что мы переживаем чувственно здесь в пространстве, живут Духи Формы, те самые существа, которые в Ветхом Завете названы Элохимами. Это суть Духи Формы.

Мы по праву называем этот мир чувственных явлений именно миром обликов, миром феноменов. Но это правильно только наполовину, потому что мы, люди, в настоящее время обычным сознанием не воспринимаем ничего дальше этого мира, кроме этих феноменов, обликов, внешней видимости. В странах Востока это называют майей. Но когда сознание развивается и становится имагинативным, весь этот чувственный мир наполняется, или лучше даже сказать, превращается в мир движущихся картин. Этот мир движущихся картин тотчас обнаруживает включённым в себя мир Ангелов. А если мы приходим к инспирации, то, значит, мы повсеместно инспирированы из этого мира. Он превращается в мир инспираций. В эту инспирацию влетают существа Архангелов. Затем позже мы переживаем мир интуиции. Здесь, вместо того чтобы иметь перед собой только чувственный мир, мы продвигаемся к миру Архаев.

Теперь, когда в своём окружении (*im uns herum*) мы продвинулись к миру Архаев, у нас уже существует возможность, разумеется с помощью этого мира Архаев, снова обратить взор назад, на то, что мы уже узнали от высоких иерархий в более ранней жизни между смертью и новым рождением. Мы обнаруживаем теперь существ, названных в Библии Элохимами, а в моём «Очерке тайноведения» — Духами Формы, расположенными внутри этого мира за Архаями. Итак, мы можем сказать: когда мы благодаря нашим чувствам выглядываем в мир, в действительности мы всматриваемся в мир Духов Формы (см. сопоставление на с. 197) — в чувственный мир.

Теперь, когда мы поставили чувственный мир перед душой — и здесь следовало бы сказать, что с ним мы действуем в мире Духов Формы, — мы снова в большей мере можем проникнуть в само наше внутреннее, но во внутреннее, которое состоит ещё в очень глубокой связи с внеш-

ним миром и которое предназначено настолько внутренне отобразить для нас внешний мир, что мы можем нести его в себе в виде воспоминания. Другими словами, мы можем продвигаться от чувственного мира во внутреннее — к миру наших мыслей (см. сопоставление на с. 197).

Итак, мыслительный мир дан нам прежде всего в качестве мира разных мыслей. Вы ведь не будете пытаться то, что живёт в вас в настоящее время как мысль, рассматривать как некую реальность, поскольку это живёт в этом обычном сознании. Но как в чувственном мире скрывается реальность — и именно реальность Духов Формы, — так же это происходит и с миром мыслей. В обычном сознании мысли существуют, прежде всего, в виде известных нам мимолётных внутренних образов; но как в ткани чувственного мира обнаруживаются духовные существа, когда мы, как я это описал, через имажинацию и инспирацию поднимаемся к более высокому познанию, так же могут быть восприняты и действия духовных существ внутри мыслительного мира. Эти духовные существа живут и в сопутствующих мыслям явлениях, которые развёртываются в нас, когда мы мыслим.

Из предыдущих лекций вы уже знаете, что развёртывается в нас во время нашего мышления. Когда мы думаем, в нас непрерывно развёртываются процессы, которые мы можем сравнить с тем, как соль растворяется в стакане воды до степени полного растворения, и стакан с водой становится прозрачным. Когда же мы охлаждаем воду, она замутняется — соль выпадает из воды в осадок. В то время, когда мы мыслим, в нас происходят такие же процессы замутнения, являющиеся процессами уплотнения. В нас непременно осуществляется некий вид процесса минерализации в то время, когда мы мыслим. С этим, происходящим в нас во время мышления процессом минерализации теперь имеют дело духовные существа, которые как раз и влетают мыслительный элемент. Это те существа, которых мы всегда называли Архаями, Первосилами. Так что мы можем быть уверены: если мы живём в своих мыслях, то в нас, внутри нашей мыслительной жизни, присутствуют Архאי так же, как внутри наших чувственных восприятий присутствуют Элохимы, Духи Формы.

В таком случае эти Духи Формы могут быть восприняты во внешнем мире только с помощью имажинативного познания. Изучая внешний мир при помощи сознания, считающегося в настоящее время обычным,

мы приходим к так называемым законам природы. Эти законы природы являются абстракцией. Продвинувшись к имажинативному познанию, получают не такие, формулируемые с помощью предложений абстрактные законы, а картины, жизнь картин. Теперь это не те картины, о которых я говорил прежде, но сейчас это картины, которые как замутняющие образы, в определённой мере как окрашивающие образы сгущаются в картины, получаемые нами при виде Элохимов. Тут действие Архаев мы имеем во внешнем мире. Мы можем это наблюдать как во внешнем, так и во внутреннем мире.

Пожалуй, теперь будет полезно в меньшей степени устремлять взор во внутреннее человека, но больше всматриваться в проявления жизни. Мысль прежде всего живёт внутри нас, но несмотря на это мы через неё связаны с внешним миром, и тайны внешнего мира нам открываются посредством мыслей — сначала мысль живёт внутри. Но она обнаруживается. Она обнаруживается, когда мы высказываем её другому человеку. А язык непременно является тем элементом человеческой жизни, посредством которого мы проявляем свои мысли наружу.

Итак, рассмотрим мир языка в соответствии с миром мысли. Я довольно часто обращал внимание на то, что человек больше, конечно, узнаёт о мире своего языка, чем о мире своих мыслей. Мир мыслей втекает в высказывание. Воля хоть и втекает в мыслительный элемент, но обычным сознанием она обнаруживается лишь в очень малой степени. Но в высказывание человеческая воля втекает сильно — для обычного сознания это уже заметно. Однако обычным сознанием всё же чрезвычайно мало воспринимается то, что действительно живёт в языке. Сегодня, в нашу эпоху интеллектуализма, из того, что живёт в звуке, человек воспринимает едва ли больше некоторого подобия признаков, которые ему характеризуют что-либо другое. Внутренняя жизнь звука есть нечто такое, что для современного человечества очень сильно отступило за границы сознания. Современному человеку можно лишь ещё указать на то, что он может поразмышлять, как в звуке, в тоне звука таится нечто воспринимаемое как характерный жизненный элемент.

Возьмём, например, слово, где вы имеете два «е» - «gehen»^{*}. Эти два «е» в «gehen», в которых можно, при наличии для этого чутья, хорошо

^{*} идти (перевод с нем.), аналог в русск. яз. — едет.

почувствовать спокойное перемещение, ничего не возбуждающее спокойное передвижение. Действительно, в этих двух «е» существует спокойное перемещение. Когда вы вместо «е» имеете, например «а», как в «laufen»*, то ощущаете, что в звуке «а» вы переживаете при этом не безмятежное движение, а такое, которое к вашему дыханию предъявляет большее требование. Переживаемое вами вы можете почувствовать в ускоренном дыхании благодаря тому, что выражаете это в «аи». Вы не могли бы лучше пережить безмятежное движение, чем в этих двух звуках «е», а быстрое движение в этом «аи», находящемся тут внутри. Язык содержит в себе духовность. И я уже неоднократно обращал ваше внимание на самых разных примерах на то, что в языке непременно присутствует внутренний дух. Современным человеком это переживается незначительно, но в другие эпохи, когда человек ещё имел истинное внутреннее переживание звука, там более осознанно, чем для чувственного восприятия и для мышления, жил мыслительный мир, жило то, что можно ощутить уже как духовное тkanie и жизнь.

Как в мире мысли живут Архаи, так в языковом элементе, в этом мире языка, живут Архангелы. А поскольку Архангелы живут в духе языка, то они, как я это неоднократно описывал, непременно являются ведущими духами народов, народными духами. И изживают они себя именно в элементе языка.

Человек гораздо больше, чем думают, сам теперь является результатом своего языка, равно как, с другой стороны, он является результатом своего мыслительного мира. Свою форму мы имеем всецело от внешнего мира и в свою очередь вливаем форму своей волей во внешний мир. То, что является нашей жизнью, происходит из той же сферы, из которой происходят наши мысли. Внутри живут Архаи. То, что выражает себя в нашем языке, благодаря чему мы принадлежим одному народу, проявляется внутри во всех тех физических свойствах, которые даже теперь ограничивают нас как людей в гораздо большей мере, чем это имеет место в мыслительном элементе. Люди имеют одинаковые мысли, но язык они имеют разный. Люди разделяются по языку, но всё-таки кое-что, что они имеют совместно со многими людьми, они дали посредством языка — человек ведь непременно принадлежит маленькому

* бежать

или большому народу.

Но спустимся к существу Ангела. Как довольно часто я разъяснял вам — и даже в этой лекции, — человек к своему Ангелу имеет особое индивидуальное отношение. Это индивидуальное отношение человека к своему Ангелу выражается двояко. Это проявляется внутри, когда человек так предаётся своему внутреннему миру, что в своей душе, по сути дела, превышает сам себя. Разумеется, в обычной жизни, поскольку она ведь является интимным переживанием человека, в дело может тотчас вступить нечто люциферическое, но человек может всё же внутренне подняться над собой и в определённой степени пережить внутри в фантазии нечто объективное. В любом случае фантазия во многих отношениях есть как раз нечто творческое, но индивидуальное творческое, как например речь, и в основе речи лежит, собственно говоря, деятельность фантазии. Так как в языке человек обычно переживает только некую абстракцию, поскольку он не всегда ощущает, я бы сказал, гения языка, являющегося Архангелом, расправившим в языке свои крылья, то человек даже в фантазии, — которая становится фантастикой при пронизании её люциферическим, — не воспринимает того, что Ангел действительно проскальзывает через его индивидуальную жизнь во время, когда он живёт в фантазии.

Истинный поэт, истинный художник, не ставший ни циником, ни фривольным, ни поверхностным, конечно же знает, что в момент творчества его пронизывает высокая духовность. Это та же высокая духовность — Ангел, которая несёт нас от жизни к жизни в качестве индивидуального ангела-хранителя. И, по сути дела, мышление Ангела непременно разыгрывается в упорядоченной человеческой фантазии. В некоторых изречениях *Гёте* вполне можно обнаружить в скромной, я бы сказал, форме, как он отдаёт себе отчёт в том, что в действительности тут разыгрывается нечто неосознаваемое, но реально действующее именно в фантазии.

Но когда человек теперь — не внутренне, а действительно — выходит из себя во время сна, и во сне он проникает затем в область, в которой обычно коренится бодрствующая фантазия, тогда то, что разумно вещает о себе в фантазии, заявляет о себе как сновидение ещё в подсознании. Как фантазия может перерождаться в фантастику, когда она пропитывается люциферическим, так и сновидение может превращаться

во что-то разнообразное и необычное, принимаемое потом человеком даже за реальность, когда на сновидение имеет место ариманическое влияние. Сновидение как таковое вступает, конечно, в люциферическую сферу, но может быть пронизано ариманическим. В действительности же в наших сновидениях, если они, я бы сказал, невинны и по-человечески чисты, наоборот, живёт Ангел — существо, которое пронизывает нас, стало быть, и в фантазии, когда мы внутренне в известной мере выходим из себя.

Ныне мир языка, руководимый Архангелом, в том мире, который внутри живёт посередине между эмоциями и мыслями, затеняется в направлении внутреннего — в мире представлений; можно было бы даже сказать — в мире эмоциональных представлений (см. сопоставление на с. 197). Фантазия и сновидение затеняются в самом мире эмоций — эмоций и того, что живёт в эмоциях как волевое. Мы могли бы даже сказать — волевые эмоции (*willensmässige Gefühle*).

Но куда же мы приходим теперь, спускаясь дальше, сходя дальше вниз от Ангелов? Теперь мы приходим к самим себе — к человеческому «Я». В человеческом «Я» мы должны уже с усилием выйти из себя аналогично тому, как мы выходим из себя, когда в нас живёт Ангел. И этот выход имеет место, когда, как я вчера показал, мы выводим во внешние поступки именно волевой импульс.

Таблица 3

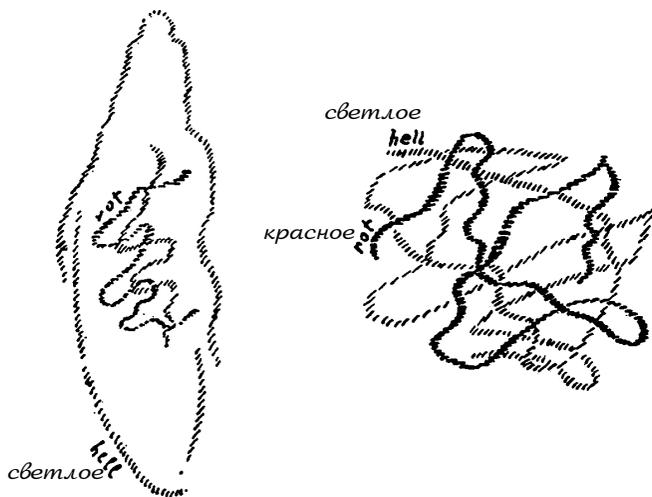
Элохимы, Духи Формы:	Чувственный мир	
Архан:	Мыслительный мир	
Архангелы:	Мир языка:	Эмоциональное представление
Ангелы:	Фантазия, сновидения: Волевая эмоция	
Человеческое «Я»:	Волевой поступок:	Воля

Когда мы грезим, мы непременно находимся вне себя, но выходим из себя только духовно. При волевом поступке, хотя мы выходим из себя не физически, но приводим в движение своё физическое тело, «Я» и основывается, собственно, на этом волевом импульсе. Так что мы можем сказать: в волевом поступке живёт — именно воля живёт сейчас в волевом поступке, и воля в определённой степени врезается во внешний мир. Мы достигли физического мира. В физическом мире мы, по сути дела, развиваемся самостоятельно только в своих волевых поступках.

Наше «Я», на которое потом мы смотрим назад, живёт только в том, что затем во время смерти остаётся нам в виде обрисованной мной вчера суммы всех наших действий. А во всём другом: в фантазии, в сновидениях, в мире языка и в мире мыслей, в содержании чувств — в действительности живут высокие духовные существа, которые постоянно осуществляют нас как людей.

Обратите внимание: отношение человека к духовному космосу теперь вывели из обычной жизни. Но тут благодаря следующему представлению мы можем приблизиться ещё и к тому, что даёт духовной наукой из сверхчувственного созерцания. Представьте-ка свою жизнь в чувственном мире. Вы проходите через этот чувственный мир. Вы имеете теперь определённые впечатления. Возможно, завтра вы ещё сможете вспомнить о тех впечатлениях, которые имеете теперь. Я не скажу, что каждый сделает это, так как не знаю, можно ли допустить, что, например, завтра каждый сидящий здесь ещё будет иметь внутреннее переживание того, что слышит он сегодня здесь на лекции! Но в целом можно однако сказать, что воспринятое человеком из своего окружения затем продолжает жить в его глубинах как воспоминание.

Для дальнейшего продвижения в этом рассмотрении я хотел бы изобразить вам это схематически. Допустим, здесь схематически изображён окружающий мир (см. рис., светлое), а здесь — человек (красное).

То, что является окружающим миром, теперь продолжает жить в человеке. Оно продолжает жить душевным образом. Переживаемое вами совместно с окружающим миром — это я изобразил здесь — продолжает в вас жить как душевный мир. Обратите внимание, что в некотором смысле это переживание является, прежде всего, очень абстрактным переживанием. По крайней мере, окружающий мир, переживаемый нами ведь только в форме чувственной видимости, продолжает жить в абстрактных душевных переживаниях, в мыслях, затем в эмоциях, возбуждающих волевые импульсы. Но вы — если мы хотим это провести перед своей душой совершенно точно — можете всё же сказать: то, что во внутреннем я душевно несу с собой, есть результат моих переживаний между рождением и смертью или между рождением и настоящим моментом.

А теперь обратим внимание на то, что мы несём в себе не только так абстрактно-душевно, так образно, но теперь мы обратим внимание на то, что мы несём в себе, я бы сказал, более конкретно — материально: органы, лежащие внутри нашей кожи, — лёгкие, сердце, печень и так далее. Это ведь тоже есть нечто такое, что мы несём в себе внутренне. Этаким истинный мистик скажет: „Уж это меня совсем не интересует. Меня интересует только духовное и душевное. Я удовлетворён уже тем, что от окружающего мира несу в себе свои душевные впечатления. Материальное для меня слишком незначительно и ничтожно”. Да, но в таком высказывании мистик как раз прямо показывает, насколько он, собственно, ещё глубоко материалистичен, насколько он ещё не знает, что в действительности выступающее внешне материально является духовным. Духовным является не только то, что мы несём в себе абстрактно в виде душевных переживаний, являющихся отголосками внешних переживаний между рождением и смертью, но духовными являются также наши легкие, наша печень. Они только предстают нам, нашему обычному сознанию, в материальной форме, но всецело являются результатом проявления духа. Пусть вы сидите в своей комнатке и вам приходит на ум: „Человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и «Я»”. Вы владеете этим как своим внутренним. Когда-то это было внешним. Это приблизилось к вам впервые, как хотите, из книги или лекции, следовательно, из внешнего мира, — я изобразил это здесь схематически. Однако внутри вы также несёте в себе лёгкие,

сердце, печень, головной мозг и так далее. Это вы тоже несёте в себе как результат переживаний. Таким образом, если вы просто схематически нарисуете человека с его отдельными органами (см. рис. вверху на с. 198), то это внутреннее есть результат всего этого — разумеется, не физической материи, которая появляется лишь с зачатием, рождением и так далее, но, судя по его форме, его внутреннему организованному бытию, это внутреннее является результатом пережитого между смертью и новым рождением. Как здесь вы слушаете высказанное мной, и потом это становится вашим душевным переживанием, так и ваше сердце, лёгкие, печень являются результатом вашего переживания между смертью и новым рождением. То есть мы можем сказать: телесно организованное внутри меня является результатом моих переживаний между смертью и новым рождением.

То, что я душевно несу с собой во внутреннем,
 есть результат моих переживаний между рождением и смертью.
 То, что я телесно организованным несу в своём внутреннем,
 есть результат моей жизни между смертью и новым рождением.

Материалист, разумеется, будет возражать: все органы, существующие в человеке, просто унаследованы от предков. Это возражение совершенно ошибочно. Такого не существует. Материя, конечно, унаследована от предков, но то, что является зародышем, обычно рассматривается абсолютно ошибочно. Заведомо неверно рассматривать это только материально. Ибо оплодотворение состоит не в том, что человек стаскивает материальное от поколений, но что определённым образом возникает пустое пространство, что в человеке уничтожается материя, и весь универсум строит в человеке. В это духовное строение — ведь лёгкие, сердце, печень являются абсолютно духовным строением — затем проникает материя. Но организующие силы непременно происходят из всего универсума, сформировавшись из переживаний между смертью и новым рождением. Именно это человек переживает в бодрствующем сознании так, как я это только что описал, когда нас возносят в сферу Архангелов и Архаев. Между смертью и новым рождением он переживает осознанно — надо сказать сверхосознанно — то, что потом он встраивает в свои органы.

Наши органы построены полностью соответственно нашей карме, в соответствии с тем, что мы несём с собой из предыдущей земной жизни. Таким образом, разыгрывающееся внешне в последовательности поколений как чисто физические процессы не является только физическими процессами, но — это процессы, которые вызваны абсолютно всем универсумом.

Я довольно часто приводил один образ, который может помочь, когда приходит именно обычный тривиальный материалист и говорит: „Объясни нам, но только не возникновение человека в теле матери посредством всего универсума, не выводи нас в универсум — ты должен объяснить это именно с помощью непрерывности зародышевой плазмы в последовательности поколений”. Как я говорил, тут достаточно сказать: Кто-нибудь имеет магнитную стрелку, указывающую на север и на юг. Вот приходит некто и говорит: „Тут есть сумасшедшие физики, утверждающие, что якобы вся Земля — магнит, и что Южный магнитный полюс Земли притягивает к себе полюс этой стрелки. Причины того, что магнитная стрелка устанавливается таким образом, следует искать только в самой магнитной стрелке. Какое дело Земле до этой магнитной стрелки!”. Примерно так рассуждают сегодня наши биологи, говоря о зародыше. Они рассматривают только зародыш. Однако, как вся Земля проявляет деятельность в магнитной стрелке, так и весь универсум работает при формировании зародыша. Только участие в этом человека, разумеется, остаётся позади — в подсознании.

Такое рассмотрение этого вопроса показывает, что человек всем своим бытием связан с материальным и духовным универсумом. Мы говорим себе: в познании, в обычном осознанном переживании мы превращаем внешний мир во внутренний мир. Вчера, исходя из определённой точки зрения, я вам сказал: когда человек проходит через врата смерти, внутреннее становится внешним, а внешнее — внутренним. А сегодня я изложил вам другую точку зрения, из которой вы можете увидеть, как следует подходить к тому, что находится в бытии до рождения, соответственно до зачатия, и к тому, что наше телесное внутреннее мы должны искать во внешнем мире, в его подготовительных процессах в жизни между смертью и новым рождением: внешнее становится внутренним. То, что мы определённым образом испытываем в расширении до размеров всего универсума, становится глубоко бессознательным пе-

реживанием в наших органах.

Однако фактически эти органы существуют в нас так, что в них живёт целый мир. И рассматривая лишь то, что о наших внутренних органах дают внешняя анатомия и физиология, мы имеем перед собой майю здесь в гораздо большей степени, чем во внешнем мире.

Я говорил вам, что, обращая свой взор в чувственный мир, мы созерцаем вплоть до Элохимов. Но нам необходимо, когда мы всматриваемся теперь в нашу внутреннюю телесность, взойти дальше ради того, что живёт в нас ныне таким образом, формируя наши органы. Вы уже знаете, что в моём «Очерке тайноведения» над Духами Формы вы найдёте других существ. И эти другие существа не находятся теперь только вне человека, но они действуют в нём. О них мы узнаём между смертью и новым рождением, восходя собственным сознанием, разумеется, только до Архаев, а уже через Архаев мы узнаём об этих существах. И этим сверхсознанием мы узнаём о них то, что вливаем потом в свою организацию. В нашем внутреннем формообразовании мы фактически через жизнь несём в себе мир иерархий.

Сегодня можно снова исследовать такие вещи. О них знали в древние времена из инстинктивного ясновидческого сознания, в те времена, когда человеческий организм называли храмом Бога, в такие времена, в которые пытались добиться знания о целом мире именно внутри человеческого микрокосма посредством объяснения этого микрокосма.

Разве это не так, что благодаря нашей памяти — со времени осознания себя здесь в земной жизни — мы знаем о мире, который мы тут пережили как наш мир? Мы можем однажды вспомнить всё, что только в состоянии вынести из своей памяти. Мы смотрим в своё внутреннее, а имеем в себе мир, пережитый снаружи, и в определённой мере эти душевно несомые в себе картины мы можем рассматривать как заключающие в себе эту внешнюю жизнь. Мы осмысливаем своё переживание заново, когда обращаем свой взор на картины этих воспоминаний. Если же мы созерцаем свою телесную организацию, понимаем эту телесную организацию, то благодаря этому понимаем мировой процесс. Мы понимаем своё переживание благодаря своей памяти во внутреннем. Мировой процесс мы понимаем через всю свою человеческую организацию, если умеем правильно её рассматривать. А это уже и есть антропософия, когда человека могут понимать всего целиком.

Но антропософия является в то же время космософией. Ибо как воспоминание о себе является ясным представлением своей жизни, так и антропософское познание всемирной памяти, ясное представление всеобщих мировых процессов является космософией. Обе неотделимы друг от друга. Космософия и антропософия обе принадлежат друг другу. Человек должен находиться в мире, а мир — в человеке. Отсюда в моём «Очерке тайноведения» отсутствует антропоморфизм, когда вместе с развитием через Сатурн, Солнце, Луну и так далее одновременно дано развитие человечества. Дано развитие мира, дано развитие человечества, ибо, чем дальше проникаешь в тайны бытия, тем больше сливаются мир и человек, тем больше проявляется, что то разделение, которое мы имеем между миром и человеком в нашей земной жизни, в действительности — только иллюзия. Человек принадлежит миру, а мир — человеку, человек должен находиться в мире, а мир — в человеке.

Дорнах

Воскресенье, 23 октября 1921 года.

Для дальнейшего развития рассуждений, проделанных мной в последнее время, будет хорошо вернуться во времена человеческого развития, когда подразумеваемое нами сегодня познание имело совсем другой характер. Мы уже говорили об этом другом характере человеческого познания в более ранние эпохи. С помощью полученного нами здесь в последних лекциях мы можем пролить ещё и иной свет на уже известное нам.

Когда на историческую арену вступили эллины и римляне, человеческое познание, по сути дела, получило совсем другой характер, чем прежде. То, что на Ближнем Востоке, в Африке предшествовало в познании эллинам и римлянам, было совсем другого рода, нежели то, что величайшим образом было начато позже, прежде всего через греков, что стало абстрактным через римлян, и что потом всё больше приводило к материализму нашего времени. Примерно в начале VIII столетия до Р.Х. познание принимает такой характер, который имеет место даже сегодня, разумеется, с различными модификациями. Существовавшее до тех пор древнее познание мы могли бы фактически охарактеризовать так: это был род инстинктивного созерцания. Познание существовало не в понятиях, а в картинах, подобных, хоть и не полностью, нашим сновидческим картинам, поскольку они ведь касались духовных реальностей, которые, однако, именно в душе всё-таки не жили с уверенностью нашего нынешнего мира понятий, но существовали в сознании скорее в форме мимолётных картин.

Но это познание относилось по сути не к тому, что в настоящее время является содержанием нашего познания, но больше к тем мирам, из которых как из прамиров образовался человек, в которых он содержался ещё так, что был мало от них отделён. Во времена сатурнического,

солнечного и лунного развития человек ещё полностью был членом всего остального мира. Но даже в течение древнего земного развития личность ещё не была отделена от всеобщего содержания мира. Человек определённым образом чувствовал себя внутри всеобщего содержания мира. Как только человек уклоняется от своего собственного интеллектуального познания, от головного познания, что примерно и происходит в определённых восточных школах, где всё ещё пытаются добиться некоего рода познания через дыхательные процессы, так сразу же прекращается это чёткое отделение себя от мира. В тот момент, когда сегодня человек делает устаревшие, но всё ещё имеющие место упражнения йоги, он тотчас чувствует себя принижённым и приглушённым в своей личности. Я бы сказал, он чувствует самого себя как дыхание мира.

Именно такой характер имело познание и в те древние времена, когда посредством этого образного познания человек действительно мог объяснить своё собственное физическое нутро в том смысле, в каком я изложил вчера. Уже вчера мы обратили внимание на то, как в настоящее время человек воспринимает своё окружение, как он затем сохраняет его в качестве представления, и потом это и является его внутренним, и из этого внутреннего он может представлять себе картину своего мира между рождением и нынешним моментом. Так несомое нами в себе в виде органов — мозга, лёгких, печени — представляет собой содержание всего мира. Как из вспомненного представления можно объяснить пережитое событие, и как это событие, стало быть, несут в себе в виде представления, так и в своих внутренних органах — в лёгких, в сердце и так далее — несут в себе весь мир. И древняя мудрость состояла в том, что объясняли эти отдельные органы, относя их ко всему содержанию мира.

Древнее познание, продолжающееся вплоть до IX дохристианского столетия, было в основном таким, что оно толковало содержание мира, исходя из внутреннего физического существа человека, из физически-эфирного существа человека. Внутреннее, разумеется, видели иначе, чем видят его современные анатомы и физиологи. Каждый отдельный внутренний орган был соотнесён с чем-либо во внешнем мире, однако, этот внутренний орган был переживаем изнутри. Так, строение мозга переживали в мощнейших картинах, а картины относили снова ко всей небесной сфере, так что фактически посредством этого старого позна-

ния из строения мозга, обозначенного в атавистической имажинации, создавалось представление обо всём небесном своде. То, что содержит древняя мудрость по поводу мира, в основном возникло из такого толкования человеческого внутреннего.

По сути дела, тут даже нельзя говорить, что существовавшее прежде познание было чисто человеческим познанием. Истинно человеческое познание, хотя оно и не должно быть абсолютно сухим чистым интеллектуализмом, каковым сегодня оно часто предстаёт, всё же немислимо без интеллекта. Однако та древняя мудрость была создана абсолютно без участия человеческого интеллекта, так что вовсе нельзя сказать, что та древняя мудрость была собственным человеческим познанием. Человек лишь до некоторой степени принял участие в познании, которое в действительности имели в нём другие существа. И это были существа, принадлежавшие к иерархии Ангелов. Такой Ангел душевно наполнял (*durchseelte*) человека и, по сути, он был тем, кто получал это древнее познание. Человек лишь принимал в этом участие. Он в определённой мере заглядывал во внутреннее этого Ангела. И в силу этого он принимал участие в том, что познавал Ангел. Поэтому даже владеющий той древней мудростью имел довольно смутное представление о том, как он пришёл к своим познаниям. Он просто говорил себе: „Это внушение; это имеет место”, — потому что сам он это познание не осуществлял, потому что это познание осуществляло в нём ангельское существо.

Но это ангельское существо было, впрочем, не таким, каким мы его узнали за прошедшие дни — ангельским существом нормального развития, сопровождающим человека через различные земные жизни, — это ангельское существо имело люциферический характер. В определённой мере по своему характеру, по всему своему образу мыслей оно осталось на более ранней ступени развития, на ступени лунного развития. Таким образом, можно сказать, что существа, которые должны были в действительности пройти свою нормальную человеческую ступень во время лунного развития, — люциферические существа — воодушевили или душевно наполнили человека для древней мудрости, и человек принимал участие в том, что переживало в нём это ангельское существо. Получаемое человеком в качестве такой мудрости было чрезвычайно высоким познанием. Это было познание, доставшееся ангельскому существу именно как вполне завершённое во время лунного развития, но было

оно просто не тем познанием, которое действительно годилось бы человеку для того, чтобы он знал, с чего же начинать на Земле. На Земле человек вёл себя более или менее инстинктивно, я бы сказал, он вёл себя как высшее животное. Но тогда в это как бы ещё высшее животное светила эта высокая мудрость, свет которой прекратился, когда подступило VIII дохристианское столетие.

Эта мудрость, имевшая изначально абсолютно люциферический характер, касалась, собственно, только всего того, что было позволено познавать человеку как принадлежащему внешнему земному миру. В действительности человек ещё вовсе, так сказать, не вступил на Землю со своим познанием. Он со своей мудростью ощущал себя внутри высших сфер, а на Земле действовал инстинктивно.

Затем всё больше и больше вступает то, что могло появиться именно с душой рассудочной или с душой характера. Человек начал сам в себе побуждать рассудок. Он начал вырабатывать понятия. Греческая мудрость выделилась благодаря тому, что она, по сути, имела ту ангельскую мудрость из совсем ещё, я бы сказал, древних времён, но прорабатывала её человеческими понятиями. И такая мудрость, как мудрость *Платона*, производит на нас такое большое впечатление именно потому, что у Платона уже имело место субъективное вырабатывание мира понятий или мира представлений, но одновременно в это вырабатывание излучалась древняя инстинктивная мудрость. Поэтому сочинения Платона так удивительно связывают высочайшую мудрость с тем, что всё-таки уже живёт в индивидуальном человеческом элементе. И принимая во внимание всё душевное настроение Платона, невозможно вообразить себе, что он мог бы свои книги мудрости сочинить в какой-либо иной форме, чем в форме диалога, на том простом основании, что он отчётливо чувствовал то, что смутно ощущал древний человек. Древний человек говорил себе: „Мудрость здесь проста, она понятна мне — она лучится в меня”. Платон сам находился в некотором роде диалога с существом, изливавшим в него мудрость. Как сам он воспринимал мудрость в диалоге, так он её в диалоге лучшим образом и выражал.

Но затем вскоре наступило время, когда эта понятливая деятельность укрепилась. И у *Аристотеля* мы уже вполне видим познание, выступающее нам навстречу в форме теоретической ткани.

Затем в четвёртый послееатлантический период времени значительное влияние всё больше приобретает определённый культурный элемент, который мы охарактеризуем, если скажем так. Люди чувствовали, что когда-то душа была пропитана древней мудростью. Они чувствовали, что к ним спускались сверхчеловеческие существа и приносили мудрость. Но они также чувствовали, как эта мудрость закрывалась от них. Они уже не понимали это; из них вытекало то, что когда-то нисходило из духовных миров.

Это действие человеческого рассудка, обратившего затем всё в абстрактное, мы особенно находим у римлян. Римляне просто развили некое сухое абстрактное существо, существо, чуждое образности, желавшее жить в интеллектуальных формах. В то время как через Грецию мы всё-таки ещё имеем чувство того, что божественные формы, то есть то, что как элементарное, лежало в основе мира природы, имеют внутреннюю жизнь, у римлян боги являются абстракциями, имеют жёсткий, застывший понятийный характер. Логическая сущность берёт верх по сравнению с предыдущей имажинативной сущностью, которая ещё так сильно была распространена в Греции. Всё, что римляне ещё имели в имажинации, конечно, происходит из Греции. Римляне принесли элемент прозы, элемент логического и развили его затем дальше в более поздние времена уже как романизм, поэтому латинский язык воспринял потом тот логический характер, через который он действовал в течение долгого времени, формируя культуру.

Но кое-что сохранилось (через эллинизм ещё более живым, через римство несколько более безжизненным) и затем распространилось уже вглубь христианских столетий до средних веков и даже вплоть до рассвета нового времени — распространилась традиция древней мудрости. И распространилась традиция этой древней мудрости гораздо больше, чем это представляют себе люди сегодня.

Однако они не могли сразу охватить разумом то, что простиралось повсюду на стороне чувств (Sinne). Пытались рассудком постичь традиционное. В результате то, что прежде было внутренним живительным люциферическим элементом, получило даже внешний ариманический характер. Но это только маска. В действительности это люциферический элемент, распространяющийся через традицию. И по существу то, что со времени римской императорской власти мы наблюдаем

распространяющимся через последующие столетия к романизму и что очень сильно пропитывается потом германским элементом, но всё-таки сохраняется в традиции, — это является люциферическим элементом. Люциферический элемент продолжает действовать. Конечно, благодаря тому, что он устремляется в бытие мыслей, обнаруживается его изначальный характер. Он возникает в мыслительной форме. Я бы сказал, люциферический элемент продолжает жить ариманическим образом в латинском языке.

В греческом искусстве этот элемент ещё вполне полон жизни. Потом он более или менее отвердевает, и интересно проследить, как он продолжается в теологии, которая является учением о сверхчувственных мирах, но сама, однако, духовными мирами не владеет, но получает сверхчувственные миры лишь по традиции. Так возникает то духовное направление, которое по характеру является в основном люциферическим и которое переводит в теологию древнее воззрение о сверхчувственном.

Само христианство втягивается в сети этой теологии. Христианство теологизируется. Как в римский язык входит логика, так в христианство входит теология. А истинный, полный жизни элемент христианства погибает здесь в люциферическом элементе, надевшем ариманическую маску. Полное жизни христианство превращается в занимающееся теологией культурное течение. Среди этого всё-таки уже действует истинный индивидуальный элемент, но ещё инстинктивным образом. Он пока не может соединиться полностью с тем, что приходит сверху. И особенно интересно, конечно, наблюдать это в его яркой фазе, в фазе эпохи Возрождения. Здесь мы видим, как живёт высокая теология, которая непременно имеет понятия и представления о сверхчувственном, но не имеет больше созерцания. В сущности говоря, ко времени Ренессанса всё уже является традиционным. Что сохраняется в романизме в теологической форме — так это древнейшая мудрость, доставленная, однако, в жизнь представлений сверху. В представлениях продолжает жить люциферическое.

Поражает то, что можно ещё сегодня увидеть в таких теологических элементах при созерцании в Риме настенной живописи *Рафаэля*, то, что здесь в картине, называемой «Диспута», живёт в действительности в теологическом элементе. Глубокая мудрость, более или менее живу-

щая в словах и больше не созерцаемая в себе, является, однако, именно глубочайшей мудростью для того, кто может связать её с созерцанием.

Действительно, мы восхищаемся теологией, живущей в «Божественной комедии» *Данте*, но одновременно знаем, что хотя *Данте* и достиг некоторого созерцания благодаря своему учителю *Брунетто Латини* — я это уже однажды разъяснял, — но здесь, однако, присутствует самый большой, по сути, традиционный теологический элемент, имеющий сильный люциферический уклон. С другой же стороны, мы видим, что существа, вносящие таким образом древнюю мудрость в теологический элемент, являются именно теми, которые некогда одухотворили греческое художественное бытие и теперь вносят его в искусство Ренессанса, придав ему большую жёсткость. Но всё-таки вносят ещё через традицию так, что *Гёте* видит греческое искусство вновь воскресшим в своём духе, видит вновь это греческое искусство в искусстве Ренессанса.

Можно сказать: сильный люциферический элемент непременно живёт в теологии, живёт в искусстве, как оно принесено нам из древних времён, в том искусстве, которое, чтобы быть художественным, должно предпочтительно стремиться к неземному и которое не может полностью низойти до человека. Там, где оно нисходит, оно является нам как спустившееся одним прыжком в подсознательное. Ибо жизнь Ренессанса мы видим, конечно, так, что в определённой степени она содержит в себе небо, о котором она имеет представления — больше не созерцания, а представления, — которые она может даже чудесным образом художественно оживить; но мы видим, что наряду с этим развивается инстинктивное вырождение жизни Ренессанса. Это грандиозная, но тем не менее ужасная, по сути, драма мировой истории, заключающаяся в том, что, с одной стороны, были такие образованные люди, как папа *Александр VI* или даже *Лео X*, чрезвычайно образованные люди, несшие в своих представлениях высочайшее о сверхчувственных мирах, но, с другой стороны, неспособные как люди Ренессанса поднять до этих духовных высот то, что является человеческой личностью, вследствие чего здесь внизу это инстинктивно вырождалось. И мы видим, как эти ужасные малые, люди эпохи Ренессанса, с одной стороны, организуют некое подобие высшей животной жизни, а над этим мы видим простирающееся, обладающее люциферическим характером, небо, ко-

торое было подведено к людям, с одной стороны, удивительным образом, а с другой — всецело в соответствии именно с люциферической теологией.

Вместе с тем, мы приходим уже в такое время, когда развитием человечества завладевают другие силы, отличные от тех древних ангельских существ.

Ведь человек находится посередине между сферой Ангелов и царством животных. В древние времена его внешняя физическая форма была очень похожа на животную, но она, однако, была одухотворена описанным мной способом. Геологи и палеонтологи, не имея никакого понятия о том, что в этой области является истинным, раскапывают сегодня человеческие останки древних времён с покатыми (*zurückfliehender*) лбами, животноподобными человеческими формами и верят, что этим приблизят человека к животному. Судя по внешней физической форме, это вполне оправдано, но чем дальше мы возвращаемся в древние времена к тем животным формам, тем больше эти животные формы были одухотворены древнейшей мудростью. И хоть в некоторых областях Европы несколько лет тому назад раскопали эти животные формы, а современные геологи и палеонтологи только и говорят теперь: „Это люди с небольшим черепом, с покатым лбом, с выступающими бровями и глазницами”, — но, зная истину в этой области, следует сказать: „Этот человек, возможно выглядящий сегодня так звероподобно, что внешнему палеонтологу кажется высоко развитой обезьяной, был всецело одухотворён древнейшей мудростью, которой владело в нём совсем другое существо. Он из этого воспринял только часть”.

Таким образом, можно сказать, что в древние времена человека наполняло сверхчеловеческое. Он всё больше и больше вырастал навстречу этому, поднимаясь в своём развитии от животных форм, пока не стал в некотором роде высшим животным, соединяющим различные животные формы. С этим высшим животным может теперь уживаться существо совсем другого рода, чем обычные ангельские существа, — ариманическое существо. И именно в то время, когда существование древней мудрости в традиции постепенно угасает, этот человек становится всё более могущественным, он создаёт теперь в своей животной организации разумное существо. И мы видим, как, начиная с VIII столетия до Р.Х., человек сначала медленно, а затем всё быстрее поднимается в

своём развитии, вместе с тем из его внутреннего вырастает некий род высшего животного существа, имеющего ариманический характер и понижающего его душу теперь с другой стороны.

Это существо, некоторым образом встречающееся в человеке с люциферическим существом, является тем, я бы сказал, следующим существом, которое стремится отвлечь человека от его правильного пути. Можно сказать, что люциферические существа являются существами гнева. Они воодушевляют человека, но при этом не позволяют ему радоваться на Земле и всегда уводят его от Земли, чтобы определённым образом навсегда втащить его в сверхчеловеческое. Они желали бы его заполучить гораздо больше, чем Ангела, который не подвержен низким функциям физического организма. Люциферические существа очень сильно гnevаются на человека, расхаживающего по Земле на двух ногах, связанного с Землёй благодаря своим низшим функциям. Эти существа хотели бы лишиться человека всего животного, а в настоящее время, в нынешнюю эпоху его бытия, они, например, и вовсе не хотели бы снова спускать его к физическому воплощению. Они хотели бы удержать его наверху, в жизни, протекающей между смертью и новым рождением. Других, ариманических существ, напротив, следовало бы называть существами страдания. Ибо они в действительности стремятся в человеческую организацию, но не могут достичь её для себя. Это плодотворная боль, которую, по сути дела, переживают эти ариманические существа. Происходит так, как если бы животное смутно почувствовало в себе: ты должно выпрямиться, ты должно стать человеком — как если бы всё это хотело разорваться внутри себя. Эту плодотворную боль действительно испытывают ариманические существа. А успокоить её они могут, только приблизившись к человеку и захватив его рассудок. Тогда рассудок охлаждает эту боль. Поэтому они вцепляются в человеческий рассудок, определённым образом вонзаются в него всем своим существом и окостеневают (*knoschen sich ein*). Ариманическое существо получает нечто вроде исполненного боли понижания себя человеческим рассудком. Ариманическое существо желало бы соединиться с человеком, чтобы прийти к рассудку.

Таким образом, человек является ареной борьбы между люциферическим и ариманическим. Дело обстоит так, что можно сказать: люциферическое участвует во всём художественном, во всём абстрактно-

теологическом. Ариманическое — это нечто исходящее из материального мира, проникшее через животную сферу; оно, полное боли, устремляется в человека, оно хочет захватить рассудок, но в человеке его отталкивает сверхчеловеческое существо, оно (ариманическое) всегда отталкивает, но желает захватить с собой рассудок. Это нечто такое, что вновь и вновь стремится внутрь человека, хочет сохранить человека с одним только голым рассудком, не желает допускать его до имажинации, инспирации, потому что хочет удержать около себя человеческое существо для ослабления своих мучений.

Всё, что, начиная с нового ариманического времени, сформировалось в человечестве преимущественно как материалистическая наука, как наука, которая происходит от этого страдания материального бытия, ослабляющегося в человеке, — это имеет ариманическую природу. И мы видим, как появляется материалистическая наука. Развивает её человек. В то время как человек лелеет её в себе, Ариман соединяется в нём со своей наукой. И как Люцифер участвует, прежде всего, в художественном, так Ариман участвует в развитии механического, технического — всего того, чем можно извлечь из человека разум и что может вовлечь его в машину, будь это механический инструмент или механизм государственного бытия. Только вследствие этого, по существу, стало возможным то, что живёт здесь в современном человечестве и что находится тут, прежде всего, со времени Ренессанса. Можно сказать: во время эпохи Ренессанса люциферическое влияние в некотором роде пришло в тупик; ариманическое влияние поселилось тогда по другую сторону стены этого тупика. И мы видим все действия, происходящие тут со времени Ренессанса; мы видим, что это разворачивание к механицизму, к бездуховной науке носит ариманический характер.

Теперь единственное, что может быть внесено в надвинувшееся со времени Ренессанса, — это восприятие Христа. Распространившиеся в современную эпоху материалистическая наука и техническая индустриализация имеют всецело ариманическую природу. И если бы это могло распространяться без восприятия Христа, то привязало бы человека к Земле. Человек не поднялся бы к бытию Юпитера. Но достигая восприятия Христа, достигая новой духовной жизни, достигая имажинации, инспирации и интуиции хотя бы в познании внешнего мира, мы спасаем ариманическое существо. Как можно образно представить себе это спа-

сение, я с самых разных сторон изобразил в своих драмах-мистериях. Однако если понимание Христа не сможет формироваться дальше как истинное одухотворённое понимание, без влияния теологии, то Ариман преодолет человека. Если понимание Христа снова духовно не пронизает современное материалистическое, современное механистическое существо, то материалистическая наука, внешний индустриальный механицизм предадут человека земной смерти, то есть построят совсем другой мир, в котором человек продолжит жить более или менее как окаменелость, благоговей перед ариманическим существом.

Итак, мы можем сказать: Люцифер участвует во всём традиционном богословии, во всём художественном, перерождающемся в манерность, чопорность, во всём подобном Ренессансу; Ариман же участвует во всём, что представляет лишь внешнее бездуховное естествознание, которое не в состоянии обнаружить дух в природе, а также во всём том, что является внешне-математическим в человеческой деятельности. Люциферические ангельские существа, которые до настоящего времени уже вполне высвободились из традиционной жизни, все интересы имеют в том, чтобы, по сути дела, удержать человека от деятельности. По меньшей мере, они хотели бы удержать человека во внутренней жизни души. Человек стал личностью. Но эти ангельские существа не хотели бы позволить человеку выходить своими действиями в события, проявлять свои волевые импульсы. Они желали бы удержать его во внутренней созерцательности. Они обольщают его мистикой, прельщают ложной теософией. Они свращают его к ведению внутренней, чисто созерцательной жизни: вместо того, чтобы действовать — созерцать. Они делают его мечтателем, который охотнее всего сидел бы целый день и фантазировал о всяческих мировых загадках, но не желал бы, однако, переносить во внешнюю действительность то, что живёт в его духе. Они хотели бы способствовать возникновению внешней науки посредством чисто внешнего наблюдения. Они охотно допускают возникновение науки, подобной той, что у патера *Секи*, который был превосходным астрофизиком, потому что он мог наблюдать с помощью микроскопа и телескопа, мог это зафиксировать и, однако, наряду с этим он получал кое-что, вовсе с этим не связанное, — то, что ему было дано люциферическими существами в качестве высокой сверхземной, сверхчеловеческой мудрости. Вместе с тем, занимаясь этой сверхземной,

сверхчеловеческой мудростью, люциферические существа отнимают в земном бытии духовно-душевное человека. В таком случае просто приходит в упадок то, что пока ещё является высокой внешней материалистической наукой, — она разрушается, она не имеет внутренней прочности. Ведь она не наполнена истинной духовностью. Их это больше не интересует.

По-возможности эти люциферические существа хотели бы искусство точно так же иметь безжизненным, бездуховным в том смысле, что дух не входит в форму. Они желали бы всегда иметь только Ренессанс, то, что существовало в древние времена. Они в человека вселяют ненависть к каждой новой форме стиля, действительно исходящей из современного человечества. Они хотели бы распространять древние формы стиля, поскольку эти древние формы стиля заимствованы ещё из неземного, из сверхземного.

Ариманическое существо, наоборот, вообще не хотело бы допустить приход ни к одухотворению, ни к стилю. Охотнее всего оно желало бы сооружать, например, только совершенно банальные строения, полезные строения, желало бы всё механизировать, всё поставить только на службу промышленности, желало бы склонить человека не ценить никакую ручную работу как художественное ремесло, а только — поставлять модели, которые затем механически копировались бы в бесконечных экземплярах так, как и сам Ариман через тайну числа может проявляться в беспредельно большом количестве экземпляров во многих людях.

В настоящее время человек, собственно, стоит всецело внутри этой борьбы. Только если он действительно вспомнит о том, чем для него может быть истинный дар Христа: антропософское духовное познание, соответствующее настоящему времени, и духовное созерцание, — если он вспомнит об этом, то найдёт путь посредством удержания равновесия между люциферическим и ариманическим. До некоторой степени он должен сражаться вместе с ариманическим, ибо иначе он непременно станет добычей люциферического. Но, отдаваясь течению Аримана, ему следует быть бдительным, так как из-за этого он может попасть во всецело механический мировой порядок. Люциферические существа хотели бы удержать человека от всякой деятельности, сделать его мечтателем, мистиком, у которого мало-помалу ничего не остаётся для земно-

го бытия, и поэтому он может быть даже лишён этого земного бытия. Ариманические существа хотели бы целиком сохранить человека в земном бытии. Поэтому они хотели бы всё механизировать, то есть низвести в минеральное царство. Благодаря этому они по-своему преобразовали бы Землю, чтобы не допустить её переход к бытию Юпитера. Они, конечно, не стремятся лишать человека деятельности, напротив, они побуждают его действовать, трудиться, совершать поступки так активно, как только он может, но всё это должно происходить по шаблону, всё должно быть запрограммировано. Ариман является великим энтузиастом всего соответствующего программе. Он инспиратор вечного создания уставов. Когда Ариман где-либо в комитете видит, как там создаются уставы, он существует в своём собственном элементе: во-первых, во-вторых, в-третьих — во-первых, должно произойти это; во-вторых, должно произойти то; в-третьих, этот член имеет эти права; в-четвёртых, тот член должен делать то или это. Разумеется, члену в таком случае и на ум не придёт соблюдать эти права или как-то исполнять указанное там. Но в настоящий момент дело не в этом. Когда уставы составлены, дело уже в том, чтобы поддерживать ариманический дух. Тогда можно сослаться на такой-то параграф.

Но тем не менее Ариман желал бы побуждать к деятельности, — только всё должно проистекать по шаблону в духе прагматизма. Всё должно быть втиснуто в параграфы. В известном смысле человек должен каждое утро находить на своём одеяле перечень того, что он должен сделать в течение дня, и выполнять это он должен механически, в определённой степени думая только ногами, а не головой. В то время как Люцифер стремится сделать человека думающим головой, а в голову излить сердце, Ариман стремится сделать человека думающим только ногами, всё влить в ноги.

Человек уже стоит внутри этой борьбы; и выраженное мной, возможно, больше в образной форме, уже, по сути дела, является содержанием нашей культуры. С одной стороны, мы видим тут людей, которые в качестве своего идеала рассматривают возможность подняться к высочайшему, погружаясь в свои мысли со сложенными ногами, подобно статуе Будды, в полной безногости, углубляясь с набуханием головы в мистическую бездну. С другой стороны, мы видим тут западных людей, которые, собственно говоря, поскольку они вовсе не знают, насколько

быстро они должны курсировать на своих ногах от одного бюро к другому, от одной фирмы к другой, производят на нас впечатление, что они совершенно бесполезно несут на своих плечах ещё и голову, которая, по сути дела, совсем не присутствует в том, что они делают. И обе крайности человечества уже существуют в современную эпоху: одинокие мечтатели с закрытыми глазами, чтобы нельзя было видеть даже то, что они сами делают, и те, которым глаза, собственно, не нужны, потому что они на ногах всегда имеют нечто вроде каната, шнура, а на конце шнура существует параграф такой-то, и их как членов механизма протаскивают таким образом сквозь мир.

Хоть мы и видим иногда, как современный человек восстаёт против ариманизма, как он ругает бюрократию, являющуюся уже чистым ариманизмом, как он восстаёт против шаблонности преподавания и так далее — но, как правило, только для того, чтобы ещё несколько глубже погрузиться в то, из чего он хотел выбраться.

Однако, вывести из всего этого может только направленность всего образа мыслей и всего душевного настроения человека к духовопознанию, к тому, что в свою очередь пронизывает жизнь представления истинной духовностью так, что реальный дух охватывает всего человека, а не только голову. И охватывая всего человека, он может даже преодолеть ариманическое существо, а преодолевая его, он его спасает. Против ариманического существа не следует ничего говорить. И уж едва ли следует порицать то, что правомерно изживает себя в регистрациях, в составлениях уставов и параграфов. Но всё это следует одухотворить.

Да и едва ли в современную эпоху мы можем что-либо иное, чем заниматься ариманическим искусством, например, чтобы стенографировать и чтобы писать на пишущей машинке. Всё это, конечно, в высшей степени ариманизация нашей культуры. Но внося духовность в нашу культуру, мы сами можем поднять в сферу духовности то, в чём, внушая такие опасения, присутствует ариманическое влияние, как например стенографию или машинопись, чем спасём даже Аримана. Однако, это возможно только посредством полной осмотрительности в отношении духовной жизни. Тот, кто имеет сегодня материалистический образ мыслей и стенографирует или же пишет с помощью пишущей машинки, попадает глубоко внутрь ариманического элемента. Вы видите, что не

следует реагировать на словах, не следует осуждать найденную здесь демонологию, но должны быть спасены сами демоны.

Это вполне может происходить даже в каждом отдельном случае. Собственно говоря, можно сказать: утвердившееся в современной цивилизации в ариманических элементах непосредственно проистекает только из определённого пристрастия к ариманическому мастерству. Ибо то, что этой ариманической культурой стенографируется или пишется на пишущей машинке, могло бы оставаться и не написанным. Как правило, содержание известно уже и без этого. По сути дела, фиксировать это вовсе нет необходимости. Содержание безразлично. Только ариманическое мастерство, принимаемое здесь во внимание, имеет некоторое значение. Но для того, что появляется духовнонаучно, может понадобиться точное фиксирование, поскольку необходимо высказываться пунктуально и точно. И именно тогда ариманическое может сослужить существенную службу духовному. В частности, это обзревается так.

Но совсем особое значение будет иметь то, что современная духовная наука пронизывает отдельные человеческие науки, что от бездуховных естественных наук она приходит к истинной единой духовной науке, что отдельные естественные науки, я бы сказал, являются главами единой духовной науки. Благодаря этому они лишаются ариманического и постепенно посредством соответствующего оживления отдельных частей входят в то направление, которое я сегодня должен был развить перед вами, исходя из люциферически-ариманического противоречия.

Не думайте, что бесполезно указывать на такие детали, как я это сделал сегодня. Хорошо уже то, когда с помощью использованных мною образов немножко знакомятся с люциферическими людьми, живущими сегодня со сложенными, как у Будды, ногами, и с ариманическими людьми, которые, как «наш пострел везде поспел», деловито бегают от конторы к конторе и, по сути, вовсе не нуждаются в своей голове для этой деловитости.

Возможно, эти вещи иногда приятнее слышать в абстракциях, нежели в конкретных образах, но современная духовная наука, антропософская духовная наука имеет задачу указывать на непосредственную жизнь, всегда называть вещи своими именами. Собственно, только благодаря этому можно прийти к совершенно здоровому конкретному пра-

вильному восприятию и настроению души.

Это то, что я хотел сегодня добавить к рассмотрением последних недель. В следующий раз мы снова попытаемся приблизиться к рассмотрению человека с другой стороны.

Дорнах

Пятница, 28 октября 1921 года.

Сегодня мы будем изучать человека в соответствии с его формой и посмотрим, как можно с этой точки зрения расширить и углубить то, что мы рассмотрели в течение последнего времени. Если мы в душе придерживаемся прежде всего того, что форма человека в самом широком смысле слова обычно непременно связана со всей его жизнью, то необходимо серьёзно рассмотреть именно эту совокупную жизнь, коль скоро мы теперь действительно хотим внутренне понять форму человека. Человек ведь сначала вступает во весь универсум, в целый космос. И если вы примете во внимание, что человек, в первую очередь судя по форме его головы, действительно является отображением сферы, космического универсума, то обнаружите, что со стороны своей головы человек определённым образом встроен во вселенную. Но понять способ, каким человек, являясь в свою очередь всё-таки внутренне замкнутым существом, встроен в целую вселенную, можно лишь представив себе связи человека с окружающим миром.

И тут уж, глядя прежде всего на форму человека, мы себе говорим: всем своим мышлением, поскольку оно связано с головой, своей головой человек обращён ко всему космосу. И вместе с тем, внося через рождение свою голову в физическое бытие из духовного мира, он, будучи заключённым в своё тело, некоторым образом может обернуться на своё собственное существо, на своё внутреннее духовно-душевное существо, обернуться на то время, когда он не был заключён в такое тело. Возможно, картину того, что я здесь подразумеваю, мы получим наилучшим образом, если представим себе, как человек определённым образом приходит к своим познаниям, когда до некоторой степени заглядывает в себя. Скажем, когда мы занимаемся теорией чисел или геометрией — это ведь и есть заглядывание в себя. Закономерность геометрии мы по-

знаём просто благодаря тому, что являемся людьми и можем сами из себя извлекать пространственную закономерность. Но, с другой стороны, мы знаем: эта закономерность наполняет весь универсум. Таким образом, тут мы непременно что-то видим, когда смотрим с помощью глаз; да, всё организовано геометрически, даже сами глаза построены геометрически, и настраиваются они геометрически.

Итак, мы можем сказать: поскольку человек своим мышлением, связанным с головой, противопоставлен миру, он до известной степени берёт обратно в себя то, что простёрто в универсуме. И поэтому, желая представить свою первую связь с универсумом, мы говорим: схватывание, вбирание универсума есть род взгляда назад на универсум. Оглядываясь назад в самих себя, находят универсум. Я бы сказал, мы имеем здесь самую крайнюю связь человека с универсумом, из которого был основан человек.

Мы продвинемся ещё дальше, если в качестве второго серьёзно рассмотрим, как затем человек оживает в себе воспринимаемое извне. Представьте себе: когда ребёнок рождается, он, собственно, имеет в себе всё, что пережил между смертью и новым рождением. Если бы он развивал сознание в этом направлении, то мог бы смотреть назад на то, что он пережил до рождения. Однако, пережитое там начинает потом проявлять себя внутри. Человек не только смотрит назад в себя, чтобы снова найти в себе универсум, но смотрит и вокруг себя. Он созерцает окружающий мир. Таким образом, мы можем сказать: чистого восприятия универсума больше нет, а есть взгляд в область универсума и восприятие подвижности универсума. Становятся внутренне подвижными.

Но вот третье: при рассмотрении первых двух положений видно, что человек, собственно, ещё не полностью пребывает в себе. Неся в себе универсум, скажем, как геометрию, в действительности он живёт во внешнем. Когда ребёнок проявляет себя, подражая внутренне универсуму, он живёт во внешнем. Как же человек оказывается внутри? Как он овладевает сам собой?

Стоит вам лишь однажды своей правой рукой осознанно обхватить свою левую руку, стоит вам только схватить самого себя — и вы уже целиком остаётесь в своём внутреннем. Вы осуществляете действие своей правой рукой, но то, что вы схватили благодаря этому, есть вы сами. Как при ощупывании своего окружения вы обычно дотрагиваетесь до

внешнего предмета, так же вы дотрагиваетесь до самого себя. Всякое обнаружение «Я», этой внутренней сущности, основывается, собственно говоря, на этом прикасании к самому себе. Кроме того, глазами мы делаем это отвлечённо. При рассматривании какого-либо места, правая и левая оси глаз перекрещиваются подобно тому, как правая рука ложится на левую. И животное имеет внутреннюю жизнь в меньшей степени вследствие того, что значительно меньше совершает это ощупывание самого себя. Итак, мы можем назвать третье: узнавание самого себя или ощупывание себя. Мы, собственно, находимся во внешнем мире и схватываем сами себя. Внутри нашей кожи нас ещё нет.

Но теперь в определённой мере мы рассматриваем границу между внешним и внутренним. Этот процесс обозначим так: передвигая вниз и вверх руку, когда правой рукой захватываем левую, мы описываем поверхность. В нас самих эта поверхность существует повсюду. Тут посредством своей телесной поверхности мы изолируем своё внутреннее. Итак, называем четвёртое: окружение себя (*Sich umschliessen*). Если вы живо вникаете в свои формы, поскольку кожа принимает эти формы, то имеете это окружение себя, самоограждение.

1. Воспринимание универсума. Взгляд назад.
2. Взгляд в универсум. Восприятие подвижности универсума.
3. Самоузнавание, ощупывание.
4. Окружение себя, самоограждение.

В этих четырёх ступенях перед нами предстаёт то, чем в действительности извне внутрь постепенно является форма человека: сначала весь универсум, здесь ещё находятся вне себя; затем подражая универсуму — к себе ещё не пришли, ему, универсуму, подражают. Дотрагиваясь до себя, приходят к себе вне самого себя. И только в четвёртом окружают себя, охватывают, ограждают.

В пятом мы должны искать внутри уже существующее, то, что нас наполняет, что нас пролетает и пульсирует в нас (*uns durchwellt und durchwebt*). Пятым мы можем назвать — наполняющее, которое нас пролетает и пульсирует в нас.

А теперь шестое: теперь, когда мы вошли в себя (благодаря тому, что определённым образом мы не только имеем кожу, но пространство, ограниченное кожей, даже заполнено), уже вступает то, что распускает форму и что в свою очередь снова образует форму, что не только внутренне наполняет человека, но делает его, скажем, подобным плоду, когда он созревает. Проследим плод вплоть до момента, когда он на грани того, чтобы созреть; он эту грань перескакивает, затем засыхает, начинает засыхать. Таким образом, здесь мы можем назвать шестое: созревание.

И потом вы однажды встанете перед этим созреванием. Созрев, мы начинаем снова до известной степени внутренне разрушаться. Мы точку прекращаем возродить человека. Мы являемся человеком, но внутренне мы разрушаемся, в известной мере внутри мы превращаемся в прах. Мы становимся минеральными. Вместе с тем мы снова включаемся во внешний мир. С этим заполняющим мы всецело находимся во внутреннем. Затем, превращаясь внутренне в прах, мы снова встраиваемся в минеральное. В некотором роде мы становимся более тяжёлым телом. Таким образом, мы можем назвать седьмое: встраивание в неорганический мир.

Однажды я уже описывал, как человек, если мы оцениваем его во время ходьбы, как он, собственно, ведёт себя подобно минералу. Здесь мы приходим к этому встраиванию себя во внешние силы природы. И мы можем сказать: это есть встраивание во внешние силы природы. Представьте-ка себе, как во время ходьбы вы сами себя встраиваете во внешние силы природы. Ведь если вы не идёте, как положено, вы упадёте. Таким образом, первое, что мы имеем при встраивании — это поиск равновесия.

Теперь восьмое: здесь мы приходим к тому, что уже не только встраиваем себя во внешний мир, но и воспринимаем его. Мы дышим, мы едим — мы вносим внешний мир внутрь. Прежде мы открывали в себе только уже находящееся внутри. Это, по существу, является открыванием себя. В таком случае это есть жизнь во внутреннем. Однако, во внутреннее мы вносим внешнее. Теперь, подходя к этому моменту, необходимо прежде всего хорошо уяснить себе, что всё воспринимаемое человеком снаружи является чем-то неподходящим его внутреннему.

Однако в действительности люди создают себе неправильные представления об этом принятии чего-либо извне. По сути дела, всё, что мы едим, до некоторой степени является ядовитым. Жизнь состоит именно в том, чтобы мы, принимая пищу, не допускали полного с ней слияния, а напротив — защищались, и в этой самозащите, в этой обороне и состоит собственно жизнь. Однако, именно те продукты, которые мы используем в пищу, так мало ядовиты, что мы можем им противостоять. Если же мы примем настоящий яд, он разрушит нас, ибо мы уже не сможем защитить себя от него.

Итак, мы можем сказать: с проникновением в нас внешнего мира в нас проникает некий род ядовитого жала. Тут необходимо выбирать точные выражения, но из современного языка, из сегодняшнего познания их не получишь. Вы должны понимать, что, собственно, я имею здесь в виду, излагая вам это.

5. Наполняющее.
6. Созревание.
7. Встраивание в неорганический мир. Поиск равновесия.
8. Ядовитое жало.

Этим человек уже доходит до того, что включает внешнее. Таким образом, пока мы оставили без внимания форму человека из универсума. Здесь мы прошли через форму человека внутри, причем, дойдя уже до того, где формируется внутреннее, защищаясь против внешнего.

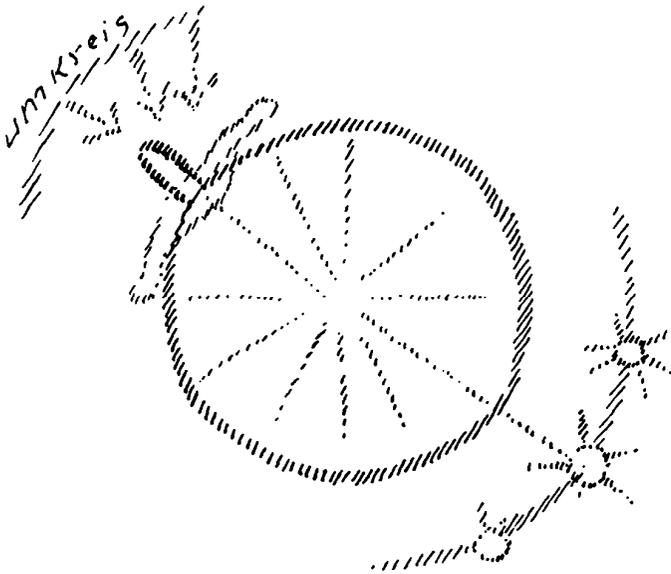
Но теперь человек формируется — по крайней мере, он формирует свою жизнь и даже отчасти свою собственную форму — в соответствии с тем, как он проявляет себя снаружи, как он действует снаружи. Так вот, наша деятельность, по сути дела, больше уже не связана как-либо сильно с человеком. Мы должны, по-видимому, вернуться в более ранние эпохи, если хотим понять человека, как он по-настоящему всё же встраивается как человек в окружающий мир, чтобы вносить в этот мир свою долю человеческого участия. И тут мы можем сказать: девятое — это уже деятельность человека, когда он участвует во внешнем мире, когда он встроен теперь в земные условия, а не в универсум. Во внеш-

ней жизни, в которую он встроен в известной степени культурно, вначале он является охотником. Девятое — охотник.

Действуя дальше, он продвигается вперёд — становится животноводом. Это уже следующая ступень. Десятое — животновод. Одиннадцатое — он становится земледельцем. Это следующая ступень совершенствования. И наконец, двенадцатое — он становится торговцем. Почему я не беру последующие виды деятельности — это вы увидите позже. Они являются вторичными видами деятельности. Собственно, первичные виды деятельности человека — это охотник, животновод, земледелец и торговец. Этим мы охарактеризовали человека относительно его формы, как он встраивается в земные условия: он либо охотник, либо животновод, либо земледелец, либо торговец. Итак, таковы были формы человеческой деятельности, человеческой земной деятельности.

9. Охотник.
10. Животновод.
11. Земледелец.
12. Торговец.

Теперь мы можем сделать следующий схематический рисунок как символизацию того, что мы наметили здесь. Прежде всего скажем, что здесь мы имеем Землю. Допустим, что на Земле у нас имеется человек. Обзором этих четырёх формирующих принципов он был выведен на окружность Земли, следовательно, он получил свою форму из окружения Земли. Здесь человек формируется изнутри (см. рис. на с. 227, слева). Вначале мы это опускаем и рассматриваем ту часть, где человек формируется от Земли как охотник и скотовод; кроме того, мы имели бы противоположное. Например, когда на человека действуют тут созвездия из окружения, то влияние созвездий, расположенных здесь внизу (внизу заштрихованное), приходит к человеку только через Землю, потому что их закрывает Земля, когда человек обнаруживается здесь (слева). Таким образом, относительно своих созвездий он руководствовался бы тут Землёй. А то, что расположено в середине, предоставило бы ему возможность формироваться внутри.

umkreis — окружность

Таким образом, можно сказать: эти четыре (верхние) этапа формирования человека (см. табл. на с. 228) выводят нас во вселенную; последние четыре этапа выводят нас на Землю и принимают звёзды во внимание в той степени, в какой они прикрыты Землёй. У четырёх средних этапов — звёзды и Земля уравниваются. Здесь человек находится в своём внутреннем.

Вы видите, что уже в древние эпохи чувствовали эти вещи и говорили: некоторая часть звёздного неба влияет на человека так, что она формирует его извне, из универсума. И различные звёзды должны были, разумеется, воспринимать в зависимости от следования эпох. Конstellации изменяются. Однако, мы примем в целом эпоху, в которой мы живём. Если поставить себя на точку зрения грека, который, вероятно, размышлял об этих вещах, то он бы сказал: звёзды, располагающиеся вблизи Овна, действуют снаружи, а также и те, которые расположены вблизи Тельца, Близнецов и Рака. Благодаря этим созвездиям: Овну, Тельцу, Близнецам и Раку — человек получает свою способность оглядывания назад, свою внутреннюю подвижность, восприятие

самого себя и самоограждения (см. табл. на с. 228 — 229). Через другие звёзды, расположенные там внизу на противоположной стороне Земли и закрытые Землёй, человек получает: своё бытие охотника — через Стрельца; бытие животновода, когда он обуздывает козла — Козерога; бытие земледельца, когда он изливает воду (сейчас мы берём, прежде всего, самое обыкновенное бытие земледельца), то есть с сосудом шагает по пашне и изливает воду, — через Водолея. А торговцем он становится благодаря той звёздной области, где находится то, что переносит его через море. Ибо в очень древние времена каждое судно создавали подобным рыбе. А два расположенных рядом корабля, которые, занимаясь торговлей, переправлялись через море, собственно, есть символ торговли. Итак, если корабли назвать «рыбами», то получаешь здесь двенадцатое — Рыбы.

В середине тогда имеют то, что располагается между ними, а именно — наполняющее, то есть действующее в человеке как наполняющая кровь. Итак, как лучше всего символизировать наполняющую кровь? Скорее всего, взяв то животное, у которого деятельность сердца является самой интенсивной — Льва. Созревание — стоит лишь посмотреть на поле, где зреет пшеница или рожь: колос представляет собой как раз то состояние, когда плодоношение достигает созревания — это Дева с колосом. Колос при этом является главным. А если внимательно посмотреть туда, где человек снова встраивается во внешний мир, то есть ищет равновесия — это Весы. А там, где он ощущает ядовитое жало, где он чувствует, что всё несколько ядовито — это Скорпион.

Формы человека из универсума: Голова

1. Воспринимание универсума.
Взгляд назад.	Овен
2. Взгляд в универсум. Восприятие
подвижности универсума.	Телец
3. Самоузнавание (ощупывание)	Близнецы
4. Окружение себя (самоограждение)	Рак

Формы человека внутри: Человек груди

5. Наполняющее	Лев
6. Созревание	Дева с колосом
7. Встраивание в неорганический мир	Весы
8. Ядовитое жало	Скорпион

Формы земной человеческой деятельности: Человек конечностей или земной человек

9. Охотник	Стрелец
10. Животновод	Козерог
11. Земледелец	Водолей
12. Торговец	Рыбы

Вы видите, что в древние эпохи фактически ощущали эту связь человека с универсумом и Землёй; только современные люди уже не в состоянии объяснить эти вещи. Они говорят: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев — и рисуют Овна и так далее, но, собственно говоря, не имеют никакого понятия о том, что означают эти вещи. На эти вещи тоже нужно смотреть правильно. Если вы посмотрите на древнее изображение Овна, то придёте ведь именно к тому, что тут, что и говорить, нет естественно-материалистического изображения Овна, а отличительным

Доска. 6

свойством является всё же то, что Овен оглядывается — и главным является этот жест. Это оглядывание Овна назад является главным. И этот взгляд Овна назад дан в оглядывании человека на самого себя, в этом оборачивании на универсум, который в нём живёт. Таким обра-

зом, нельзя созерцать Овна только естественно-материалистически. В этом смысле должно быть не некое отображение, а — жест оглядывания назад, чем всё и определяется. А посмотрите на древнее изображение Тельца — он всегда смотрит в сторону и прыгает! Этот жест, о котором идёт речь, снова является оглядыванием уже вокруг себя и внутренним возбуждением того, что живёт как всеобщий универсальный принцип. Итак, снова этот определяющий жест. А при созерцании Близнецов у вас действительно имеются правый и левый человек, только — это всегда один человек, и ничего другого не изображено, кроме того, что правая рука правого человека и левая рука левого человека обхватывают друг друга, переплетаются — и снова всё дело в жесте. Это есть ощупывание себя, осязание себя. Только правый и левый человек приведены именно как независимые люди, потому что человек до некоторой степени ведь ещё пребывает вне себя и посредством ощупывания самого себя ещё вносит в себя своего дорождённого человека.

Изолирование, окружение себя — это Рак. В свою очередь, созвездие Рака в нынешнее время воспринимают материалистически-натуралистически как изображение. Но чем же руководствовались те, которые восприняли созвездие Рака как символ этого окружения? Подразумевалось, что рак может окружить клешнями свою жертву, что он располагает клешни вокруг. Что ж, это присутствует даже в слове «сапсег»*, которое обхватывает, окружает человека, в самом слове ещё содержится это окружение себя. Рак — это охватывающее. Он, собственно, является тут как символ человека, запирающегося во внутреннем, человека, который не только ощупывает и осязает себя, но и заключает себя из внешнего во внутреннее.

Лев благодаря тому, что у него особенно развито сердце, как объект конечно представляет собой сердечное животное. Льва мы можем воспринимать прямо-таки как сердечное животное. Таким образом, по своей сути он представляет собой то, что должно быть намечено как пятый член.

У созревания стоит Дева с колосьями, и всё дело в этих колосьях, в этом состоянии вхождения плодоносящего именно в период засыхания. А весы являются лишь поиском равновесия. Скорпион, разумеется, —

* рак (лат.)

ядовитое жало. Стрелец же, в действительности, является животным, чем-то, обладающим животной формой, но переходящей впереди в человека, который имеет стрелу и лук. Это зодиакальный знак Стрельца: человек, имеющий стрелу и лук, кентаврообразно сидит на туловище животного. Итак, это является охотником.

Козерог — это, собственно, козёл, оканчивающийся рыбьим хвостом, следовательно нечто такое, чего в природе уже не существует. Нет козла с рыбьим хвостом. Но человек, приручая диких животных, становясь животноводом, делает диких животных такими ручными, какими являются ручные рыбы. Таким образом, здесь мы имеем художественную символизацию.

Водолей у нас — для земледелия. В те времена, конечно, всегда думали о воде и тому подобном, что в определённом духовном смысле уже имеет основание. И вы всё-таки увидите, что во внимание принимается его шествование, что в руках он держит два сосуда и изливает воду. Он поливает. Итак, он садовод, он земледелец.

И Рыбы — о них я уже говорил, что это торговля, поскольку на кораблях наверху находились рыбы головы, например головы дельфина, хотя дельфин и не является рыбой, но в древности его воспринимали так. Таким образом, это вполне может указывать на торговлю.

Именно эти вещи мы не можем рассматривать схематически, внешне, как это часто происходит в настоящее время. Мы должны исходить из этого формирования человека и уже отсюда рассматривать наше восхождение к связи человека с универсумом и Землёй. Благодаря этому мы постепенно учимся постигать человека, исходя из формы, — как часть, как члена всего универсума.

Этот вопрос мы можем уже постичь и с другой стороны. Попытаемся теперь осознать его со следующей точки зрения. Здесь у нас имеется, скажем, Овен. Если мы рассматриваем всё сначала с точки зрения древнего грека (например созвездия: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы), то, рассматривая человеческую форму, мы можем сказать: человек — возьмите всё, что я сказал, в совокупности — в отношении формы своей головы формируется извне, из универсума. Следовательно, исходя из греческой точки зрения, мы скажем: в отношении формы своей головы человек образуется из универсума. И потом это проявляет себя во внут-

реннем. Тут устанавливаются возможности для того, чтобы он становился симметричным. Но затем мы вынуждены понимать происходя-

щее во влиянии на человека через последнюю группу созвездий в обратном смысле. Здесь на человека оказывает свои влияния Земля. На него влияют формы деятельности. Если мы изобразим это (вверху) широко (см. рисунок), то на другой стороне (внизу) — лучше всего нарисовать узко, и можно сказать: когда человек хочет стать охотником, он должен особенно сильно сформировать то, что здесь может восприниматься как Стрелец. Вы знаете, что это является человеческим бедром. Его он должен иметь особенно крепким, если хочет стать охотником. Становясь животноводом, он должен много приседать. Если же он становится земледельцем, то должен ходить; поэтому он представляется шагающим и так далее. Для торговли, если символ хотят найти в самом человеке, то им станут ступни. И во всех случаях эти органы формируются снаружи. Тогда остальное находится в середине, где человек формирует себя сам.

Когда я схематически изображаю вам эту фигуру, в действительности она сама собой получается из двенадцати знаков зодиака. Мы можем сказать: здесь (в середине) универсум, звёзды действуют больше внутри человека; здесь (наверху) звёзды действуют снаружи, а тут (внизу) они его сплющивают. Но вы узнаете, конечно, в том, что я здесь набросал, форму человеческого эмбриона! И когда вы рассматриваете человеческий эмбрион, накладывая круг зодиака, вы действитель-

но должны изобразить его так, исходя из его собственной закономерности, так же, как, желая изобразить фигуру, включающую сто восемьдесят градусов, вы получаете треугольник. Когда вы рисуете круг зодиака таким образом, изменяете форму так, что проявляется его закономерность в отношении Земли, тогда через внутреннюю закономерность вы получаете форму человеческого эмбриона. А этим вы непосредственно обнаружили, что человеческий эмбрион формируется, конечно, исходя из всего универсума, что он является результатом универсума.

Перед этим я сказал, что следует поставить себя на точку зрения грека, так как сегодня мы уже не можем начинать в Овне, сегодня мы должны начинать в знаке Рыб. Ведь в знаке Рыб мы пребываем уже сотни лет, и именно в знаке Рыб происходит переход к интеллектуализму человека. Но возвращаясь вплоть до того времени, когда ещё был правомерен Овен, следовательно, когда о зодиаке можно было говорить в старом смысле, тогда вы имеете не более, чем Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб, и соответственно профессии: охотника, животновода, земледельца и торговца. Всё, пришедшее с промышленностью и тому подобным, уже принадлежит к Рыбам. Это уже является возобновлением. Однако представьте себе: мы живём в эпоху Рыб; здесь сформировалось всё то, что сегодня является нашей механической культурой и тому подобным. Возвращаясь назад от этой эпохи в эпоху Овна, мы ещё имеем четыре честные профессии, хотя и они представляют собой нечто усложнённое и видоизменённое, профессии, которые встраивают человека в природу. А затем можно углубиться дальше — в эпоху Тельца, в третий, второй, первый послееатлантические периоды, в последний атлантический, предпоследний атлантический и так далее: так возвращаясь, мы снова дошли бы до эпохи Рыб и нашли бы человека ещё совершенно эфирным существом, которое ещё не спустилось в физический мир. И поскольку теперь мы находим его в Рыбах, где когда-то он уже находился в качестве эфирного существа, он, по сути дела, повторяет то, что пережил тогда — во время собственного человеческого становления. Он повторяет это с середины XV столетия, но повторяет абстрактно. В то время он врос конкретно в свой человеческий род. С тех пор он вырастает в свои абстракции, ибо машина — тоже абстракция. С того времени — с тех пор, как вновь осуществляется эпоха Рыб — человек, собственно, встроен в то, что его освобождает. И когда человек в

свою очередь вновь придёт к Водолею, тогда это освобождение существенно продвинется дальше, но тогда, если он не будет придерживать духовного мира, он не сможет иметь, прежде всего, ни малейшей связи с миром. Именно ради этого возобновления человек должен вступить в духовный мир.

Уже отсюда вы можете вновь увидеть, что в действительности человек является тройственным существом: созданный универсумом, он является человеком головы; формируясь во внутреннем, но в соответствии с внешним миром, он является человеком груди, а формируя конечности и обмен веществ, именно при включении в земной мир, он является человеком конечностей или человеком Земли (см. табл. на с. 228 — 229).

Тройственность здесь налицо ещё и в другом отношении. Представьте себе, что когда человек приходит к рождению, в нём, собственно говоря, находятся первые четыре импульса сил. Потом он их только развивает, но даже тут он в определённом смысле является целым человеком. Остальные же восемь членов существуют в зачаточном состоянии. Голова является целым человеком, только остальные члены находятся в ней в зачаточном состоянии. Человек груди также является целым человеком, только первые четыре импульса сил и четыре последние существуют в зачаточном состоянии. Также и человек конечностей является целым человеком, только грудь и голова присутствуют в нём зачаточно. Таким образом, внутри человека в действительности включены три человека. Первый, человек головы, является, собственно, преобразованием прошлой инкарнации. Человек груди, по сути дела, пребывает сам по себе в нынешней инкарнации. А то, что человек совершает, как он действует во внешнем мире, что как раз и проявляется его конечностями и его обменом веществ, — это уже переносит его в следующую инкарнацию. То есть, даже в этом отношении человек является трёхчленным существом. Так можно изучать форму человека в её цельности.

Итак, на самом деле следовало бы сказать: рисуя человека, надо рисовать его голову. Тогда-то и имеют завершённого человека. То, что имеют завершённого человека, об этом говорит уже следующее: возьмём нижнюю челюсть — в действительности это ноги, только они обращены назад к голове; этот человек в отношении своих ног сидит. Голова — это целый человек, только ноги вывернуты, здесь — это нижняя

челюсть. Человек на них сидит, так что я мог бы нарисовать это так, как если бы здесь был нарисован весь человек, хоть и сидящий.

И опять-таки человек груди является именно целым человеком: руки в определённой мере являются внешними представителями эфирных глаз. И вновь — человек конечностей является целым человеком. Здесь, в свою очередь, например, глазами будут почки. Так что даже в отношении формы мы имеем трёх вдвинутых друг в друга людей, опять-таки следующим образом: в человеке, скрытом в голове, ставшем тут неким шаром, мы должны видеть то, что пришло сюда жить из предшествующей инкарнации; в человеке груди — непосредственно современного человека, а в том, что повсюду здесь ходит — это то, что продвигается в следующую инкарнацию.

Но в определённом смысле можно сказать: в современном человеке это происходит даже так, что нечто трёхчленное он имеет во всём своём функционировании. Возьмите человека конечностей и обмена веществ — он способен порождать целого человека. Стоит вам взять лишь зародыш человека, человеческий эмбрион в теле матери — и вы имеете человека конечностей и обмена веществ, который хочет стать целым человеком.

Взяв человека груди, вы видите, как в ребёнке, когда он ещё грудной, фактически связаны друг с другом как целое человек головы и человек груди. Следовательно, даже в подрастании человека вы имеете эту трёхчленность. И потом, когда человек уже не младенец, его воспитывают: голова человека в качестве воспитателя воспитывает другого человека — голова ребёнка воспитывает голову ребёнка, поскольку, по сути говоря, человек в отношении своей головы всегда остаётся ребёнком. Пожилым, то есть среднего возраста, он становится только в отношении среднего человека, человека груди, и совершенно старым — в отношении человека конечностей. Ведь люди замечают это, уже становясь старыми. И вот *согласно старой загадке*: в младенчестве ходят на четырёх, в среднем возрасте — на двух, а потом — на трёх, — люди замечают, что тут они стареют прежде всего. Они стареют снизу вверх. То есть, в отношении головы человек всегда остаётся чем-то вроде результата последней инкарнации. Голова действительно в течение всей его жизни остаётся, собственно, головой ребёнка. И уже можно сказать: педагогика должна, собственно, решать проблему, как лучше всего

осуществить, чтобы детскоголовый учитель сумел найти подход к детскоголовому ученику.

Кажется, что эти факты выглядят юмористически, но за ними скрывается глубокая истина, которую следует рассматривать только серьёзно, чтобы человек действительно мог получить правильный взгляд на самого себя.

Обдумайте однако то, что по сути дела голова человека является в действительности пассажиром, которого постоянно носит остальной человек. Голова вообще всегда держит свои ноги в сидячем положении; ходить самостоятельно она даже не собирается. Её постоянно носят, именно как человека, едущего в экипаже. Она, эта голова, по сути дела, действительно является пассажиром человека. Человек груди — это опекун человека. А человек конечностей является тружеником, тем, кого, подобно невольнику, используют в качестве непосредственно работающего человека, он является, собственно, человеком, который в настоящее время проходит испытания жизни. Поэтому голову тоже имеешь поскольку являешься головой как целый человек; об этом я неоднократно говорил. Поскольку себя охватываешь, окружаешь, являешься ещё головой; вплоть до Рака, включая его, ещё представляешь собой голову. Это получаешь от неба без своего участия. Здесь же (в середине) необходимо дышать и питаться — это воспитатель и нянька. А истинный труженик, он принадлежит к области Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб.

Вы видите, что таким способом теперь действительно можно разгадать форму человека в связи со всем универсумом. Эти факты, даже если они представлены вам не с педантичностью, а, я бы сказал, скорее в лёгком духе, вы должны воспринимать только совершенно серьёзно. Тогда вы увидите, что во всём том, что я сегодня сказал, с одной стороны, заключена возможность, исходя из всего универсума, постичь форму человека, а, с другой стороны, заключено в свою очередь то, что наполняет великим почтением перед древними познаниями людей, которые из своего инстинктивного ясновидения смогли вложить в свои символы зодиакального круга истинно человеческую науку необычайного рода. Мы сегодня, напротив, имеем такую науку, что в изображениях зодиака люди пялят глаза на Овна, но не знают, что главное заложено в том, что он оборачивается; пялят глаза на Тельца, не понимая, что су-

щественное — в том, что он прыгает и смотрит в сторону; а у Близнецов — это держание за руки, это охватывание, окружение себя и так далее. Всё в этой символике зодиакального круга чрезвычайно глубокомысленно, чрезвычайно знаменательно — каждый жест каждого отдельного знака. И там, где речь идёт не о каком-либо жесте, как например у Льва, там в виде символики избрано то, что в качестве знака уже содержит в себе жест, поскольку Лев имеет самое сильное сердцебиение — так избрана символика. Следовательно, во Льве представлено наполняющее. Таким образом, прамудрость древних времён можно воскресить вновь, если найти её сегодня в себе самом.

Сегодня я рассмотрел перед вами форму человека, завтра я хотел бы рассмотреть в связи с универсумом жизнь человека, а затем в третьем докладе мы рассмотрим в связи с универсумом душу человека.

Дорнах

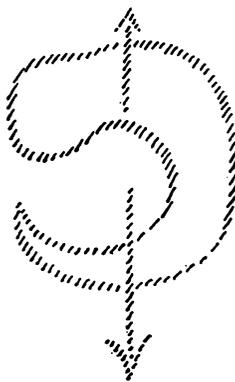
Суббота, 29 октября 1921 года.

Вчера мы говорили о формировании человека и видели, как образуется из вселенной его внешняя и внутренняя форма. Вместе с тем мы видели, как значительно прозревали люди во времена древнего инстинктивного познания эту связь человеческой формы со всей вселенной. Но при этом мы должны, однако, зафиксировать следующее. На одном из рисунков я показал, как в человеческую фигуру можно вписать весь зодиакальный круг. Но в таком случае в виде человеческой фигуры мы должны были нарисовать, собственно, эмбриональную форму человека. И нарисовав эту эмбриональную форму, мы прямо-таки скопировали в самой фигуре человека форму зодиакального круга. Но здесь, на Земле, в своей жизни между рождением и смертью человек в известной степени вырывает себя из этой эмбриональной формы. В течение эмбрионального периода он полностью сформирован из вселенной. Я бы сказал, что потом в течение своего земного периода он вытягивается. Благодаря этому он высвобождает наружу свою голову из круга, являющегося копией зодиакального круга. А вследствие того, что он извлекает свою голову, она больше не включается в небосвод неподвижных звёзд, хотя в течение периода своей физической жизни и имеет форму, обусловленную эмбриональным развитием; вследствие этого человек получает также возможность — прежде всего относительно формы головы — воспринять в эту форму то, что он переносит из предыдущей земной жизни.

Животное сохраняет свой позвоночник в горизонтальном положении. Голова у него лишь висит впереди на позвоночнике. Животное, в сущности говоря, гораздо больше удерживает за собой от этого зодиакального положения. Но впрочем, в связи с этим животное при помощи своей головы ничего не может воспринять от предыдущей земной жиз-

ни. Это имеет место при рассмотрении одной стороны формы человека, стало быть, когда мы себе говорим: если бы человек был точной копией зодиака, то он имел бы эту форму (эмбриона). Тогда, сохраняя во время жизни эту форму, он не смог бы через форму головы воспринять

Доска 8

свою сущность из предыдущей инкарнации. Благодаря тому, что он привлекает голову из этого положения, форма получает возможность быть оболочкой для приходящего из предыдущей земной жизни.

Но точно так же затем человек высвобождает свою другую сторону, ориентированную на последние образы зодиакального круга: Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб; то есть, как мы говорили вчера, сторону, ориентированную на внешнюю жизнь, на древние внешние соотношения жизни: охоту, животноводство, земледелие и торговлю, мореплавание. Благодаря тому, что человек из своего устремления, следовательно из системы конечностей, извлечённой им из зодиакальной ориентации, снова формирует эти функции, ему во всём том, что является этими его функциями, что вообще является человеческими функциями, предоставляется возможность иметь зародыш для следующих земных жизней. Животное же остаётся целиком ориентированным внутри зодиака. В связи с этим животное не имеет возможности что-либо воспринимать от предыдущей земной жизни или переносить в последующую земную жизнь. Поэтому зодиак, обозначенный нами в качестве ориентирующего круга, называется, исходя из глубокой мудрости древнего инстинктивного познания, именно зодиаком*.

* Дословно — круг животных, звериный круг (прим. перев.).

Из всего этого вы можете убедиться в основательности этой древней инстинктивной мудрости. И теперь, занимаясь сегодня духовной наукой, мы снова приходим к тем же фактам уже не из инстинктивного, а из ясного сознания. И благодаря этому мы снова постигаем то, что в древнем инстинктивном познании жило так, как я обозначил это здесь в последних лекциях. И чем больше мы знакомимся с этой древней мудростью человека, тем всё больше проникаемся к ней уважением. Это то, что прежде всего я хотел сказать вам о форме.

То, что у человека теперь в определённой степени вливается в эту форму, что излито в эту форму — это есть жизнь. Как мы находим форму локализованной в физическом теле, так эту жизнь человека мы находим локализованной именно в его эфирном теле. И будет правильно, рассматривая физическое тело человека, изучать его, судя по его форме, так как форма представляет собой существенное в физическом теле. К физическому телу присоединяется эфирное тело, а это эфирное тело человека представляет собой преимущественно то, что является жизнью. Итак, вчера мы говорили о форме, а сегодня будем говорить о жизни.

Вчера мы увидели, что форма составлена, собственно, из двенадцати различных форм, и попытались изучить эти двенадцать различных форм. Совокупная форма человека, внутренняя и внешняя, получается, как мы видели, из двенадцати отдельных форм. Жизнь человека таким же образом проистекает из ряда отдельных ступеней жизни. И эти отдельные ступени жизни в настоящее время могут предстать перед душой следующим образом.

Первое, что своим повседневным сознанием человек обычно ещё не рассматривает как жизненную ступень — это жизнь чувств. Органы чувств, конечно, включены в целое человеческое существо, но они так сильно расположены на периферии, в очертании человека, что в повседневной жизни человек, собственно, забывает, что эта жизнь чувств является самым внешним слоем его жизни. Однако на поверхности мы имеем этот самый внешний слой нашей жизни — жизнь чувств.

Если мы идём дальше во внутреннее, ограничивая себя при этом рассмотрением жизни, то приходим к продолжению жизни чувств внутрь. И эта жизнь чувств продолжается внутри в жизни нервов. Нервы ведь идут внутрь от органов чувств. Жизнь нервов продолжает жизнь чувств.

Но теперь жизнь нервов в свою очередь приходит в соприкосновение с другой жизнью, с другой жизненной ступенью, разворачивающейся в человеческом живом организме. С определённых точек зрения я уже это охарактеризовал в связи с предыдущим. Я обратил ваше внимание на то, как человек вдыхает. Вдыхая, он воспринимает вдыхаемый воздух. Этот вдыхаемый воздух прежде всего приводит человека в некий род внутреннего ритма. Он продолжается через канал спинного мозга вплоть до головного мозга. И я обращал внимание на то, что основывается на этих продолжениях. Здесь жизнь нервов приходит в контакт с жизнью дыхания. И следующей ступенью жизни при продвижении внутрь действительно является жизнь дыхания.

Жизнь дыхания в свою очередь снова смыкается с другой ступенью жизни. Дыханием, если мы можем так сказать, постоянно обновляется кровь. Вместе с тем ритм дыхания связан с ритмом крови, и мы можем перейти от жизни дыхания к жизни циркуляции, к жизни, содержащейся в ритме циркуляции.

Циркуляция же по другую сторону вновь связана с общим обменом веществ. Циркуляция присоединяет обмен веществ, так что мы приходим к следующей жизненной ступени — к обмену веществ.

В свою очередь обмен веществ стимулирует совершаемое нами во внешнем движении. Только благодаря тому, что человек живёт обменом веществ, он может передвигаться снаружи. Человеческий обмен веществ — а также и животный — создан ведь так, что душа человека может использовать происходящее в обмене веществ, чтобы благодаря этому порождать движения. И в этом случае мы приходим к жизни движения. Здесь мы снова уже включаемся во внешний мир. Тут во внешнем мире мы участвуем тем, что мы сами порождаем.

А кроме того, есть ещё следующая жизненная ступень. Это жизнь воспроизведения, жизнь размножения. В действительности в движении человек непрерывно расходует самого себя, и должно иметь место внутреннее воспроизведение именно потому, что человек находится в движении. Так что, если оставаться внутри кожи человека, то вместо жизни движения можно было бы также написать её коррелят — внутреннее воспроизведение. А если это воспроизведение, сверх того, выступает самостоятельно, то оно возникает в жизни размножения, в непосредственной жизни воспроизведения.

1. Жизнь чувств
2. Жизнь нервов
3. Жизнь дыхания
4. Жизнь циркуляции
5. Жизнь обмена веществ
6. Жизнь движения
7. Жизнь воспроизведения.

Как вчера мы развили двенадцать элементов формы, составляющих совокупную форму человека, так сегодня мы развили семь ступеней жизни. Эти семь ступеней жизни в действительности таковы, что на этих различных ступенях жизни человек относится к своему эфирному телу по-разному. Мы не можем говорить о некоей отдельной расплывчатой жизни, если хотим рассматривать эти вещи серьезно.

Вначале наше эфирное тело живёт, если я могу так сказать, в слое чувств. В слое чувств оно живёт жизнью чувств. Эта жизнь в слое чувств такова, что в действительности мы ощущаем её едва ли больше, чем жизнь. Благодаря этому мы участвуем во внешнем мире. Если мы имеем тут, например, глаз, то наше эфирное тело, скажем, пронизывает его. Оно живое. Вследствие этого оно некоторым образом оживляет глаз. Оно же соприкасается с материальностью глаза, находящегося в состоянии умирания. Только благодаря тому, что эфирное тело всё ещё пронизывает этот глаз, он является живым органом. В действительности он является физическим аппаратом, за исключением пронизывающего его эфирного тела.

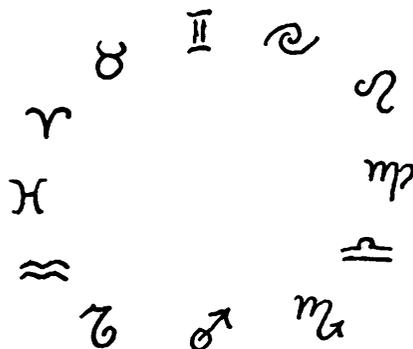
У различных же органов это сформировано по-разному, чтобы они, с одной стороны, были физическими аппаратами, и, с другой стороны, пронизаны эфирным телом. Но в общем и целом несомненно то, что органы чувств в действительности являются мёртвыми органами, которые в полном смысле слова пронизаны эфирным телом. Так что жизнь органов чувств можно, по-видимому, назвать умирающей жизнью.

Жизнь нервов, напротив, из того, что переживается в органах чувств, формирует то, что потом может сохранять эту жизнь чувств. Все отзвуки и последствия, например когда мы рассматриваем глаз, покоятся на жизни нервов, так что в жизни нервов мы имеем некий род статической жизни, можно сказать, некую статическую или сохраняющую жизнь.

По сравнению с этим жизнь дыхания приводит эту сохраняющуюся и мимолётную жизнь чувств к образности. То, что мы можем создавать себе картины внешнего мира, основывается на соприкосновении ритма дыхания с нервными потоками. Мысли, абстрактные мысли, ещё полностью связаны с жизнью нервов, но образное, наглядное, связано с жизнью дыхания. Так что можно сказать: здесь мы имеем образную жизнь. Следовательно тем, что мы дышим, мы создаём в себе образную жизнь. Эта образная жизнь живёт, конечно, в человеческой форме. Вследствие того, что она живёт в человеческой форме, она принимает в ней участие.

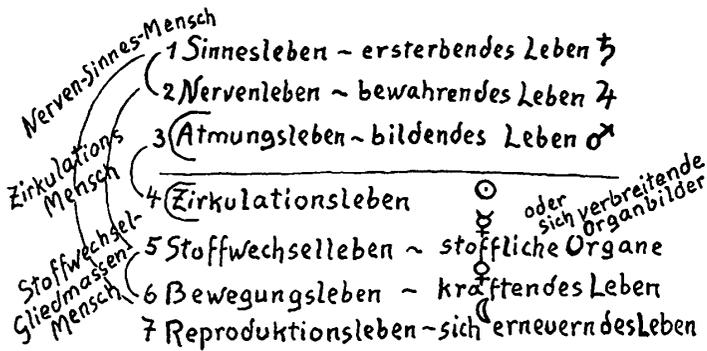
Человеческая форма, как мы видели, сформирована в соответствии с зодиаком. Вместе с тем именно эта образная жизнь, передаваемая через дыхание, живя в форме человека, тоже участвует во всей внешней, сформированной из звёздного неба форме. Благодаря этому эта форма внедряется даже во внутреннее человека. И, кроме того, на дыхании основывается, что из процесса дыхания исходит не только то, что человек осознаёт, но из процесса дыхания, прежде всего, переходят во внешнюю форму копии образов всех без исключения внутренних органов. Следовательно, внутренние органы образуются окольным путём через процесс дыхания вначале в виде образов. Здесь они ещё не мате-

Доска 8

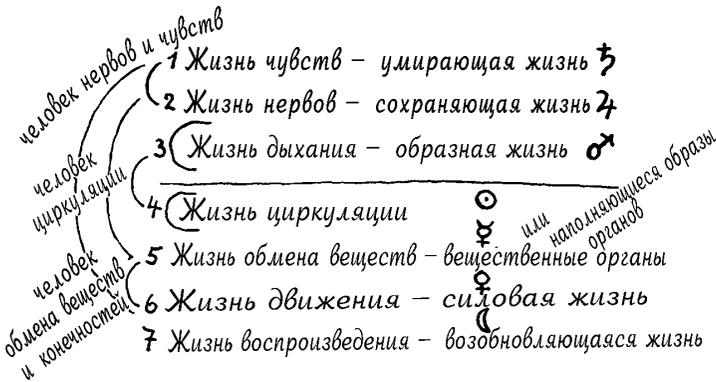

риальны. Дыхание формирует сначала образ человека, образ внутреннего человека. Во время нашего дыхания — ведь дышим мы в мире и вращаемся с Землёй в зодиаке — мы непрерывно вдыхаем образы нашей внутренней организации. Из внешней жизни мы вдыхаем образы нашей внутренней организации. Так что мы можем сказать: здесь мы имеем образную жизнь. Эти вдыхаемые тут образы теперь распростра-

няются посредством жизни циркуляции по всему организму. Жизнь циркуляции и жизнь дыхания совместно приводят человека к тому, чтобы он был образом мира. Следовательно, мы можем сказать: здесь образная жизнь, — а затем сказать: распространяющиеся образы, распространяющее себя, образы органов, распространяющие себя.

Доска 7

Но благодаря тому, что жизнь циркуляции примыкает к обмену веществ, в эти образы включается вещество, и на пятой ступени жизни возникают материальные органы. Вещество (материя) медленно проникает в образы. Оно проявляет образы. Следовательно, благодаря нашему верхнему человеку, благодаря жизни нашего дыхания мы получаем свой внутренний образ и в определённой степени превращаем эти обра-

зы в реальность посредством проявляющего вещества, которое постепенно проникает в них.

Из жизни движения в вещественные органы вдвигается сила. Так что мы можем сказать: мы имеем вещественные органы и здесь — силовую жизнь в органах. А жизнь воспроизведения в таком случае является возобновляющейся жизнью.

Здесь вы одновременно видите, как сформирован трёхчленный человек: человек нервов и чувств; человек циркуляции и ритма; человек обмена веществ и конечностей или человек обмена веществ и движения. Однако, через воспроизведение уже вновь возникает новый человек.

Эти свойства, приписанные мной здесь справа, дают вам представление о различиях, существующих между ступенями жизни. В то время, когда наше эфирное тело живёт в органах чувств, оно в некотором роде живёт умирающей жизнью. В сохраняющей жизни оно живёт, когда находится в жизни нервов, в потоке нервов. В жизни дыхания наше эфирное тело действительно становится настоящим телом образующих сил, которое проецирует образы. А жизнь циркуляции содействует тому, чтобы эти образы действительно стали потом общей внутренней организацией. Веществом (материей) это заполняется из жизни обмена веществ. Вместе с тем, пронизывая обмен веществ, эфирное тело извлекает собственное силообразующее тело. А затем через жизнь конечностей входит личная человеческая сила и так далее.

Впрочем, древняя инстинктивная мудрость прозревала эти связи. Она знала, что человек воспринимает жизнь извне и продолжает формировать её внутри, действительно продолжает формировать внутри. Примерно так представляли себе этот вопрос древние мудрецы. Они говорили себе: „Если мы берём самый внешний слой земной окружности, мировой сферы, потом берём следующий слой и затем — самый дальний слой, то ближе всего к неподвижному звёздному небу, то есть к тому самому во вселенной, чему человек обязан своей формой, мы имеем самый внешний слой. Жизнь человека — говорила тогда эта древняя инстинктивная мудрость — вливается в него не из небосвода фиксированных звёзд, а из планетарного неба”. Тут она прежде всего выделяла Сатурн, Юпитер, Марс и Солнце. Если мы внимательно рассмотрим Солнце в его истинном бытии — я уже много раз говорил об этом истинном бытии Солнца, — то оно отличается от остальных членов

планетной системы, относящейся к Земле, тем, что оно предстаёт как источник света, поэтому в популярной астрономии его и называют фик-

Доска 7

сированной звездой. Оно предстаёт как источник света. В этом отношении оно отличается от других членов (планетной системы), выступающих не как источники света, а как отражения. Поэтому даже в популярной астрономии говорят: они получают чужой свет, они отражают свет Солнца. В общепринятом понимании Солнце само создаёт свет, другие планетарные тела свет отражают.

Вообразите себе разницу: либо имеешь Солнце, позволяющее своей собственной сущности в свете выходить из себя, либо имеешь другие небесные тела, планеты, показывающие только внешнюю картину своего существа, до некоторой степени только то, что они несут на поверхности, благодаря чему выявляется, что они отражают солнечный свет. Это существенное отличие. Но в известной степени, являясь источником света, Солнце является также источником жизни.

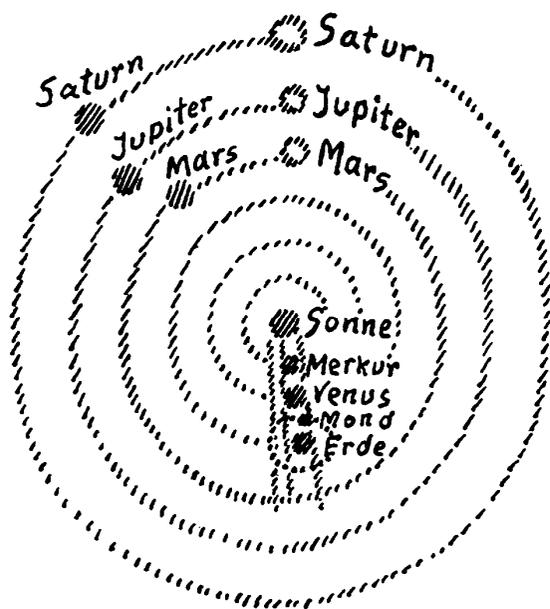
И, кроме того, оно является ещё источником другого. Во все времена уже внутри инстинктивного познания говорили о некоей тройственности Солнца: о Солнце как источнике света, источнике жизни и источнике любви. Это триединство непременно содержится в Солнце.

Доска 8

Солнце	{	<ul style="list-style-type: none"> источник света источник жизни источник любви
--------	---	--

Так что вам вовсе не нужно сегодня разрушать систему мира Коперника, вы вполне можете её сохранить. И всё же, исходя из этой системы Коперника, можно осознать то, что подразумевали в своей системе мира древние, имевшие инстинктивное космическое познание. Итак, мысля в духе Коперника, допустим, что Солнце находится тут в середине, или, по моему разумению, в центре, но сейчас мы можем оставить

Доска 8

это без внимания; вокруг него вращаются Меркурий, Венера, Земля, Марс — астероиды мы можем сегодня оставить вне поля зрения, — Юпитер и Сатурн.

Но мы рассмотрим этот вопрос так. Изобразим здесь положение, которое ведь тоже вполне возможно, когда тут (наверху) мы имеем Сатурн, Юпитер и Марс, а теперь приходим к Солнцу, Меркурию, Венере и к Земле с Луной, которую, конечно же, мы располагаем здесь таким образом.

Такое положение теперь, разумеется, нет необходимости рассматривать серьёзно, но я изложил его только для того, чтобы показать вам,

что вместо системы Коперника вполне может иметь место также и последовательность, которую воспринимали древние: Луна, Венера, Меркурий, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Нужно только так воспринимать констелляции, что именно по одну сторону от Солнца располагается Земля, а где-либо по другую сторону — внешние планеты. И вовсе не обязательно, чтобы имела место такая позиция противостояния или позиция соединения, это ведь может происходить даже чередуясь, попеременно — но эта последовательность тоже вполне возможна. И эту последовательность имела в виду древняя инстинктивная мудрость.

Почему? Потому что эта последовательность казалась ей важной. Древний человек говорил себе: допустим, что здесь на Земле живёт человек. Человек подвержен влиянию универсума. Он испытывает воздействие солнечных лучей. Солнечные лучи являются для него прежде всего источником света, источником жизни и источником любви. Благодаря этому в него входят свет, жизнь и любовь. Солнце является их источником. Однако, человек подвержен не только жизни, любви и свету Солнца, но также и воздействию образного со стороны Сатурна. Если бы человек, развиваясь на Земле, был подвержен воздействию только солнечной жизни, то он не смог бы развить жизнь своих чувств. Возьмём глаза — первый орган чувств: они не выделились бы как физический аппарат. Они располагались бы внутри подобно какой-либо другой части человеческого тела. Они были бы неким мышечным органом или чем-то вроде сосуда. Следовательно, если бы человек непрерывно был подвержен действию Солнца, он как раз не смог бы развить свои глаза, а также и другие органы чувств. Тем, что он может развивать органы чувств, он обязан тому обстоятельству, что Сатурн, движущийся по самой внешней сфере, ослабляет влияние Солнца. То есть этот Сатурн в некоторой мере иссушает сосуд, и благодаря этому, грубо говоря, возникает физический аппарат. Так что, исходя из этого инстинктивного познания, к которому мы сегодня приходим снова, древний человек говорил: жизнь чувств является результатом воздействия Сатурна.

И второе: человек, кроме того, подвержен не только влиянию жизни Сатурна. Если бы он непрерывно подвергался влиянию жизни Солнца, он не смог бы развивать не только органы чувств, но также и жизнь своих нервов. Жизнь нервов иссушается, в противном случае она бы разрослась. Нервы также превратились бы в органы подобные муску-

лам. Это иссушающее в жизни нервов соответствует воздействию Юпитера. Так что древний человек говорил: жизнь нервов обусловлена Юпитером.

Обратите внимание, что Сатурн оборачивается вокруг Солнца приблизительно за тридцать лет. При этих обстоятельствах живущий на Земле, конечно, переживает примерно один раз ситуацию, когда Сатурн до некоторой степени закрыт Солнцем. Если человек имеет счастье получить особенно сильно закрытый Солнцем Сатурн, то в жизнь его чувств забрезжит сильная жизнь Солнца. Можно сказать, глаза или другие органы чувств — по крайней мере мы, разумеется, при этом принимаем во внимание глаза; мы, конечно же, охотнее всего рассматриваем на их примере, так как они являются самым ярким примером — глаза в таком случае получают некий импульс. Итак, если человек во время своей земной жизни переживёт однажды констелляцию, когда Сатурн до известной степени не действует на его органы чувств, то возможно он обнаружит, что прямо через его органы чувств совершается особое космическое воздействие. Он получит некий импульс. Он станет чувственно более восприимчивым. Такие вещи существуют. В таком случае люди пытаются объяснить их чем угодно, кроме того, чем они являются.

В настоящее время существует вполне обширная американская литература на эти темы. Например, появляется *Уильям Джеймс* и говорит о всевозможных «побуждениях». Он говорит о том, что есть люди, в которых жизнь претерпевает некое особенное оживление. Просмотрев когда-нибудь книги этого Уильяма Джеймса или его учеников, вы обнаружите, что речь идёт об особенном феномене, когда в какое-либо время человек испытывает некий особенный импульс. Люди, конечно, не знают, отчего это приходит, не знают, что это приходит оттого, что наступает такая констелляция либо с Сатурном, либо с Юпитером. Когда закрывается жизнь Сатурна, особенно возбуждается жизнь органов чувств; когда закрывается жизнь Юпитера, что, впрочем, возможно в ещё большей степени, поскольку Юпитер оборачивается каждые двенадцать лет, то есть быстрее, тогда человек обнаруживает возбуждение жизни своих нервов.

Все эти вещи, отмечаемые здесь, откладываются в подсознании. Это подсознание для всех людей типа Уильяма Джеймса, типа психоанали-

тиков, сегодня есть сущее ложе гнили. Это подсознание вообще является чисто негативным понятием, оно есть плевательница, в которую можно выплёвывать всё, что уже не имеет в жизни никакого объяснения. Это подсознание — настоящий плевательный горшок. В таком случае нужно всё — сюда, сюда, сюда; здесь внутри находится сокровенная «провинция» души, не правда ли, которая при случае затем реагирует и так далее. Было бы в высочайшей степени желательно, чтобы все эти прагматические теории когда-нибудь получили более основательное освещение.

Теперь третья планета — Марс. Он ослабляет напряжённость жизни дыхания. У него тоже, разумеется, бывает, что его закрывает Солнце. В таком случае жизнь дыхания может получить особый импульс. Но поскольку Марс очень быстро, примерно в течение двух лет, обращается вокруг Солнца, то дело обстоит так, что это испытывает почти каждый человек в жизни своего дыхания, в своём переживании образа получает определённые импульсы. Они, конечно, не всегда бывают самой высокой степени, но люди, получив импульсы в жизни своего дыхания, становятся тогда поэтами или кем-то подобным, или композиторами. Вот только в таком случае происходит это не так глубоко, чтобы людям, подобным Джеймсу, потом продолжать философствовать на эту тему. Это считают чем-то объяснимым. Итак, древние мудрецы с инстинктивным познанием рассматривали Марс как инициатора жизни дыхания.

Затем предстаёт сама жизнь Солнца, которая иницирует человека, само Солнце, Солнце как возбудитель жизни, любви и света, возбудитель внешнего света, возбудитель внутренней любви и в соединении с внешним миром возбудитель жизни. Эта жизнь Солнца теперь перемещается в середину между жизнью дыхания и жизнью циркуляции, куда её поместила уже древняя мудрость. Однако, между жизнью дыхания и жизнью циркуляции располагается сердце — не мотор, а выражение того, что разыгрывается между циркуляцией и дыханием.

И затем мы приходим к обмену веществ. Как сказано, древняя наука рассматривала в этом случае конstellации так: рассматривая Меркурий, она направляла основное внимание теперь не на то, насколько его может закрывать Солнце, как например другие планеты, а насколько он закрывает Солнце по отношению к Земле, то есть на то, что он закрыв-

вает Солнце. Как существенное для Меркурия древняя мудрость рассматривала положение между Солнцем и Землёй. Для Юпитера древняя мудрость рассматривала как существенное положение за Солнцем. В случае Меркурия она считала важным для развития жизни человека положение между Солнцем и Землёй. Здесь Меркурий закрывает Солнце. Обычно Солнце всегда закрывало другие планеты — здесь Меркурий закрывает Солнце, то есть он ослабляет жизнь. В то время как благодаря этому совершается действие по ослаблению жизни Солнца, во внутреннем действует ослабленная жизнь. Если бы эта жизнь не ослаблялась, человек, принимая что-либо в себя, тотчас же снова, простите, изрыгал это; он совсем ничего не терпел бы в себе из внешнего вещества — это непрерывно вызывало бы в нём рвоту. Тогда он отучился бы есть, так как это сильно докучало бы ему. Так уж сильна в человеке жизнь Солнца. Таким образом, если бы существовала только жизнь сердца, то есть солнечная жизнь, то ничего из веществ человек не смог бы перерабатывать в себе. У него тотчас же начиналась бы рвота. Человек имеет возможность развивать обмен веществ исключительно благодаря тому обстоятельству, что жизнь Меркурия несколько ослабляет здесь жизнь Солнца. Так что на этом основании древняя мудрость представляла себе действие меркуриального существа из космоса включённым между жизнью циркуляции и жизнью обмена веществ. Таким образом меркуриальное существо продвигает вещество через весь человеческий организм в отдельные органы. А сила вгоняется при помощи жизни движения.

Ну а жизнь движения зависит совершенно так же от жизни Венеры, как жизнь обмена веществ — от жизни Меркурия. Поэтому древняя мудрость приписывала жизни Венеры вот эту самую втекающую силу, то есть это внутреннее самовозрождение, это ощущение в себе одного-двух силачей.

Жизнь Луны, которая сама располагается вблизи жизни Земли, действует уже не только ослабляющее, чтобы человек перерабатывал вещество, перерабатывал силу. Однажды я уже разъяснял, на чём покоится воспроизведение: делается выемка — в определённой мере оттесняется органическая материя. Формирование зародыша в человеке основывается на том, что оттесняется органическая материя и из космоса организуется эмбрион, по сути дела, в соответствии с его силой. Жизнь вос-

произведения в этом отношении основывается на жизни Луны.

Как вчера я смог представить вам связь человеческой формы с небосводом неподвижных звёзд, так и сегодня я стараюсь показать вам, как не только в соответствии с древней инстинктивной мудростью, но и в соответствии с новой антропософской наукой жизнь человека на её различных ступенях связана с планетарно-космической жизнью. А происходит это благодаря тому, что жизнь в самом деле видоизменяется по-разному вследствие различного положения Земли по отношению к членам планетарной системы и к её центральной точке, Солнцу. В верхнем человеке она превращается в умершую, сохраняющую, устремлённую к формированию. В нижнем человеке она ослабляется, так что человек в состоянии воспринимать от Земли вещественное и силу Земли. Человек в свою собственную силу просто воспринимает силу отталкивания Земли и благодаря этому образует силу своих органов и так далее.

Как мы видим, жизнь человека происходит также из космоса.

Здесь мы уже можем себе сказать: поднимая взор к небосводу неподвижных звёзд, мы видим в небосводе неподвижных звёзд — именно в образах зодиакального круга — представителей созидания человеческой формы. Когда мы наблюдаем движение планет, из космоса нам проясняются различные ступени человеческой жизни. Мы устремляем взор до Сатурна, воспринимая жизнь чувств, до Юпитера, воспринимая жизнь нервов, до Марса, воспринимая жизнь дыхания. Эта жизнь дыхания действует образно.

Эту жизнь дыхания мы подчёркиваем тут особо. Я говорил вам: из космоса воспринимаются образы — это форма. Следовательно то, что переживается в движении из зодиака, струится внутрь до некоторой степени как образы внутренних органов. Человек же между рождением и смертью стоит на Земле. Нижнее воздействует на верхнее. Вследствие этого всё всегда формируется полярно. Эти образы, конечно, проходят внутрь, иначе, если бы они не проходили внутрь, и вещество не могло бы их извлекать — мы не имели бы никаких органов. Но повсюду возникает некое визави. Так что мы можем сказать: когда мы дышим, внутрь вгоняются образы, скажем, например образ почки. Затем его наполняет вещество (красное); снова он возникает напротив — но уже выше. То есть, эти образы до некоторой степени снова отражаются в отзвуке. Таким образом, человек уже однажды воспринял эти образы.

Доска 8

Вы не должны думать об одновременности, эти органы тут уже существуют. Разумеется, человек сформировал эти вещи в первые периоды своего земного бытия, но то и дело может происходить кризис (*der Rückschlag*). Завтра мы увидим, как в этом участвует душевное. Ухудшение происходит непрерывно. Так представьте себе орган: вы воспринимаете образы своих внутренних органов вместе с жизненным процессом. Это в свою очередь отталкивается обратно, то есть поднимаются, возвращаются отзвуки этих образов — тоже зодиак — главным образом с жизнью дыхания. Что ж, вам стоит только подумать о своих ушах — и вы в этом случае имеете эту отдачу, возврат. Эти образы формируются в воздухе — это гласные и согласные! От планет приходят больше гласные, от образов зодиака приходят согласные. Эта отдача, этот возврат есть речь. То, что входит, образует органы. А то, что возвращается обратно, живёт в речи. Согласные и гласные, в определённой степени загнанные в нас, формируют основу наших органов. То, что в нашем внутреннем является скорее формой, приходит больше от образов зодиака, то же, что является скорее жизнью, приходит больше от планет. Если больше отражается жизнь, мы вокализируем, если же больше отражаются формы, мы консонантизируем. Это всё определённым образом связано с жизнью дыхания. Так в речи вы ясно видите то, как она связана с жизнью дыхания.

Посмотрите, уже больше ничего не получается из стремления объяснить человека, положив его на анатомический стол и исследуя находящееся внутри его кожи. Это ничто иное, как если некто рассматривает магнитную стрелку, не желая принимать во внимание того, что сама Земля является большим магнитом, так что извне один конец стрелки приводится на север, а другой — на юг. Если бы кто-то непременно пожелал объяснить, почему эта магнитная стрелка именно в себе самой имеет тенденцию устанавливаться в одном направлении — ибо я её поворачиваю, а она снова всегда возвращается, — если приписывали бы это ей, измышляя таким образом некую теорию, почему магнитная стрелка так устанавливается из себя самой, и если не хотели бы принимать во внимание того, что её направляют земные силы, то совершили бы то же самое, что в настоящее время совершают в рамках анатомии и физиологии, когда хотят объяснить человека из того, что находится в пределах его кожи. Это нельзя объяснить, исходя из находящегося внутри его кожи. Все люди, желающие объяснить, например речь, исходя из того, что существует внутри человека, стоят на ступени этого объяснения магнитной стрелки, между тем истина состоит в том, что человек воспринимает в себя в соответствии с формой жизнь неподвижных звёзд, возвращает её в отражении, благодаря чему образуются согласные. Он воспринимает движения планетарной системы, которые вызывают его собственную жизнь. Здесь это формируется образно именно благодаря жизни дыхания. Однако, это отражается и благодаря этому возникают гласные. Человек понятен в своей речи, только если согласные объясняют из группировок неподвижных звёзд, а гласные — из движений планет, соответственно, из расположения планет друг над другом, если таким образом из всего космоса объясняют то, что говорит человек.

Здесь, в Солнце, вы имеете в определённой степени середину (см. схему на с. 245, горизонтальная линия). Если вы возьмёте три верхних члена, то получите верхнего человека. Если берёте три нижних члена, то получите нижнего человека, жизнь же воспроизведения порождает нового человека. Возьмите теперь жизнь дыхания и жизнь циркуляции. Главным образом — это жизнь циркуляции, которая отражает планетарное движение. Наше кровообращение, по сути говоря, есть ничто иное как отображение планетарной жизни. Можно даже сказать: из

жизни циркуляции приходят гласные, а из жизни дыхания приходят согласные. И теперь вы вновь получаете удивительное соединение. Жизнь обмена веществ вы можете связать с жизнью нервов; жизнь движения вы можете присоединить к жизни чувств. А жизнь чувств связана с Сатурном, с движением Сатурна. Движение Сатурна, если я могу так сказать, ближе всего проходит от зодиака, точно так же как в жизни движения человек отображается лучше всего во внешнем мире. Поэтому, желая через человека отобразить космические тайны, имеют на одном полюсе жизнь чувств, а на другом полюсе — жизнь движения, и отсюда получают — эвритмию. Таким образом, в эвритмии можно непосредственно видеть отображение периферической космической связи человека. Пока я хотел это только обозначить.

Итак, сегодня я хотел показать вам, какова взаимосвязь человека с космосом в отношении его жизни. Вчера я представил вам связь человека с космосом в отношении его формы. Завтра мы уже перейдем к рассмотрению третьего элемента человека в его отношении с миром — его души. В этом случае будут рассмотрены: форма, жизнь и душа. Итак, завтра мы наделим душу человека космической жизнью.

Дорнах

Воскресенье, 30 октября 1921 года.

Мы попытались рассмотреть связь человека с универсумом в отношении его формы и его жизни. Мы видели, как в определённой мере по-разному человек присоединён к универсуму со стороны головы и со стороны конечностей. Все эти вещи в основном действительны, разумеется, для периода человеческого развития, в котором мы находимся — для послееатлантического времени. И вы непременно должны уяснить себе, что сказанное именно о мировых явлениях всегда может иметь значение только для определённой эпохи, ибо мир, развиваясь, коренным образом изменяется в следующих друг за другом стадиях своего развития.

Мы видели, как человек в отношении формы до известной степени вырывает себя из своего присоединённого к зодиаку бытия, — то есть в противовес животной голове, расположенной внутри зодиака, он выдвинут и определённым образом повернут на девяносто градусов. Ведь эта часть человека, этот край головы (Kopffende) человека заполнен жизненным бытием, имеющим до определённой степени склонность к неорганической, к безжизненной природе. На этом краю человека существует более или менее заходящая, умирающая жизнь. Стало быть, этот край человека предстаёт нам таким, что не только форма, но сама жизнь вырывает себя из связи с космосом в этой части. И благодаря тому, что она вырывается, она приводится до известной степени в некий род оцепенения, в некий род начинающейся безжизненности.

Ведь то, что мы несём в себе как люди, здесь является по существу результатом прошлого развития. Стоит вам только подумать, прежде всего, об индивидуальном в человеке, и вы вспомните, как, разъясняя, я повторял, что голова человека является метаморфозой другого человека из прежнего жизненного пути, так что голова указывает на прошлое, в

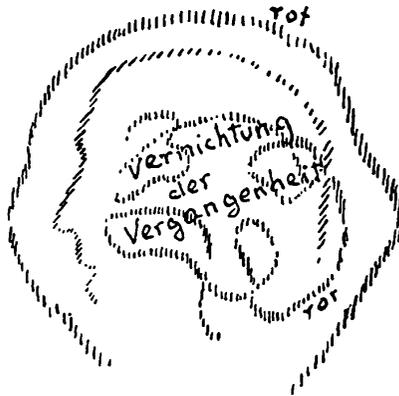
то время как — мы должны это особо подчеркнуть — человек конечностей указывает на будущее.

В самом деле, ведь именно этот край головы человека обычно отсылает нас в космические дали прошлого. Мы конечно знаем, что голова преимущественно является носителем органов чувств. Кроме того, вы знаете, что органы чувств испытали свою первую закладку во время древнего сатурнического периода. Сформированные органы чувств — ведь формирование органов чувств происходило каждый раз снова во время солнечного и лунного периодов, — а, значит, самые совершенные органы чувств отсылают в самые ранние периоды развития Земли. То есть всё в человеческой голове указывает на прошлое, и в некотором отношении можно сказать: так как во время земного бытия образовалось минеральное царство, голова человека как старейшее образование сильнее всего участвует в этой минерализации человека. И кроме того, вырываясь из космоса, человек во время своей жизни между рождением и смертью в некотором отношении ещё консервирует: во-первых, эту, больше не связанную с космосом, форму, а во-вторых, умирающую минерализующуюся жизнь. Так что можно сказать: если бы человек сохранил себе свою животную организацию, другими словами, если бы его голова пребывала внутри зодиакального круга и в ней обитала бы та тяжеловесная жизнь, которая существует в голове животного, тогда вследствие этого человек стал бы в своей голове целиком результатом своего прошлого. В известной мере он нёс бы в себе, в своей голове, нечто такое, что непосредственно показывало бы это проистекающим из всего прошлого космического развития. Но благодаря тому, что человек вырывает содержащееся тут как результат предшествующего космического развития, он разрушает, определённым образом уничтожает своё космическое прошлое.

И чрезвычайно важно, что благодаря связям, проведённым перед нашей душой вчера и позавчера, мы узнаём, как при формировании своей головы человек, по сути говоря, уничтожает своё космическое прошлое. Происходит так, что человек внутри своей головы действительно переходит через собственный процесс минерализации к некоему роду чрезвычайно тонкого распределения материи. Само собой разумеется, органические образования пронизывают также и голову. Благодаря этому в органическое сверх того заложено это распыление материаль-

ной жизни, превышающее, собственно, минеральную ступень.

Если правильно и серьёзно рассмотреть голову человека, то нужно сказать: эта голова является горнилом процесса, уничтожающего материю как таковую. Материальность уничтожается, и именно благодаря

Доска 9

Vernichtung der Vergangenheit — уничтожение прошлого
tot — красное

этому голова как таковая становится носителем особой душевной жизни. Только надо сказать — носитель особой душевной жизни, так как именно в отношении формирования человеческой головы материалистическое воззрение, как оно обычно выступает, является абсолютно ложным. Вместе с тем, благодаря присутствию в организме человеческой головы человек становится носителем жизни мыслей, жизни представлений; вся эта жизнь представлений покоится на том, что материальная жизнь действительно расплывается. Но благодаря расплывлению материальной жизни имеет место удивительный процесс, который я хочу провести перед вашей душой посредством одной картины.

Как сказано, существует некая картина, но перед вашей душой всё же пройдёт кое-что в виде очень тонкого процесса, с которым мы имеем тут дело. Представьте-ка себе картину, пожалуй «Мадонну» Рафаэля. Существующее на доске мы, разумеется, имеем материально, в противном случае картина не имела бы места в физическом мире. Но теперь представьте себе, что материальность «Сикстинской мадонны» совершенно бы расплылась, превратилась бы в пыль, но тонкая эфирная ткань всё же могла бы остаться. Итак, «Сикстинская мадонна» расплы-

лилась бы материально, но всё, нарисованное на этой материи, даже с её цветовым окрашиванием, осталось бы эфирно, и тот, кто мог бы воспринимать это эфирное, смог бы воспринять оставшееся в качестве эфирного изображения, несмотря на то, что материальность утратила всякое значение.

Таков процесс мышления, таков процесс образования мыслей. Когда обычным сознанием вы осознаёте некую мысль, некое представление, тогда это осознание мысли или представления основывается на том, что благодаря выходу из всего космоса, как мы видели это вчера и позавчера, материальность теряет всякое значение, и человек постоянно вынужден до известной степени вновь оживлять свою голову, поскольку все отдельные частицы головы непрерывно находятся в состоянии разрушения, умирания. И во время этого умирания выделяется эфирное головы (см. рис. на с. 259, красное снаружи), и это выделение эфирного головы означает захватывание мыслей. В то время как материальность в определённой мере распыляется, а эфирное остаётся, человек осознаёт своё представление.

Вспомните то, что я сказал: в органах чувств уже более или менее существует нечто подобное физическому аппарату. Глаз — это физический аппарат, только пронизанный эфирным телом человека. Как я это сейчас описал для остальной головы, так же обстоит дело и с нервной тканью. Так что можно сказать следующее — я прошу вас это высказывание, которое я сейчас произнесу, очень точно и внимательно рассмотреть: „В органах чувств — а значит, главным образом в органах чувств головы — во время восприятия действующим является обособленное эфирное бытие”. Итак, поскольку мы живём в органах чувств, то имеем некий род свободного эфирного процесса, который разыгрывается в сфере чувств.

Возьмите глаз. Это физический аппарат, но он пронизан эфирным. И в этом прохождении неорганического, такого, которое непрерывно стремится разрушиться и которое в действительности представляет собой механическое, можно сказать, подмеханическое — в нём свободно живёт эфирное существо. Так обстоят дела со сферой чувств.

Для сферы нервов, являющейся ведь продолжением сферы чувств вовнутрь, это происходит так, что сфера нервов хоть и более тесно связала эфирное тело с материей, но вся жизнь наших нервов непрерывно

хочет стать жизнью чувств. Итак, представьте себе: скажем, вы видите какую-либо цветную поверхность. Прежде всего вы имеете здесь чувственное восприятие. Происходит это так, что эфирное тело действует свободно. Но как только вы оставляете без внимания чувственное восприятие и предаётесь жизни нервов, всё бытие нервов становится бытием чувства: здесь в вашем сознании налицо представление. Следует сказать: поскольку человек является человеком нервов, в представлении он становится насквозь чувственным существом, существом органов чувств.

Затем приходит реакция. Органы чувств ориентированы в направлении физического. Они непрерывно воспринимают. Организм нервной системы воспринимает в себя то, что ему предлагают органы чувств. Он преобразуется в существо органов чувств. Но этим он умерщвляет себя. Он стал бы целиком глазом или целиком ухом, или чем-либо ещё. Чтобы он не сделал этого, его вновь пронизывает живительный принцип, принцип жизни из остального организма. Человек заставляет представление до некоторой степени угаснуть. Так что мы можем сказать: там, где находится голова, человек уничтожает своё прошлое. Но благодаря этому он как нервно-чувственный человек становится носителем образов, он получает переживание образа; это переживание образа ткёт в эфирном.

Вы видите, что, действуя с духовнонаучной антропософской позиции, вполне можно описать эту жизнь мыслей, как она возникает в сознании. И чтобы описать эту жизнь мыслей в сознании, необходимо прибегнуть к антропософии.

Итак, мы можем сказать: развивая голову в отношении формы, человек развивает её в том смысле, что в современную эпоху он подвержен влиянию сил, развивающихся в космосе, когда Солнце стоит в знаке Рыб, Овна, Тельца и так далее; однако, в отношении формы человек извлекает свою голову. Благодаря этому она не становится головой животного, а он, этот человек, поворачивается, можно сказать, в человеческое вертикальное положение, между тем как животное остаётся в зодиаке.

Рассматривая жизнь, мы можем сказать: в направлении края головы жизнь развивается под влиянием внешних планет, Сатурна и Юпитера, как мы увидели это вчера. Но человек извлекает эту свою жизнь и про-

исходит следующее: если бы Солнце никогда не закрывало эти планеты — вспомните о том, что я разъяснял вчера в отношении Сатурна и Юпитера, — то вся жизнь нервов всё больше становилась бы жизнью органов чувств. Человек непременно имел бы зрительное восприятие, но оно продолжалось бы в жизнь нервов; он имел бы восприятие слуха, но оно тоже продолжалось бы в жизнь нервов — чувственная жизнь двенадцати органов чувств хаотически-неорганично, беспорядочно устремилась бы в жизнь нервов. Благодаря тому, что эти внешние планеты закрываются, жизнь нервов вырывается из жизни чувств, а человек в состоянии держать себя именно так, как я говорю: в жизни представления он действует осознанно по собственному произволу и в определённой мере становится разумным, и в свою очередь обладает способностью воспоминания, потому что может по собственному произволу заглушать представления и так далее.

Так что можно сказать: в органах чувств во время восприятия действует обособленное эфирное бытие. В организме нервной системы действует ослабленная жизнь чувств, связанная телом. — Целое получает образный характер, поскольку то, что способствовало бы приобретению не образного, а материального характера, уничтожается посредством выхода человека в человеческую вертикаль, между тем как животное остаётся внутри зодиака. Животное имеет как раз только сновидческие представления, а не образные, какие имеет человек. А сновидческие представления — это нечто такое, что исходит из жизненного принципа организма, между тем как образные представления полностью выделены в свободную эфирную жизнь, больше не связанную с физическим телом. Необходимо непременно подчеркнуть, что благодаря организации человека, через освобождение его края головы от влияния образов зодиака и от влияния движения планет, возникает по направлению к краю головы человека свободная эфирная жизнь; что, кроме того, эта свободная эфирная жизнь в голове пронизана астральным телом и пронизана «Я», которые благодаря этому участвуют в ткани мыслей и представлений эфирного тела.

Уже это может нам показать, как осознаёшь душевное, понимая, благодаря чему жизнь мыслей в человеке является именно душевным, то есть не участвует в материальной жизни.

Теперь пойдём дальше. Рассмотрим другой полюс. Мы показали, как развивается человек в другом направлении согласно форме и жизни. Позавчера мы увидели, как человек в качестве человека конечностей развивает свою внешнюю деятельность. Я показал вам — и мы, кроме того, должны были ещё обращаться к положению вещей в Греции, — как человек занимается деятельностью охотника, животновода, земледельца и путешествующего по морю торговца. Однако, в сфере этой человеческой деятельности человек пребывает благодаря тому, что уклоняется от воздействия соответствующих образов неподвижных звёзд и зодиака. Животное же всецело остаётся под влиянием Стрельца, Козерога, Водолея и Рыб. Вследствие этого животные в своих формах возникают так, что они встраиваются в земное и создаются такими, какие они есть. Изучая зодиак, можно понять, почему животные свою систему конечностей образовали определённым образом. Человек формирует свою систему конечностей, ориентируя её к земному, когда эти образы зодиака находятся как раз под земным, когда Земля северным полушарием некоторое время находится там в зодиаке. Вследствие этого географические части света и обитаемы по-разному, а человек может формируемое в одном месте перемещать в какое-либо другое место. Конечно, представленное здесь должно иметь значение для древних времён; для сегодняшнего времени различные человеческие формы перемешиваются на Земле, и при изучении современной географии уже не получишь чистой картины того, чем является человек в связи с макрокосмом. Таким образом, тут человек за пределы зодиака вырывается другим способом. До некоторой степени к человеческой вертикали, к человеческому перпендикуляру он приводится в другом направлении. Оставаясь со стороны своей головы по форме целиком подверженным не только зодиакальным образам, но также и внешним планетам, он, находясь на Земле и оставаясь прикрытым Землёй с другой стороны, уклоняется как от планетарного воздействия, так и от воздействия зодиака. Излучая свой свет на Землю, на человека воздействуют Сатурн и Юпитер. Человек, имеющий в своей голове образную жизнь, воспринимает как образы этого звёздного мира, так и образы планетарного движения, когда он развивает своё жизненное бытие в направлении своего края головы. Здесь он развивает образную жизнь и воспринимает также образы из космоса, из макрокосма.

Другой же стороной своей организации он образы не воспринимает. Поэтому и возникают те формы, которые я показал позавчера — это конечности, формы, противоположные формам головы. И, кроме того, он развивает также виды деятельности, которые избегают макрокосмического влияния и не позволяют приблизиться этому макрокосмическому влиянию.

Тут дело обстоит так, что если, судя по краю головы, можно говорить об уничтожении человеком прошлого, то в направлении края конечностей имеет место противоположное. Если бы человек стоял на прозрачной Земле, чтобы на него могла воздействовать также и другая сторона зодиака и движений планет, то он не смог бы, прежде всего, проявлять самостоятельные свободные поступки. Он находился бы под влиянием планетарного и жизни фиксированных звёзд. Только благодаря тому, что Земля закрывает ему это планетарное и жизнь фиксированных звёзд, он приходит к свободному проявлению своей деятельности. А, кроме того, в своей системе конечностей он развил бы жизнь, приводящую к одревенению, сильному затвердению, когда полностью прекратил бы именно свой отдельный жизненный период, свою всё возобновляющуюся земную жизнь. Он уже не мог бы распылять материю, но органическая материя ороговела бы по причине созревания. Человек действительно имел бы лишь такие конечности, которые ороговели бы далеко вдоль тела уже совсем по-другому, чем копыта лошадей и быков. Человек избежал этого ороговления благодаря тому, что извлёк себя из зодиака.

Но вследствие этого на краю головы происходит противоположный процесс. На краю головы уничтожается прошлое, распыляется материя. На краю конечностей человек развивается так, что он не даёт материи достичь полного космического созревания. Она отстаёт. Он её удерживает. Мы имеем пальцы рук и ног только благодаря тому, что не допустили развития своих конечностей до полного роста. Если бы мы допустили это их развитие, то они не только оканчивались бы ногтями, а стали бы совершенно жёсткими, ороговевшими. Таким образом, мы удерживаем их на более ранней ступени развития. Удерживая так наши конечности, мы можем развивать в них волю, которая является в таком случае зародышем для следующей земной жизни. Допусти мы развитие человека конечностей до его завершённой формы, и жизнь закончилась

бы нашей единственной земной жизнью. Благодаря тому, что мы не позволяем нашему человеку конечностей развиваться до полностью законченной формы, мы сохраняем то, что переходит в будущее. Следовательно здесь происходит обратное: в то время как на стороне мышления душевная жизнь становится образной жизнью, на стороне конечностей, грубо говоря, жизнь действительно остаётся плотски материальной, органически-материальной, я бы сказал, молодой. Она не стареет, не становится ороговевшей, она остаётся молодой. Благодаря тому, что она остаётся молодой, материальность в дальнейшем может отпасть, а образ юного переходит через порог смерти в следующую земную жизнь. Кроме того, здесь внутри может развиваться воля. Тут волевая сторона. Так что мы можем сказать: волевая сторона человека является незавершённым органическим образованием. — Если здесь, на стороне головы, мы можем говорить об образе, то тут мы должны говорить о чём-то другом. Чем же является это незавершённое органическое образование? Зародышем. Ибо зародыш может развиваться дальше. В то время как на краю головы мы можем иметь нечто подобное устричной скорлупе, нечто такое, что выделилось как материя и является чистой материей, то на краю конечностей мы имеем нечто подобное зародышу. Здесь (вверху) мы можем сказать: мы переживаем душевно чисто эфирное, образ. Здесь (внизу) мы переживаем не образ, а — зарождающуюся жизнь (см. схему на с. 268). Мы переживаем здесь единение с материей. Мы можем передвигать наши конечности лишь потому, что мы связаны с материей. На голове же человек не многим может пошевелить, может лишь в той мере, в какой его органы чувств преобразованы до конечностей и насколько на стороне головы он также является человеком конечностей. Ведь всё пронизывается, каждый отдельный член пронизывает другие. В определённом смысле глаза являются также рукой постольку, поскольку они могут передвигаться. Но не многое на голове подвижно, голова преимущественно неподвижна; и, скажем, лишены произвольного движения, прежде всего, доли головного мозга и тому подобное. Но наружная часть головы тоже мало подвижна, и уже является большой редкостью, когда человек может двигать некоторыми ушными мускулами — этим он может уже чрезвычайно блистать.

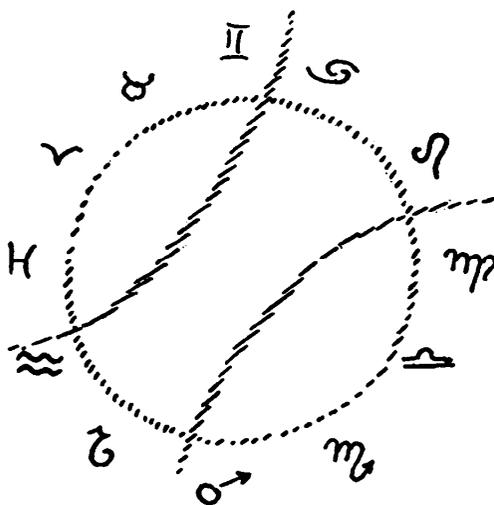
Это переживание в материи подавляет сознание. Но благодаря этому мы и в состоянии развивать волю. Так что здесь (вверху) мы уничто-

жаем материю, а тут (внизу), когда материя отпадает от нас во время смерти, мы оставляем себе зародыш как силу для следующей земной жизни.

Находящиеся между ними мы вчера охарактеризовали с одной стороны как бытие дыхания, имея в виду жизнь, или бытие циркуляции. Затем мы увидели, как то, что находится между верхними и нижними образами зодиака, наделило это формой.

Следовательно, если для сегодняшнего времени вы представляете себе небосвод фиксированных звёзд следующим образом: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и Рыбы — то эти четыре образа зодиака (Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, см. рис.) мы должны были бы причислить к голове, а под их воздействием голова в смысле движений тех планет, которые находятся над Землёй, наделяется умирающей жизнью. Так что голова имеет переживание образа, переживание представления как душевное. Другими четырьмя противоположными знаками для сегодняшнего времени — для греческой эпохи это было бы нечто другое — являются тогда Дева, Весы, Скорпион и Стрелец. И тогда для ритмического человека мы по-

Доска 10

лучим то, что находится между ними, подобно тому, как в качестве про-
слочки у планетарной жизни мы имеем Марс и Меркурий, имеем про-

межзвездные планеты. Здесь, можно сказать, человек предстаёт так, что в промежутке между образом и зародышем он колеблется туда-сюда. Ведь жизнь дыхания и крови это показывает вам, я бы сказал, в виде удивительного внешнего образа. Человек воспринимает оживляющий кислород, который связан с его организмом конечностей, со всем подвижным в нём. Он соединяет кислород с углеродом. Углерод вначале действует на нервно-чувственную жизнь, стимулируя как умерщвляющее, затем он выбрасывается как отмирающее. Здесь мы непрерывно имеем, уже вещественно, предельную жизнь в кислороде и предельную смерть в углероде: умирание-оживление, умирание-оживление. Жизнь колеблется между умиранием и оживлением — туда и сюда.

Но душевно это происходит так. Мы переживаем внутри нечто такое, что на одной стороне, ещё как жизнь мыслей, является чисто эфирным, однако эфирное тело захватывает некоторые образования, образования жёлез. Эти железы изолируют материю. Телесно это происходит таким образом, что эфирное тело воздействует на железы. Железы с эфирной жизнью соединяются не так, как, например, мышцы — последние, кроме того, преимущественно принадлежат к организму конечностей, — но в то время как эфирная жизнь захватывает железы, они изолируют материю. Таким образом, полного сплавления эфирной жизни с материальной жизнью не существует. Существует переходное состояние. Имеет место захватывание материи, но одновременно — самозащита материи, изолирование материи. При изучении мышц, при изучении костей, принадлежащих системе конечностей, вы имеете это в таком виде, что материя — у костей в большей степени — жёстко захватывается эфирным телом человека. Здесь ничто не расплывается, здесь всё остаётся свежим, живым. Тут эфирное тело человека непосредственно захватывает материю. В голове от материи не захватывается ничего, но в то время как голова развивается, материя расплывается. Свободное эфирное действие развивается в качестве жизни мыслей. Когда же эфирное тело захватывает железы, оно хотя и соединяется с ними, но они его не переносят — мышца же его терпит. Мышца принимает эфирное тело. Железа его не переносит — она тотчас изолирует материю и снова немедленно изгоняет эфир. Душевно — это эмоциональная жизнь.

Доска 10

Так что теперь мы действительно можем описать, как происходит мыслительная жизнь. Жизнь мыслей происходит так, что материя не используется, а жизнь мыслей доходит только до эфирного, и в этом эфирном живёт сознание. А жизнь эмоций происходит так, что эфирное тело захватывает жизнь желёз, а жизнь желёз его не переносит. Но в то время как эфирное тело исчезает внутри жизни желёз, человек не имеет здесь своего эфирного тела, пока не проявится подлинное обособление — тут его эфирное тело скрылось от него внутри желёз. Поэтому он переживает себя только в своём «Я» и в своём астральном теле. Так это происходит у эмоции.

Доска 10

Представление: эфирное тело, астральное тело, «Я».
 Бытие эмоции: астральное тело, «Я».
 Жизнь воли: «Я».

Итак, когда мы имеем представления в жизни мыслей, дело обстоит так: здесь жизнь физического тела отталкивается, человек переживает себя в эфирном теле, в астральном теле и в «Я» — в человеческой голове присутствует «Я». Оно влетает астральное тело, влетает эфирное тело и выталкивает физическое, и благодаря этому «Я» с помощью астрального тела переживает в эфирном теле мысли, мышление.

Сущность эмоций такова: здесь человек лишается эфирного тела, когда эфирное тело захватывает железы; до тех пор, пока железы не обособятся полностью, у человека эфирное тело тут отнято. Оно помещено внутрь физического тела. В своём внутреннем осознанном переживании человек имеет здесь только астральное тело и «Я». Он переживает это сновидчески-эмоционально, поскольку он погружается в физическое тело.

Теперь мы приходим к жизни воли. Здесь это действительно происходит так, что человек целиком погружается своим эфирным телом в органическую материю. Но в бодрствующем состоянии эфирное тело захватывает с собой астральное тело. Ведь благодаря этому человек в состоянии осуществлять движение. Он забирает с собой астральное тело в материю. Здесь даже астральное тело скрыто от человека, и в сознании человек переживает только «Я».

Вы видите, что мы находим полную взаимосвязь между душевной и телесной жизнью. Только уяснив себе из антропософского познания, как участвуют в физическом теле «Я», астральное тело и эфирное тело, мы замечаем различие между душевной мыслительной жизнью, душевной эмоциональной жизнью и душевной волевой жизнью и находим, что душевная мыслительная жизнь происходит в умирающей части организма, вырвавшейся из верхнего мира неподвижных звёзд и верхнего планетарного мира, она распыляет прошедшее и благодаря этому преобразуется в переживание образа. Мы обнаруживаем, что в средней области, в ритмическом человеке, человек может переживать на одной стороне прошедшее, поэтому также и макрокосмос, который ведь сформировался из прошлого, но благодаря существованию непрерывного ритмического — либо ритмическое соединение кислорода с углеродом, либо захватывание желёз и их обособление — человек на это реагирует. Отдельный человек, микрокосм, при возникновении захватывания и захватывании макрокосмической жизни человека реагирует на это обособлением. Человек живёт в ритмах не только внутри, он живёт в мировых ритмах, он открывается миру и принимает его в себя обратно. Человек, вобравший в себя мир, является индивидуальным существом наполовину. Он ритмически колеблется туда-сюда между макрокосмосом и микрокосмосом. Это и есть жизнь и тканье в эмоциях. И можно абсолютно точно увидеть, как материально-физический организм взаимодействует с душевно-духовным. В волевой жизни это происходит так. Здесь материально-физическое захватывается в наивысшей степени, и человек в самой большой степени является только микрокосмом — в своей деятельности он полностью лишается деятельности макрокосмической.

Если он живёт в северном полушарии, то подобно нам лишает себя остальных неподвижных звёзд и остальных планет; в южном полуша-

рии аналогично всё поворачивается наоборот. И таким способом, будучи человеком конечностей, человек, проживая как таковой жизнь между рождением и смертью, является целым микрокосмом и имеет свой мир, который он даже может сам для себя перенести в будущее. В настоящее время он развивает самый молодой член душевной жизни, волю, которая ещё целиком нуждается в опоре на физическое тело, которая позволяет приходить к себе самой только «Я», в то время как астральное тело и эфирное тело проникают в физическое тело.

Невозможно постичь душевную жизнь, если не можешь постигать её таким образом, различая между «Я», астральным телом и эфирным телом, ибо никому никогда не будет понятна жизнь мыслей, жизнь эмоций и жизнь воли без такого внутреннего конкретного постижения этих вещей. Что же происходит, если в настоящее время отклоняют это понимание?

А происходит вот что. Являются официальные представители и общаются людям, что в действительности можно ничего не знать о душевном, но всё же из определённых печатных изданий необходимо принять, что существует нечто душевноподобное, некий «психоид». Затем располагаются и объясняют, как *Декарт* и *Спиноза* старались прийти к тому, какое существует взаимодействие, но они не идут дальше абстракции: на одной стороне — тело, а на другой стороне — душа. Но так ни к чему и не придёшь, потому что душа взаимодействует с телом в мыслительной жизни иначе, чем в эмоциональной жизни и чем в волевой жизни, и ещё потому, что нельзя понять это взаимодействие, если всю душевную жизнь просто беспорядочно перемешать и говорить о некоем «психоиде», вместо того чтобы принять участие в рассмотрении этой конфигурации, этой конкретизации жизни в «Я», в астральном и в эфирном телах. Сегодня, я бы сказал, имеет место некое ужасное отвержение истины, а вместо этого пустое лепетание и отчасти ведение борьбы с фехнеризмом, а с другой стороны говорение о «психоиде». Это подобно тому, как если бы некто отказался рассматривать человека, а говорил бы об «антропоиде», потому что он хотел бы избежать разговора об «антропосе». По сути дела, такая наука является как раз не антропософией, а антропоид-софией, психоидологией.

Когда действительно детально останавливаются на душевно-духовной жизни, тогда можно указывать во всех подробностях на то, что лю-

ди называют взаимодействием и так далее. Тогда об этих вещах получают истинные представления. И, кроме того, надо, я бы сказал, не только так анатомически красиво укладывать то, что вырезают из печени, и то, что вырезают из головного мозга, и располагать это рядом друг с другом как абстрактные ткани, но необходимо знать, что человек связывает себя со всем макрокосмосом со стороны головы совершенно иначе, чем со стороны конечностей. На краю головы он распыляет его (человека), здесь он уничтожает прошлое. На краю конечностей он не допускает прекращения своего стремления к развитию — он оставляет зародыш.

Самое ужасное, когда, исключая истинное созерцание, люди, кроме того, повсюду философствуют как о сущности тела, так и о сущности душевно-духовного, и в таком случае просто-напросто используют старые истрёпанные слова, превращая их в «-оиды», а то, о чём идёт речь, в действительности совсем не понимают. В настоящее время есть люди, которые вовсе не имеют ни малейшего представления о том, как от слова прийти к понятию. Так, например, в Германии теперь повсюду возникают свободно-религиозные общины и монистические общины, и одни и другие являются, собственно, союзами, питающимися помоями материалистического естествознания шестидесятых-семидесятых годов XIX столетия; здесь повсюду организуются доклады человека — имя его *Артур Дрекс*, — который сформирован на самом деле так: когда-то он изучал философию Гартмана — он, впрочем, в свои юные годы всегда приплясывал вокруг *Гартмана*, — но от этой философии Гартмана воспринял по сути дела только слова. В его голове эти слова существуют как самопроизвольная игра вещей: тут это вертится, а он не имеет никакого представления о том, как от слова прийти к какому-либо понятию. И с помощью этих бездумно кружащихся в его голове слов из философии Гартмана он критикует антропософию.

Это плоды современной цивилизации, плоды современного просвещения, которое во что бы то ни стало хочет отказаться от реального участия в осознании связи человека с космосом, чтобы, исходя из космоса, описать форму и жизнь человека, а также постичь, как именно это своеобразное вырывание человека из космоса способствует тому, что он, с одной стороны, может в умирающей жизни развивать душевное бытие образного представления, а с другой стороны, может развивать в

зарождающейся непреходящей жизни волевой элемент душевного.

Ведь эти вещи, собственно, звучат от занимающихся сегодня официальной наукой как нечто такое, что они не в состоянии понять. Следовало бы, собственно, отказаться от мысли, что в таких вещах всё ещё могут осваиваться те, кто, как правило — я говорю, конечно, как правило — уже достиг определённого стажа в официальной науке: ведь они, по сути дела, из своего калейдоскопа слов растеряли все понятия, а с ними и всю реальность. Ибо такие доклады о психоиде для того, кто видит реальность, являются, собственно, ничем иным, как калейдоскопом слов; то, что излагается здесь о Декарте, о Спинозе и так далее вплоть до *Фехнера*, это в действительности не имеет никакой внутренней связи — это калейдоскоп слов. И всё же дать некий внутренний смысл этим калейдоскопически-беспорядочно переплетённым обрывкам слов могло бы именно ознакомление с «Я», с астральным и эфирным телами и так далее. Жаль, что приходится так говорить о настоящем времени, но именно там, где речь идёт о так называемой духовной жизни, необходимо высказываться об этой современности как раз таким образом. Философы тут больше не ориентируются, так как они уже несколько десятилетий тому назад утратили из слов понятия. Теперь пришли к тому, что стало модно приглашать естествоиспытателей на философскую кафедру. Кроме того, они должны передавать философию следующему поколению. Началось это во времена *Маха*, а сегодня одним из главных представителей этого сорта является *Дриш*. Так как философы уже утратили всё содержание своей головы, а естествоиспытатели ещё имеют, по крайней мере, внешние чувственные наблюдения, то на кафедру философии зовут естествоиспытателей. О философии, разумеется, они говорят ещё бессодержательней, чем философы. Философы, по крайней мере, ещё имеют слова. Странное развитие, однако, уже произошло. Дожили до того, что философия, ещё полная содержания в первой половине XIX столетия, в настоящее время окончательно выдохлась в пустозвонах, скажем, сорта некоего *Куно Фишера*. Хотя во времена Куно Фишера на кафедрах ещё изучали философию. Но внутреннего содержания в этой философии больше не было.

Но что сейчас необходимо, и необходимо во что бы то ни стало — это осознать причину этого, уяснить себе по этому поводу, что в мире должны быть по меньшей мере несколько человек, которые видят все

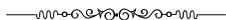
враки о психоиде и которые знают, как сильно мы погружаемся в декаданс именно в отношении нашего учёного просвещения. Осознать это в достаточной мере — невозможно. И я полагаю, что хорошо будет, если вы углубитесь в то, что я пытался поставить перед вашими душами в этих трёх докладах, а именно в то, что человек, с одной стороны, через свою внешнюю форму, через свою жизнь как бы опирается на универсум, но по обоим направлениям отрекается от универсума, чтобы войти в ритмы универсума только как ритмический человек. Он отрекается, чтобы по одну сторону развить жизнь мышления как образную жизнь, значит свободную от материи, а по другую сторону развить волевую жизнь ради сохранения материи в зародыше так, чтобы она уже не воспринимала застывшую форму, которая может быть навязана ей макрокосмосом, чтобы человек до конца всё ещё сохранялся бы подвижным и развивался от Земли к бытию Юпитера, Венеры и Вулкана, чтобы человек сохранился в подвижных формах, дабы развиваться дальше.

Сопоставив это, вы увидите, что выступающее в антропософии как познание стремится охватить: во-первых, чувство истины человека, во-вторых, эстетическое чувство при изучении человека в качестве формы, так как форма проистекает из макрокосмоса, а в-третьих, чувство в отношении добра и религиозной жизни. Именно из этих трёх докладов вам должно стать ясно, с каким глубоким основанием здесь в этом курсе, и не только в нём, неоднократно высказывалось, что необходимо искать некий синтез, соединение, гармонию религии, искусства и науки. Но этого соединения религии, искусства и науки не получить, если не постичь истинную космологию, проясняющую нам, чем является человек в отношении формы и жизни.

То, что нам нужно дальше, так это учение о свободе в отношении душевного, которое объясняет нам, чем человек является благодаря тому, что он оторвался от макрокосмоса в направлении своих двух краёв, своих двух полюсов. А с другой стороны, нам нужно познать, что развивает человек в свободе для мирового будущего, для того, что придёт на смену Земле в макрокосмосе. Кроме того, это развивает глубоко религиозные восприятия и чувства.

Когда человек приближается к истинному в развитии нашей культуры, ему прежде всего необходима космология, включающая в себя самого человека, а не игнорирующая его, подобно нашей современной

космологии. Необходимо учение о свободе и необходима этика, которая в состоянии показать, что добро, рассматриваемое в ней, является зародышем миров. Необходима этика, содержащая в себе реальность, не голые абстрактные ценности, но ценности, способные реализоваться. Космология, учение о свободе, этика являются тем, что необходимо человеку для восхождения.

Дорнах

Пятница, 4 ноября 1921 года.

Мы рассмотрели соотношения человека с космосом относительно формы человеческой организации, относительно ступеней жизни и относительно душевного содержания, а сегодня мы внимательно рассмотрим ещё и духовные переживания человека, чтобы для двух последующих дней в определённой степени подготовить другую тему.

Вспомните, как мы подошли к рассмотрению человека в отношении формирования его организма. Мы вынуждены были привести человеческую организацию в связь с космосом вплоть до небосвода неподвижных звёзд. Затем, чтобы рассмотреть человеческие ступени жизни, мы поставили перед своей душой планетарную систему, в которой обитает человек. А потом, переходя к душевным явлениям, мы до некоторой степени должны были изменить направление и привести человека как душевное существо в соотношение с его телесной организацией, то есть с тем, что он имеет как раз благодаря небосводу неподвижных звёзд и планетарной системе. И через рассмотрение формы, через рассмотрение жизни мы перед своей душой поставили уже противоположности, существующие в человеке в головной организации, в грудной организации и в организации обмена веществ и конечностей. Мы увидели, как проявляет себя душевное в качестве чувственного восприятия и представления именно через головную организацию — через организацию чувств и нервов. И затем мы увидели, как выражает себя эмоциональная жизнь через организацию дыхания и циркуляции, а волевая жизнь — через систему обмена веществ и конечностей. Однако для рассмотрения душевного мы должны были обратить внимание на то, как взаимодействуют в человеке «Я», астральное тело, эфирное тело и физическое тело.

Так что в последний раз мы действительно получили некий обзор взаимодействия душевного и телесного — вплоть до деятельности желёз, вплоть до использования мышечной деятельности посредством воли.

Теперь, когда в человеке хотят прийти к духовному, человека следует рассматривать не только так, как это имело место в последний раз для душевного, когда мы должны были обращать внимание на изживание, на проявление этой душевности в телесном; но необходимо, если хотят внимательно рассмотреть духовное, посмотреть на чередование состояний человека — на бодрствование и сон.

Мы знаем, что бодрствование и сон даны нам как людям, прежде всего, в виде колебаний человеческой жизни между дневным бодрствованием и ночным сном в пределах двадцати четырёх часов. Это один способ, каким человек живёт в бодрствовании и во сне. Но мы знаем также, что человек пребывает в бодрствовании и во сне ещё другим образом. А именно, человек в действительности только тогда вполне бодрствует, когда создаёт представления и отдаётся чувственным восприятиям. Только жизнь представлений и жизнь чувственных восприятий является, собственно, бодрствующим бытием. Напротив, жизнь воли и жизнь поступка на самом деле являются спящей жизнью даже во время бодрствования.

Эмоциональная жизнь, как мы знаем, даже во время бодрствования является сновидческой жизнью. Так что даже в этом отношении человек заставляет свою жизнь до некоторой степени колебаться туда и обратно между бодрствованием и сном. Сон, я бы сказал бодрствующий сон, в определённой мере разыгрывается в нашем реальном бодрствовании, то есть внутри жизни представлений, когда мы совершаем некий волевой акт, когда мы действуем; бодрствующими в деятельном бытии мы являемся благодаря тому, что можем представлять свою собственную деятельность. Но происходящее в этой деятельности остаётся неосознанным так же, как и состояния во время сна.

Однако тем, что человек ощущает себя индивидуальным существом, он, по сути дела, всё-таки обязан сну. Если бы человек предавался жизни представлений, только бодрствуя, он в определённой степени переживал бы мир только как некую последовательность картин. В известной мере он ощущал бы себя покоящимся, например пребывающим в одной точке вселенной, и вселенная существовала бы образно. Даже

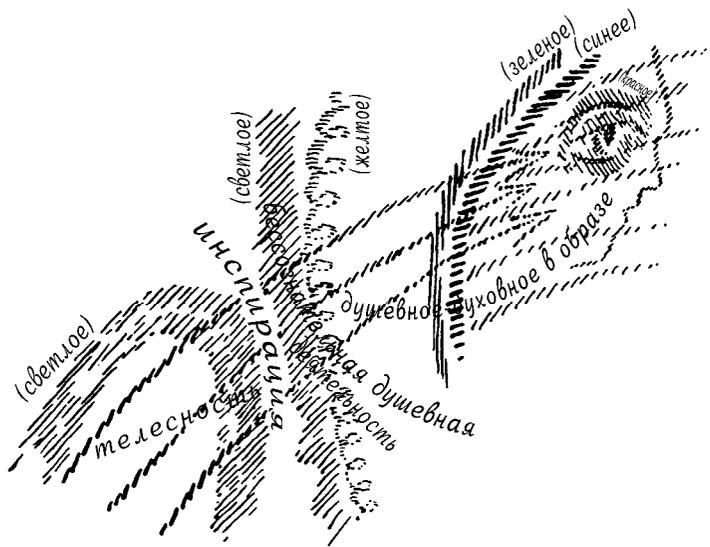
«Я» в образном ткании существовало бы только как род отображения чего-то, но существовало бы всё-таки лишь как образ. Только благодаря тому, что в эту бодрствующую жизнь представлений мы до некоторой степени вливаем в первую очередь непрерывное воспоминание о том, что, по сути дела, имеем состояния, во время которых мы ничего не переживаем, — состояния сна, время от засыпания до пробуждения — мы возвращаемся к самим себе. И даже смутное чувство нашего желания, следовательно того, что разыгрывается подобно сну в нашем осознанном бытии, — это даёт нам ощущение нашего «Я», импульс нашего «Я». В обычной жизни мы переживаем его не вполне осознанно. Мы переживаем его, этот импульс «Я», как в определённой мере исходящий из нашей организации толчок в направлении сознания. С другой стороны, мы его переживаем благодаря тому, что от засыпания до пробуждения отправляемся в космос именно с нашим «Я», конечно не вступающим в наше сознание, и с нашим астральным телом, тоже не вступающим в обычное сознание, а на наше сознание обрушивается до некоторой степени помрачение этого сознания, переживаемое нами от засыпания до пробуждения.

Что же это такое, что всё снова и снова приводит нас в состояние сна, что погружает наше желание и большую часть нашего чувствования в бессознательное, в определённой мере во тьму сознания? Это необходимость развивать в желании органическую деятельность. В последний раз мы уже видели, как человек посредством желания заставляет действовать своё душевное, вплоть до жизни мышц. Душа до определённой степени погружается в жизнь мышц. Как она становится бессознательной, выходя из тела и оставаясь в состоянии между засыпанием и пробуждением, так и здесь она становится бессознательной. Итак, мы можем сказать: от потребностей, от предпосылок телесного приходит то, что мы осознаём себя прежде всего в обыденной жизни нашего «Я»; это является следствием того, что мы несём в себе некое тело, которое для осуществления своего желания использует душу и, желая возместить силы, развиваемые им в желании, вгоняет душу в бессознательность сна, чтобы как раз суметь всё полностью передать сознанию «Я», пребывающему на самом деле в бессознательном состоянии.

Следовательно, можно сказать так: мы погружаемся в телесно-физи-

ческое, изливая в это телесно-физическое наш дух, соответственно прежде всего наше душевное. Однако мы тотчас увидим, что с этим душевным мы изливаем в телесно-физическое именно наш дух. Когда душа излита в тело, мы, я бы сказал, чувствуем себя крепкими. Когда мы имеем представления и чувственные восприятия, мы ощущаем себя не крепкими, а бодрствующими.

Иметь представления и получать чувственные восприятия — это то же, что жить вне тела. Это абсолютное непонимание, когда полагают, что человека вводит в духовный мир лишь имагинативное, инспиративное и интуитивное познание. Нет, получая чувственные восприятия и образуя представления, человек уже живёт в духовном мире. Ибо мы видели, что чувственные восприятия основаны на том, что в наш организм вообще уже заложена мёртвая материя, чисто физические аппараты, которые лишь пронизываются эфирным телом, — но они заложены. И переживая в этом физическом аппарате, мы переживаем чувственные восприятия. Переживается не физический аппарат, переживается духовное,двигающееся внутрь. Содержание чувственного восприятия является по своей сути абсолютно духовным. Только в представлении, как мы видели в последний раз, мы до некоторой степени простираем чувственную деятельность на организацию нервов. В действительности нервная деятельность состоит в одном умирании. Органическая деятельность должна быть просто исключена, когда мы хотим представлять. Поэтому, имея восприятия чувств и представления, мы полностью живём в духовном. Однако мы как люди, находящиеся тут между рождением и смертью, проживаем эту жизнь в духовном благодаря тому, что получаем от этой жизни лишь образы. И особенность состоит в том, что духовное пока осознаётся нами в чувственных восприятиях и в представлениях, но только в образах. Так что мы можем сказать (см. схему на с.282): чувственные восприятия и представления являются духовными переживаниями, но в образах. Во время представления мы ведь осознаём себя; представления как таковые имеют абстрактный характер, они не являются интенсивными насыщенными картинками. Когда отходят от чувственных восприятий к представлениям, это, можно сказать, становится серым. Но серым это становится только для нашего сознания. В действительности все представления, развиваемые человеком, содержат имагинации.

Так что я могу сказать: представления непременно содержат имажинации, только эти имажинации до сознания не доходят. До известной степени происходит некое извлечение из этих имажинаций, которое в обычной жизни предстаёт в виде представлений. Имагинация входит назад в телесное, а то, что приходит в наше сознание, является бледным отражённым образом представлений. Всякий раз, когда вы имеете представление, — и всегда, когда вы имеете представления, — вы имеете также и имажинации. Вот только в сознании остаются представления; имажинации в вас ускользают вниз и живут в общей жизненности вашего организма, во всей жизнедеятельности. Итак, имажинации ускользают в жизненность, вглубь общей жизнедеятельности. Желая нарисовать это схематически (см. рис.), я вынужден нарисовать это так (голова): мы имеем чувственное восприятие (красное), затем имеем деятельность представления, которое мы образуем (синее, зелёное) из чувственного восприятия и которое в действительности является двуликим Янусом. Спереди — оно бледное представление, входящее в наше сознание, а сзади — это имажинация, но имажинация в сознание не входит. Имагинация спускается в организм и формирует тут общую жизнедеятельность. Она, эта имажинация, входит во все органы: она живёт в головном мозге, живёт в сердце, в лёгком, в почках — она живёт повсюду, эта имажинация входит во все органы. Она соединяется с всеобщей жизненной силой.

Благодаря этому происходит то особенное, что здесь, где я нарисовал красное и синее, мы имеем дух в образе. Из того, что погружается в телесность, мы ничего не имеем в сознании, но переживаем это как душевное. Таким образом, до известной степени дух является спереди духом; назад, вглубь организма (зелёное) он предстаёт душой. Но в душевном он начинает немедленно погружаться в полусознательное и бессознательное и соединяется с телесным.

Ниже того, что мы имеем здесь (см. рис.), мы имеем бессознательную душевную деятельность. Следовательно, туда внутрь скрывается имажинация. И затем с другой стороны мы имеем телесность. Но эта телесность погружена во тьму сознания, в сон, и обнаруживается, только посылая волю вверх — в сознание. Эта воля является как раз контратакой; она делает нас крепкими, она даёт нам переживание действительности. Но это переживание действительности продвигается вверх,

по крайней мере, ещё в виде чувства. Здесь об этой действительности мы грезим, но в бодрствующем сознании, по существу, эту действительность не имеем. Своё существование в духовном между рождением и смертью мы как люди приобретаем благодаря тому, что переживаем дух в образе — в образе чувственных восприятий, в образе представлений, так что, хотя мы и переживаем реальность, но разыгрывается она в нашем сознании неосознанно, так же, как неосознанно разыгрывается внешняя действительность.

Мы погружаемся в эту внешнюю действительность, но внутри она разыгрывается, по сути говоря, тоже бессознательно, потому что о состояниях сна, когда мы пребываем во внешней действительности, мы ничего не знаем. До некоторой степени мы опутаны бессознательным, пронизаны бессознательным. Здесь мы живём в действительности. Однако живём мы в телесном или во внешнефизическом. Живя в духовном, мы переживаем дух только как образ.

Но всё телесное основано из духовного. И когда человек образует теперь свою имажинацию, он уже переживает имажинативную жизнь, остающуюся тут позади. И далее в душевном он переживает то лежащее позади, что пребывает в обычном сознании в виде эмоции, чувства. Сначала осознанно он переживает чувство. А за чувством тут находится инспирация.

Всякий раз при возникновении чувства вы имеете также инспирацию. И как во время представления имажинации скользят вниз во всеобщую жизненность, так и во время любого чувствования инспирация скользит вниз в телесность, ибо вы её используете там внизу. Вы используете её для дыхательной деятельности, для ритмической деятельности. Здесь она соединяется со всеобщей ритмической деятельностью. Таким образом, как имажинация из представления проскальзывает во всеобщую жизненность, точно так же инспирация из вашей эмоции, ощущения проскальзывает в ваш процесс дыхания.

Так что я могу сказать: дальше назад мы переживаем в себе чувства, эмоции, а благодаря тому что в чувствах мы погружаемся дальше, мы имеем душевное переживание, но грезящее душевное переживание — внутри же мы имеем скрытую инспирацию (см. рис. на с. 279). Скрытая инспирация ускользает в ритмическое движение, в ритмическую деятельность. Ускользает вниз — в дыхание и циркуляцию крови. Гля-

дя на человека, который думает и чувствует, можно было бы сказать: „В настоящий момент ты имеешь представления, значит ты думаешь, и ты это знаешь. Однако из твоего представления непрерывно струятся через всё твоё тело имажинации и сохраняют твою жизнеспособность. Ты чувствуешь, и здесь непрерывно струятся инспирации в дыхание и в циркуляцию крови”.

А уже под этим располагается волевой импульс — хотение, желание. Желание в период между рождением и смертью является чисто телесно-физической деятельностью прежде всего внутри жизнедеятельности человека и должно переживаться телесно-физически, так как дух занят мышечной деятельностью — телесно-физическим переживанием, но спящим, ибо осознанно можно переживать только дух. Здесь он спит. Но тут внутри присутствует интуиция. Истинной интуицией является то, что я изобразил в последний раз: человек свою душевную деятельность, а вместе с тем и переживаемое им духовное, переправляет в образах в свою мышечную деятельность, так что он становится активным, становится действующим, устремляющимся (Wollender). Здесь он действительно имеет интуицию. Здесь он исходит из жизни своего «Я», то есть предоставляет это «Я» чему-то совсем другому, а именно движению собственной костно-мышечной системы. Так что можно сказать: интуиция ускользает в деятельность обмена веществ и движения. А дух живёт именно в имажинации, инспирации и интуиции.

Чувственные восприятия

Представления:	духовное переживание, но в образах, имажинация ускользает в жизненность.
Чувства (эмоции):	душевное переживание, но <i>грезящее</i> , инспирация ускользает в ритмическую деятельность.
Желания:	телесно-физическое переживание, но <i>спящее</i> , интуиция ускользает в деятельность обмена веществ и движения.

Вы видите, что теперь мы имеем дух совсем внутри тела. Интуицию мы имеем в обмене веществ и в движении конечностей, инспирацию — в ритмической деятельности, а имажинацию — в общей жизненности. И

лишь предметное познание мы имеем как образность, как духовное действие в образах. Так как это суть только одни образы, они и могут соединяться с образами внешнего мира.

В последний раз мы пытались мысленно соединить душевное с телесным. Мы видели, как действует это душевное в голове, в нервно-чувственной организации, когда там происходит непрерывное умирание, так что там душевное как таковое может изживать себя, поскольку органическое устраняется.

Потом мы увидели, как в деятельности желёз душевное использует телесное, но только лишь в ограниченной степени, так как железы затем материю изолируют. А в костно-мышечной деятельности душевное целиком занято телесным. Я высказал нечто конкретное: мы не пустословим повсюду об абстрактном взаимоотношении между телом минеральным и телом живым, между душой и духом, не говорим о каком-либо отношении физического к некоему психоиду, но, воспринимая душу конкретно, созерцаем, как повсюду пропитывается, пронизывается душевным это физически-телесное. И наоборот, мы переживаем теперь, как внутри нашего физически-телесного всё-таки живёт духовное, существующее в человеке прежде всего в образах.

Имагинация, инспирация и интуиция не являются чем-то таким, что воспринимается, как ветер, облака; они являются тем, что существует именно в нашей жизнедеятельности и что проскальзывает тут, между тем как из духовного мы можем удерживать только образы.

Так можно продвинуться даже к тому, что в человеке есть духовное. Человека можно рассматривать в соответствии с формой, со ступенями жизни, с душевным содержанием и в соответствии с духовными проявлениями или духовными откровениями.

Форма человека, хотя и зависит от всего небосвода неподвижных звёзд, но внешне она выступает нам навстречу явным образом. Ступени жизни зависят от планетарной сферы. Мы не можем их увидеть непосредственно обычным сознанием. Мы видим эти ступени жизни, когда они проявляются в соотношениях форм. Душевное же покоится глубоко во внутреннем человека. Мы его обнаруживаем, когда внимательно рассматриваем таинственные связи между человеком нервно-чувственной деятельностью и душевным, когда внимательно рассматриваем деятельность желёз по отношению к эмоциям и ко всему тому, что основы-

вается на ритмической деятельности. Затем мы увидели, как душевное связано с системой обмена веществ и конечностей. Но на одном полюсе жизни это душевное пронизывается духовным, однако от него можно воспринять только образное, а имажинация, инспирация и интуиция отесняются вниз в телесно-физическое. В таком случае, когда дух таким образом изливается в душу, в душе он живёт как самое интимное, что имеет человек.

Другой полюс не затрагивает человека таким способом, каким человек получает изнутри свою чувственную деятельность, каким он получает свои представления, другой полюс — это его чувствования, эмоции, где духом он уже погружается в телесное, в реальность чувствования, где телесное окрашено духовным, инспирациями, которые теперь со своей стороны сверху снова воспринимают имажинации. Это проявляется, когда мы чутко всматриваемся в человека, стоящего перед нами в полном покое. Изучая его физиогномику, изучая то, что лучится из него, когда дух погружается в телесность, когда он посылает внутрь телесности инспирацию, мы видим, как этот дух снова приходит к поверхности, проникает через жизненные импульсы наружу и проявляется в человеке прежде всего в виде инкарната, цвета кожного покрова, придаёт человеку свойственную ему физиогномику, представляющую нам в благородной форме его лба, в строении его рта и подбородка, в строении его носа и так далее. Этот дух, погружающийся в качестве инспирации, предстаёт нам в покоящемся человеке, действуя через жизненные ступени.

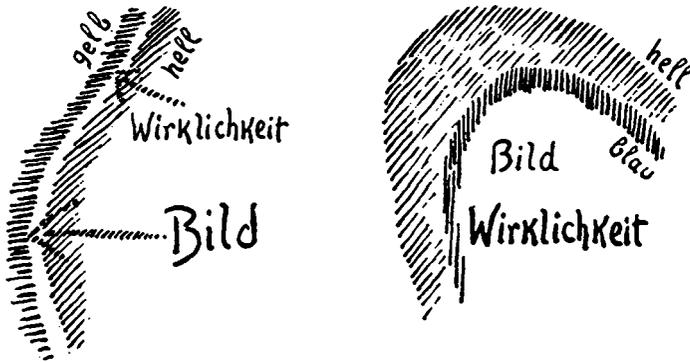
Как только человек пойдёт, как только он станет деятельным, даже когда просто подмигивает глазами, тогда это уже является тем, что человек посылает от духа в телесное в качестве интуиции; это, в таком случае, мы и видим. У человека, которого мы наблюдаем во время ходьбы, прослеживаем во время жестикуляции, мы наблюдаем действие в нём его духа, интуитивно возникающее в теле, в котором он, однако, присутствует не как дух, а как процессы образования тепла, как химические процессы разрушения, происходящие в теле во время активной деятельности человека в мире.

Рассматривая форму, мы должны были указать на то, что даёт человеку мир. Теперь, увидев дух целиком погружённым в телесность, мы, наоборот, находим в деятельности человека то, что человек выдаёт в

мир. Имеет место полный цикл.

Человек бодрствует, переживая в бодрствовании образы, то есть он является причастным духу. Однако для жизни между рождением и смертью он добивается этой причастности духу, имея в себе дух не как реальность, а как образность. Но человек между рождением и смертью имеет в себе дух и как реальность; добивается же он этой реальности благодаря тому, что переживает эту реальность только спящим, либо спящим, бодрствуя, либо действительно спящим. И в действительности следовало бы сказать: жизнь между рождением и смертью состоит в том, что человек переживает дух в отражении образа, а действительность переживает неосознанно; но эта действительность является ему только через среду телесности. Между рождением и смертью мы видим дух посредством своей телесности. Реальность материи мы, собственно, не видим. Материя является внешней видимостью духа. Когда мы видим материю, мы видим дух снаружи. Так что мы можем сказать: когда мы видим материю, будь то материя во внешнем мире, будь то материя в человеке, мы всегда, собственно, имеем скрывающуюся от нас действительность; является же нам поверхность, где дух проявляется, исходя из телесной действительности, из материальной действительности.

Доска 12

gelb – желтое, *hell* – светлое, *blau* – синее
Bild – образ, *Wirklichkeit* – действительность

Это происходит иначе, когда человек приобщается к духу. Здесь его телесное ему остаётся, например внутреннее его головы, впрочем даже внешнее его головы, если только он не видит себя как раз в зеркале, но

и тогда он имеет только образ, который остаётся на заднем плане. Зато он действительно переживает дух, но переживает дух только в образе. В сознании мы внутренне видим дух, но в образе. Спя, и даже спя бодрствуя, мы воспринимаем дух в его работе, но это восприятие в его бытии внести в сознание не можем — оно остаётся снаружи.

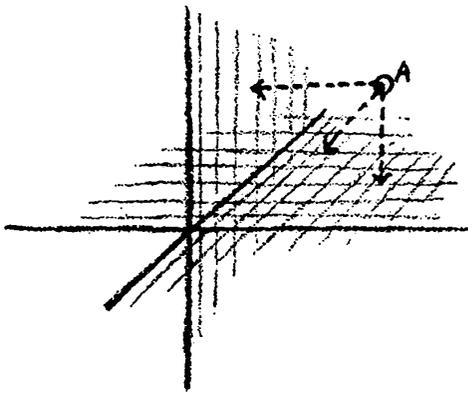
Поэтому при восприятии какой-либо материальной поверхности мы, конечно, должны сказать: за этим стоит дух. Только мы не можем войти в этот дух своим сознанием. Переживая дух обычным сознанием — внутренне мы вынуждены его переживать, — мы переживаем его однако только лишь в образе. Это именно тот великий поворот, который происходит с человеком: эта действительность со смертью (на рис. с.285, слева, поясняющее) здесь становится образом, и образы, переживаемые нами (справа, синее), становятся действительностью. Проходя через врата смерти, человек начинает переживать как свою действительность то, что прежде он воспринял только в образе, и то, что он прежде проспал как действительность, теперь же это становится для него образом — образом, в котором, разумеется, подготавливается последующая земная жизнь, где вновь имеет место поворот. Итак, всегда существует полный поворот.

Обратите внимание, что при рассмотрении соотношения форм человека необходимо выходить далеко, необходимо выходить в целый мир неподвижных звёзд. И когда выходишь в целый мир неподвижных звёзд, в мире неподвижных звёзд, как мы видели, таятся импульсы, которые уже являются причиной того, что человек имеет определённую форму своей головы, определённую форму своей груди, определённую форму своих конечностей. Мы видели, как это осуществляется. Затем мы ещё приближаемся к человеку: мы находим планетарную систему, планетную сферу. И снова находим, что эта планетная сфера формирует в человеке его жизненные ступени. Теперь мы должны войти в человека полностью. Здесь мы находим его душевное. А при погружении в это душевное дальше, нам попеременно предстают состояния бодрствования и сна, образа и действительности. Далее мы приближаемся к духовному человеку. Тогда мы обнаруживаем духовное человека.

А теперь я хочу представить вашим душам нечто такое, что многим из вас, возможно, покажется чрезвычайно абстрактным и чуждым. Однако я прошу вас, смиритесь и рассмотрите это, подобно нескольким

орехам, которые необходимо разгрызть. Ибо то, что я хочу развить сегодня в эти последние четверть часа, в действительности может когда-нибудь стать важным для вас при рассмотрении мира.

Если мы действительно придерживаемся того пути, по которому входят в человека через планетарную сферу из всей мировой системы, из небосвода неподвижных звёзд, то, при наличии для этого ситуации, вспоминается нечто совершенно определённое. Посмотрите, как математики определяют положение тела или положение точки — сегодня как раз это играет большую роль в теории относительности. Они воображают себе три линии, расположенные перпендикулярно друг другу и пересекающиеся в какой-либо точке. И если затем они хотят определить одну точку, скажем здесь точку A (см. рис.), то измеряют рас-

Доска 11

стояние до трёх плоскостей, которые определены посредством трёх линий. Таким образом, имея эти три линии, они всегда могут определить точку. Необходимо только принять эти три расположенные перпендикулярно друг другу оси, которые называют осями координат, и они могут служить им отправной точкой для определения места расположения всякой другой точки, даже всякой линии, поскольку она может быть определена, по крайней мере, только через свои точки, которые она содержит, и так далее.

В настоящее время математики чрезвычайно горды тем, что могут так математически приходить к пониманию месторасположения. Они говорят о трёх координатах, о координатах x , y и z . Но теперь для того, кто

не является чистым математиком, но кто, занимаясь математикой, всё же является человеком реальности, возникает определённый вопрос.

Он говорит себе: в жизни между рождением и смертью — и наши современные математики не считают ведь истинной жизнь между смертью и новым рождением, а всё оцениваемое ими лежит между рождением и смертью — так вот, в жизни между рождением и смертью ты как человек всегда ведь, собственно, находишься тут во внешней действительности, и из какой-либо точки как человек видишь или воспринимаешь посредством другого чувства существующее во внешнем мире. Значит, в связи с человеком всегда нужно говорить о точке наблюдения, о центре перспективы. Не правда ли, мир выглядит совершенно иначе в зависимости от того, стою ли я теперь здесь или стою там, по другую сторону. Когда я стою там, по ту сторону — ну, разумеется, имеет место значительная разница вследствие того, что я вижу вас отсюда со стороны лица, — стоя по ту сторону, я видел бы вас с другой стороны. Итак, если конкретизировать и говорить соответственно реальности, то судить о действительности можно всегда только с определённой точки зрения, поскольку человек ведь абсолютно нигде не может оторвать себя от действительности.

Но в современном мышлении имеют нечто подобное страстному желанию исключить себя из действительности. Физики хотят исключить всё субъективное. Один из современных физиков говорил: „Что, собственно говоря, существует? Что имеет бытие? — Даже в языке слово «das Sein» (бытие) происходит от слова «das Sehen» (видение), так что, включая человека, следовало бы, собственно, сказать совсем популярно: существует то, что можно видеть, поскольку основа слова «Sein» связана с «Sehen»”. — Но физик с этим не может согласиться, а поэтому уже более современный физик дал определение: существует то, что поддаётся измерению. Причём, это относят, конечно, не к человеку, а к объективному критерию — человека же исключают.

Другой пример, где исключается человек, я уже неоднократно представлял вашим душам. Вот разъясняют теорию Канта-Лапласа: берут капельку масла, лист картона на булавке — это может быть также игла, — вращают, и тут отделяются капли. Но — ничего не отделилось бы, и вся маленькая планетная система не возникла бы, если бы господин учитель не вращал! Однако, желая объяснить мировую систему, снова

упускают господина учителя. Иначе учитель должен бы сказать: «Дорогие дети, здесь возникает некая планетная система, но здесь нахожусь я, кто осуществляет тут вращение; но там вовне возникает большая планетная система, там присутствует великий Бог, вращающий там великую булавку. Иначе мир не мог бы возникнуть, если бы там снаружи не было бы соответственно великого Бога, подобно тому как здесь я являюсь для всех вас маленьким богом». — Так в действительности должен был бы сказать учитель, не правда ли?

Что ж, он этого не говорит. В современном мышлении до некоторой степени стало привычным не учитывать точку наблюдения. Её не учитывают даже здесь — в аналитической геометрии. Но трудно и отвечать на вопросы: Где, собственно, находится тот, кто это созерцает? Где же он, созерцающий это? Куда же он делся? Кто же в действительности видит здесь это обстоятельство так, что координаты x , y и z видит не перспективно? Куда же скрылся человек, видящий это таким образом? — Да, вам известно, что присутствовать *тут* он не может, *здесь* он нигде не может находиться, поскольку здесь он всегда видел бы перспективно. Вот если бы он был удалён как раз достаточно далеко, а именно по ту сторону в бесконечность, то увидел бы вертикальную линию правильно; если бы он находился в бесконечности по ту сторону, если бы он был в бесконечности там наверху, то увидел бы линию z . То есть, это, пожалуй, довольно бойкий парень, который увидел бы эти так называемые оси координат, которые для него описываются здесь (см. рис. с.287) в одной точке; он должен находиться именно в бесконечности, то есть: здесь и здесь, и повсюду он должен быть удалён в бесконечность. Это есть точка наблюдения. Тот, кто в этом пространстве наблюдает все три соответствующие измерения, расположенные перпендикулярно друг другу, должен быть повсюду. Когда говорят о пространстве, даже если речь идёт об аналитической геометрии, точку наблюдения должны всюду помещать в бесконечность.

А теперь возьмём противоположное. Теперь мы рассмотрим, как человек действительно переживает себя изнутри. Ведь он переживает себя в центре вселенной. Он в определённой мере переживает себя как точку и повсюду, собственно, визирует свои восприятия. До известной степени он имеет перед собой и вокруг себя свой горизонт. И то, что существует на горизонте, над горизонтом и под горизонтом, человек пе-

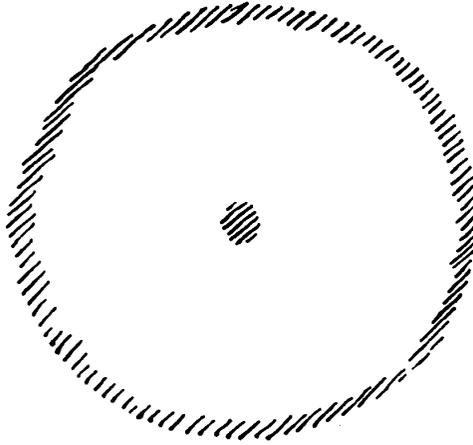
реживает так. Обозначить вам это я мог бы следующим образом. Я должен сказать: прежде всего человек воспринимает по направлению своей визирной линии — это может быть даже линия осязания — либо где-то наверху, либо внизу и, конечно, также вот сюда в мою сторону.

Доска 11

Короче, этот угол он увеличивает или уменьшает, либо раскрывает его вверх, либо вниз. То же самое делают математики, только тут они исходят из какой-либо совершенно определённой точки наблюдения. Здесь они считаются с человеком. Но и в этом они не признаются, так как для современного мыслителя стыдно включать человека в образ мира. Отсюда они говорят только об одной точке, где-то определяют другую точку, устанавливая отклонение от визирной линии. При этом говорят так: здесь точка, удалённая так, что здесь есть возможность — ну, я не хочу заходить так далеко, вводя косинус, — определить эту точку. Но она всегда иная, следовательно и её косинус также всегда другой, если точку избираешь дальше вверх или вниз. Собственно, здесь находишься внутри полной реальности, если действительно рассматриваешь эти вещи. Математики имеют это. Они называют это полярными координатами.

А теперь посмотрите, мы имеем удивительное положение. Мы можем сказать: теперь тут вовсе нет никакого бойкого парня, так как тут постоянно присутствуешь сам. Находясь где-либо, имеешь в качестве точки наблюдения центр полярных координат. Если же созерцаешь пространство, а созерцание пространства непременно является вот таким созерцанием, то повсеместно пребываешь в бесконечности. Здесь становишься бойким парнем. Но что же теперь имеет место повсюду в бесконечности, когда вы созерцаете центр, что существует всё-таки

между ними? Между точкой и бесконечностью, именно между ними, существует окружность. Выходя в бесконечность, следовательно в действительности промеряя пространство, вы найдёте кое-что внутри. А представляя себе точку наблюдения повсюду в бесконечности, вы находитесь в области созерцания неподвижной звезды. Если вы входите в центр, то здесь вы попадаете в область, где существует человеческое созерцание. Между ними существует окружность или, по крайней мере, приближающееся к окружности — это движение планет. Ничего другого и не может быть. Когда в мире передают человека посредством его души, эта передача должна происходить благодаря круговым движениям, через сферы. Это просто заложено во внутренний основной закон вселенной. Итак, между собой и бесконечностью мы должны находить обращающиеся звёзды.

Обратите внимание, что в очень древние времена из этих соотношений, из конкретных соотношений, инстинктивное ясновидение извлекало математику: мировое пространство в трёх измерениях с точкой наблюдения повсеместно в бесконечности, сферы и собственный центр. Отсюда исходили. Это была древняя математика. Сегодня математика стала уже абстрактной и говорит, собственно, только о формулах, а не о действительности. Но если созерцать действительность изнутри так, как мы сделали это сейчас, то ещё можно получить представление о

том, что во внутреннюю структуру вселенной непременно заложено то, что математик вынужден сегодня ставить перед собой, — система координатных осей или полярные координаты.

Обратите внимание, что когда *Эйнштейн* или его последователь начинает сегодня рассуждать, вы почти всегда обнаружите: исходную точку они берут от какой-либо координатной конструкции, а затем переходят к теории относительности. Не нужно удивляться тому, что всё здесь становится относительным. Ибо едва делают первый шаг — и люди как раз хотели бы его сделать, — чтобы перейти к действительности, как необходимо превращаться или должны были бы превратиться в бойкого парня, который повсюду присутствует в бесконечности. И тут уже не в том дело, одной милей больше или меньше, далеко ли друг от друга, или ещё дальше расположены диаметр Земли или Солнца. Отсюда все вещи становятся относительными. Отсюда и теория относительности, потому что точка наблюдения расположена в бесконечности, и не в том дело, далеко ли или немного дальше. Тут тогда всё становится относительным, когда созерцают на чисто произвольно приведённых основаниях. По сути дела это правильное основание, психологическое основание. Необходимо только смотреть вглубь этих вещей.

Теперь, исходя из полученных нами сегодня предпосылок, мы завтра снова кое-что построим.

Дорнах

Суббота, 5 ноября 1921 года.

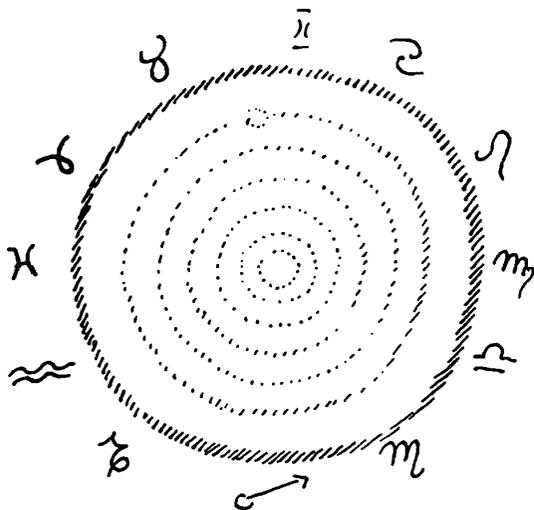
В последнее время мы размышляли о человеке и о его связи с космосом. Кто в настоящее время в курсе лишь современного восприятия мира, тому ещё кажется, пожалуй, довольно абсурдным, когда бытие человека с бытием космоса соединяют таким способом, и, можно сказать, в самых широких кругах сегодня не считают такое соединение научным. Однако в настоящее время уже крайне необходимо в отношении духовных направлений современности со всей энергией указывать именно на вещи, подобные тем, которые мы представили теперь в этих рассмотрениях. Ибо можно сказать, что эти вещи непременно касаются пути современного мышления. Но в то же время это современное мышление со всей запальчивостью их отвергает. Этим причиняется несказанный вред духовной жизни человечества.

В настоящий момент мы сделаем некоторое обобщение на основании высказанного мной здесь в последнее время. Мы уже рассмотрели форму человека как результат, основание которого необходимо искать в небосводе неподвижных звёзд, в особенности в его представителе — в зодиаке. Таким образом, мы увидели: желая понять форму человека, формирование, очертание, мы должны сначала смотреть на зодиак как на представителя небосвода неподвижных звёзд. Итак, мы имеем тут зодиак, разделённый на двенадцать созвездий, и, изучая эти двенадцать созвездий зодиака, мы получаем возможность — мы это уже видели — понять человеческую форму вплоть до её деталей.

Затем, желая понять ступени жизни человека, мы должны были созерцать планетарную систему и в планетарной системе находить элементы для понимания человеческих жизненных ступеней.

А потом наш путь повёл нас от понимания ступеней жизни к пониманию душевного. Но здесь мы уже должны были обратиться к самому

Доска 13

человеку, к тому, что в нём живёт. И тогда мы попытались найти душевное в форме человека и в ступенях его жизни, судя по представлениям, чувствуванию и волевым импульсам. А вчера мы в свою очередь пытались уже в душевном найти духовное человека.

Тут, стало быть, из окружения Земли мы входим с рассматриваемым нами душевным, я бы сказал, в собственную земную жизнь, когда душевное рассматриваем в жизни человека между рождением и смертью. Но рассматривать его мы можем только тогда, когда учитываем его истинные связи с человеческой формой и человеческой жизнью.

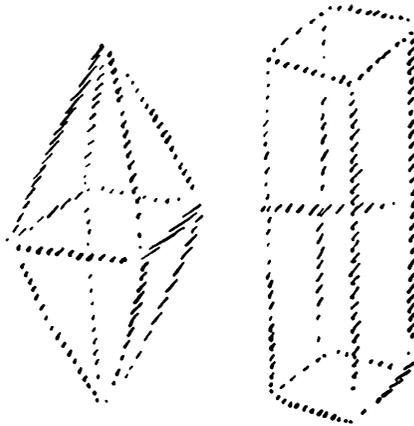
В свою очередь, в душевном мы должны искать тот дух, о котором мы вчера говорили, что его в действительности человек переживает только образно. Тут, если я могу так выразиться, мы спускаемся с неба на землю. При рассмотрении формы человека нам следует идти вплоть до неподвижных звёзд, при рассмотрении жизни человека нам следует идти вплоть до планетарной сферы, но при рассмотрении души человека в её соотношениях в период между рождением и смертью мы должны сначала спуститься к земному. В ходе этого рассмотрения для нас целое возникает из связи человека с космосом.

Теперь, когда мы оценили по достоинству этот факт, мы уже в состоянии, исходя из него, провести пограничную линию между живот-

ным и человеческим. А именно, это можно осуществить следующим образом. Если вначале мы рассмотрим то, что можем понять через зодиак, и рассмотрим это у человека и у животного, то оно на самом деле представится нам по-разному. Но чтобы охватить эти обстоятельства в целом, мы должны исходить из того, как эти различные элементы: зодиак, планетная сфера и Земля со всем тем, что мы уже рассмотрели вчера, действуют на человека и на животное.

В человеке мы имеем прежде всего его физическое тело. Ведь это физическое тело предстаёт нам не в той форме, которая обычно нам известна как физическое вне человека. Вне человека физическое предстаёт нам в минеральном царстве и в его формообразованиях. То, что предстаёт нам в минеральном и в его формообразованиях, конечно же, очень непохоже на физическое тело человека. Но оно непохоже на физическое тело человека только потому, что у человека физическое облачено в эфирное, астральное и в сущность «Я», и каждое из них это физическое изменяет, каждое из них это физическое приспособливает к себе, между тем как во внешнем физическом это физическое предстаёт нам в минеральном царстве без наполнения эфирным, астральным и сущностью «Я».

Если мы внимательно посмотрим на исконную форму минерального, она предстаёт нам в форме кристалла, в многогранной форме (см. рис.);

Доска 13

минерал предстаёт нам как-либо многогранно. Эта многогранная форма предстаёт нам у одного минерала в одном виде, у другого — в другом.

Мы не можем её постичь иначе, как только созерцая сначала материальное, которое сформировалось, исходя из сил, являющихся деятельными именно внутри пространства минерала. Представим себе: если мы имеем какой-либо длинный минерал, то существуют силы, действующие в этом направлении (рис. справа), способные вытянуть минерал именно в длину. Силы, действующие в этом направлении (справа, горизонтальный штрих в середине), разворачивают тогда, пожалуй, меньшее усилие — или в данном случае мы выразим это так — они делают минерал более узким в этом направлении и так далее. Короче, чтобы мы вообще могли говорить о минеральном — безразлично, действуют ли эти силы снаружи внутрь или же изнутри наружу, — необходимо представлять себе, что эти силы находятся под углом друг к другу, действуют в определённом направлении, и прежде всего необходимо представлять себе, что эти силы существуют именно здесь во вселенной, по крайней мере, что они действуют внутри сферы влияния Земли.

Но раз они действуют, тогда они должны действовать и на физическое тело человека, а физическое тело человека должно иметь в себе тенденцию становиться многогранным. В действительности оно не становится многогранным лишь потому, что имеет ещё своё эфирное тело и своё астральное тело, не позволяющие привести человека к тому, чтобы он стал кубом или октаэдром, или тетраэдром, или икосаэдром и так далее. Но в человеке существует тенденция стать чем-либо таким, так что мы даже можем сказать: поскольку человек является физическим существом, он сообразно с этим стремится стать многогранным. Если вы радуетесь, что не бродите повсюду в виде куба или тетраэдра, или октаэдра, то происходит это именно потому, что против существующих в вас октаэдрических или кубических сил действуют другие силы — силы эфирного и астрального тел.

Однако человек является не только физическим телом, но несёт в себе и своё эфирное тело. Существование его посредством своего эфирного тела делает его опять-таки единым существом с растительным миром. Как благодаря своему физическому телу он до определённой степени представляет окружающий мир, поскольку этот мир является минерально-физическим, так и благодаря существованию посредством своего эфирного тела он представляет окружающий мир, поскольку тот является растительным.

Растения, конечно, имеют тенденцию быть многогранными, потому что они тоже включены в физическое, но они к этой тенденции быть многогранными добавляют ещё другую, а именно — становиться шарообразными. Через всевозможные процессы минерал может также однажды появиться в форме шара, но в действительности шарообразная форма ему не свойственна. Когда минерал предстаёт шарообразным, это должен быть только какой-нибудь валун или нечто подобное ему. Его исконная форма — это многогранник. Но у растения мы имеем форму шара, и каждая отдельная клетка растения, собственно, хочет

Доска 14

сформироваться шарообразно. Итак, растительному свойственно это стремление к форме шара — человек самую малость испытывает это только на своей голове. Следовательно, шарообразной формой, человек тоже обязан тому, чем является растительное бытие. Тем что не все растения являются шарообразными, они обязаны тому обстоятельству, что, во-первых, в них шаровая форма борется против многогранной формы, вследствие чего получается результирующая, а уже растительная форма борется против космически-астрального. Из прежних лекций вы уже знаете, что сверху на растение оказывает давление космически-астральное. Вследствие этого видоизменяется шаровая форма. На самом деле шары располагаются друг над другом. Однако изначальная форма растительного, по сути дела, является шарообразной.

Но вместе с тем, стремясь к шарообразной форме, растение воспринимает форму самой Земли. Растение принимает форму Земли. Ведь Земля, как вы знаете, в космосе сформирована шарообразно. Шарообразно сформирована также каждая капля воды. Только часть Земли, её минеральная часть, сформирована по принципу многогранника. Вся Земля сформирована в космосе шарообразно. Так что мы можем сказать: форму шара растение имеет сообща с самой Землёй. То есть, растение, или живое, стремится к шарообразной форме и, по сути дела, в

этой форме шара старается копировать то, что в качестве формы имеет Земля.

А теперь подойдём к тому, чем же благодаря своему астральному телу является человек. Здесь он есть нечто такое, благодаря чему он представляет существующее в животном мире — животное существо. То есть, если в физическом мире у минерального существа мы ищем многогранную форму, то у растительного мы находим шарообразную форму, скопированную с Земли (см. рис. с. 297).

Ну а животное существо становится нам понятным, если мы не остаёмся на шарообразной форме, а продвигаемся к чему-то другому, то есть, если в процессе формообразования мы добавляем теперь кое-что к шарообразной форме. Что же это такое, что мы должны добавить к шарообразной форме? Это форма кармана, я бы даже сказал, форма мешка, — карман. Именно животное обнаруживает эту стран-

Доска 14

ность — повсюду проламывать шарообразную форму посредством карманообразного. В шаре повсюду образуются карманообразные углубления. Это и является существенным в животном формировании — снаружи внутрь образуются мешки. Посмотрите на свои глазные впадины — это два кармана, проходящие снаружи внутрь. Если вы посмотрите свои носовые полости — два кармана. Если, наконец, вы рассмотрите весь пищеварительный аппарат, начиная от полости рта и до желудка, то получите карман, исходящий от полости рта и спускающийся вниз. Когда речь идёт о том, чтобы образовать переход от растительного к животному, повсюду существует эта форма кармана, добавляющаяся к шарообразной форме. Это и есть карман, форма кармана.

Эта форма кармана становится нам понятной, когда мы поднимаем взор от Земли к планетной системе. Вы уже легко можете представить

себе: Земля имеет стремление дать свою собственную форму всему живому на ней. Но когда снаружи воздействует планета, она противодействует земным силам, и тогда проседает то, чему Земля придаёт шарообразную форму, и разнообразные животные существа оказываются

Доска 14

сформированными различнейшим образом с такими мешками и карманами. Давайте посмотрим на планеты, на их различное воздействие. Сатурн действует в процессе проседания иначе, чем Юпитер или Марс. Просто лев оснащён внутренними мешковидными полостями иного рода, поскольку на него направляются не те планетарные воздействия, каккие, например, на верблюда и так далее. Итак, тут мы имеем образование мешков.

Но вот у высшего животного, а также у человека (и, прежде всего, именно у высшего животного, у низших животных это несколько иначе), появляется кое-что, приходящее уже не только от планетарного, и можно сказать, что у животно-человеческого существа — ибо высшие животные обнаруживают нечто подобное — возникает теперь не просто форма кармана. Форма кармана возникла бы лишь тогда, когда воздействие происходило бы только от планет и не было бы воздействия небосвода неподвижных звёзд. Но к форме кармана добавляется ещё кое-что. При определённых условиях человек вполне достаточен, если он не просто имеет карман, но ещё и кое-что внутри; и у животно-человеческого существа действительно это наступает, когда появляется карман с наполнением. То есть: шарообразный карман, и он наполнен.

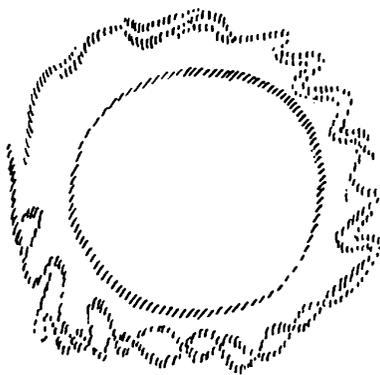
Доска 14

Стоит только рассмотреть органы чувств, например глаз, и тут вы прежде всего имеете карман — это глазные впадины, а затем заполнение. И тут это заполнение, в особенности происходящее в органах чувств, связано с зодиаком, как и форма кармана связана с планетной сферой. Поэтому человек, который в этом отношении обладает самой совершенной животной организацией, имеет двенадцать карманов с наполнением, хотя и замаскированы они по-разному. *Отсюда в своей «Антропософии»* я должен был перечислить двенадцать органов чувств.

Теперь можно спросить обратное: в таком случае с чем в космосе связано многогранное? Обратите внимание, представляя нам, Земля как целое имеет, собственно, жизненную форму, и она являла бы собой только эту форму, будучи только водой. Но в воду самым разным образом проникает нарушение. Эти нарушения вы можете наблюдать, например, при отливе и приливе. Вода в это время формируется.

Доска 13

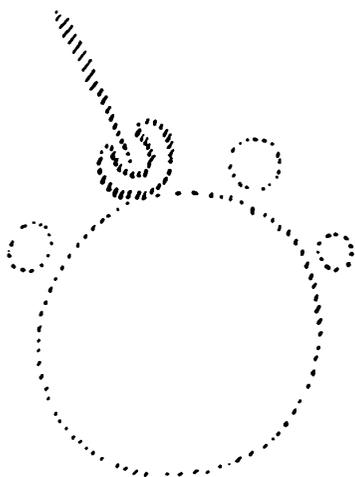
А теперь вернёмся в давние времена формирования жидкой Земли, когда она получала твёрдые элементы. Ведь и сегодня известно, как прилив и отлив связаны с Луной. Так же и всё многогранное, всё встраивающееся в Землю в виде многогранного, связано с Луной. Так

что можно сказать: многогранное или физическое существо человека связано с Луной, его растительное или эфирное существо связано с Землёй, его астральное существо, создающее карманоподобную форму, связано с планетной сферой, а заполнение кармана — с зодиаком.

Доска 14

Physisches Wesen Физическое существо	– polyedrisch: многогранное:		Mond Луна
Pflanzliches Wesen Растительное существо	– Kugelform: шарообразная форма:		Erde Земля
Tierisches Wesen Животное существо	– Taschenform: форма кармана:		Planetensphäre планетные сферы
Tierisch-menschliches Wesen Животно-человеческое существо	– Tasche mit Erfüllung: карман с наполнением		Tierkreis зодиак

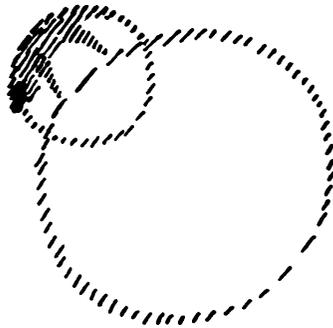
Однако отмеченное мной здесь касается человека иначе, чем животного. Посмотрите, в действительности у животного небосвод имеет значение вплоть до зодиака, то есть располагающееся тут внутри. А то, что располагается за пределами зодиака, для животного значения не имеет. Поэтому очень правильно древняя мудрость назвала это зодиаком, животным кругом, ибо она могла добавить: могло бы и не быть всего существующего тут во вселенной за пределами зодиака, а животные на Земле были бы такими же, какие они есть. Для животного имеет значение только то, что существует ниже зодиака вместе с Землёй и Луной. Но существующее за зодиаком имеет значение для человека. И именно то имеет значение для человека, что располагается за зодиаком, поскольку оно воздействует на заполнение карманов. Итак, на то, что заполняет наши карманы, оказывает влияние ещё и существующее за зодиаком. У животного этого не происходит. Это имеет место лишь у человека: то, что находится за зодиаком, действует на заполнение карманов (см. рис. с. 301).

О животном следует сказать: всё, что расположено в зодиаке, воздействует на заполнение карманов. Значит, у животного мы должны войти в сам зодиак, чтобы объяснить, чем отличается заполнение его карманов. У человека при желании объяснить себе, что происходит, например, в его органах чувств, мы должны выйти за пределы зодиака (см. рис.). Благодаря этому человек своим отношением к космосу продвигается выше зодиака. Животное — нет.

Кроме того, с животным происходит так, что на карманы непосредственно действует планетарная сфера как таковая. То есть мы можем сказать, что она воздействует на карманы. Благодаря тому, что у животного планетарная сфера непосредственно воздействует на карманы — а карманы простираются внутрь и внутри образуют органы, — животное получает свои внутренние органы вполне совершенными, адекватно скопированными с того, что соответствует планетной сфере. Человек, наоборот, слегка продвигается наружу. И мы можем сказать, что у человека область, воздействующая на его карманы, находится уже по направлению к зодиаку.

У животного непосредственно воздействует Земля на всё то, что в нём стремится быть шарообразным, — непосредственно на его шарообразную форму. Не так это происходит у человека. Иначе и человек стал бы животным, и его устремления к шарообразному были бы, как у жи-

вотного. Ведь животное, по сути дела, в некотором смысле хочет стать шарообразным. Здесь (см. рис.) оно имеет свой позвоночник, затем ноги. Только ему препятствуют в образовании полного шара. Часть этого шара является позвоночником. Но как человек стремится прочь от зодиака и от планетной сферы по направлению к зодиаку, так же он устремляется прочь и от земного. Мы можем сказать: шарообразная форма человека формируется по направлению к планетарной сфере. Он становится прямостоящим существом. Он устремляется прочь от чистого приспособления к земному.

А, имея в виду многогранное, мы должны сказать о животном: Луна непосредственно даёт ему многогранное. Человек же стремится уйти и от влияния Луны, можно сказать, за пределы Луны, и там, между Землёй и Луной, получает то, что человеку даёт многогранное. И так, то, что даёт человеку многогранное, необходимо определённым образом искать между Землёй и Луной. Но вследствие этого Луна всё-таки действует на человека. Несмотря на это, она как Луна остаётся действующей. Таким образом, пятым фактором мы должны видеть саму Луну, являющуюся всё же причиной многогранного у животного. Что же она делает в таком случае у человека? Она также вызывает многогранное, но в образе; и в то время как животное имеет многогранное в своей конфигурации, человек приходит к тому, чтобы извлечь это из своего организма. И это — математически-геометрическое представление, оно превращается в образ, оно выдвигается из тела, и человек в настоящее время представляет преимущественно математически и хотел бы всё по-

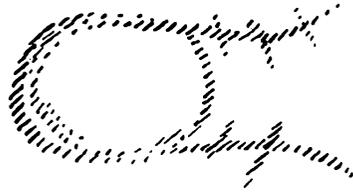
стичь математически, так как через влияние Луны он может извлекать своё собственное многогранное и благодаря этому впускать его в сознание. Так что можно сказать, что от Луны приходит понимание многогранного в образе.

Для человека:	За зодиаком	Заполнение карманов
	По направлению к зодиаку	Карманы
	По направлению к планетной сфере	Шарообразная форма
	За пределами Луны	Многогранное
	Луна	Понимание многогранного в образе
У животного:	Зодиак	Заполнение карманов
	Планетная сфера	Карманы
	Земля	Шарообразная форма
	Луна	Многогранное

Вы видите, что, прослеживая связь человека с космосом, мы приходим не только к тому виду формообразования, которое мы уже изучали в последние годы, но и постигаем, как, например, человек формируется внутри: как он в виде мешка, в виде кармана образует свои носовые полости, как в виде кармана он образует свой желудок. Если пойти ещё дальше, то можно вообще постичь органы, как они тут формируются внутри, исходя из всего космоса. И если мы хотим понять человека, то всегда должны прибегать к помощи космоса. Мы должны, так сказать, повсеместно пользоваться помощью космоса, когда спрашиваем: почему же человек имеет тот или этот орган, например своё лёгкое. Лёгкое, собственно говоря, тоже можно понять, если сначала, пока человек ещё является эмбрионом, постигаешь его как мешкообразную вмятину, в которую здесь закладывается материя, а затем мешкообразная вмятина прорывается наружу, и орган как таковой завершается внутри. Мы изучаем, почему внутри человека есть лёгкое или вообще какой-либо орган, когда рассматриваем этот орган происходящим из некоего мешка, а дно этого мешка, то есть то место, где он заканчивается тупиком, уплотняющимся и принимающим особые конфигурации благодаря другим условиям. Если мы имеем такой орган, как желудок, то тут мешок уходит внутрь. Если имеем такой орган, как лёгкое, сердце или почку, то ви-

дим, как он образуется: сначала тоже в виде мешка, но затем мешок уплотняется и отрывается своим внешним концом — здесь мешок уплотняется (см. рис.), а тут отрывается, и орган существует здесь как внутренне изолированный орган.

Доска 13

Но даже в случае этих изолированных органов, когда мы себя спрашиваем: почему они располагаются в человеке на определённом месте, почему они имеют ту или иную форму? — мы повсюду должны приходить к рассмотрению человека в его связи со вселенной. И понять внутреннее строение человека мы можем, только рассматривая его в связи со вселенной.

Тут современный естествоиспытатель, услышав, что антропософия хочет объяснить лёгкое, сердце, печень и так далее, исходя из космоса, скажет: „Полное помешательство! Полное помешательство”, — скажет современный естествоиспытатель. В особенности так скажет медик: „Полное сумасшествие!” — Но в действительности этого не должно быть, поскольку ему следовало бы осознать, что антропософия на самом деле выступает ему навстречу на тех путях, которыми он — правда имея определённые шоры — стремится идти. Я хотел бы вам привести некий род маленького доказательства.

Здесь передо мной лежит брошюра, которую в 1894 году написал довольно часто упоминавшийся здесь врач, медик и биолог, криминальный антрополог *Мориц Бенедикт*. Я часто цитирую Морица Бенедикта, хотя в действительности делаю это совсем неохотно, поскольку, во-первых, этот человек во всех своих рассмотрениях, можно сказать, действительно самонадеян. Он чрезвычайно самонадеянный человек, который очень нравится сам себе. Во-вторых, он неисправимый кантианец. Разумеется, как смягчающее обстоятельство во внимание принимается то, что он кантианство сформировал себе по-своему и затем с определённой непреклонностью представлял его. Но всё-таки он чрезвычайно одарённый человек. Несмотря на то, что обо всём приближающемся к

антропософскому и подобному ему он абсолютно ничего не хотел знать, можно тем не менее сказать, что этот человек просто через своё пребывание в медицине и в естествознании приходит к определённомu чистосердечному суждению о ценности своей научности. Он не может выйти наружу, но удивительным образом наружу выглядывает. Другие сидят в своей науке, как в какой-то тюрьме, и никогда не выглядывают. Он же постоянно смотрит наружу, и тут он приходит-таки к чрезвычайно интересным вещам. И когда его самонадеянность нажила ему очень много врагов, он высказывается одним по поводу других, кажущихся ему врагами без маски; кроме того, ведь всегда существуют «хорошие друзья». Тут он кое-что высказывает по поводу своих коллег, среди которых уже в силу этого он никогда не мог быть правым, тут он кое-что высказывает, однако, чрезвычайно характерное. Конечно, он совсем ничего не знает об антропософии, но тем не менее, ведь антропософию можно рассматривать в отношении её свойств, и можно сказать, что он во всяком случае настроен антиантропософски. Но этот антиантропософ, например, в брошюре, лежащей передо мной, всё же говорит: „Фарисейство игнорирует либо преследует все учения и факты, не соответствующие его мировоззрению, и преследует оно не только учение, но с ещё большим ожесточением — учителей. Фарисейство — это исключительно своеобразное жаркое. Оно благоухает для носа фарисея и источает едкий, раздражающий обоняние запах для других. Фарисейство так естественно переплетено с профессией учёных, что я, несмотря на свою ненависть к фарисейству, часто спрашиваю себя: как часто ты уже был и в каких многих случаях являешься фарисеем? Я был бы очень благодарен каждому, кто мне точно ответил бы на этот вопрос”.

Я, со своей стороны, разумеется, убеждён, что он не поблагодарил бы, а изрядно обругал бы того, кто обратил бы его внимание на его собственное фарисейство, кто его самого таким образом уличил бы в этом. Но в своей, присущей ему манере, он хорошо усматривает фарисейство, отмеченное у других.

Но вот он заговорил о своей собственной истории развития, посредством которой он хочет разъяснить, что он стал как раз иным медиком, чем господа коллеги. Тут он говорит: „Для моей истории развития, а также для научной позиции в этом вопросе, который нас здесь занимает, были губительны два тяжёлых удара судьбы”.

Вы конечно в равной мере тоже немного ощутите сильную долю самонадеянности в таком изложении: „Прежде чем я стал медиком, первое, что я изучил — это математику и механику. Тогда в венском университете у нас был значительный математик, профессор фон Эттингсгаузен (*von Ettingshausen*), который читал нам лекции о труднейших проблемах математической физики и расположил нас к этому. От него я слышал, как развивались учения Коши (*Cauchy*) и Пуассона (*Poisson*), а от Петцваля (*Petzval*) мы научились облекать механические проблемы в математические формулы. А теперь будет легко показать, как убийственно математическое мышление для медика, в особенности же, если он врач-клиницист”.

Остановимся на этом. Давайте посмотрим, почему же это убийственно, и особенно, если он кое-что знает о медицине! Тут профессор Бенедикт рассказывает дальше. Казалось бы, то, что он был математиком, было для него добрым ударом судьбы, но он называет это скверным ударом судьбы на основании того, что благодаря этому он ведь научился думать. Другие врачи-клиницисты этого не умели. За это они его ненавидели. А ненавидели они его, потому что он изучил это, ибо иначе он тоже не понимал бы ничего другого, кроме того, что понимали в медицине другие врачи-клиницисты.

„Вторым ударом судьбы, постигшим меня в юные годы, было то, что я учился у Шкоды (*Skoda*) и ещё сегодня остаюсь привязанным к его учению. Он был Кантом медицинской теории познания и достиг вершины своего духа не в книгах, а в дискуссиях о диагнозах, о терапевтических показаниях и особенно в эпикризах по проведённым вскрытиям трупов. Шкода в своей юности был математиком” — что, таким образом, было тоже ударом судьбы! — „и отсюда внедрил в медицину это важнейшее, это фундаментальнейшее учение о медицинской методологии мышления, но к сожалению всегда только для отдельных вопросов; это важное учение, которое я воспринял от Шкоды и запечатлел уже во многих своих математических исследованиях, говорит о том, что во всяком научном порядке представления доказательств и их оценки необходимо осознавать не только то, что известно, но также и то, что ещё неизвестно”.

Таким образом, Бенедикт был солидарен со Шкодой. В современном естественно-научном методе — ибо они говорили о нём — следует

вообще хотя бы просто осознать не только то, что известно, но также и то, что ещё неизвестно. Теперь этот принцип Бенедикт фактически защищал с определённым фанатизмом в многочисленных трактатах: необходимо не только обращать внимание на то, что известно, но и на то, что неизвестно. Дальше он об этом говорит: „Но преобладающему большинству биологов это основное правило медицины неизвестно и даже непонятно. Когда, например, несколько лет тому назад я послал одному известному зарубежному анатому рукопись на иностранном языке с просьбой внести в неё языковые поправки, он написал на полях, где я привёл вышеупомянутый тезис, что ему непонятен смысл этого”.

Таким образом, Бенедикт писал, что следует внимательно смотреть также на то, что неизвестно, и хотел, чтобы другой правильно перевёл ему смысл этого тезиса на французский язык. Тогда тот написал, что он это не понимает.

„Когда я показал это замечание на полях профессору высшего технического училища, тот усмехнулся. Для каждого человека, имеющего дело с точной наукой, этот тезис всё-таки является само собой разумеющимся”.

Он усмехнулся, так как понимает математический метод мышления; он усмехнулся, потому что внутренне посмеялся над медиками, которые полагают, что не стоит принимать во внимание то, чего они не знают. Инженер это должен знать, поскольку он ведь имеет математическую подготовку.

„Но когда одному известному учёному-медику в Вене я сообщил как курьёз замечание зарубежного коллеги, тот простодушно сказал: «Да как же можно знать неизвестное?» — Этот исторический анекдот бросает яркий свет на медицинскую методику мышления, всецело ещё господствующую сегодня, и на колоссальные заблуждения, ежедневно и ежечасно встречающиеся в медицинской литературе”.

Я читаю вам тезисы одного медика! Но теперь наступает нечто чрезвычайно важное. А именно, Мориц Бенедикт пишет о том, как это происходит в медицинской науке, потому что неизвестное никогда не принимают во внимание: „Проблемы назрели преимущественно в биологии, например функция органа. Предпосылки этой функции отчасти неизвестны и ещё должны быть найдены”.

Теперь он приводит пример: „Печень, например, выделяет жёлчь.

Причиной этого, прежде всего, являются специфически биохимические свойства клеток”.

Мы не будем принимать во внимание то, что он говорит здесь о биохимических свойствах клеток, это не имеет никакого истинного значения. Мы стоим тут, конечно, как раз на той же позиции, исходя из которой, он говорит о печени.

„Нужно искать причины возникновения этих различных свойств”, — то есть он хочет искать причины того, вследствие чего печень отличается от других органов; следовательно, теперь он хочет внимательно взглянуть на неизвестное. Известно, что печень выделяет жёлчь. Но вот появляется неизвестное, и тут он, обратите внимание, перечисляет довольно много.

„Нужно искать причину того, как возникают эти различные свойства, как строится орган из элементов, как он попадает на своё место, почему он находится именно в существующей связи с окружающими органами, как он с помощью специфических гемодинамических сил и гемостатических отношений прямо сохраняет специфичность своих клеток, как он своевременно и с нужной интенсивностью побуждается к функционированию с помощью рефлекторной, центральной и периферийной нервной системы, которая является предпосылкой всеобщего питания, чтобы сохранить функцию и её своевременность, предпосылки которой вредно действуют на неё же, так что наступает мгновенное или продолжительное разрушение функций, и так далее”.

Всё это является неизвестным. Это неизвестное должно продолжаться. Но тут Мориц Бенедикт продолжает дальше: „Наука поднимает эти вопросы один за другим в ходе длительного промежутка времени”. — Итак, вопросы лишь поднимаются! — „Но литература каждого времени принимает во внимание известное без постановки вопроса о неизвестном и притворяется, как будто основная проблема уже полностью решена”. — То есть, о неизвестном не говорится. Такие люди, как Мориц Бенедикт, доходят, по крайней мере, до того, что перечисляют все эти неизвестные. — „Поэтому во всякую эпоху современные преобладающие учения являются правильными лишь в малой степени и содержат колоссальный процент современных и унаследованных заблуждений, продолжающих распространяться подобно первородному греху также и на будущие поколения”.

О чём, собственно, говорит этот медик? Он говорит: „Мы имеем медицинскую литературу, но в действительности она принимает во внимание только то, что известно”. А неизвестное, оно через продолжительные промежутки времени всегда всплывает снова. Что же хочет этот Бенедикт? Он хочет, чтобы неизвестное всё-таки осознавалось. Что таким образом произошло бы, например с печенью? Истинный медик, в противоположность Бенедикту, описывая теперь печень, пытался бы искать биохимические свойства клеток печени, пытался бы привести факты, что печень выделяет жёлчь. Тут он доволен, поскольку не говорит о неизвестном. Бенедикт бы сказал: „Хорошо, печень выделяет жёлчь; это проистекает из биохимического свойства клеток печени. Но, являясь научным исследователем, я также должен сказать обо всём, что я не знаю о печени и жёлчи”. Таким образом, в свою книгу он впишет: это известно; но неизвестно, как печень оказывается на своём месте, как действует на печень статика крови, точнее статика и динамика кровообращения, что должна делать с печенью нервная система, общая нервная система и отдельные нервы, и как осуществляется вклад печени в питание. На это всегда указывалось бы как на неизвестное. Благодаря этому книги Бенедикта отличались бы от других. Следовательно, научно он был бы очень скромным.

Но, говорит он, эти вопросы о неизвестном всплывают в ходе столетий; однако так, как здесь ставятся эти вопросы, когда их подводят к их истинному основанию, даже оставаясь на образе мыслей Бенедикта, можно было бы ждать до скончания века и всё регистрировать известное, а затем неизвестное с множеством вопросов. Книги Бенедикта всегда отличались бы от других только тем, что тут всегда имеется неизвестное, поскольку Бенедикт никогда не соглашается с тем, что неизвестное должно быть выведено в космос, что неизвестным это будет до тех пор, пока его не прояснят, исходя из космоса.

Вы видите, что здравомыслящий медик высказывается, исходя из своей медицины: тем, что имеется в нашем распоряжении, мы не в состоянии объяснить человека, мы можем только регистрировать известное. Только он упорствует в нежелании участвовать в том, что в настоящее время — конечно, тоже медленно и постепенно — даёт ответ на эти вопросы, которые он вынужден представлять как неизвестное.

Итак, здесь в обычной науке существуют вопросы. Антропософия

идёт навстречу вопросам обычной науки. Это действительно так. Это со всей энергией необходимо подчёркивать всё снова и снова.

Мориц Бенедикт находит, что все дурные привычки, существующие именно в его науке, проистекают как раз оттого, что люди ничего не знают о неизвестном, а к человечеству подходят ныне с тем, что устанавливают, исходя только из очевидно фактического. Здесь он как раз снова становится всецело саркастическим, характеризуя это далее: „Эта научная безалаберность сегодня всё так же процветает...” — это имеет место не у него, это у господ коллег! — „Эта научная безалаберность сегодня всё также процветает, как и тысячу лет назад, впрочем, она возросла ещё больше, чем когда-либо, так как возросла скорость производства”.

Раньше, полагает Бенедикт, могли не так быстро предавать гласности свои дурные привычки.

„Каждая мимолётная идея, каждое мимолётное предприятие сегодня публикуется так быстро, что только лишь «телеграфные средства» отсутствуют в медицинской журналистике, и возможно мы ещё испытаем это — будут сооружены телефонные будки, лишь бы научные «идеи» и девяти минут не оставались без использования. В прежние времена в отличие от нынешнего времени одной публикации предшествовало больше года”.

Что ж, в конце концов, Мориц Бенедикт вполне мог соответствующим образом отзываться о публике, прислушивающейся к медикам и верящей им! Публику он характеризует просто таким высказыванием: „Майер, Мюллер, Шульц, Шмидт — участвуют во всяком бесчестном поступке”.

Но потом, с другой стороны, он заговаривает по поводу того, что теперь он должен упрекнуть этих коллег — бесчестные поступки существуют именно у его коллег — и тут высказывает следующее: „Эти недостатки в биологии не исправить, пока не начнётся большая реформа по медицинскому воспитанию преподавателей. Кто не предоставит доказательств, что проделал серьёзные математические и механические исследования, тот не созрел быть мыслителем и исследователем, а следовательно, ещё меньше готов быть преподавателем. Личная гениальность многого достигла, но она хромает и всегда будет хромать, пока не пройдёт путь математической школы”.

Математика, разумеется, не требуется каждому, кто хочет прислушаться к разумным вещам. Но к разработке, к действительной разработке реальной науки непременно относится математический квалифицированный метод мышления. Поэтому уже даже Платон — которого, впрочем, Мориц Бенедикт изрядно ругал — написал на входной двери: вход здесь (именно в платоновскую академию) только для математически образованного, — но это, разумеется, не мешает философам нового времени, не квалифицированным в области математики, писать о Платоне. Так что действительно можно сказать: „О Платоне сегодня большей частью пишут люди, которым, если бы Платон со своей школой был ещё здесь, разрешили бы сидеть только лишь перед её дверью”.

Но из того, что я сообщил вам из брошюры Морица Бенедикта, вы видите, каково отношение современной учёности к тому, чего она сама должна бы желать, и как судит тот, кому — хоть он и не является антропософом — открылось кое-что в голове только благодаря тому, что он несколько самонадеян и из-за своей самонадеянности пришёл к некоторому конфликту со своими коллегами. Итак, давайте непременно проясним себе: положение сегодня уже таково, каким его обязано изображать непредвзятое антропософское познание, а доказательства, если только пожелают, могут найти повсюду в самой внешней научной деятельности.

Но что необходимо сказать, так это то, что человека действительно учатся рассматривать так, как находят это вполне разумным в физике. В эти дни я уже даже приводил вам сравнение: если изучают магнитную стрелку и исходят из того, что её направление определяется её внутренними силами, то никогда не поймут северные и южные силы магнитной стрелки. По этому поводу необходимо уяснить себе, что вся Земля имеет две силы, что полюсы этих двух сил устанавливаются извне. И такая же бессмыслица — укладывать человека на хирургический стол и стремиться понять всё его существо из того, что находится внутри его кожи. Нужен целый мир, чтобы действительно понять то, что существует в человеке и за его пределами.

Дорнах

Воскресенье, 6 ноября 1921 года.

Мы проследили, как формообразование человека, формирование жизни, душевное и духовное соотносятся с космосом. И оглядываясь на различные части рассмотрений последнего времени, мы из всего этого сможем сегодня поставить перед своей душой — как некий род экстракта — примерно следующее. Мы можем сказать: в глубоких подосновах человеческого существа прежде всего покоится желание. Желание (см. схему с. 320 — 321) во многих отношениях является — если я могу так выразиться — самым таинственным элементом человеческого существа. При рассмотрении морального нам должно бросаться в глаза, как из морального — но из каких же непостижимых глубин — восходят вверх наши жизненные заблуждения, наши склонности, которые часто являются абсолютно враждебными миру; как из подоснов желания вверх устремляется всё то, что в соответствии с представлениями может представлять пред нашей душой в укорах совести или в упреках самому себе.

Мы знаем также, что это желание существует на основании соответствующего таинственного элемента, наша власть над которым незначительна. Это тот инстинктивный элемент, который гоняет нас туда-сюда по волнам жизни, хотя мы не всегда можем сказать, что в этой гонке туда-сюда мы тоже принимаем участие своими сознательными импульсами. В другом отношении — относительно познания — мы должны всегда подчёркивать, что как собственное существо волевого импульса, так и то, что переживает человек в глубоком сне, во сне без сновидений, располагается, по сути говоря, вне человеческого сознания. Так что даже в этом отношении желание излито в наше человеческое существо как некий смутный, полный таинственности элемент.

Но при рассмотрении человека в отношении его духовности, мы не можем, конечно, понимать эту духовность примерно так, что человек участвует в ней только в бодрствующем состоянии или в осознанных представлениях. Но он в ней, в духовности, принимает участие также и во время сна, и даже в той части своего существа, в которую излито желание, то есть, где его существо точно так же приближается — если я могу так сказать — к переживанию глубокого сна. Поэтому мы можем себе представить, что дух присутствует как раз и в спящем существе.

И именно в отношении желания мы можем различать некую двойственность. Прежде всего мы можем перед своей душой поставить то желание, которое направляет, побуждает нас к деятельности в период от пробуждения до засыпания, если мы не являемся откровенными лежебоками. Конечно, мы не можем всматриваться в суть этого желания, но его последствия, поскольку мы можем их представлять, выступают перед нами в нашем сознании. Мы не знаем, как действует наш волевой импульс, когда мы идём, но в ходьбе мы видим себя передвигающимися вперёд. Мы представляем результат своего желания, своего волевого импульса, и отсюда во время бодрствования получаем осознание последствий своего желания, соответствующего этому представлению. Это одна сторона желания.

Существует другая сторона желания. Желание является деятельным в нас также и во время сна. Когда мы спим, в нас также происходят внутренние процессы, и эти внутренние процессы тоже являются всецело результатом воли, только мы их не воспринимаем, потому что находимся как раз в спящем состоянии. Но всё-таки, как Солнце сияет также и в течение ночи, но для другой половины Земли, на которой мы не живём, так и наше человеческое существо пронизывается желанием во время нашего сна, но только это желание уклоняется от нашего сознания.

Так что в нашем человеческом бытии мы можем различать два рода желания: внутреннее желание и внешнее желание. И мы можем сказать: внешнее желание является нам в своих последствиях, когда мы бодрствуем. Внутреннее желание является в своих последствиях, когда мы спим. — В действительности оно не является нам, но, однако, мы можем сказать, что оно обнаруживается спящим состоянием или предстаёт нам позже, когда мы оглядываемся назад.

Тут желание в известной степени существует в бездонных глубинах души. Оно волнами вздымается вверх. Но уже вследствие того, что мы должны констатировать желание для состояния сна, то есть для того состояния, в котором наше физически телесное пребывает в чисто органической деятельности — ни пронизано душевно, ни освещено духовно, — мы должны сказать, что желание как таковое имеет дело с органической деятельностью. Спящее желание имеет дело с органической деятельностью. Спящее желание имеет дело с органической деятельностью, когда в нас, стало быть, происходят жизненные процессы, которые в основном связаны с желанием. Но даже когда мы находимся в деятельно-бодрствующем состоянии, а значит наше желание оживляется, такие жизненные процессы тоже происходят. Желание ведь обнаруживается во внутренних процессах обмена веществ, так что мы и тут можем указывать на органическую деятельность.

Ну, а из этой, я бы сказал, бездонной глуби желания человеческого существа волнообразно поднимается то, что обнаруживается в чувствовании. Мы ведь знаем, что чувствование, ощущение (см. схему с. 320 — 321), в действительности является ещё очень приглушённой деятельностью человеческого существа, что для сознания чувствование в некотором отношении имеет лишь ту интенсивность, какую имеет сновидение. Но всё-таки оно является более ясным, чем желание. То, что пребывает в бездонных глубинах человеческого существа, поднимается к свету. В своём чувствовании человек озаряется светом. А когда он озаряется светом, в усиленное сознание поднимаются два полюса желания. И как внутреннее, так и внешнее желание обнаруживаются тогда тем, что оба могут подняться в сознание.

И, таким образом, мы уже различаем два вида чувствования, ощущения (Fühlens). Как мы различаем два вида желания: внутреннее желание в спящем состоянии и внешнее желание в бодрствующем состоянии, — так же мы различаем чувствование, которое поднимается из желания и которое родственно спящему состоянию человека. Это то самое чувствование, которое изживает себя преимущественно в антипатиях, развиваемых человеком в самом широком диапазоне; следовательно, склонное к антипатии чувствование проявляется в антипатиях, в антипатичном (см. схему с. 320 — 321), тогда как желание, действующее наружу и, следовательно, ведущее человека во внешний мир, поднимаясь

в чувствование, связывает нас с внешним миром, исходя из симпатии, и проявляется во всех переживаниях чувств, представляющих собой симпатии: симпатизирующее чувствование, чувствование, симпатизирующее миру (см. схему с. 320 — 321). А между тем, ставя перед своей душой эту область, в этом сновидческом переживании чувствования, обнаруживающего себя в симпатии и антипатии, в этих симпатиях и антипатиях, восходящих вплоть до прекрасного, до симпатий и антипатий, которые мы связываем с формами жизни, с формами искусства или же с формами природы, в этих симпатиях и антипатиях вплоть до симпатий и антипатий, которые мы имеем больше органическим образом, скажем, через наш орган обоняния или вкуса при обонятельном или вкусовом отвращении, или же при обонятельном или вкусовом различении, при здоровом и хорошем ощущении обоняния и вкуса — во всём этом мы имеем теперь собственную душевную деятельность. Итак, желание проявляется в органической деятельности, а чувствование — в душевной деятельности (см. схему с. 320 — 321).

Мы можем, исходя из этой точки зрения, изучать душевную жизнь и получить нечто чрезвычайно содержательное. Мы видим, что бодрствование призывает нас к симпатии к окружающему миру. Наши антипатии, в действительности, приходят из более бессознательных состояний. Они проникают вверх из спящего желания. Это происходит так, как если бы наши симпатии больше находились на поверхности и как если бы они из смутных глубин пронизывались антипатиями. Антипатии суть отклоняющие. Через антипатии мы удаляемся от окружающего мира, становимся одинокими, замыкаемся в себе. Эгоизм, развиваемый человеком, предполагает именно внутренне поднимающиеся антипатии. Чем более эгоистичен человек, тем больше в нём действует элемент антипатического. Он хочет замкнуться в себе. Он хочет по возможности чувствовать себя в себе.

В обычной жизни мы не замечаем, как в собственной душевной жизни разыгрываются друг в друге симпатии и антипатии. Но это разыгрывание друг в друге симпатий и антипатий мы замечаем, когда связь с внешним миром становится аномальной, и когда мы также аномально развиваем отторжение, процесс антипатий, возникающий из сна. Это происходит тогда, когда во сне, например, устанавливается неправильное дыхание и мы страдаем от удушья. Это удушье, по сути дела, ду-

шевно переживается в виде антипатического отвержения того, что хочет проникнуть в нас, что заставляет нас неудовлетворительно переживать свою самость.

Тут мы заглядываем в глубокие тайны человеческого переживания. Если человек особенно сильно образует чувство антипатии, антипатическое существо, так что оно проникает даже в его бодрствующую жизнь, то происходит так, что он полностью проникается антипатией, и тогда это существо антипатии захватывает его астральное тело. В таком случае его астральное тело охватывается существом антипатии. Он изливает антипатию перед самим собой и, я бы сказал, устремляет её перед самим собой как аномальную ауру. И тут может случиться, что он ощутит антипатичными людей, к которым обычно относился безразлично, и даже людей, обычно любимых им. Он с антипатией воспринимает людей, с которыми был знаком в течение жизни. Все виды мании преследования возникают через такие обстоятельства. Когда переживают чувства антипатии, не объяснимые внешними отношениями, это исходит от антипатий в душе, переливающихся через край, то есть от неправильного развития одного полюса душевной жизни, который прорывается из сна.

Итак, если это существо антипатии берёт верх, то человек становится мироненавистником. Этот ненавистник мира может очень и очень усилиться. Всё воспитание и все социальные взаимодействия должны быть направлены на то, чтобы не дать людям превратиться в таких человеконенавистников. Однако представьте себе: если уже то, что пробивается тут из бездонных глубин человеческого существа, может привести человека к сильной самости, если это берёт верх — а все виды мании преследования являются вспыхивающей самостью, вспыхивающим эгоизмом, — если уже то, что пробивается здесь, может быть таким, то каким же должно быть спящее внутри желание, то самое желание, которое благим творением укрывается от нас посредством сна! Ведь мы совсем не учимся обнаруживать, как наш организм, наши члены пронизаны этим спящим внутри желанием. По крайней мере, у многих людей благодаря их особенным сновидениям в сознание проникает кое-что из живущего в том желании, которое восстанавливает наш организм, когда мы находимся в состоянии сна. То, что живёт там в этом желании — я уже характеризовал это в предыдущих лекциях — это нечто такое, что для

обычного сознания по праву располагается по ту сторону порога. Кто это знает, тот в человеке знает всё то, что может, по крайней мере, привести человека к злу. И это глубокая тайна жизни, что уравнивающее нашей органической деятельности мы получаем посредством тех сил, которые сделали бы человека преступником и злодеем, если бы властвовали над ним в сознательной жизни.

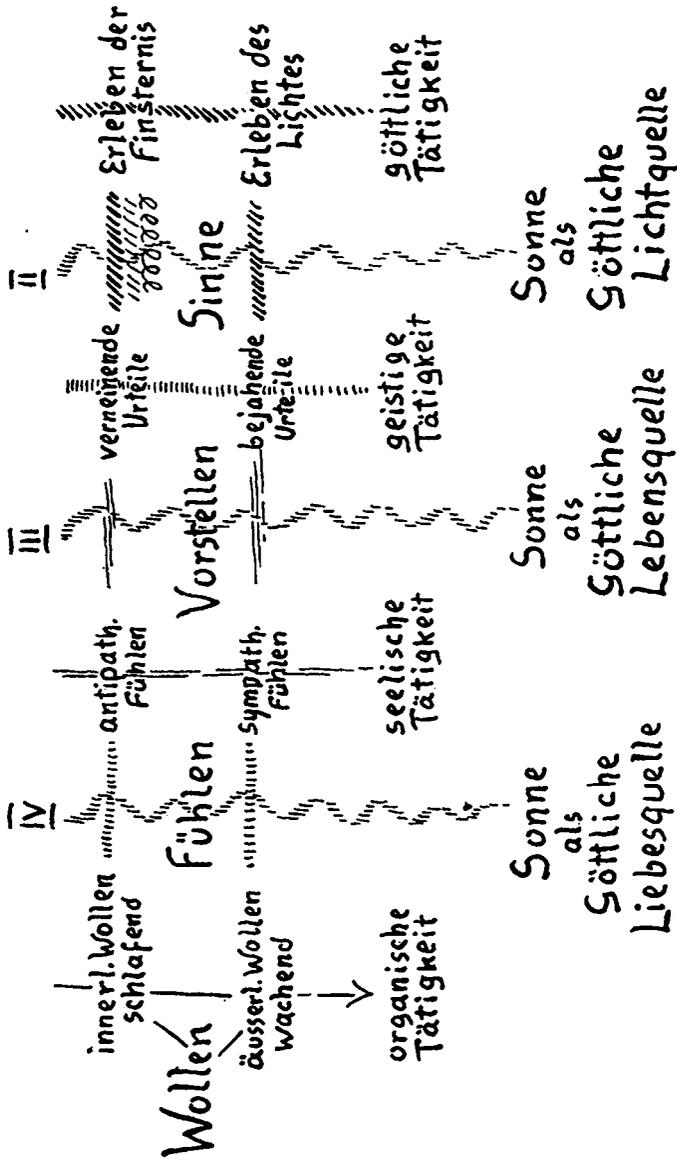
Ничто в мире не является само по себе злым или добрым. Когда то, что, проникая в сознательную жизнь, является крайне злым, используется в соответствующем месте, а именно как органическая деятельность регулирующе используется во время нашего спящего состояния, тогда оно конечно уравнивает использованные жизненные силы. Если вы спрашиваете о сути тех сил, которые действуют уравнивающе для использованных жизненных сил, то следует сказать — это есть зло. Зло имеет свои задачи. Зло имеет свои задачи. И когда человек узнаёт это через духовное обучение — *как сказано, я это здесь уже коротко охарактеризовал с некоторой другой стороны*, — тогда мы имеем то, в отношении чего даже древние духовные исследователи говорили: по своей истинной сути это нельзя характеризовать, поскольку грешны уста, высказывающие это, и грешны уши, слушающие это. — Но человек должен знать, что жизнь для него является опасным процессом, и что в подосновах жизни непременно существует зло как сила, которая крайне необходима.

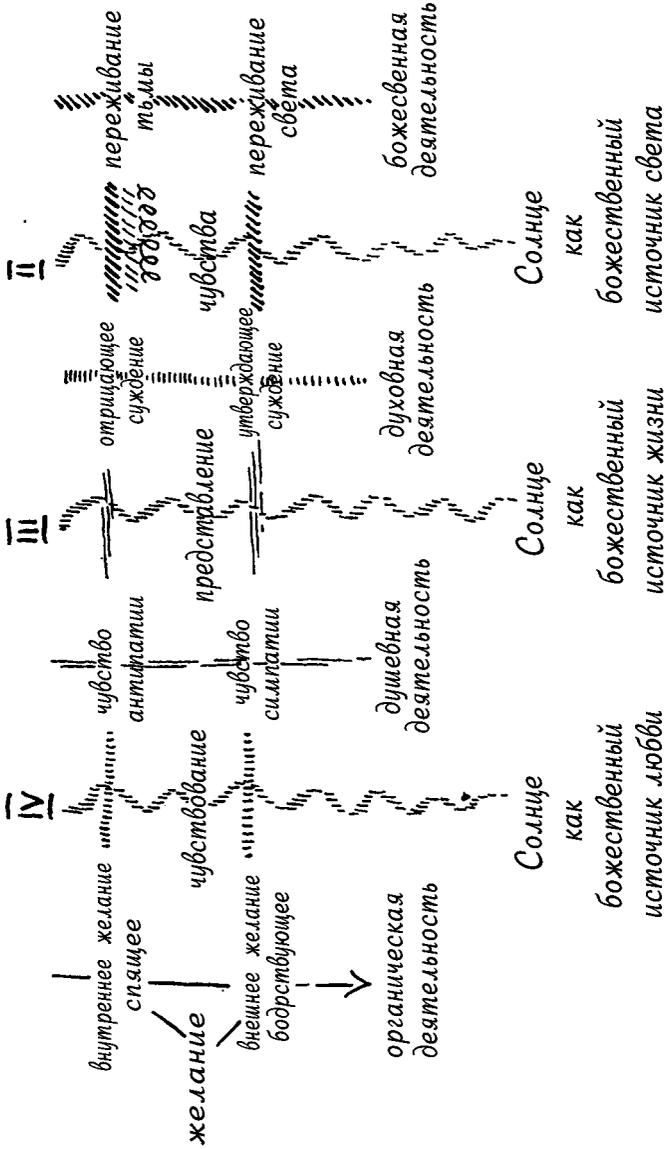
Однако теперь волны устремляются дальше вверх, уже в представления (см. схему с. 320 — 321). И если в чувствовании внутренне спящее желание просветляется, то, устремляясь к представлениям, оно хотя и становится просветлённым, но одновременно качественно приглушается, становится отвлечённым. Антипатическое чувство ещё имеет некоторую живую интенсивность в переживании человека. Когда же оно устремляется в представления, тогда оно живёт во всём том, что в человеке является негативными суждениями — отвергающими негативными суждениями (см. схему с. 320 — 321). Всё отрицаемое нами в жизни, исходя из суждения, всё, что логик называет отрицающим суждением — это является устремлением чувства антипатии, или точнее спящего желания, в жизнь представлений.

А если чувство симпатии, возникшее во внешнем желании, в бодрствующем желании, устремляется в представление, мы получаем положи-

тельные суждения. Как видите, мы приходим к тому, что живёт в человеке лишь в абстрактной образности. В чувствовании, развивая симпатии и антипатии, мы ещё имеем нечто являющееся интенсивной жизнью. В суждении, развёртывающемся в представлении, мы являемся до определённой степени бездействующими, спокойными наблюдателями мира. Мы утверждаем и отрицаем. До крайней антипатии мы это не доводим — мы только отрицаем. Это абстрактный процесс. Мы не горячимся, доходя до антипатии, но только говорим: Нет. — Точно так же мы не волнуемся, испытывая симпатию, мы говорим: Да. — То, что остаётся, пребывает в созерцательном покое. Мы пребываем вне нашего отношения к внешнему миру, мы возвышаемся до абстрактного суждения.

Итак, это является только образной деятельностью. Именно в смысле того, что мы узнали вчера, можно сказать: здесь (см. схему с. 320 — 321) пребывает наша духовная деятельность, а желание, чувствование и суждения или представления продвигаются дальше вплоть до сферы органов чувств. Что же тут происходит, когда это продвигается в чувственную сферу, когда таким образом в органы чувств устремляется отрицающее суждение? Здесь прекращается восприятие. То есть, если мы представим это себе через основное восприятие — зрение, то, пожалуй, ничего не видя и переживая тьму, мы скажем: «Переживание тьмы». Утверждающее суждение, напротив, является переживанием света (см. схему). Разумеется, точно так же мы могли бы говорить о переживании безмолвия, о переживании тона или звука. Для всех двенадцати органов чувств мы могли бы высказать то, что охарактеризовали здесь посредством света и тьмы.

И если мы теперь спросим себя: что же это за деятельность, которая соответствует этой сфере чувств? Мы обнаружили органическую деятельность, душевную и духовную деятельности. Духовная деятельность уже всецело является образной деятельностью, но в этой образности она является ещё нашей деятельностью. Зато разыгрывающееся между органами чувств и внешним миром — это, по сути дела, уже не наша деятельность, тут мир проникает в нас. Мы действительно можем схематически изобразить глаз так, что некоторым образом будем его иметь как самостоятельное существо, а то, что разыгрывается в глазу, является проникновением внешнего мира сюда, в организм, как через морской залив. Здесь, в мире, мы уже не присутствуем со своей собственной

Доска 15

деятельностью, здесь мы располагаемся в мире так, что можем сказать: это является божественной деятельностью. Эта божественная деятельность пролетает окружающий нас мир, который как тьма склоняет к отрицающему суждению и как свет склоняет к утверждающему суждению. Эту божественную деятельность с её влиянием на человека, на его отношение к миру, особенно сильно испытала мудрость второй послееатлантической эпохи, которая очень сильно переживала: Бог — в свете, Бог — во тьме. Бог в свете — это божественное с люциферическим окрашиванием; Бог во тьме — божественное с ариманическим окрашиванием. Так персидская культура переживала внешний мир. И Солнце было представителем этого внешнего мира — Солнце как божественный источник света: это вторая послееатлантическая эпоха.

Зато во времена третьей послееатлантической культуры, египетско-халдейской, больше переживали области, расположенные между суждением и чувствованием. Здесь не имели такого переживания, когда божественное переживается снаружи в свете и тьме; тут переживали божественное в слиянии представления с чувствованием. То есть у

египтян и халдеев божественное, по сути дела, воздействовало так, что человек впитывал в своё суждение: в отрицании есть нечто от его антипатии, а в утверждении — нечто от его симпатии. И только умея читать то, что присутствует в изобразительных или других документах из египетско-халдейской эпохи, мы догадываемся, что тут всё сформировано непременно из утверждения, исходящего из симпатии, и из отрицания, исходящего из антипатии. Вы ещё можете почувствовать по египетским надгробным и другим изображениям, что в них таится нечто, представленное художественно с утверждением из симпатии и с отрицанием из антипатии. Нельзя создать сфинкса, не внося жизнь идеи, в которой присутствуют симпатия и антипатия. Здесь не только ощущали свет и тьму, здесь воспринимали нечто, имеющее что-то от живого, получаемого в симпатии и в антипатии. Воспринимали Солнце как божественный источник жизни.

И мы приходим в греко-латинскую эпоху. Здесь человек уже утратил в значительной степени непосредственное слияние с внешним миром. В своих «Загадках философии» я показал, как человек, хотя он ещё и ощущал мысли так, как сегодня мы ощущаем чувственные восприятия, всё-таки он уже приблизился к тому состоянию, в котором мы живём сегодня, когда благодаря развитию «Я» мы, собственно говоря, уже не имеем истинной связи с внешним миром, когда, по сути дела, мы с «Я» уже спим в теле, когда мы уже склоняемся к спящему состоянию. У грека это было ещё не так сильно, но уже некоторым образом присутствовало. Существо грека можно понять лишь в том случае, если, кроме того, уяснить себе, что грек уже довольно сильно вживался в свою телесность, ещё не так сильно, как мы, но вживался уже очень сильно. Древние персы в свою телесность вживались не очень сильно. Они, собственно, не верили, что реально живут в своей телесности внутри своей кожи, в особенности, если они были мудрецами. Но они верили, что в действительности они вплетены волнами света во весь универсум, пронизаны волнами. Грек же всецело был таким, что внутри своего тела он спал с этой мировой сущностью (*Weltenwesen*). Когда мы пребываем в реальном сне, мы с нашим «Я» и нашим астральным телом находимся вовне; однако наше бодрствование по сравнению с бодрствованием перса, напротив, является сном. Бодрствование перса, скажем, пробуждение перса — разумеется, древнего перса, которого я описал в сво-

ём «Очерке тайноведения», — было и вступлением в человеческие органы чувств, но одновременно и пронизанием самим светом.

Мы больше ничего не ощущаем из того, что с пробуждением мы вносим свет в свои глаза. Свет для нас существует смутно снаружи. Всё это способствовало тому, что греки больше уже не могли воспринимать Солнце как непосредственный источник жизни, но они воспринимали Солнце как нечто, пронизывающее их внутренне. И они ощущали тот элемент, где Солнце живёт в человеке внутри, они это ощущали как элемент эроса, как элемент любви. Эрос, солнечность в человеке, — он присутствовал в подлинном внутреннем переживании грека, поэтому Солнце выступает как божественный источник любви.

А затем примерно с IV столетия после Р.Х. — своеобразный характер этого столетия я обрисовал в общем с различнейших сторон — наступает эпоха, когда Солнце вообще воспринимается не иначе, как только физическим газовым шаром, расположенным в пространстве, эпоха, когда Солнце для человека, собственно, было затемнено. Перс действительно воспринимал Солнце в виде отражателя света, наполняющего и прорабатывающего пространство. Египтянин и халдей воспринимали Солнце как жизнь, пульсирующую и волнующуюся сквозь универсум. Грек воспринимал Солнце как то, что по каплям вливает любовь органическому существу и направляет Эроса сквозь волны ощущений. В то время как это солнечное переживание входит всё дальше и дальше в человека, оно исчезает в его подосновах, в безмерных глубинах его души. Сегодня в безмерных глубинах души человек несёт солнечное. Он не должен достигать его, так как перед ним стоит Страж Порога, так как оно (солнечное) находится внизу, в тех подосновах, о которых древние учителя мистерий говорили, что об этом не следует высказываться, потому что грешны уста, высказывающие это, как и грешны слушающие это уши. И тогда в IV столетии были даны школы, которые преимущественно с целью дальнейшего распространения христианства учили: запрещено высказывать солнечную тайну, ибо должна прийти цивилизация, которая не знает солнечную тайну.

За всем внешне происходящим в мире стоят, конечно, внутренние силы, я бы сказал, обучающие, исходя из универсума. Инструментом такой обучающей силы был римский император *Константин*. При нём христианство приняло ту форму, которая отрицала Солнце.

Кроме того, в то время был тот, кто, конечно, меньше принимал во внимание развитие эпохи, чем свой энтузиазм по поводу того, чему он учился как последнему остатку древней инстинктивной мудрости ещё у своих мистериальных учителей — это был *Юлиан Отступник*. И Юлиан Отступник погиб от рук убийцы по той причине, что стремился передать потомству тройную тайну Солнца в качестве старой традиции. Мир не хотел идти вместе с ним.

В настоящее время, разумеется, необходимо знать, что древняя инстинктивная мудрость должна возродиться в осознанной мудрости, что из осознания снова должно подняться всё то, что опустилось в подсознание, в чисто органическую деятельность или даже ниже органической деятельности. Мы должны снова найти тайну Солнца.

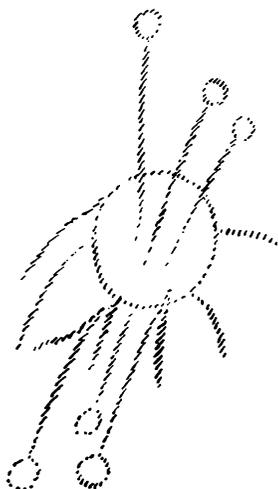
Но так же, как при утрате солнечной тайны у тех, кто, подобно Юлиану Отступнику хотел ещё возвещать её миру, возникли страшнейшие враги, даже убивавшие в таком случае, так и сейчас снова существуют эти враги в отношении новой тайны Солнца, которая именно через духовную науку должна вступить в мир. Ныне мы живём на другом полюсе исторического развития. Тогда, в IV столетии после Р.Х., имело место нисхождение. Теперь нам необходимо восхождение.

В этом отношении существуют уже два символа исторического развития — это Константин и Юлиан Отступник. Юлиан Отступник стоял в определённой мере на обломках старой эпохи, но стремился всё-таки снова воссоздать из этих обломков формы древней мудрости. Юлиан Отступник хотел оставить те древние памятники человечества, которые разрушало христианство, принимающее сначала материалистическую форму, принимающее материалистическую форму во времена Константина. Было разрушено бесчисленное количество памятников: бесчисленное количество памятников искусства, бесчисленное количество памятников мудрости и письменности. Было разрушено именно всё то, что каким-то образом могло позволить людям разгадать древнюю тайну Солнца.

Это правда, что люди, чтобы прийти к свободе, должны были пройти через веру в то, что здесь снаружи по миру странствует некий газовый шар. Между тем как физики очень удивились бы, если бы они смогли отправиться туда в путешествие и вовсе не нашли бы там никакого газового шара, а наоборот, пустое пространство, даже меньше, чем какое-

либо пространство; они обнаружили бы, чем является Солнце: Солнце не существует там в виде светящегося газового шара, излучающего свет — это вздор! — но они обнаружили бы, что оно прежде всего является чистым отражателем, который не может излучать свет, а может не более как отражать его. Но в таком случае в действительности духовно мы имеем свет, излучаемый Сатурном, Юпитером, Марсом, Меркури-

Доска 16

ем, Венерой и Луной. И в то время как физически кажется, будто им всем даёт свет Солнце, на самом деле все они излучают свет по направлению к Солнцу, а Солнце является отражателем. Так происходит физически. Древние, ещё древние персы, знали это из инстинктивного познания и именно в этом смысле признавали Солнце как земной источник света, но, собственно, не как источник, а как отражатель света. Кроме того, оно было рефлектором, отражающим жизнь и отражающим любовь.

Юлиан Отступник хотел сделать это воззрение господствующим и был устранин с дороги. Чтобы прийти к свободе, люди должны были как раз пройти через суеверие о существующем в пространстве газовом шаре, излучающем свет, через суеверие, которое мы, тем не менее, находим сегодня во всех книгах по физике как абсолютную истину. Мы должны снова проникнуть в истину этого вопроса.

В этом отношении именно Константин и Юлиан Отступник вполне являются собой два символа. Юлиан Отступник стремился сохранить древние мировые памятники, из которых ещё могла бы некоторым образом проникнуть к людям истинная тайна Солнца. В первом столетии Христос ещё был некой солнечной фигурой, фигурой Аполлона.

Эту солнечную тайну переживали как величайшее духовное сокровище человечества. И её символом было то, что называли Палладиумом. Когда-то он должен был находиться в Трое, и жрецы мистерий в Трое должны были в этом Палладиуме созерцать то, посредством чего они до некоторой степени культурно-сакраментально, в культах приоткрывали людям, чем является Солнечное Существо. Затем Палладиум был перенесён в Рим. И это было тайной посвящённых Рима, что Рим хранит Палладиум. Рим хранил Палладиум. И по сути говоря, когда Палладиум находился в самом почитаемом римском храме под фундаментом, что было известно лишь тем, кто знал о великих тайнах римского бытия, посвящённые жрецы римлян да ещё первый римский император, а именно *Август*, работали и действовали в мире, вполне осознавая, что в Риме, по крайней мере внешне символически, находится величайшее сокровище мира. Но тем, кто должны были нести миру христианство, это стало известно духовным образом. И из знания о том, что Рим хранит сокровище Палладиума, происходит шествие первых христиан в Рим. Это было нечто исключительно глубоко духовное.

Но когда при Константине христианство секуляризируется, у Рима Палладиум отбирается. Константин основал Константинополь, а под колонну, которую там соорудил сам себе, он велел опустить в землю Палладиум. И дальше римское христианство развивалось так, что знание о солнечной тайне у него было отнято именно через того императора, который утверждал в Риме христианство в его внешних формах, в его жёстком механицизме. Во внешнем светском укреплении через Константина христианство утратило мудрость мира, что внешне и находит выражение в переводе Палладиума в Константинополь.

Именно в определённых частях славянского мира — люди, объясняют себе всё это, конечно, по-своему — господствует, господствовала до начала XX века, вера в то, что Палладиум в не очень далёком будущем будет перенесён из Константинополя в другой, и как верят в славянском мире, некий славянский город.

Во всяком случае, Палладиум ждёт того — если вы в настоящее время воспринимаете это событие внешне символически, то внутри, между тем, существует более важное, — что из Константинополя, действующего на этот Палладиум уже затемняюще, явствует та самая местность или что Палладиум переместится в ту местность, которая полностью затемнит собой этот Палладиум. Да, Палладиум перенесут на Восток, где древняя мудрость живёт в упадке, однако живёт именно вопреки затемнению. И в дальнейшем развитии мира всё зависит от того, чтобы сокровище Палладиума освещалось найденной среди богатств знаний Запада мудростью, так же, как Солнце отражает свет, посылаемый ему из универсума. Палладиум, это древнее наследие, принесённое из Трои в Рим, из Рима в Константинополь, должно быть перенесено ещё дальше во тьму Востока. Палладиум, этот солнечный клад, должен ждать до тех пор, пока его не освободят духовно на Западе, действуя из смутного тёмного богатства голого естествознания. Так задача, стоящая ради будущего, тесно связана с самыми святыми традициями собственного европейского развития.

Так сегодня соприкасаются с ещё живыми легендами. Их можно находить у посвящённых в такие вещи людей, которые иногда бывают довольно простыми и скромными людьми, бродящими по миру. Так соприкасаются с такими легендами, как эта — о перенесении троянского Палладиума в Рим, о перенесении Палладиума, клада мудрости, в Константинополь, когда римское христианство стало внешним, и о будущем перемещении его на Восток, когда Восток полностью будет лишён древней мудрости, будет полностью приведён в упадок, и о необходимости того, чтобы этот солнечный клад смог воспринять новый свет с Запада.

Солнце скрылось в подосновы человечества. Посредством духовно-научного развития мы должны снова найти Солнце. Человечество должно снова найти это Солнце, иначе Палладиум исчезнет во тьме Востока. В настоящее время грехом является высказывать что-либо ложное, грешно произносить изречение: *Ex oriente lux**. — Свет больше не может приходиться с Востока. Восток находится в упадке. Но он ждёт — так как он получит клад, солнечный клад, хотя и во тьме, — он ждёт свет с Запада. Сегодня люди блуждают ещё в глубокой тьме, устраи-

* Свет с Востока (лат., прим. перевод.)

вают встречи во тьме, смотрят туда — в сторону Вашингтона. Но благо из Вашингтона принесут лишь те, которые выражают звучание духовного мира не только поисками свободных экономических ворот для Китая и не только поисками тьмы, окружающей Палладиум. Благо принесут лишь те конференции, которые на Западе сохраняют желание нести с Запада свет, чтобы Палладиум снова засиял. Ибо, как флуоресцирующее тело, Палладиум сам по себе является тёмным, он светится только тогда, когда его пронизывает свет. Так будет с мудростью Востока: тёмная сама в себе, она засветится, зафлуоресцирует, если будет пронизана светом Запада, мудростью Запада.

Но на Западе сегодня это пока не понимают. Только когда внесут легенду о Палладиуме в ясный свет сознания; только когда снова ощутят истинное сострадание к каждому такому, как Юлиан Отступник, не желавшему замечать эпоху, в которой во тьме смог зародиться свет свободы, и стремившемуся сохранить древнюю инстинктивную мудрость и поэтому вынужденному погибнуть; только когда поймут, что Константин, дав римлянам внешнее христианство, завоевал для них мудрость, свет, а христианство погрузил во тьму; только когда поймут, что свет, который приведёт Палладиум снова к сиянию, необходимо искать, исходя из современного естествознания — только тогда будет осуществлён важный этап мировой истории. Только тогда то, что возникло на Западе в тот момент, когда греки сжигали Трою — Палладиум, в котором ещё и сегодня существует свет, зажжённый Троей, станет снова западно-восточным. Однако он находится во тьме. Он должен быть извлечён. Палладиум должен быть освещён.

Мы можем вызвать энтузиазм из исторического становления, если сердце наше на месте. И когда наше сердце на месте в том смысле, в каком я высказал это сегодня, тогда мы сможем найти даже верные ощущения в отношении тех импульсов, которые должны быть истинными импульсами духовной науки.

Следующую лекцию я прочту здесь в пятницу. Мы будем говорить об этих вещах дальше.

Дорнах

Суббота, 12 ноября 1921 года.

В последних лекциях мы рассмотрели человека с самых разных сторон. И все эти рассмотрения каждый раз в конечном итоге имели цель получше узнать сложное человеческое существо и, прежде всего, положение человека в мире.

Сейчас мы вспомним вначале тот простейший известный нам факт, что человеческое существо, представая нам в современном мировом цикле, имеет в себе четыре действующих члена — это физическое тело, эфирное тело, астральное тело и «Я». И давайте представим, благодаря чему эти, я бы сказал, четыре члена человеческого существа открываются принципиальному рассмотрению. Тут всё-таки мы должны сказать, что «Я» преимущественно проявляется через всё то, что исходит из человека как волевое. Как вы знаете, когда человек спит, покоится прежде всего воля. Или другими словами: волевое не проявляется через физическую организацию. «Я» пребывает в этом случае, как мы знаем, вне физического тела. Это отсутствие «Я» в физическом теле человека мы видим в известной мере в том, что волевое себя не проявляет.

То, что мы назвали астральным телом человека, для непосредственного наблюдения проявляется именно через эмоциональное, через чувства. Астральное тело человека, как мы знаем, во время сна тоже пребывает вне физического человека. И эмоциональное ведь во время сна тоже передвинуто в сумеречность сознания. Поскольку сознание во сне вообще умолкает, то сомневаться можно прежде всего по поводу того, что же всё-таки проявляется через физическое и эфирное тела. Впрочем, оставим это пока вне нашего внимания. Ведь физическое тело — это то, что предстаёт в существе человека самым явным образом. Эфирное тело, как мы и видели это в течение многих лет, может раскрываться по-разному, если представление о нём получаешь не через

имагинацию. Но пока, исходя как раз из той точки зрения, из которой мы рассматривали «Я» как волевое, а астральное — как эмоциональное, оставим вне внимания физическое и эфирное.

Но если проследить жизнь человека с утра до вечера, то есть во время его бодрствующего состояния, то «Я» и астральное тело мы имеем функционирующими — и функционирующими внутри физического и эфирного тел как волевое и эмоциональное. И если мы объединим всё возникающее в качестве душевных переживаний в бодрствующем состоянии, то получим прежде всего мир наших чувственных восприятий, который привязан к физическому телу. В этом случае переживаемое нами мы имеем как результат нашего чувственного восприятия; мы имеем наши мысли, мир наших представлений. И мы уже довольно хорошо знаем, что этот мир представлений, каким он выступает нам навстречу в бодрствующем состоянии, непременно наполнен волевым и эмоциональным.

Мы уже не раз подчёркивали, что абстрактно мы можем хорошо различать в душевном всё соответствующее представлению, эмоциональному и волевому. Но в реальной душевной жизни это происходит так, что три эти деятельности душевной жизни беспорядочно перемешаны. Волевое можно почувствовать, когда представления соединяют друг с другом или же их друг от друга отделяют. Можно вполне проследить в сознании также процесс пропитывания представления чувством, эмоцией. Когда в наличии имеется некоторое представление, мы имеем к этому представлению чувство симпатии, если существует другое представление, то по отношению к другому представлению возможно чувство антипатии. Таким образом, представления эмоционально пропитаны.

Но теперь мысленно бросим взгляд на то, как при засыпании «Я» и астральное тело покидают физическое тело и эфирное тело. Вместе с этим мы оставляем в физическом мире нечто такое, что хотя на внешний взгляд и не похоже на растительное существо, но по сути аналогично ему, так как оно так же, как и растение, имеет физическое тело и эфирное тело. Однако, в астральном человека мы имеем нечто, предстающее нам в животной природе, хотя и во внешнем проявлении, а в «Я» человека мы имеем нечто, предстающее нам в особой конфигурации, следовательно также во внешнем проявлении человека. Но так как «Я» и астральное тело от засыпания до пробуждения находятся, как мы знаем,

вне физического и эфирного тел, мы не можем причислить к внутренне существенному «Я» и астрального тела ни эту конфигурацию человека, ни эту животную сущность. Но прежде всего мы должны уяснить себе, что «Я» и астральное тело здесь никак не проявляются и что в это время «Я» и астральное тело, выходя сами по себе таким образом, как это происходит у человека во время сна, не могут проявляться для физического мира ни чувственно, ни понятийно.

В «Я» и в астральном теле мы стали чем-то совершенно сверхчувственным. Но мы также знаем, что, рассматривая растительное, у нас все нет повода к тому, чтобы смотреть на это растительное так, как мы смотрим на человека. Глядя на какого-либо человека, мы, например, спрашиваем о моральном: добр он или зол. Однако это означает, что не имеет никакого смысла спрашивать о добре и зле также в отношении того, что человек оставил в физическом мире после засыпания, то есть о физическом и эфирном телах человека. Физическое тело и эфирное тело человека к добру и злу относятся безразлично. Но именно с пробуждением, — с входом «Я» и астрального тела в физическое тело и в эфирное тело, — снова вносится в человека, в человеческое существо, вся совокупность морального настроения человечества.

Но даже для человека, не обладающего сверхчувственным созерцанием, этим уже проявляется, что «Я» и астральное тело имеют какое-то отношение к тому, что мы называем моральным миропорядком. При пробуждении мы в определённой степени пропитываем моральным миропорядком свои физическое и эфирное тела. И для того сознания, которое к сверхчувственному созерцанию не приходит, но придерживается лишь обычных выводов внешней жизни, тоже не бессмысленных, можно сказать примерно так: «Я» и астральное тело, по сути говоря, принадлежат совсем другому миру, чем физическое тело и эфирное тело. Ибо физическое тело и эфирное тело, подобно растениям, нейтральны в отношении добра и зла, а «Я» и астральное тело вносят в физическое и эфирное тела моральное чувство ответственности.

Даже такие соображения уже указывают и дают понять человеку, не пришедшему к образному познанию антропософски ориентированной духовной науки и стоящему со своими соображениями в обычной жизни, что до определённой степени существуют полярные противоположности, с одной стороны, в физическом и эфирном телах, склоняющихся

к природным формам, и, с другой стороны, в «Я» и астральном теле, которые склоняются к моральным формообразованиям.

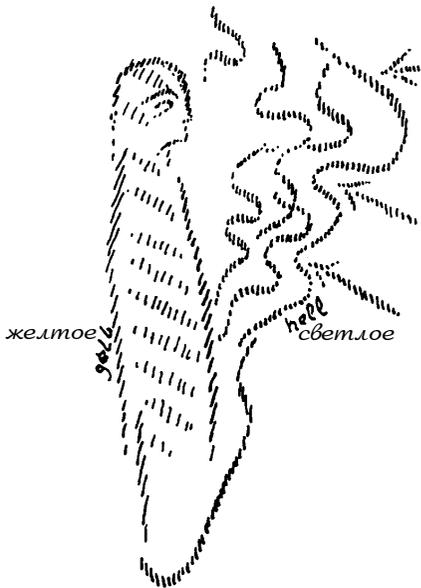
Но если мы хотим проследить дальше то, что можно проследить уже здесь в обычной жизни, мы должны, разумеется, прибегнуть к помощи наблюдений созерцающего сознания. Проследив «Я» и астральное тело с помощью этого созерцающего сознания, как они существуют в мире, которому они принадлежат между засыпанием и пробуждением, мы найдём, что так же, как здесь природа окружает физическое тело, так в состоянии между засыпанием и пробуждением духовный мир окружает «Я» и астральное тело. «Я» и астральное тело находятся тогда всецело в духовном мире. Из этого духовного мира они приносят с собой для человека моральное настроение души. Поскольку физическое и эфирное тела нейтральны в отношении морального, «Я» и астральное тело не имеют возможности черпать из них моральные импульсы — они черпают моральные импульсы из мира, в котором находятся между засыпанием и пробуждением.

В пользу принимаемого здесь во внимание духовная наука говорит нам: когда с засыпанием человек оставляет свои физическое и эфирное тела, он, разумеется бессознательно, предстаёт перед существами духовного мира и преподносит этим существам всё то, что он сознательно развил внутри физического и эфирного тел из морального настроения души и вынужден силами духовно-душевного мира формировать то, что он вынес тут из своих физического и эфирного тел. И здесь мы приходим к другому аспекту этих наблюдений, которые мы провели, чтобы всё-таки навести мост между эфирно-физическим миром и морально-духовным.

Если мы прежде всего посмотрим на «Я», то оно является волевым. Это волевое «Я», сформировавшее всю свою структуру, всю свою конституцию в физическом и эфирном телах в периоды от пробуждения до засыпания, с засыпанием предстаёт перед существами духовного мира. Когда мы как люди пребываем в физическом мире, с помощью органов осязания мы воспринимаем твёрдые тела. Мы видим цвета — мы воспринимаем. Мы вступаем в определённое отношение с физическими силами мира. Так и волевое «Я» вступает в определённое отношение с силами мира, в котором оно пребывает между засыпанием и пробуждением. Представим себе это отношение графически, как оно проистекает из

духовного наблюдения. Я могу изобразить его, конечно, только схематически. Пусть это будет физический человек, каким он является во время засыпания (см. рис., жёлтое), а то, что я рисую теперь здесь, пусть будет пронизывающее его эфирное тело. Если бы я рисовал человека во время бодрствования, то должен был бы внутри нарисовать теперь астральное тело и «Я». Я этого не делаю, так как хочу охарактеризовать состояние, наступающее при погружении человека в сон. Волевое, то есть «Я», предстаёт перед существами духовного мира.

Как посредством нашего физического тела во время бодрствования мы вступаем в отношение с существами физического мира, так и здесь «Я» вступает в отношение с этими существами духовного мира. Только это отношение волевого «Я» с существами духовного мира всё же более реально, чем отношение, я бы сказал, подобное майе, в которое вступает физическое тело со своим окружением. И это отношение проявляется прежде всего благодаря тому, что всё, находящееся в настроении души человека как зло, приводит это волевое «Я» при этом соприкосновении с силами духовных существ в период от засыпания до пробуждения до некоторой степени к гибели — эти вещи можно представлять только образно, — между тем как добро, находящееся в настроении души, позволяет волевому «Я» свободно развиваться.

Доска 17

Желая графически представить, как это выглядит — разумеется, вы снова должны рассматривать это образно, — приходят к определённом изображению того, что выступает тут из человека в качестве духовного облика волевого «Я». В отношении человека конечностей даже во время сна «Я» находится как раз очень сильно внутри человека. Теперь я хотел бы это изобразить графически (см. рис.): эти рисуемые мной извилины (светлое) возникли, собственно, через противодействия духовных существ, и эти извилины «Я» формируются всецело в соответствии с моральным настроением души. Уже можно говорить о некотором духовном облике, который принимает «Я» при вступлении в духовный мир, исходя из своего морального настроения души.

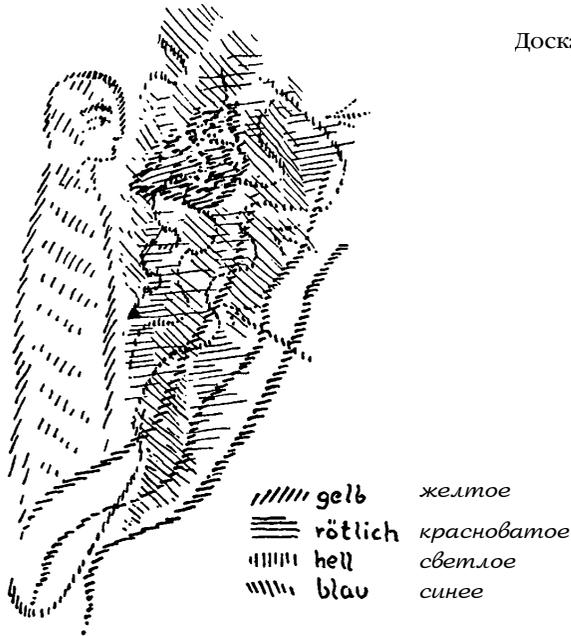
Однако астральное тело при засыпании тоже вступает во внешний, скорее душевный мир. О волевом «Я» мы можем сказать: оно появляется перед существами духовного мира. Об астральном теле мы можем сказать: с засыпанием оно вступает в область внешнего душевного. — Итак, эмоциональное астральное тело вступает в душевное.

Впрочем, и наше волевое настроение в направлении добра и зла непременно пронизано элементами чувства, силами эмоций. Стоит только вспомнить, как, совершив хороший поступок, эмоционально мы настроены совсем иначе, чем после совершения злого поступка. Следует только указать на всю сферу самоупреков и внутреннего удовлетворения, и можно будет серьёзно взглянуть на пронизание морального настроения души эмоциональным. Теперь при засыпании всё это эмоциональное входит в душевный мир и тоже вступает в отношение с внешним душевным миром. Как во время бодрствования мы через свои представления вступаем в связь с внешним физическим миром и при этом, конечно, формируем в душе эмоциональную жизнь — однако, эмоциональная жизнь примыкает к жизни представлений как раз только в душе, — так и во время сна наше эмоциональное астральное обращается непосредственно к душевному миру. Но в данном случае формообразование тут не происходит. Для «Я», для волевого «Я», имеет место формообразование; это формообразование я схематически изобразил в виде волнистых линий. Возникшее через взаимоотношение астрального тела с душевным окружением я не могу изобразить с помощью волнистой линии; я должен представить это посредством окрашивания, через пропитывание. И в таком случае, в зависимости от того,

полна ли наша душа самоуколов или чувства внутреннего удовлетворения, чувств симпатии или антипатии, мне следует нарисовать это так, что это окрашено и пропитано тем, что схематично можно выразить с помощью определённого цветового обозначения (см. рис., красноватое, синее). Следовательно, благодаря нашему «Я» происходит формообразование для нашего, как мы говорим, высшего человека и окрашивание, придание оттенка для нашего астрального человека.

Окрашивание, придание оттенка, разумеется, выражено только схематически. Несмотря на то, что происходящее тут по праву выражают через цветовые образы, всё же следует сказать, что через цветовые образы можно выразить лишь некоторую часть того, что происходит. Я мог бы с таким же успехом вместо того, чтобы вырисовывать здесь цвета, взять, скажем, всякие музыкальные инструменты и брать различные

Доска 17

тоны; тогда я выразил бы схему через другие образы, через звуковые образы. Или, скажем, я мог бы сам внести (hineintingieren) вкусовые ощущения. Всё это, можно сказать, вперемешку вихрится в астральном теле, находящемся вне физического тела в период от засыпания до про-

буждения. Дело в том, что теперь конечно видно: для всего того, что я тут нарисовал, действующие силы имеют такое, схематически изображённое здесь направление, что определяющие силы исходят из человека конечностей и обмена веществ. Можно сказать, что духовные существа и душевный мир формируют и окрашивают, и действуют так, что достигают как формообразования, так и окрашивания снизу вверх.

Если теперь попытаться прийти к тому, что, собственно, имеешь от засыпания до пробуждения в том, что вне человека сформировано и окрашено в качестве «Я» и астрального тела, то придёшь, в конце концов, к следующему. Учишься понимать, что по сравнению с тем совершенным образом человека, каким он является от пробуждения до засыпания, каким он является, когда «Я», астральное тело, эфирное тело и физическое тело тесно соединены друг с другом — по сравнению с этим совершенным существом, выступающим с определённой силой сознания, со своим интеллектуальным, эмоциональным, волевым сознанием, по сравнению с этим то, что существует там во сне вне человека, является несколько инфантильным, несколько детским. Мы помним приглушённое сознание ребёнка и приближаемся к этому состоянию в наибольшей степени, когда оно пронизано грёзами. Обращаясь к аналогии для того существа, находящегося вне человека, мы должны представить себе приглушённое сознание ребёнка, погрузившись дальше в бессознательное. Я бы сказал: то, что живёт в человеке там снаружи, ещё инфантильнее того, что является в ребёнке духовно-душевным.

Что же, собственно, это такое, что живёт там во сне вне человека как его душевное и духовное? Это очень типично, что определяющее для духовно-научного наблюдения исходит от человека конечностей и обмена веществ. И изучая то, что можно там наблюдать с помощью сверхчувственного познания, действительно имеют чувство — и это чувство всё больше усиливается до вполне определённого знания, — что при рассмотрении здесь этой совокупности в качестве фотографического негатива, и сверх того мысля себе позитив, действительно получаешь строение человеческого головного мозга. Размер, конечно, не соответствует, однако это, представленное как негатив и сверх того упомянутый позитив, даёт в позитиве человеческий головной мозг.

Но вспомните кое-что, изложенное мной, исходя из других точек зрения. Я рассказывал, что такое строение человеческой головы, какое

возникает в одной определённой жизни, внутренне является, в соответствии со структурой сил, развитием человека прошлой земной жизни, исключая голову, то есть человека, за исключением головы, и то, чем является человек сегодня, за исключением его головы, содержит силы, которые получит его голова в следующей земной жизни. А инфантильно, по-детски сформированным и даже превращённым в негатив мы видим это уже в том, что человек выделяет из себя в период от засыпания до пробуждения.

Фактически в том, что человек выделяет из себя в период от засыпания до пробуждения, мы имеем образное того, что обнаружится потом физически воплощенным в человеческой голове в следующей земной жизни. Это чрезвычайно важное обстоятельство. И оглядываясь на то, что в действительности это есть моральное настроение души, которое играет определяющую роль в этом формообразовании и в этом окрашивании, мы должны в следующей земной жизни в силах человеческой головы искать воплощение морального настроения души. И так как эти силы человеческой головы проявятся потом как наши умственные способности, как наши способности представления, эти умственные способности и эти способности представления мы имеем как воздействие нашего морального настроения души этой жизни. Однако всё это образно существует в том, что человек при засыпании выделяет из себя.

Итак, на основании духовно-научного наблюдения, по сути дела, можно сказать следующее: фактически каждую ночь человек, когда он спит, посылает в другой мир, в духовно-душевный мир, вполне определённый запрос. Конечно, запрос он посылает неосознанно, но посылает его с той частью своего существа, которая выходит в этом случае из его физического и эфирного тел. Он посылает в духовный мир запрос: как выглядит моё моральное настроение души перед существами духовного мира?

И ему даётся ответ. Он даётся ему тем, что, смотря по его моральному настроению души, он получает формы извилин и окрашивание. Каждое утро при пробуждении человек вступает в физическую и эфирную телесность с ответом из духовно-душевного мира. Каждое засыпание является постановкой вопроса, неосознаваемой постановкой вопроса духовному миру; каждое пробуждение является неосознаваемой подачей ответа из духовного мира. Вместе с нашим подсознанием мы в определённой степени непрерывно состоим в переписке с духовным ми-

ром, получая из духовного мира ответы по поводу того, каковы в действительности мы как люди внутренне.

И здесь вы получаете наглядное представление кое о чём, что иначе ведь всегда остаётся чрезвычайно абстрактным. Представьте себе, что человек, говоря о своей совести, говорит об этой совести как о чём-то очень реальном; однако, если он должен дать какое-либо определённое наглядное представление о своей совести, он тотчас приходит к неопределённости. В отношении моральной импульсивности совесть является в нас чем-то, переживаемым очень реально. Когда размышляют о совести в соответствии с внешней наукой так же, как размышляют примерно о тепле или свете и тому подобном, тогда попадают в хаотическое. Не приходят ни к каким определённым воззрениям. Здесь вы получаете определённое воззрение. Здесь вы получаете воззрение, говорящее о том, что вы непрерывно получаете ответ из духовного мира на ваше моральное настроение души. Вы вносите в своё физическое и эфирное бытие то, что духовный мир формирует в вас. Вместе с этим вы вносите голос совести. В бодрствующей жизни ответ, полученный в виде формообразования и окрашивания, превращается в голос совести. Вообще всё, что является нашим внутренним моральным настроением, мы должны, исходя из таких познаний, относить к состоянию сна.

На многих примерах мы уже видели, что инстинктивное познание в прежних эпохах и даже то инстинктивное познание, которое ещё сохранилось у людей, абсолютно не пропитанных интеллектуализмом, это инстинктивное познание, будучи даже в образной форме, является более сведущим, чем современная наука. И таким образом в моральных правилах инстинктивного познания также содержится многое из того, что нам снова становится яснее, прозрачнее, очерченней, конечно благодаря истинному духовно-научному познанию. Стоит лишь вспомнить об одном существующем правиле народного самосознания, которое говорит, что, если ты обижен каким-либо человеком, не носи через сон чувство, вызванное этим, а по-возможности устрани его перед сном — гнев, стало быть, нельзя проносить через сон, а нужно перед сном попытаться его унять.

Когда вы знаете, что засыпание является постановкой вопроса к духовному миру, а пробуждение — ответом на этот вопрос, тогда вы сами себе можете сказать, что, умерив вечером гнев или смягчив обиду в своём чувстве, вы получите иной ответ и внесёте утром из духовного мира

иной ответ в своё физическое тело, чем если бы эту обиду вы внесли в сон и с настроением этой обиды поставили вопрос к духовному миру, или если бы вы разгневанный вошли в духовный мир и ваш вопрос был бы воспламенён от гнева. Когда вы вносите в духовный мир нечто гневное, происходит так, как если бы излился вулканический огненный поток, и этот вулканический огненный поток будет затем окрашен внешним душевным миром (см. рис. с. 337, красноватое). Это происходит несколько иначе, когда при засыпании ослабишь гнев.

Многое из описанного здесь можно распознать по его воздействиям не только на человеческую душу, но даже на телесное и внутреннее органическое состояние жизни, и причину многих внутренних болезней следует искать в том, какой ответ мы получаем на вопросы, которые при засыпании неосознанно ставили перед духовным миром. Ибо наши физические и эфирные органы в бодрствующем состоянии во что бы то ни стало должны справляться с тем, что с пробуждением вносится в них из духовного мира через посредство волевого «Я» и эмоционального астрального тела.

И совершенно ошибочно воззрение, когда думают: «Ну конечно, во время бодрствования человек переживает многое, однако он ничего не переживает во время сна». Переживаемое человеком во время бодрствования — это процессы, разыгрывающиеся большей частью между человеком и миром, внешним физическим миром. Наши чувства удовлетворения по поводу того, что тут разыгрывается, сопровождают души как внутренние сновидения — ведь нам известно, что по интенсивности эмоциональное имеет лишь сознание сновидения, — как грёзоподобные эти внутренние события сопровождают то, что мы имеем, по сути дела, отчётливо в нашем отношении к внешнему физическому миру. Однако когда мы пребываем в состоянии между засыпанием и пробуждением, в нашем «Я» и в нашем астральном теле непременно происходит много внутреннего: волевое «Я» формируется, а пропитанное чувствами астральное тело окрашивается силами внешнего духовного и душевного миров. И вот всё это является теми событиями, тем фактическим, что теперь пропитывает, пронизывает, бороздит физическое и эфирное тела и течёт сквозь них. И в свою очередь в физическом мире мы ведём себя в соответствии с тем, чем мы тут пронизаны и пропитаны. Для внутреннего во время сна мы делаем больше, чем во время бодрствования.

Разумеется, от бодрствования зависит то, что мы делаем во время сна. Но я хотел бы сказать: вся важность сна, главное значение сна заключено, по сути дела, не только в физическом переживании, но в моральном устройении человеческого существа.

По поводу различных случаев я даже указывал на то, какое ошибочное мнение имеет внешнее мышление именно по поводу отношения человеческого физического и эфирного организма к засыпанию. Ведь обычно — я лишь повторю уже часто и обстоятельно изложенное — дело представляется так, что говорят: человек устаёт в связи с напряжением своих членов из-за работы, а в таком случае он вынужден спать, поскольку благодаря этому усталость снова компенсируется. Уже осознание того, что не всегда засыпают в связи с усталостью, показало бы здесь правильный ход мыслей. Стоит только вспомнить, как, например, вполне отдохнувший рантье слушает доклад, который он, пожалуй, иногда посещает, потому что так уж положено, и засыпает обычно после первых же пяти минут — и едва ли от усталости!

Прослеживая все эти вещи, выявляющиеся в этой области чисто внешним опытом, действительно приходишь к тому, что обычное мышление путает тут причину и следствие. В действительности мы устали, так как хотим уснуть. Импульс засыпания возникает гораздо глубже, чем в сфере утомления, чем в сфере физической противоположности (*körperlicher Gegenteils*). Если у нас в отношении внешнего мира отсутствует желание, то в нас возникает стремление уйти из этого внешнего мира. В таком случае душевно-духовное покидает телесно-физическое, и телесно-физическое тогда устаёт. Мы устаём, так как хотим уснуть, а не наоборот — мы засыпаем, потому что устали. В этом может убедиться каждый, если только захочет. Правда, переубеждение в отношении фактов, так глубоко связанных с самодовольными интересами жизни, чрезвычайно трудно. Однако мы всегда можем убедиться, если только хотим это сделать. И тогда мы подводимся уже к тому, что не только видим в засыпании природно-физиологический процесс, но встраиваем засыпание во всеобщий космос, который, как мы и характеризовали с различнейших сторон, моральные импульсы действительно содержит как реальные импульсы, а не пустые слова. И таким образом именно чередование состояний сна и бодрствования показывает нам, как можно навести мост между физическим и моральным в нашем мировом порядке.

Дюбуа-Раймон, тот самый физиолог, который выступил со своим знаменитым докладом о границах познания природы, о чём я неоднократно рассказывал, однажды сказал: „Мы вообще не можем понять человека, стоящего перед нами в бодрственной жизни”. Ну что ж, мы ведь знаем, как мы должны думать о подобном высказывании. Но Дюбуа-Раймон подразумевает, что спящего человека мы можем понять. Именно в спящем человеке, думает он — мы знаем, что это неверно, но рассмотрим это высказывание, — присутствуют, только сложнее, закономерные связи внешнего физического мира, которые понятны. Так что естественнонаучно можно понять лишь спящего человека, а не бодрствующего.

Однако отсюда — как сказано, сегодня мы не будем рассматривать правильность или ошибочность этого положения, — из этой естественнонаучной позиции следует, что естественнонаучными средствами нельзя узнать, что пронизывает и наполняет человека во время его бодрствования, и что даже для естественнонаучного образа мыслей спящий человек как физическое существо предстаёт совсем другим, чем бодрствующий.

Естествознанию, конечно, ничего не ведомо из того, что выходит в это время из человека и находится в сверхчувственном мире от волевого «Я» и эмоционального астрального тела. Но это «неведомое» с точки зрения естествознания, чем же оно является в свете нашего сегодняшнего рассмотрения? А это как раз нечто такое, что пребывает внутри морального мирового устройства! Следовательно, собственная деятельность морального в качестве реального мира и начинается именно в той точке, в которой естественнонаучное мировоззрение прекращает рассмотрение. И обнаруживается это моральное только своими воздействиями на настроение человека после пробуждения. Значит, если мы вообще хотим вступить в область, где может быть обнаружена реальность морального, нам необходимо рассмотреть мир, который человек переживает в период между засыпанием и пробуждением. То есть, если естественнонаучное мировоззрение просто не вступает в эту область, то неудивительно, что за реальное оно признаёт лишь то, что не содержит моральных импульсов, а моральные импульсы относит к области чистой веры.

Однако, когда мы внимательно рассматриваем другую область, эта

вера точно так же становится реальным познанием, как и то, чего достигает естественнаучное мировоззрение. Только в нашем изложении, если мы вообще хотим внимательно рассмотреть эту пропитанную моральным душевно-духовную область, мы должны исходить из совсем другой отправной точки.

Если бы я нарисовал вам здесь что-нибудь, являющееся копированием только физического, то мне следовало бы придерживаться физического, и изображённое здесь было бы именно образом, и произошёл бы переход от внешней реальности к голой образности. Изображая сверхчувственное, следует идти обратным путём. То, что является сверхчувственным, должны переживать внутри. А затем выйти наружу и изобразить пережитое внутри именно в образе. Это внутренне пережитое является также вполне подвижным в себе, и в действительности я должен бы изобразить это окрашивание блестящим, сверкающим, смешивающимся друг с другом, вспыхивающим и угасающим. Но это вспыхивание и угасание можно наблюдать при рассмотрении всего человека с помощью духовно-научного исследования.

Когда — я пытаюсь говорить совершенно точно — достигают созерцания астрального тела и «Я» во время сна, тогда формирование «Я» и окрашивание астрального тела предстают чётко и ярко. Когда «Я» и астральное тело возвращаются теперь в физическое тело и эфирное тело, тогда то, что во время сна является ярким, блестящим и сверкающим, становится тёмным и приглушённым; и то, что вне тела имеет чёткие контуры, получает в «Я» внутри тела неопределённые контуры. И прослеживая при пробуждении это погружение «Я» и астрального тела в физическое и эфирное тела, имеют совершенно определённое чувство. И если подбирают абстрактные слова, чтобы выразить это чувство, то, как правило, характеризуют довольно неуклюже. Однако всё-таки можно в значительной степени уточнить то, что происходит тут в действительности. Из сверхчувственного созерцания «Я» и астрального тела известно, что, после того как они вошли в состояние сна, они очерчены ярко и точно, при пробуждении человека астральное тело существует с нечёткими контурами, оно смутное, тёмное, немножко блестящее. Тут имеют то же чувство, как если бы изо дня в день на душу воздействовало осеннее и зимнее становление. Созерцать всего человека после пробуждения означало бы перенестись в настроение, каким его имеют в

зимний период. А при засыпании, то есть при выходе духовно-душевного из человека, имеют настроение души, каким его можно иметь во время весеннего и летнего становления. Так приводятся фактически к чему-то совершенно особенному.

Мои дорогие друзья, в течение нынешней недели я постарался показать вам, как духовно-научное наблюдение приводит нас к полному соединению человека с космосом. Я связал человеческую форму с миром звёзд, с миром неподвижных звёзд, а человеческие ступени жизни — с планетарным миром. Когда мы рассматриваем человека духовно-научно, нас повсеместно выводят из человека. Сегодня мы рассмотрели чередование состояний бодрствования и сна, и воспринимая их, мы знаем — теперь мы снова выведены из человека, но не в мир звёзд, а во временной мир. Мы сказали себе: мы понимаем пробуждение, если понимаем становление осенне-зимнего периода; мы понимаем засыпание, если понимаем становление весенне-летнего периода. Мы выведены из человеческого течения времени в течение времени космическое. Мы приведены от человеческих состояний чередования сна и бодрствования к состояниям чередования сезонов года: весны, лета, осени и зимы. В человеке мы видим отображение того, что происходит и во времени, между тем как с начала нынешней недели мы, конечно же, старались увидеть в человеке отображение макрокосмоса больше относительно пространственного.

Так человека встраивают в мир и так же постигают его, исходя из мира. В таком случае моральный мировой порядок представляется нам, разумеется, тоже как реальность, а не как мир пустых слов. И когда человек пронизывает себя всем тем, что он может почувствовать из этой своей космической связи, тогда религиозным импульсом пронизывается его нравственно-моральный мир, тогда нравственная воля человека становится выражением божественной воли, правящей в человеке, тогда сфера этически-морального поднимается в сферу нравственно-религиозного. Таким образом духовная наука ищет путь к нравственному и к религиозному. Но об этом мы будем говорить завтра.

Дорнах

Воскресенье, 13 ноября 1921 года.

Вчера главное внимание мы уделили тому, как ведут себя астральное тело человека и его «Я» в состоянии между засыпанием и пробуждением, и сегодня мы снова начнём с этого. Я говорил, что если с человеком, пребывающим в спящем состоянии в качестве физического тела и эфирного тела, мы сравним его «Я» и его астральное тело, то должны будем сказать: одарённое волей «Я», волевое «Я», формируется благодаря отношению, в которое оно вступает с существами духовного мира во время сна. Таким образом, если мы нарисуем это схематически, то получим изображение «Я». И я говорил: если рассматривать это сморщенное очертание «Я» (см. рис. с. 350, светлое) как вид негатива, подобно фотографическому негативу, — при этом не следует, разумеется, принимать во внимание соотношение величин, — то форма человеческого физического мозга была бы позитивом. Астральное тело нам следует представлять окрашенным душевным окружающего мира, что я и выразил схематически, нарисовав его окрашенным в разные цвета (см. рис. с. 353).

Вчера, когда я сказал, что этим пока ещё ничего не сказано о поведении физического тела и эфирного тела во время сна, мы это опустили. Сегодня мы вернёмся к этому. Кажется, что физическое тело внешней науке известно, однако, на самом деле это только кажется. Ибо внешняя наука мало принимает во внимание, как глубоко различны человек конечностей и обмена веществ и человек головы. В действительности головной человек, человек головы, в соответствии со своей физической конституцией является слепком того человека, который существует в период между смертью и новым рождением. Вместе с тем, мы снова не будем принимать во внимание соотношение величин.

Сегодня в науке физический головной мозг рассматривают в любом

случае так, как будто он по своему строению является лишь результатом отцовской и материнской организации. Но из различных проведённых нами рассмотрений мы ведь уже видели, что это не соответствует фактам. Здесь, в физическом мире, происходящее при возникновении человека, если это высказать несколько грубо и радикально, состоит в том, что в действительности субстанция в материнском теле сначала отбрасывается в хаос, и что этой хаотической субстанции, которую покинули как химические, так и физические закономерности, из универсума придаются силы, организующие эмбрион. И в этих силах, действующих формируя из универсума в материнском теле, кроме того, непременно находятся, я бы сказал, привитые силы, которые сам человек приносит с собой после того, как он прошёл период между смертью и новым рождением. Следовало бы, собственно, сказать: сам человек своей формой укореняется в материнском теле. В теле матери для человека формируется только ложе, а в универсуме устроено именно так, что там, где создаётся возможность возникновения чего-либо определённого, тогда и возникает это определённое.

Внутри человеческая голова сформирована так, что прежде всего она является копией того, что в прошлой земной жизни сформировалось здесь в виде извилин и окрасилось, но так, что в этой голове напечатлён, можно сказать, и весь универсум. В действительности современная наука очень плохо понимает процесс познания, ибо его следует понимать так, чтобы можно было сказать: в этом сложно устроенном человеческом головном мозге в действительности непременно имеет место отображение универсума. И возникающее тут внутри в формах является таким, что его не может пронизать ни «Я», ни астральное тело. Они, как я показал в предыдущих рассмотрениях, в человеческой голове живут свободно. Человек знает себя как «Я» и астральное тело именно потому, что они живут свободно. Как мы видели, «Я» и астральное тело могут действительно связать себя только с человеком конечностей и обмена веществ. Тут внутри они разрастаются и преобразуют его преимущественно в волевое существо, как мы это и знаем. Но благодаря этому в человеке конечностей и обмена веществ живёт прежде всего то, что снова выходит через врата смерти в духовный мир, который принимает человека судя по его «Я» и астральному телу и несёт к дальнейшим ступеням бытия; между тем как в голове человека существует всё

то, что пришло из предыдущей жизни и жизни между смертью и новым рождением, определённым образом приняло форму этой головной организации и вжилось в неё. Голова человека отсылает назад, человек конечностей и обмена веществ указывает вперёд, а ритмический человек существует как раз в колебаниях между прошлым и будущим. И только так понимая физического человека, поймёшь строение членов, поймёшь внутреннюю жизнь членов. Поймёшь, почему, собственно, головная организация является нисходящей, непрерывно парализующей себя, между тем как организация конечностей и обмена веществ является непрерывно восстанавливающей себя. Также поймёшь, почему организация конечностей и обмена веществ должна быть связана с физико-химическим состоянием Земли — и эта связь, конечно, проявляется через питание.

Итак, этот человек конечностей и обмена веществ на самом деле относится к тому, чему предстоит дальнейшее развитие. Однако, человек конечностей и обмена веществ во время бодрственной жизни вынужден, по сути говоря, в значительной степени считаться с силами, исходящими от самой Земли. Человек конечностей и обмена веществ подчинён тяготению Земли; он подчинён другим силам Земли. Он подчинён тем силам, которые исходят от продуктов его питания и пронизывают его. В определённой степени он вполне является существом Земли. А так как человек конечностей и обмена веществ в отношении своего формирования не участвовал в том, что человек пережил между смертью и новым рождением перед настоящим земным бытием, то вследствие этого и во время бодрственной жизни этот человек конечностей и обмена веществ не в состоянии приспособиться к внешнему духовному универсуму. Во время бодрственного состояния он в определённой мере предоставлен физическому Земли.

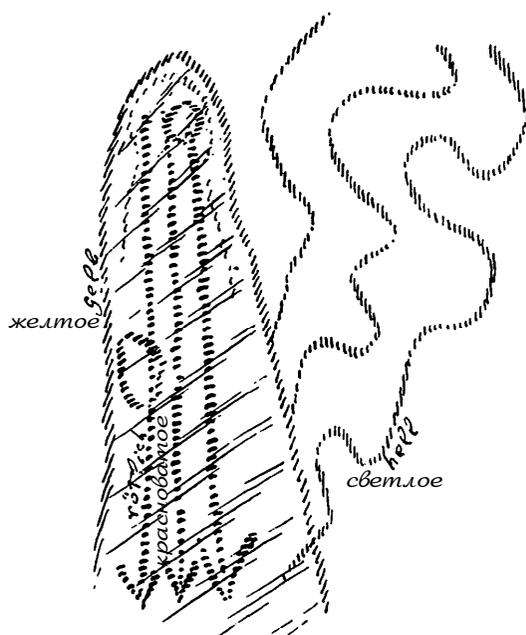
Но во время сна это не так. Ибо всё, связывающее человека с его прошлым, а также и с жизнью между смертью и новым рождением, сформировано в голове человека. В этой человеческой голове, как я только что разъяснял, в формах органов едва заметным мимолётным образом содержатся картины всего космоса.

Всё, чем является голова человека как отображение универсума, не может во время бодрственного состояния воздействовать на человека конечностей и обмена веществ. Ведь голова человека как носитель са-

мых значительных органов чувств пребывает в состоянии непрерывного восприятия информации от внешнего земного мира. Во время бодрствования через голову воздействует всё то, что видят, что слышат. Нельзя сказать, что во время сна человеческая голова питается только физическим образом; это, собственно говоря, на самом деле происходит во время бодрствования. Для физического тела это вовсе не является существенным во время сна, но во время сна для физического тела главным является нечто иное.

Скажем, в глазу, например, мы имеем не только ту организацию, которая передаёт увиденное, но одновременно в глазу мы имеем отображение космоса, духовных сил космоса. В духовно-душевном космосе

Доска 18

человек жил в период от смерти до рождения. Организация глаза скопирована по образцу этой жизни в духовно-душевном космосе. Глаз, как и все органы головы, имеет двоякую задачу. Во-первых, посредством зрения передавать корреспонденцию внешнего мира. Это происходит во время бодрственной жизни. Во время жизни сна глаз с помощью

своего окружения, а именно окружения нервов и крови, воздействует на физический организм, поскольку тот является организмом обмена веществ и конечностей, и, к примеру, во время сна силы закрытых глаз действуют на систему почек человека и напечатлевают системе почек космический образ. Другие органы головы из космоса напечатлевают человеческой системе обмена веществ и конечностей иное. Итак, для пребывающего во сне физического тела мы прежде всего имеем то, что силы головы, формируя, действуют на человека обмена веществ и конечностей (см. рис., красноватые стрелы). Именно во время сна происходит так — если я изобразю это схематически, — что формирующие силы непрерывно излучаются из головы в нижнего человека, так что во время сна голова фактически ведёт себя по отношению к человеку обмена веществ и конечностей как духовно-душевный творец.

Идея созидания предстаёт абсолютно неверно, если её концентрируют на каком-либо моменте. В действительности мы создаёмся непрерывно. Мы создаёмся, исходя из духа, каждую ночь; исходя из духовного, наша система обмена веществ и конечностей формируется, оживляется каждую ночь.

Разумеется, вы знаете, что современной материалистической науке, по сути, известно лишь обратное, то есть, что силы обмена веществ воздействуют на истощённый мозг. Однако это только одна сторона. Во время этого происходящего снизу вверх воздействия сверху вниз осуществляется духовное и душевное оживление человека. И важно себе уяснить, что это духовно-душевное оживление подчиняется высокому уровню сознания. Этот уровень сознания, необходимый для побуждения тех удивительных процессов, которые происходят здесь во сне для физического тела человека, мы, люди, будем иметь лишь во время развития планеты Вулкан, так как уровень сознания, соответствующий ей, — это уровень сознания Духочеловека. Сознание Духочеловека в самом деле пребывает в человеке внутри. Действенным оно становится во сне и проявляется в процессах, которые я только что описал. Однако на своей современной ступени развития человек не в состоянии осознать самого себя до известной степени так глубоко, чтобы при обычных условиях почувствовать в себе это созидание и бытие гораздо более высокой степени сознания, чем та, которую он имеет для своей бодрственной деятельности.

Правильная оценка таких вещей связана уже с тем, что благодаря духовной науке, как мы её здесь узнаём, человек становится религиозно углублённым. Когда, пренебрегая своей жизнедеятельностью, человек позволяет приходиться в упадок тому, чем он является, когда не пытается привить своему физическому телу то, что может быть привито во время земной жизни, тогда он, разрушая, посягает на нечто, в чём неосознанно для его обычного сознания господствует гораздо более высокое сознание, чем он может иметь сам.

Вглядываясь в универсум, мы не просто созерцаем некий мир — мы при правильном его понимании в восторге мысленно преклоняемся перед ним, но мы должны так же вести себя, когда с правильным пониманием всматриваемся в царствование сверхчеловеческого внутри собственного человеческого существа.

Этим приблизительно я дал вам понять, как обстоит дело с физическим телом человека в состоянии сна.

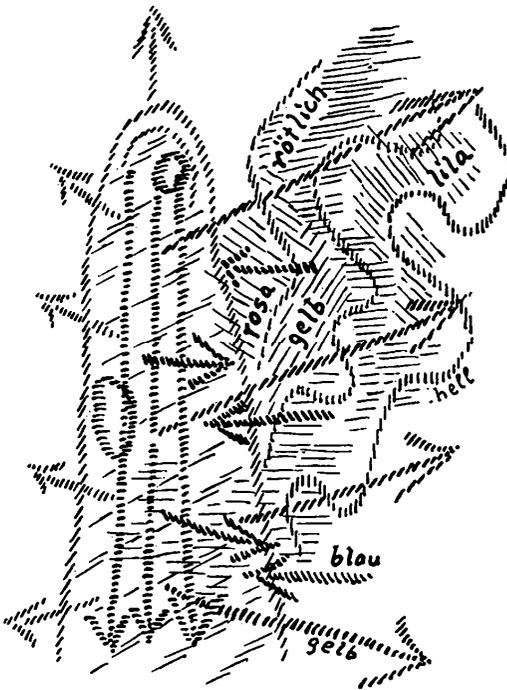
Но помимо физического тела мы, кроме того, имеем эфирное тело (см. рис. с. 350, заштриховано). В бодрственном состоянии это эфирное тело человека, конечно, непрерывно подвержено воздействиям, исходящим от действующего в мире «Я» и от связанного с этим «Я» астрального тела. Во время бодрственного состояния мы всегда видим сверкающие и приглушённые краски и другие окрашивания, которые имеют место в астральном теле и перемещаются в эфирное тело, и, собственно, мы видим, как во время бодрственного состояния эфирное тело приспособляется к астральному телу. Но мы также видим, как то, чем является «Я» благодаря своей конфигурации, обрушивается на эфирное тело. Короче, во время бодрственного состояния мы видим в эфирном теле действие «Я» и астрального тела. Во время сна «Я» и астральное тело человека пребывают за пределами эфирного тела. Тут ни астральное тело со своим окрашиванием, ни «Я» со своим формированием не проникают в эфирное тело. Тут эфирное тело предоставлено своему собственному формированию. И это собственное формирование проявляется благодаря тому, что во время сна эфирное тело совершенно грандиозно формирует себя как отображение универсума.

Ведь человек, направляясь в физическое земное бытие из дорождённой жизни, принимает эфирное тело в соответствии со своей основной субстанциональностью. Эфирное тело составляется, конечно, в соответ-

ствии с тем, как человек жил между смертью и новым рождением. И всё, что там, исходя из универсума, как символически говорит духовная наука, человек воспринял в себя от небес с севера, юга, востока и запада — всё это несёт в себе эфирное тело. Только по указанной причине он не может обнаруживать это во время бодрственного состояния. Он проявляет это во время состояния сна. Здесь, по сути дела, человек всецело является воспоминанием, воспоминанием прежде всего о земной жизни.

Время от времени люди осознают, что они, погружаясь в своё эфирное тело, погружаются в море образов, которые они потом и причисляют к сновидениям. Однако, если при пробуждении человек приложит в

Доска 18

rötlich – красноватое
 lila – лиловое
 rosa – розовое
 gelb – жёлтое
 hell – светлое
 blau – синее

этом отношении усилие для наблюдения этого моря образов, среди которых он словно странствует при пробуждении, если он наблюдает то, что здесь переживается, то он откроет, что во время сна, по сути дела, в этом эфирном теле заключена целая земная жизнь. То есть человек жи-

вёт и действует во всём том, что со времени своего рождения он пережил в эфирном теле во время сна. Но всё это сформировано для эфирного тела именно из космоса — космическими силами. А так как сюда теперь ничего не проникает от астрального тела и «Я», эфирное тело излучает то, что оно получило присоединённым, включённым при своём рождении. Эфирное тело человека становится излучающим (см. рис., жёлтые стрелы).

Это излучающее образование человека в состоянии сна является важным фактом. Это излучающее в состоянии сна образование человека действительно является чем-то, что для земного мира, когда тот после захода Солнца погружён в ночь, представляет собой душевное излучение человечества в противоположность физическому излучению Солнца. В это душевное излучение человечества включено, разумеется, всё то губительное, хиреющее, разрушающее, что люди, исходя из своего зла, насаждают эфирному телу во время своей жизни посредством своего астрального тела и своего «Я». Но если бы не существовало этого излучения человечества, Земля не справилась бы со своим развитием.

Если бы некий наблюдатель, имея для этого необходимые органы, находился в космосе и наблюдал бы Землю из космоса, то он бы сказал: в течение дня на стороне Земли, освещённой Солнцем, виден именно отражённый солнечный свет, но когда на часть Земли ложится ночь, тогда Земля фосфоресцирует, тогда она светится. И то, что такой наблюдатель нашёл бы светящимся, — это человеческие эфирные тела. И всё это Земля также использует, чтобы идти дальше в своём развитии. Если бы на Земле не было спящих людей, то растительные силы Земли умерли бы гораздо быстрее, чем они умирают в жизни Земли. Человек включён в бытие Земли совсем не для того, чтобы жить только для себя; нельзя сказать, что он не имеет значения для всего формирования Земли. Воспринимаемое им в духовных мирах между смертью и новым рождением, он в период сна во время своей земной жизни снова излучает из своего эфирного тела в развитие Земли.

Так что можно сказать: для физического тела это происходит так, что излучают сверху вниз; для эфирного тела это обстоит так, что излучают изнутри наружу. Именно процесс сна человека непременно имеет также космическое значение.

Поэтому я должен был вчера вам также сказать: «Я» и астральное тело, вновь погружаясь в эфирное тело, имеют восприятие осеннего, между тем как восприятие весеннего и летнего имеют, когда эфирное тело свободно покоится во сне. Это действительно так, что в определённой мере с выходом и входом астрального тела человек становится в духовно-душевном отношении солнечнее или более зимним.

Таким образом, мы можем сказать, что во сне эфирное тело человека является таким, что силы космоса, и именно те, которые человек накапливает между смертью и новым рождением, действуют на Землю формирующе. Внутри действует даже более высокое сознание, нежели то, которое находится в распоряжении человека прежде всего для его бодрствующей деятельности. То есть в этой работе, в этой спящей деятельности эфирного тела действует сознание Жизнедуха. Это то самое сознание, к которому человек поднимется в своём развитии только тогда, когда наша планета Земля подойдёт к своей метаморфозе — бытию Венеры.

Итак, мы видим: для «Я» и астрального тела, с одной стороны, и для физического и эфирного тел, с другой стороны, существуют такие отношения, что они во сне не взаимодействуют, но взаимодействуют от пробуждения до засыпания. Имеет место смена отношений, некий род движения маятника между взаимодействием и не взаимодействием. Но даже тут дело обстоит так, что в тот момент, когда «Я» и астральное тело при пробуждении внедряются в физическое и эфирное тела, и когда, наоборот, удаляются при засыпании, имеет место взаимодействие, регулируемое сознанием, к которому человек со своим сознанием, пригодным для бодрствующей деятельности, даже не приближается. Человек, конечно, может некоторым косвенным образом иметь влияние на пробуждение и засыпание. Но для тех тонких интимных процессов, которые при засыпании и при пробуждении разыгрываются между «Я» и астральным телом, с одной стороны, и физическим и эфирным телами, с другой стороны, для этих более интимных процессов человеческое сознание не имеет способности восприятия.

Я хочу происходящее тут взаимодействие выразить с помощью этих движущихся навстречу друг другу стрел (см. рис. с. 353, синее). В этом выравнивании, в этом взаимодействии, как оно обнаруживается особенно при пробуждении и засыпании, как оно, конечно же, определённо

ещё продолжается и во время бодрствования и даже во время сна, в этом беспорядочном переплетении астральных и эфирных сил, даёт о себе знать то, что ныне мы можем констатировать преимущественно для астрального тела. Мы можем сказать: для астрального тела это непременно происходит так, что оно иницируется в космическом отношении. Представьте, что от засыпания до пробуждения, как я изложил вчера, астральное тело обязательно окрашивается соответственно своим моральным ощущениям. При пробуждении оно вторгается в космически сформированное эфирное тело. Здесь оно должно следовать ему, здесь оно должно к нему приспособиться. И мы можем сказать: космически-астральные силы воздействуют на человечески-астральные силы. Это хорошо прослеживается в одном частном случае.

Представьте себе, что человек не испытал бы эту жизнь между смертью и новым рождением — как, впрочем, её не проходит животное, — а пришёл бы в мир так, как это требует аристотелевское мировоззрение: во время своего рождения он явился бы вновь созданным существом. Он не внёс бы в жизнь воздействия прежних земных жизней и жизни между смертью и новым рождением. В таком случае взор человека, его чувственные органы блуждали бы поверх внешнего опыта, и человек никогда не связал бы этот внешний опыт посредством геометрических и математических понятий и представлений. Это лишь один случай, однако один из тех случаев, когда то, что ценно для космоса, геометрия, вступает во взаимодействие с тем, что имеет ценность только для земной среды. Пронизывается земное, эмпирический опыт пронизывается рациональным математически-геометрическим. А осуществляется это взаимодействие непрерывно, и происходит оно так, что в качестве сознания там действует Самодух. Конечно, наблюдающие мир с помощью математики ничего не знают о том, что во время их реального математического рассмотрения сзади, за продвижением на самом деле всегда стоит Самодух. Однако они его не замечают, потому что ограничиваются рефлексией, из которой и состоит обычное человеческое сознание.

Вначале, когда человек не находится ни в состоянии сна, ни в состоянии пробуждения или засыпания, а целиком погружён своим «Я» и своим астральным телом в эфирное тело и тело физическое, тогда имеет место обычное современное сознание, тогда только человек предоставлен всему тому, что исходит из Духочеловека, Жизнедуха и Самодуха.

По достижении той ступени бытия, которую человек будет иметь, когда Земля в смысле моего «Очерка тайноведения» преобразится в бытие Юпитера, будет так, что человек уже не внешне — посредством геометрии — сформирует себе куб и затем обнаружит, что эта идеальная кубическая форма подходит для кристаллизованной соли, но он увидит её как некое единство. Он настолько будет отдан внешнему миру, что в определённой степени сам будет находиться в соли. Хотя на Юпитере и не будет такой соли, но с помощью таких представлений мы можем уяснить себе жизнь людей в будущем.

Итак, как вчера мы рассмотрели астральное тело и «Я», так же мы можем сформировать представление о том, как ведут себя во время сна физическое и эфирное тела. Физическое тело во время сна является, собственно, созидателем самого себя в отношении человека конечностей и обмена веществ, а эфирное тело человека является творцом мира.

Обратившись ещё раз к тому, что мы рассмотрели вчера, мы должны сказать: астральное тело человека во время сна выходит из физического тела и из эфирного тела. В него вливаются душевные силы универсума. Оно ими пронизывается. И эти силы могут пронизать его сообразно с тем, какое имеет он в себе чувство и настроение души. Если человек симпатизирует добру, то его могут пронизать прекраснейшие силы универсума. Если же человек развивает свои наклонности к злу, то его астральное тело приходит в упадок. Определённые оттенки окрашивания, которые астральное тело воспринимает во время состояния сна (см. рис. с. 353, красноватое, жёлтое, розовое, лиловое), существуют для всех градаций чувствования и ощущения в глубине души. Можно сказать, каков человек, так он и засверкает во время состояния сна относительно своего астрального тела. Ведь астральное тело — это то, что составляет душевное настроение, расположение духа во время бодрственного состояния. Это расположение духа во время сна некоторым образом изливается в душевный универсум. И тогда человек переживает себя в этом излиянии, изменив своё душевное настроение тем, что он со своим душевным настроением стоит перед душевно-духовным миром.

Если бы, проживая тут со своим астральным телом, человек мог проникнуть в сознание Жизнедуха, то он смог бы рассказать о том, что происходит с его астральным телом. В настоящее время это происходит для человека бессознательно, но происходит. Кто же об этом всё-таки

рассказал бы, если бы, засыпая, человек внезапно достиг сознания Жизнедуха? Кто бы рассказал? Тут нельзя сказать иными словами, кроме как: рассказало бы астральное тело человека как судья над добром и злом в человеке. Так что действительно надо сказать: в состоянии сна астральное тело становится судьёй души*. Это важное положение для человеческой жизни, если это правильно понимать. Это некая истина, которая едва просвечивает с той стороны порога духовного мира и которую человек должен по-возможности чаще ставить перед своей душой.

Возьмём соответственно для «Я». «Я» выходит из физического и эфирного тел и формируется сообразно силам духовных существ универсума. Оно становится таким, каким может стать после того, как оно жило в физическом теле. Если бы оно пробудилось в сознании Духочеловека, то оно не только рассказало бы о себе, как рассказало бы о себе астральное тело, будучи внезапно наделённым сознанием Жизнедуха, но «Я» было бы наделено сознанием, которое действует в оставшемся физическом теле и которое посылает сверху вниз силы оставшемуся физическому телу, стало быть, если бы человек был наделён в своём «Я» этим сознанием, когда его «Я» вышло во время сна, то человек не только переживал бы итог судебных приговоров над собой, но тогда он увидел бы, чем он становится теперь как образ и что в этом случае действует как зародыш для его будущей земной жизни.

Желая найти определение для этого факта, я не могу найти никакого другого выражения, кроме как: «Я» становится жертвой самого себя**, жертвой духа, действующего в теле. Жертва может быть такова, что её принимают с удовлетворением; у «Я» это может также происходить, когда его формируют снаружи. Но жертва может быть такой, что её отвергают. Это исключительные радикальные исходы события. Переживаемое человеком лежит, разумеется, в основном посередине. Однако жертва действительно может быть отвергнута, если она недостойна быть пожертвованной. Следовательно, если человек перед духовными существами универсума появляется так, что вынужден из-за переживаемого в физическом и эфирном телах во время бодрствования в сильной степени прийти в упадок, то он становится отверженным существом.

* В тексте: schlafend wird der astralische Leib der Richter der Seele. (прим. перевод.)

** В тексте: Das Ich wird das Opfer seiner selbst (прим. перевод.).

Таким образом, вы видите, что понятие жертвы вполне может быть применено к тому, что здесь происходит. И мне кажется, что эти два тезиса: „в состоянии сна астральное тело человека становится судьёй его души” и „«Я» становится жертвой самого себя” — эти два тезиса чрезвычайно важны для полного понимания человеческого существа.

Если посмотреть на то, чего достигла древняя инстинктивная мудрость человечества, исходя не из той ясности сознания, из которой должны устремляться сегодня в антропософской духовной науке, а исходя именно из инстинкта, то обнаружишь, как я уже неоднократно подчёркивал, картины значительной прамудрости человечества. Они находят выражение в мифах, в древних изречениях мудрости, кроме того, они также проявляются в культовых обрядах, которые содержались в различных религиозных системах.

Отсюда при правильном их понимании мы испытываем глубокое благоговение перед традициями древних религиозных образов, древних культовых изображений. И дело обстоит так, что живое религиозное восприятие человека может возникнуть снова только в том случае, если из духовно-научного понимания мира в соответствии не с пустыми фразами, но в соответствии с глубочайшим содержанием охватывается как раз не только человек головы, но весь человек, тем что ему прививают не только понимание мира, но также и благоговение перед царством духа в мире. В особенности сегодня мы это снова увидели. Духовная наука вновь может оживить религиозные восприятия человека. Но человек, впрочем, перешёл — мы знаем, что ему это было необходимо с целью достижения своей свободы — через то время, в котором он жил только интеллектуализмом, рационализмом и связанным с этим материализмом, хотя большая часть человечества ещё и сегодня живёт этим. Но необходимо вновь вернуться к пониманию того, что в мире является духовным. Необходимо снова прийти к жизни вне голого интеллектуалистического восприятия мира, вне переживания только лишь человека головы.

Но если мы, я бы сказал, перескакиваем этот период интеллектуализма и оглядываемся на времена, когда древние религиозные картины были ещё живыми и в то же время до глубины средних веков современного человечества были картинами познания, если мы смотрим на культовые изображения, которые использовались в религиозной практике, то во всём этом мы находим кое-что чрезвычайно похожее — только

добытое как раз из инстинкта — на то, что сегодня мы снова можем извлечь из духовных миров с ясным сознанием. Ибо я должен всё-таки сказать, что если из инспирации появляется мысль, выражающаяся в тезисе „астральное тело в спящем состоянии становится судьёй души”, то можно обнаружить, как в качестве адекватного образа предстаёт «Страшный суд», изображённый *Микеланджело* в Сикстинской капелле. В этой картине «Страшного суда» на алтаре Сикстинской капеллы имеют примерно то, что восходит из прадревних времён. Это лишь приняло христианскую форму. А приняв христианскую форму, стало уже скорее традиционным. Эти вещи изображали, руководствуясь традицией. Но в развитии человечества были эпохи, когда эти вещи созерцались живыми. Там инстинкт как раз смотрел на инспирированную имажинацию человеческой души, направляемую во сне.

И с другой стороны, если мы посмотрим на то, что предстаёт нам в качестве необычайно волнующего образа, такого, как образ Божьего Агнца, Христа, того Христа, который связал себя с человеческим «Я», который пронизал это человеческое «Я», то в нашей душе пробудится мысль — именно глядя на приносящего себя в жертву Агнца — мысль о жертве, которой становится «Я», переходя в состояние сна. И мы обнаружим, как точно через образ Агнца выражена эта жертвенная природа человека во время сна. Мы припоминаем, как, руководствуясь инстинктивным сознанием мудрости, был найден этот образ ради той помощи, которая необходима «Я» в его земном бытии, потому что во сне оно становится жертвой своей собственной личности.

Ничего другого не может быть, как всё снова и снова указывать на то, что, развиваясь, антропософская духовная наука хоть и устремляется к совершенно ясным понятиям, конечно, к ясным понятиям такого рода, как они существуют обычно в строении математики и геометрии, но однако эти понятия, появляющиеся тут благодаря духовной науке, всегда, поскольку они коренятся в живой жизни мирового Духа, являются такими понятиями, что они не оставляют нас холодными, как математические понятия, что они пронизывают нас теплом чувства, теплом воодушевляющего волевого импульса. Здесь мы усматриваем внутреннюю связь между ясным мышлением, тёплым чувствованием и энергичным стремлением в человеке. Абсолютно всю человеческую природу мы, собственно, судим, исходя лишь из такой точки зрения.

И действительно, на иной взгляд в истории свет проливается, только когда исходишь из такого понимания человека. До глубины средних веков ещё у абсолютного большинства людей мы находим, говорил я, понимание истинного содержания древних картин, находим с точки зрения вечности то переживание мира, какое имело место в жизни древней инстинктивной мудрости, — и это должно быть снова завоёвано с помощью ясного сознания, к которому необходимо стремиться посредством антропософской духовной науки.

Порой мы видим, как в ходе истории появляются удивительные личности и как эти необычайные личности своеобразно существуют в противовес условиям современности, можно сказать, справедливо переместившись в современность. Однажды во время итальянского путешествия я разговаривал с одним священником-бенедиктинцем ордена в Монте-Кассино. Он рассказал о том, что в его молитвеннике среди имён святых приведено также имя того саксонского немецкого кайзера, *Генриха II*, который действительно — я не знаю, в скольких исторических книгах это ещё приведено — просто назван «святым». Но если мы остановимся на том, чего хотел этот Генрих II — чьё имя, следовательно, существует ещё среди тех, кого признают святыми некоторые молитвы требника для католических священников, — то увидим, что он хотел: *Ecclesia catholica non Romana**. Таков был призыв Генриха II, святого! И в то время, в которое он жил, то есть в X—XI столетиях, когда было ещё вполне возможно говорить из правильного переживания древней заветной мудрости о том, что пришедшее в мир через христианство должно стать *Ecclesia catholica*** , то есть церковью для всего человечества, где господствует тот дух, который через христианство и должен был прийти в мир. Но Генрих II, святой, хотел иметь *Ecclesia catholica non Romana*, так как *Ecclesia catholica Romana* стала земным, светским царством. И происходит так, что повсюду там, где духовные царства становятся светскими царствами, ариманическое захватывает то, что живёт как святыня и даже уже жило в первых сборниках обычного права (*Urweistümern*) человечества. Во времена Генриха II ещё было сильным сознание того, что *Ecclesia catholica* может быть отделена от *Ecclesia catholica Romana* и что на самом деле необходимо стремиться к *Ecclesia catholica non Romana*.

* Всеобщая церковь вне Рима, лат., (прим. перевод.).

** Всеобщей церковью, лат. (прим. перевод.).

Я говорю о том, что этот Генрих II был неуместно обозначен в требнике как святой. Римская католическая церковь не имела ни малейшего повода поставить его среди своих святых, так как он был одним из тех, кто из святого католического рвения как раз хотел побороть римскую католическую церковь ради церкви католической.

Это те исторические факты, которые как раз необходимо вызывать в памяти людей, когда указываешь на важнейшие истины, которые благодаря антропософской духовной науке снова могут быть вынесены на поверхность сознательного человеческого бытия. Сегодня крайне необходимо указывать на эти вещи, ибо в отдельных отталкивающих явлениях, которые здесь в непосредственной близости могут выступить вам навстречу из римско-католической церкви, вы видите, как мог проникать ариманический дух. В одном отношении нельзя позволить этому ариманическому духу обмануть себя по поводу того, что *Ecclesia catholica non Romana* сейчас всё ещё несёт в себе полную света вечную истину. Из здешнего курса по теологии, который я не мог пропустить, выявилось, что из того протестантского стремления, которое стало там действенным в соответствии с углублением протестантизма в спиритуальную сторону, исходя из рационализма и интеллектуализма, обнаружилось, что высказывание «*Ecclesia catholica non Romana*» в отношении некоторых из участников действовало прямо-таки как освобождение. И всё-таки мы сегодня непременно стоим на той точке зрения, что рационализм должен преодолеваться так же, как и вселенство римской церкви, что человечество должно снова соединиться во всеобщей духовной жизни, которую, однако, нельзя захватить какими-либо земными притязаниями на господство.

Ариманический дух является духом лжи. Следуя этому ариманическому духу, само может случиться, что духи лжи пойдут на то, чтобы подлог признать за истину. Здесь как раз необходимо, исходя из глубины мирового события, почувствовать основательное отвращение ко лжи. Это основательное отвращение ко лжи поистине чувствуют, когда могут с полным осознанием произносить слова: „Астральное тело при засыпании становится судьёй души. «Я», засыпая, становится жертвой самого себя”.

Ариманический дух, проникая даже в вероисповедания нового времени, действует затемняя в отношении этих глубоких истин. Тем, кто

честно и даже с некоторой энергией объявляют себя сторонниками антропософского воззрения, следовало бы почувствовать в этих вещах не одно внешнее интеллектуальное расположение к судебным приговорам, которые эта антропософия может преподносить, но развить истинную внутреннюю энергию, энергию чувства и воли, соединяющуюся с тем, чем может овладеть, исходя из духовного мира, дух с помощью антропософски ориентированной духовной науки.

Мои дорогие друзья, одновременно надо указать на то, что следует отличать действительно содержащееся в традиционной продолжающейся жизни религиозных образов и религиозных культовых изображений от того, как порой используют сегодня эти религиозные образы и эти религиозные культы.

Кто же не имеет глубочайшего благоговения перед тем, что как свет, доходящий из духовной седой древности Востока, содержится в культовых обрядах русской ортодоксальной религии! К этим культовым обрядам повсеместно можно относиться так, чтобы сквозь происходящее здесь до некоторой степени проникнуть в необычайные глубины, которые там раскрываются. В этих культовых обрядах проявляются тысячелетия и тысячелетия развития инстинктивной мудрости.

Как-то однажды много лет тому назад я участвовал в таком культовом обряде в *Гельсингфорсе*, где во время празднования пасхи торжественно справлялся такой культовый обряд, и я могу сказать: к самым печальным воспоминаниям моей жизни принадлежит то, что там сообща разыгрывали с вечной истиной комедианты-священники, ужасные внутренние лжецы! Именно в настоящее время в мире происходит то, что под влиянием ариманического материализма ужаснейшим образом сталкиваются ложь во внешнем изображении и глубокая истина во внутреннем. Не имея возможности действительно почувствовать это, не придёшь сегодня к решительному пониманию человеческого существа.

Но нам крайне необходимо прийти к этому решительному пониманию человеческого существа, ибо в то время я смог увидеть, как было погашено всё сознание человеческих существ, даже у одарённых людей, участвовавших в том пасхальном обряде, именно тем, что лицемерные священники злоупотребляли обрядом, которому в высочайшей мере надлежало быть достойной торжественной службой.

Но то, что смогло так радикально здесь проявиться, сегодня, по сути дела, более или менее интенсивно происходит повсюду. Антропософское осознание должно было прийти к тому, чтобы увидеть эти вещи, чтобы основательно отличать истину ото лжи даже там, где эти различия довольно сильно укрываются за неизбежностью внешних обстоятельств. Мы обязаны ради настоящего человека и в первую очередь ради осознания эпохи повсеместно добывать нечто из антропософского углубления. Это то, что дополнительно я хотел высказать вам сегодня, исходя из последних рассматриваний.

К доскам 18+19

Сон

Ступени сознания

Физическое тело:

Силы головы в состоянии сна
воздействуют на человека обмена
веществ и конечностей

Духочеловек: самосозидатель

Эфирное тело:

Силы космоса в состоянии сна
воздействуют на Землю

Жизнедух: созидатель мира

Астральное тело:

Космические астральные силы
воздействуют на человеческие
астральные силы

Самодух

В состоянии сна:

Астральное тело становится «судьей» души.
«Я» становится «жертвой» самого себя.

Примечания

Труды Рудольфа Штайнера, которые опубликованы в полном собрании трудов (GA), в примечаниях даны с библиографическими номерами.

К странице

- 7 *В воскресенье в лекции, которую мне предстоит прочитать:* Доклад от 25 сентября 1921, опубликован как доклад III в «Ostliche und westliche Kultur in geistiger Beleuchtung» («Восточная и западная культура в духовном освещении»), Дорнах, 1954.
- 7 *...и тем, что (...) обсуждали...:* См. Rudolf Steiner «Menschenwerden, Weltenseele und Weltengeist» («Становление человека, мировая душа и мировой дух»), том I и II, (24 доклада в Дорнахе, июль — август 1921) GA 205, 206.
- 10 *... в тайных орденах Запада:* См. Rudolf Steiner «Die okkulte Bewegung im neunzehnten Jahrhundert und ihre Beziehung zur Weltkultur» («Оккультное движение в XIX столетии и его влияние на мировую культуру»), (Дорнах, 1915), GA 254.
- 11 *Эдвард Джордж граф Бульвер-Литтон, 1803 — 1873,* английский писатель и политик. Написал романы «Занони» (в русском издании «Призрак», М., «Радуга», 1994) и «Последний день Помпеи».
- 20 *...на Вашингтонскую конференцию...:* конференция по разоружению, проходившая с 11 ноября 1921 до 6 февраля 1922. См. статью Р. Штайнера «Die Weltrage» («Вопросы мира»), появившуюся сперва как передовая статья в еженедельном издании «Das Goetheanum» («Гётеанум») от 28 августа 1921, позже в «Der Goetheanumgedanke inmitten der Kulturkrisis der Gegenwart 1921 — 1925» («Размышления Гётеанума посреди кризиса современной культуры 1921 — 1925»), GA 36.

- 20 *Ян Христиан Смутс*, 1870 – 1950. В Бурской войне (1899 – 1902) один из вождей буров против англичан. Позже стремился к примирению с ними и был южно-африканским премьер-министром в периоды 1919 – 1924 и 1939 – 1948. Автор мандатной системы и соавтор Лиги наций.
- 27 *.., как я это уже говорил здесь.*: Например, в докладе от 28.11.1919 в ГА 194 «Миссия Михаила» и в докладе от 16.08.1919 в ГА 296 «Вопрос воспитания как социальный вопрос».
- 27 *Адольф фон Гарнак*, 1851 – 1930. Евангелистский церковный историк и политик в области культуры. «Wesen des Christentums» («Сущность Христианства»), Лейпциг, 1900.
- 28 *Владимир Соловьев*, 1853 – 1900, русский философ. Смотри Rudolf Steiner «Wladimir Solowjow, ein Vermittler zwischen West und Ost» («Владимир Соловьев, посредник между западом и востоком»), в «Der Goetheanumgedanke in mitten der Kulturkrisis der Gegenwart 1921 – 1925» («Размышления Гётеанума посреди кризиса современной культуры 1921 – 1925»), ГА 36. Сначала появилась как передовая статья в еженедельнике «Das Goetheanum», 1 января 1922.
- 58 *Как я уже излагал в более ранних докладах,..*: Например, в докладе от 02.05.1920, в томе «Ensprechungen zwischen Mikrokosmos und Makrokosmos. Der Mensch – eine Hieroglyphe des Weltenalls» («Соответствие между микрокосмом и макрокосмом. Человек – иероглиф вселенной»), ГА 201.
- 66 *... в полуночный час бытия (ведь я называю ... как вы знаете из моих драм-мистерий,..)*: В четвёртой драме «Der Seelen Erwachen» («Пробуждение души») в шестой картине. Смотри Rudolf Steiner «Vier Mysteriendramen» («Четыре драмы-мистерии»), ГА 14.
- 88 В заключение доклада Р. Штайнер говорил ещё о недавно появившемся враждебном сочинении, пытавшемся распространять злобные высказывания о Рудольфе Штайнере и об антропософии.
- 93 *...теории Канта-Лапласа: Теория Иммануила Канта*, 1724 – 1804, философ, *Пьер Симон Лаплас*, 1749 – 1827, астроном и математик, о механическом возникновении мира, так называемая по Канту «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels,

oder Versuch von der Verfassung von dem Mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes nach Newtonschen Grundsätzen» (1755) и по Лапласу «Exposition du système du monde» (1796).

- 104 – 105 ...в моем цикле лекций, который я прочёл в Вене в январе 1914 года: «Inneres Wesen des Menschen und Leben zwischen Tod und neuer Geburt» («Внутренняя сущность человека и жизнь между смертью и новым рождением»), (8 докладов, Вена, 1914) GA 153.
- 113 Джордж Генри Левес, 1817 – 1878, «Life of Goethe» («Жизнь Гёте»), Лондон, 1855.
- 113 Альберт Бильшовский, 1847 – 1902, Литературовед, «Goethe» («Гёте»), 1895 – 1904.
- 113 4-я строка абзаца: животного сознания: В предыдущем издании «деятельного сознания». Исправлено по оригиналу стенограммы.
- 129 Фридрих Вильгельм Ницше, 1844 – 1900. И повторно Ницше прекрасно выразил это...: «Так говорил Заратустра», например, в Предисловии Заратустры, часть 3.
- 137 – 142 Следующие высказывания относятся к статье Готфрида Бенна, 1886 – 1956, «Epilog» («Эпилог»), опубликованной в журнале «Die Zukunft» («Будущее»), ответственный редактор издания Максимилиан Гарден, XXX. Выпуск № 2, стр. 57 и далее. Цитаты, в частности, звучат так:
 „Я начал осознавать «Я» как творение, которое стремилось к состоянию, в котором уже не имело значения ничто из того, что современная культура обозначила как интеллект, стремились с силой, против которой дуновение снежинки было значительно, а во всём, что цивилизация под руководством традиционной медицины сделала сомнительным в качестве неврастения, утомляемости, психастении, признало между человеком и миром глубокую, безграничную, дремучую неосведомленность”. (В указанном выше, с. 59)
 „...я имею ряд всеобщностей, в массе самых хаотических, что Дарвина я принимаю за повивальную бабку и обезьяну за искусственный плод: мы нашли пространство, чтобы убить время, и время для нашей скуки; ничто не возникает и ничто не развивается, категория, в которой космос становится очевидным, является категорией застоя”. (Там же, с. 58)

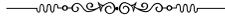
„Я уже ничего не пишу (надо бы писать об аскаридах и копро-
 лалиях); я уже ничего не читаю (Что же? Старых честных по-
 томков титанов с крыльями Икара на оберточной бумаге?); я
 уже не додумую до конца ни одной мысли”. (там же, с.
 60/61)

- 139 .., *один теолог современности*: Евангелистский теолог Christoph Schrempf (1860 — 1944) в «Personliches zu religiosen Fragen / Ein Brief» в ежемесячнике «Die Tat».
- 148 *Николай Коперник, 1473 — 1543*, каноник и астроном. Основатель коперниканского мировоззрения.
- 148 *Галилео Галилей, 1564 — 1642*, итальянский физик. Основатель современной физики.
- 151 *Людвиг Фейербах, 1804 — 1872*, материалистический философ. Говорили: *Античные народы верили, что Бог создал мир,..*: в «Das Wesen der Religion», 30 лекций, Лейпциг 1851, в двадцатой лекции (в заключении) Фейербах сказал: „Ибо не Бог создал человека по своему образу, как это представлено в Библии, а человек создал, как я показал в «Сущности христианства», бога по своему образу. А также рационалист, так называемый мыслительный или рассудочный рационалист, по своему образу создал бога, которого он почитает; живой прообраз, оригинал рационалистического бога, есть рационалистический человек”.
- 153 *Я... написал сочинение.*: Не обнаружено, на какое сочинение 1883 года (38 лет тому назад) указывает здесь Штайнер. Возможно, речь идёт об одном из маленьких сочинений, которые он упоминает в «Mein Lebensgang» («Мой жизненный путь») (1923 — 1925) GA 28, глава V, стр. 96.
- 163 *Кант-Лаплас*: смотри примечание к с. 93.
- 163 и 360 *Микеланджело Буонаротти, 1475 — 1564*, итальянский скульптор, живописец и поэт.
- 164 *Карл Венцлав Родек фон Роттек, 1775 — 1840*, исследователь истории. «Allgemeine Geschichte» («Всеобщая история»), 1813 — 1818, 6 томов.
- 165 *Посмотрите у Шопенгауэра, что он говорит... о бессмысленности истории*: Артур Шопенгауэр, 1788 — 1860, в пятом томе его полного собрания сочинений, изданного в Göttingen библиотеке мировой литературы, глава 38 «Über Geschichte» («Об истории»), с. 286 и далее.

- 171 *Франц Овербек*, 1837 – 1905, протестантский теолог. «Über die Christlichkeit unserer heutigen Theologie» («О христианстве нашей сегодняшней теологии»), 1873.
- 189 *курс <...>, который я дал в 1914 году*: «Inneres Wesen des Menschen und Leben zwischen Tod und neuer Geburt» («Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением», Вена), GA 153.
- 208 *Платон*, 427-347 до Р.Х., греческий философ.
- 208 *Аристотель*, 384-322 до Р.Х., греческий философ.
- 210 – 211 *Рафаэль Санти*, 1483-1520, великий итальянский художник.
Данте Алигьери, 1265-1321, великий итальянский поэт.
Брунетто Латини, родился между 1210 и 1230-1294, итальянский государственный деятель, учёный и поэт, «Tesoretto». ...я это уже однажды разъяснял.: В лекции от 29 декабря 1918, в томе «Wie kann die Menschheit den Christus wiederfinden? – Das dreifache Schattendasein unserer Zeit» (Как человечество может снова найти Христа? – Троекратное теневое бытие нашего времени.) GA 187.
- 211 *Александр VI Борджия*, папа 1489-1503
Лео X Медичи, папа 1513-1521
- 215 *Патер Анджеоло Секи*, 1818-1878, астроном, иезуит.
- 235 *согласно старой загадке*: по преданию об Эдипе – загадка сфинкса.
- 250 *Например, появляется Уильям Джеймс и говорит о всевозможных «пробуждениях»*: Уильям Джеймс, 1842-1910, американский философ, основоположник прагматизма, в его произведении «The Varieties of Religious Experience» 1902. Deutsch von Wobbermin 1907, глава III «The Reality of the Unseen».
- 270 *Рене Декарт, Картезий*, 1596-1650, французский философ и математик.
Барух Спиноза, 1632-1677, философ.
- 271 *Артур Дреус*, 1865-1935, профессор философии. Осенью 1921 года прочитал цикл докладов против антропософии. См. «Metaphysik und Anthroposophie». Берлин 1922, главным образом глава «Die Erkenntnis des Übersinnlichen» (Познание сверхчувственного).
Эдуард фон Гартман, 1842-1906, философ.

- 272 *Густав Теодор Фехнер*, 1801-1887, философ.
Эрнст Мах, 1838-1916, философ и физик.
Ганс Дриш, 1867-1941, зоолог и философ.
Куно Фишер, 1824-1907, философ.
- 292 *Альберт Эйнштейн*, 1879-1955, физик, основоположник теории относительности.
- 300 *Отсюда в своей «Антропософии»:* «Антропософия. Фрагмент», GA 45 и «Anthroposophie, Psychosophie, Pneumatosophie» (Антропософия, психософия и пневматософия), GA 115, доклады 1-4.
- 307 *Андреас, барон фон Эттингсгаузен*, 1796-1878, математик и физик.
Огюстен Луи Коши, 1789-1857, французский математик.
Симеон Дени Пуассон, 1781-1840, французский математик и физик.
Йозеф Петцваль, 1807-1891, австрийский математик и физик.
- 307 *Йозеф Шкода*, 1805-1881, медик, наряду с Рокитанским заложил основы высокой репутации Высшей венской школы классического периода.
- 318 ...как сказано, я это здесь уже коротко охарактеризовал с некоторой другой стороны: см. 1-ю и 2-ю лекции настоящего курса.
- 324 – 325 *Константин I Великий*, римский император с 306 по 337 год после Р.Х.
Юлиан Отступник, римский император с 361 по 363 год после Р.Х.
- 327 *Кай Юлий Цезарь Октавиан, Август*, римский император 63 до Р.Х. – 14 после Р.Х.
- 343 *Но Дюбуа-Раймон подразумевает, что спящего человека мы можем понять:* Эмиль Дюбуа-Раймон, 1818-1896 год, естествоиспытатель, в «Über die Grenzen des Naturerkennens» (О границах познания природы), Лейпциг 1916 год, с. 43.
- 361 *Генрих II, Святой*, 973-1024.
 ...в отдельных отталкивающих явлениях: см. М. Кули с его пасквилом «Die Geheimnisse des Tempels von Dornach» (Тайны дорнахского храма), Базель 1920-21.

- 363 *Как-то однажды много лет назад я участвовал ... в Гельсингфорсе: В день пасхи 1912 года. См. письмо Марии Штайнер от 13 апреля 1912 года к Мита Валер: «Был праздник пасхи в церкви...» Данные Управления наследием Рудольфа Штайнера, пасха 1967, № 7, с. 12.*

Оглавление

Первая лекция	7
<i>Дорнах, 23 сентября 1921 года</i>	
Восточная и западная культура в духовном освещении. – Любовь и страх. – Познание мира и самопознание. – О западных мистериях (Ирландия). – Бульвер-Литтон и его роман «Занони». – Внутреннее человека как аппарат отражения. – Очаг разрушения в человеке как предпосылка самостоятельно мыслящего человека. – Возникновение страха в западной культуре. – Тайна зла. – Противоположность восточной и западной крови. – Вашингтонская конференция. – Высказывание генерала Смутса.	
Вторая лекция	23
<i>Дорнах, 24 сентября 1921 года</i>	
Наполнение внутреннего очага разрушения моральными идеалами. – Юпитерианское бытие Земли. – Обычное сознание как мир Бога-Отца. – Адольф Гарнак как представитель Бога-Отца. – Различие между Богом-Отцом и Богом-Сыном у Владимира Соловьёва. – Внутреннее Слово. – Заходящий и восходящий мир. – Радуга и телесный цвет. – Христианство как религия Воскресения. – Мир Луны и Солнца как мир Отца и Сына. – Христианизация человека.	
Третья лекция	39
<i>Дорнах, 30 сентября 1921 года</i>	
Основная линия оккультной психологии на основании имагинативного познания. – Засыпание и пробуждение при более высоком познании. – Мир объективных и субъективных мыслей. – Чувства как погружённые сновидения. – Воля как независимое от тела переживание сна. – Мышление, чувствование и желание в промежутках между физическим телом, эфирным телом, астральным телом и «Я». – Прощедшая и будущая карма.	

Четвертая лекция	55
<i>Дорнах, 1 октября 1921 года</i>	
Сновидческое сознание животной душевной жизни. – Растительное сознание летом и зимой. – Минеральное сознание как сознание наших поступков. – Отношение человека с иерархиями в имажинации, инспирации и интуиции. – Метаморфозы мира мыслей и воли в жизни после смерти. – Человек между сферами высших иерархий и природы.	
Пятая лекция	73
<i>Дорнах, 2 октября 1921 года</i>	
Мир мыслей в сфере чувственной организации. – Чувство как субъективная сущность. – Настроение души Гёте в 1790 г. – Встреча с прошлым и будущим в настроении души. – Воля как поле битвы моральных идеалов с инстинктами и влечениями человека. – Подготовка будущего из сущности воли. – Совесть. – Космический холод и земное тепло в конституции человека.	
Шестая лекция	89
<i>Дорнах, 7 октября 1921 года</i>	
Антропософия как Космософия. – Дух человека и жизнь после смерти. – Окрашивание минерального сознания через моральные восприятия. – Отношение человека к Ангелу и Архангелу (Духу народа). – Возникновение растительного сознания в полуночный час бытия. – Спуск через животное сознание в сфере Архаев. – Зодиак. – Человек как переживающий окружающий мир. – Вступление в планетарные сферы. – Проодушевление животной организации. – Значение окружающего душевно-духовного мира. – Самопознание и миропознание.	
Седьмая лекция	107
<i>Дорнах, 8 октября 1921 года</i>	
Человек в жизни после смерти. – Минеральное и растительное сознание. – Характеристика Гёте в сравнении с Шекспиром. – Животное сознание. – Связь человека с групповыми душами животных и образование органов. – Подготовка эфирного тела в	

планетарном мире. – Земной зародыш как хаос. – Астральный плод Земли и эфирно-космический плод. – Внутреннее действие кармы. – Вдыхание и выдыхание космоса в человеке.

Восьмая лекция 121

Дорнах, 9 октября 1921 года

Прошлое более высоких существ и духа человека. – Растительно-минеральное и животное-растительное царства как будущие царства природы. – Царство человеко-животного. – Душевно-человеческое царство. – Проявление внутреннего человека во внешнем физическом на планете Юпитер. – Фридрих Ницше и сверхчеловек. – Телесные члены человека как зародыш будущего мира. – Прошлое мира и будущее Земли.

Девятая лекция 135

Дорнах, 14 октября 1921 года

Духовно-научные представления сегодняшнего интеллектуального человека. – Духовная наука как дарительница жизненных сил. – Цитирование и характеристика одного передового человека настоящего времени (Готфрид Бенн не называя имени) и необходимость для него духовной науки.

Десятая лекция 143

Дорнах, 15 октября 1921 года

Смутная самостная жизнь воли и бодрствующее теневое мышление. – Пробуждение смутного «Я» через сияние чувств. – Связь с умершими через конкретные представления, а не через абстрактные мысли. – Обращение переживания чувств в жизни после смерти. – Философия Фейербаха и его учение. – Рихард Вагнер. – Совокупность восприятия чувств: тепло, свет, химическое воздействие и жизнь. – Опровержение относительности величины (человека). – Проблема духовной тяжести. – Утрата собственной сущности в интеллектуализме и её обретение вновь в поступках из чистого мышления.

Одиннадцатая лекция	159
<i>Дорнах, 16 октября 1921 года</i>	
Созерцание мистерии Голгофы в эпоху свободы. – Иллюзия чувств как предпосылка свободы. – Сегодняшняя несвобода человека в жизни после смерти. – Её преодоление через переживание свободы в земной жизни. – Современный образ мира без начала и конца. – Прежний образ мира между космогонией и страшным Судом. – Всемирная история Роттека. – Бессмыслица современной истории. – Ссылка на Артура Шопенгауэра. – Мистерия Голгофы как центр, дающий смысл историческому свершению. – Духовная наука и Евангелие. – Христос как духовное солнечное Существо. – Овербек и современная теология.	
Двенадцатая лекция	173
<i>Дорнах, 21 октября 1921 года</i>	
Мышление и чувствование в связи с эфирным и астральным телами, волевой импульс и восприятие в связи с «Я» и физическим телом. – Человеческое внутреннее и внешняя человеческая жизнь. – Их метаморфозы в жизни после смерти. – О сущности Солнца. – Возникновение будущей планеты Юпитер. – Луна в жизни после смерти. – Высшие сущностные члены как оболочки «Я» в жизни после смерти.	
Тринадцатая лекция	189
<i>Дорнах, 22 октября 1921 года</i>	
Сверхсознание в жизни после смерти как противоположность спящему сознанию в земной жизни. – Чувственное восприятие и Духи Формы. – Мыслительный мир и Архаи. – Мир языка (Архангелы) и фантазия (Ангелы). – Волевой поступок как собственный мир человека. – Внутренние органы как космические воспоминания о жизни между смертью и новым рождением. – Высшие иерархии как скульпторы наших органов. – Антропософия как Космософия.	

Четырнадцатая лекция	205
<i>Дорнах, 23 октября 1921 года</i>	
Познание доисторического времени как познание люциферических Ангелов. – Переход к человеческому познанию у Платона. – Чисто человеческое познание у Аристотеля. – Абстрактное познание римлян. – Теологически-люциферическое становление христианства. – Люциферическая сущность Ренессанса. – Патер Секи. – Люциферическая и ариманическая сущности. – Ариманическая природа материалистической науки и техники. – Ариман как создатель программ. – Необходимость единой духовной науки.	
Пятнадцатая лекция	221
<i>Дорнах, 28 октября 1921 года</i>	
Формирование человека из универсума. – Характеристика формирования и её сочетание с образами зодиака. – Формирование человека из универсума как человека головы, человека груди и человека конечностей. – Голова как пассажир, носимый конечностями; человек груди как воспитатель человека; конечности как человек труда.	
Шестнадцатая лекция	239
<i>Дорнах, 29 октября 1921 года</i>	
Человеческий эмбрион и форма человека. – Характеристика семи ступеней жизни, их различие. – Умирающая и возобновляющаяся жизнь. – Ступени жизни как ступени планет. – Солнце как источник света, жизни и любви. – Воздействие Сатурна, Юпитера и Марса на жизнь чувств, нервов и дыхания. – Уильям Джеймс и его «пробуждения». – Воздействие Меркурия, Венеры и Луны на органы нижней части тела. – Речь как отзвук внутреннего образования органов. – Сущность эвритмии.	
Семнадцатая лекция	257
<i>Дорнах, 30 октября 1921 года</i>	
Голова как разрушитель материи и как носитель душевного переживания образа. – Свобода на полюсе воли. – Жизнь зародыша в органическом образе	

вании, не приведённая к концу. – Установление связи головы, груди и конечностей со знаками зодиака. – О жизни эмоции, представления и воли. – Неудовлетворительность современной науки о душе. «Психойд». – Естествоиспытатели в качестве философов: Дреус, Мах, Дриш, Куно Фишер. – Необходимость синтеза религии, искусства и науки.

Восемнадцатая лекция 275

Дорнах, 4 ноября 1921 года

Связь между сном и существом «Я». – Неосознанная имажинация в жизни представлений, неосознанная инспирация в жизни эмоций и неосознанная интуиция в жизни воли. – Физиогномия, инкарнат, человеческая деятельность. – Переживание образа и действительность в материальном и в духовном бытии. – Переживание духовного человека в бодрствовании и во сне, в жизни и в смерти. – Круговое движение сфер как посредничество между обычной системой координат и полярной системой координат в математике. – О теории относительности Эйнштейна.

Девятнадцатая лекция 293

Дорнах, 5 ноября 1921 года

Рассмотрение физической, растительной, животной и человеческой сущности с точки зрения зодиакального круга, планетарных сфер, Земли и Луны. – Многогранная, шарообразная, карманная форма и карманная форма с наполнением. – Возникновение животного и завершённого органа животного или человека. – Обсуждение брошюры Морица Бенедикта «Гипнотизм и внушение» в части необходимости математического обучения для медиков и исследователей. – Математическое обучение в академии Платона. – Объяснение человека из совокупности мира.

Двадцатая лекция 313

Дорнах, 6 ноября 1921 года

Два рода желания и чувствования. – Желание и чувствование в бодрственном состоянии и во сне. – О сущности зла. – Представления как утверждающие и

отрицающие суждения. – Восприятие как свет и тьма. – О сущности персидской, египетской и греко-латинской эпох. – Солнце как источник света, жизни и любви. – Юлиан Отступник и Константин. – Паладиум в ходе истории. – Его новое сияние через освещение современным естествознанием Запада.

Двадцать первая лекция 331

Дорнах, 12 ноября 1921 года

Дуализм человеческого существа во сне. – Моральная сущность «Я» и астрального тела по сравнению с физическим и эфирным телами. – Формирование во сне духовным миром «Я» и окрашивание во сне внешним душевным миром астрального тела как подготовка головы для следующей инкарнации. – Образ действия человека применительно ко сну. – О причине сна. – Дюбуа-Раймон о спящем и бодрствующем человеке. – Обозначение пробуждения как осенне-зимнего переживания, а засыпания как весенне-летнего переживания.

Двадцать вторая лекция 347

Дорнах, 13 ноября 1921 года

Рассмотрение физического тела. – «Я» и астральное тело в голове и в системе обмена веществ. – Двойная задача органов чувств. – Формирующее воздействие сферы чувств на жизнь обмена веществ во сне (Духочеловек). – Формирование эфирного тела во сне отображением универсума (Жизнедух). – Излучение эфирного тела изнутри наружу как пища для Земли. – Жизнь между смертью и новым рождением, Самодух и математика. – Сознание Юпитера. – Засыпая, астральное тело становится судьёй души, а «Я» – жертвой самого себя. – «Страшный суд» и «Агнец Божий». – Генрих II, Святой и Ecclesia catholica non Romana. – Отвращение ко лжи. – Пасхальный обряд в Гельсингфорсе (Хельсинки).

Примечания 365

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТИТУРЕЛЬ»

Издательство «Титурель» основано в 2003 году группой энтузиастов духовного познания. В основе работы коллектива лежит издание трудов основоположника духовной науки (антропософии) Рудольфа Штейнера (Штайнера). Первоначально в планах издательства стоят те из трудов Р. Штейнера, в которых он уделяет особое внимание естественным и точным наукам, а также психологии и медицине. Помимо этого основного направления мы рассматриваем возможности публикаций редких или не издававшихся на русском языке книг естественнонаучного, поэтического, религиозного содержания, памятников древней мудрости, всего, что так или иначе соответствует основному направлению.

Сведения об имени Титурель можно найти в литературе, посвящённой Святому Граалю, в том числе в трудах Рудольфа Штейнера, а также в «Энциклопедии Духовной Науки» (ANTHROPOS. Сост. Г. А. Бондарев – М.: ИНСТИТУТ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, 1999)

Издано:

Книга, в которую вошли том GA 322 «Границы естественного познания и их преодоление» и цикл, объединяющий четыре доклада «Поиск новой Изиды, Божественной Софии», из тома GA 202. М.: Титурель, 2003. – 272 с.

Том GA 45 «Антропософия. Фрагмент». М.: Титурель, 2005. – 504 с.

Том GA 323 «Связь различных естественнонаучных областей с астрономией». Третий естественнонаучный курс. *Астрономия в отношении к человеку и к антропософии. 18 докладов, Штутгарт, с 01.01.21 по 18.01.21*. М.: Титурель, 2006. – 488 с.

Том GA 324 «Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования». *8 докладов и один вступительный доклад в рамках «Свободной антропософской высшей школы», Штутгарт, с 16.03.21 по 23.03.21*. М.: Титурель, 2006. – 160 с.

Том GA 324a «Четвёртое измерение. Математика и действительность».

Записи слушателей докладов о многомерном пространстве и ответов на вопросы на математические темы. 6 непосредственно связанных докладов, Берлин, с 24.03.05 по 07.06.05; 2 отдельных доклада, Берлин, 07.11.05 и 22.10.08. Ответы на вопросы от 1904 по 1922 гг. М.: Титурель, 2007. – 320 с.

Книга «Демонотрапия» (литературное прочтение тома GA 177), 2008 – 320 с.

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Антропософия как космософия

Курс лекций

Автор перевода: Памфилова Л. Б.

Редактор перевода: Памфилов В. Н.

Оформление, вёрстка: Елин Г. Я.

Издательство «Титурель»,

г. Москва

titurel@land.ru

Издательство «Деметра»

190068, Санкт-Петербург,

наб. реки Фонтанки, д. 121, оф. 20

www.demetra.spb.ru info@demetra.spb.ru

ISBN 978-5-902490-06-7

Формат 60x90/16. Объём 24 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано по технологии CtP

в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.